СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2018

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2018 — 2(51)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Год 1984-й и далее по восходящей... (К 115-летию со дня рождения английского писателя Джорджа Оруэлла (1903—1950), автора антиутопии «1984»..... 3
ПРОЗА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
Алексей Яшин. Сокровища смиренных (повесть)..... 21
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Николай Тютюнник. На терриконе..... 53
Федор Ошевнев. Открыто-запертый сейф..... 59
Михаил Смирнов. Наш сын и ваш брат..... 69
Геннадий Маркин. Охотник (глава из повести)..... 84
Анатолий Коновалов. Что было, то не будет вновь (новелла)..... 88
Алина Ульянова. Живая репродукция..... 99
Николай Макаров. Туляки — минские суворовцы в Афганистане..... 103
Александр Петренко. Бабка Череватова..... 120
Яков Шафран. Добровольцы..... 127
Владислава Васильева. Верочка..... 136
Константин Емельянов. Дорожная ярость..... 145
Вячеслав Алтунин. Вино свободы (фрагмент романа)..... 151
Бахытжан Канапьянов. Куранты небес..... 162
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Владимир Корнилов. *Personalia*..... 171
Валерий Савостьянов. Роща памяти..... 178
Людмила Козлова. Сверчок (и другие стихи)..... 185
Элина Рудая. Севастополь. Предназначение..... 188
Александр Конопля. Новые стихотворения..... 190
Александр Савостьянов. Обручальное скерцо..... 194
Анна Барсова. Из книги «Под небом Урала»..... 197
Евгений Асташкин. Ветка акации..... 200
Елена Гусева. Вокзал..... 204
Игорь Егоров. «Природы глубинный свет...»..... 207
Игорь Мальцев. «Нарисуй мне слова...»..... 209
Олег Пантюхин. Вместе ты и я..... 211
Ольга Заева. «Защита от ненужных потрясений...»..... 212
Святослав Егельский. «Клубится мгла...»..... 214
Сергей Спиридонов. Россия..... 215
Юлия Юмакс. Вера..... 218

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ
Александр Субетто. «Как не ломалась сталь»..... 222
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Вадимир Трусов. Несколько слов о тех, кто «за кадром»..... 232
Игорь Карлов. «Я твердо все решил...» (Стихи политика Е. М. Примакова (1929—2015))..... 242
Александр Сахаров. Два женских портрета (К 235-летию со дня рождения В. А. Жуковского)..... 249
Кирилл Карлов. Урсула Ле Гуин. Волшебник Земноморья..... 261
Жизнь и труд (отклики авторов и читателей «Приокских зорь» на прошедший съезд Союза писателей России)..... 264
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Григорий Шувалов, Николай Иванов, Евгений Скоблов, Сергей Сенин, Игорь Нехамес, Сергей Лебедев, Анатолий Аврутин, Людмила Авдеева, Николай Макаров, Игорь Карлов, Яков Шафран, Алексей Яшин, Л. Н. Лапина, Кирилл Карлов)..... 272
Правила для авторов журнала..... 296
Наши утраты..... 297

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Игорь НЕХАМЕС (Москва) — президент Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва)
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и ТРО СПР

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2018

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОД 1984-Й И ДАЛЕЕ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ...
К 115-летию со дня рождения английского писателя Джорджа Оруэлла (1903—1950), автора антиутопии «1984»

Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание.

Джордж Оруэлл. «1984»

♦ Слабая грамотность интернетовских текстов давно стала притчей во языцех, чего не скажешь об «идеологическом нюхе». Так в перечне литературных памятных дат 2018-го года в рубрике, посвященной Джорджу Оруэллу (это псевдоним; настоящее имя Эрик Блэйр), даны ссылки на «Дни в Бирме», «Скотный двор» и «Дочь священника», но вовсе не упомянут роман «1984», собственно давший писателю всемирную известность. Это как сообщая о юбилейных датах Льва Толстого и Ф. М. Достоевского, «забыть» упомянуть в краткой их биобиблиографии «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых», соответственно... Или снова для русского читателя «1984» стал фигурой умолчания, каковой он был в советское время сорок лет — до первого издания в 1989-м году («Прогресс», М., серия «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза»)?

Последнее как раз понятно, имея в виду высказывания Оруэлла навроде: «*Ничто так не способствовало искажению исходных социалистических идей, как вера, будто нынешняя Россия (СССР — А.Я.) есть образец социализма, а поэтому любую акцию ее правителей следует воспринимать как должное, если не как пример для подражания. Вот отчего последние десять лет я убежден, что необходимо развеять миф о Советском Союзе, коль скоро мы стремимся возродить социалистическое движение*» (здесь и далее цит. по указанному выше изданию, С. 21).

То есть Оруэлл не вписывался «по своей заграничности» в табуированное правило, хорошо знаемое советскими писателями и действовавшее со времен «хрущевской оттепели», а именно: если знаток литературной грамоты, то пиши о чем хочешь, по возможности не зацикливаясь «ниже пояса», а главное, «не трогая за вымя» партию, правительство и лично <обоих Ильичей>. Впрочем автор предисловия к первому изданию «1984» в СССР, уже цитировавший выше Оруэлла,— ведь на дворе самый пик горбачевщины! — и сам «подмахивает» (термин в его использовании Солженицыным): «*Речь шла, понятно, не о Советском Союзе как таковом, а о сталинской системе. Миф о ней до конца не развеян и сегодня. Книги Оруэлла помогут этой задаче*» (С. 21). Вот так-то: бей себя оружием врага!

Рассуждаем — в отличии от автора предисловия — сугубо логически: если роман Оруэлла есть злобная гипертрофия советского социализма, то почему он стал уже упомянутой фигурой умолчания в СМИ и прочих средствах пропаганды в сегодняшнем нашем отечестве, где эти СМИ и «средства» неуклонно и планомерно гнут линию антисоветизма, а еще паче — антисталинизма? Неувязочка получается, господа-товарищи...

И вовсе Оруэлл, поставив последнюю точку в романе в 1948 году, не советский социализм и Сталина имел в виду, хотя бы и индоктринированный западной пропагандой на первом взлете провозглашенной Уинстоном Черчиллем «холодной войны» (см. высказывание Оруэлла выше). Хотя бы потому, что коммерческий успех, а это важно для европейского писателя, живущего своей профессией, то есть раскупаемый тираж, ориентирован на массового читателя. Авторитет же СССР и лично Сталина в первые послевоенные годы, пока маховик этой пропаганды только набирал еще обороты, в мировых массах, особенно в Европе, был настолько велик и непререкаем, что трезво мыслящему настоящему англичанину Оруэллу плевать против ветра вряд ли пришло бы в голову... В том числе и по «рыночным» соображениям.

Нет, уважаемые читатели, эти две посылки, обозначенные в предыдущих двух же абзацах, все по той же непререкаемой логике объединяются в одно вытекающее из них следствие: роман Оруэлла не есть «сочинение на жареный политический момент», не пресловутая инвектива по части антисоветизма — антисталинизма, но гениальное — не побоимся такого эпитета — предвидение на полстолетия вперед грядущего явления молоха глобализации*; не больше и не меньше. В части таких предвидений заслуженно отдадим должное английской литературе. В определенном смысле Оруэлл — продолжатель традиций своих предшественников в литературном осмыслении социальной эволюции, в первую очередь Джонатана Свифта с его «Путешествиями Гулливера» и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Джек Лондон, американский отпрыск английской литературной традиции, со своей «Железной пятой» и вовсе совсем недалекий по времени предтеча романа «1984», написанного в жанре *антиутопии*.

Что характерно, так то, как по мере движения человечества, его социальной эволюции, во времени к явлению глобализации литературная утопия сдавала свои позиции антиутопии: от давшей название жанру «Утопии»Томаса Мора, «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы (до пострижения в монахи — Джованни Доменико), социальных фантазий Этьена Кабэ и Жан-Жака Пийо, повести с временем действия, перенесенном на несколько тысячелетий вперед, нашего князя В.Ф. Одоевского, писателя и музыковеда, более известного по своему сборнику классической прозы «Русские ночи», и многих других утопий, не вошедших в первые ряды литературных анналов,— к классике антиутопии, тем же «Железной пяте» и «1984», а в последние 20—30 лет к бесчисленному обилию «тематических фантазий», не всегда, в основе своей, отмеченных тенью муз Каллиопы и Клио. И уже не говорим, соблюдая политкорректность, о их (муз) незаконнорожденных сорванцах в стиле «фэнтази»... К последним (сорванцам) явно можно отнести песенку (частушку по-русски) из «1984» (С. 66):

Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня —
Я тебя, а ты меня.
Под развесистым каштаном
Мы лежим средь бела дня —
Справа ты, а слева я.

...Догадливый читатель, вне всякого сомнения, уже сообразил: в настоящем очерке роман Оруэлла суть лишь задатчик более широкой темы, в которой современный литературный процесс, причем без акцентации на русский, западно-восточный и пр.,

---

* Автор этого очерка однозначно связывает две главнейшие современные тенденции социальной эволюции: переход биосферы в ноосферу и глобализацию, исследованию которых он посвятил свою 15-томную (на сегодняшний день) монографию «Живая материя и феноменология ноосферы»; см. в особенности Т. 12 — «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма». Тома монографии изданы в Москве, Твери, Туле (разные издательства), в том числе в издательстве УРСС, Москва (см. информацию на сайте URSS.ru. В электронном виде см. по поисковику в Интернете.)

является лишь одной из составляющих — речь пойдет о расчеловечивании социума в уже наступившем периоде социальной эволюции — глобализации. А «1984» всяк волен прочесть: помимо Интернета сохранились еще домашние и публичные библиотеки... Словом, «год 1984-й и далее по восходящей». Опять же почти магическое совпадение случайности и реальности. Оруэлл дал роману такое цифровое название не из эпатажной английской оригинальности, но просто потому, что, дописав его, так и не смог дать роману адекватного содержанию названия и, ничтоже сумняшеся, поменял местами последние две цифры в годе окончания книги...

В то же время именно 1984-й год, как говорится, плюс-минус год-другой, нынешние самодостаточно, то есть без помощи «Старшего Брата, что смотрит на тебя» (из «1984»), то есть телевизора и Интернета, мыслящие люди, аналитики-политологи, не до конца продавшиеся кому надо, и, конечно, Господь Бог, что грустно зрит нас сверху, полагают исходной временнóй точкой отсчета начала активной фазы глобализации. А фаза эта началась с уничтожения советского социализма в проигранной СССР Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне. Мигом рухнул и стал на колени перед Западом — Востоком мировой социалистический блок стран. И здесь 1984-й (± см. выше) год действительно знаковый: уже созрел для руководящего разрушения нашей страны «предатель всех времен и народов».— «...И далее по восходящей».

Естественен вопрос, коль скоро в качестве задатчика столь широко понимаемой темы мы выбрали литературное произведение: а с того ли края «к пирогу подходим»? Ответим осознанно утвердительно: пирог-то круглый, а культура и искусство, литература первоочередно, всегда были и есть самой чувствительной лакмусовой бумажкой на процессы социальной эволюции. Со времен наскальных олдувайских пещерных рисунков и охотничьих плясок «У истоков Замбези». И с другой стороны также самоочевидно, что действенна и обратная связь: та же литература в своих предчувствиях нередко чуть вперед забегает в течении эволюции, чему многозначительный пример — антиутопия «1984» Джорджа Оруэлла. Далее от преамбулы к существу.

♦ Говоря о сущности расчеловечивания, опять же начнем с литературного примера. Речь пойдет о... «Яме» Куприна. Читавший ее мигом вспомнит повторяемый в повести сюжетный рефрен: как только главный герой, он же исследователь нравов домов терпимости (это как нынешние пресловутые «журналистские расследования» — кстати, прямое нарушение законов...), заходит в облюбованный им публичный дом, так непременно видит в вестибюльном зале, гостиной гостеприимного заведения плящущих с проститутками *приказчиков от Керешковского*. Последний, надо полагать, хозяин соседнего крупного магазина. Гипермаркета по-нынешнему. С позиции образованного человека советской эпохи, старшего школьника, студента, интеллигента, читающего рабочего и крестьянина, «приказчик от Керешковского» явно не дотягивал до статуса человека, «звание которого звучит гордо» — по многим градациям: от моральных норм до степени умственно-полезного (для общества) развития.

Теперь перенесемся на сто лет вперед от времени «Ямы» Куприна, то есть в нынешнее наше бытие. И опять посмотрим с позиции человека, сформировавшегося в советский период, на современных «приказчиков», тех же «манагеров» и «офисных креветок» (другое принятое именование — «офисный планктон»), что густо заселили многочисленные частные, муниципальные и пр. конторы. ...Да и без строгого «с прищуром» советского взгляда эти приказчики, благо сейчас в стране высшее образование стало почти что всеобщим (другое дело — какое?), и сами осознают, что находятся далеко не на магистральном пути эволюции человека. Сами себя с грустной иронией аттестуют на публике: «Да кто мы? — Так себе, манагеры...»

Но отмеченные недостатки в части высоких человеческих качеств относятся к

разряду, условно говоря, *количественных*. Собственно же грядущее и в контурах своих явно просвечивающее расчеловечивание идет уже по разряду *качественных*, то есть необратимых, невосполнимых в категориях социальной эволюции, движимой согласно трем основным законам диалектики.* В рассматриваемом случае налицо действие закона перехода количества в качество, хотя бы, как с прискорбием отметит современный человек, это и будет качество расчеловечивания. В данном Гегелевом диалектическом законе сам переход количества в новое качество осуществляется в социальной эволюции двумя путями: разбалансом количественных многообразий или сужением этих многообразий. При всей кажущейся антагонистичности оба эти пути «успешно работают» на поставленную разворачивающейся программной матрицей социальной эволюции цель: роботизация человека в структуре человеческого социума, превращенного в *человейник* — термин нашего выдающегося ученого-логика и социального публициста А. А. Зиновьева. По понятной аналогии с образованиями выражено общественных низших животных: пчельник, муравейник, термитник и пр. ...Отметим, что на авторство термина «расчеловечивание» сейчас претендуют многие. Но ведь не совсем важно, кто первый сказал *Слово*, хотя бы по-библейски оно и было в *Начале*. Существеннее то, опять же обращаясь к Священной книге, что «близ есть при дверях»: и расчеловечивание, и место обитания — человейник...

Перед тем как дать определение категории расчеловечивания, процитируем Оруэлла («1984», С. 51): « — *Одиннадцатое издание — окончательное издание. Мы придаем языку завершенный вид — в этом виде он сохранится, когда ни на чем другом не будут говорить. Когда мы закончим, людям вроде нас придется изучать его сызнова. Вы, вероятно, полагаете, что главная наша работа — придумывать новые слова — десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, оставляем от языка скелет. В две тысячи пятидесятом году ни одно слово, включенное в одиннадцатое издание, не будет устаревшим... Главный мусор скопился, конечно, в глаголах и прилагательных, но и среди существительных — сотни и сотни лишних...*»

Опять же очевидное предвидение Оруэлла — наиболее наглядно процесс расчеловечивания отображается на языке. Но ведь язык — это не просто носитель коммуникативных функций в социуме, он же воплощает в себе наиважнейшие для сущности человека функции логического мышления и собственно познания. Здесь *point sur les «i»* (поставить точку над «*i*», фр.) принадлежит уже упомянутому выше А. А. Зиновьеву: «*Как бы ни определялся предмет логики различными специалистами и направлениями в логике, фактически, ее предметами всегда были и остаются язык как средство познания и само познание, поскольку оно совершается в языке и посредством языка и продукты которого фиксируются в языке*» (цит.: Зиновьев А. А. Очерки комплексной логики.— М.: Эдиториал УРСС, 2000.— С. 18).

То есть, обезличивая язык, упрощая, унифицируя и так далее, мы — вернее, они, глобализаторы! — лишаем его тех качеств, которые поддерживают и развивают в индивидуальном человеческом мышлении логику и собственно познание — доселе стержень эволюции человека, социальной эволюции. Социум неотвратимо приобретает облик человейника, а индивидуальный *homo sapiens* расчеловечивается, опускаясь на ранее эволюционно пройденный уровень: движение вспять.

«Ангсоц — это новояз»,— утверждает один из персонажей «1984» Оруэлла. Уже сейчас глобализующееся человечество стремительно отходит от языка как предметной основы логики мышления и собственно познания, и вовлекается в сферу новояза.

---

* После разрушения СССР (см. выше) и мировой социалистической системы упоминать о философии диалектического материализма в печати и изустно стало некомильфо... Рекомендуется изъясняться в терминах буржуазного неопозитивизма. С водой выплеснули и ребенка, то есть три базовых закона диалектики, на которых и эволюционирует Мироздание, совершенно забыв, что их обосновали не коммунисты Маркс и Энгельс, но... идеалист Гегель.

Опять же, как было отмечено выше, здесь процесс идет по двум путям к единой, общей цели расчеловечивания: путем разбаланса и путем сужения. Типичный пример разбаланса в данной сфере — это своего рода «языковый национализм». Или просто нацизм; кому как нравится. Казалось бы, что предпочтение своего, родного языка как раз усиливает его предметную основу. Но это при условии, сугубо непременном, что этот язык есть творческая доминанта социума, а не назойливое, формальное в основе, выпячивание языка — символа. Символа чего? — Конечно же национальной исключительности. Тот же нацизм... Другой пример разбаланса в устремлении к расчеловечиванию — нарушение извечного принципа сосуществования различных социумов, хорошо (хотя и не политкорректно) выражаемого пословицей: всяк шесток знай свой вершок — существуют иные разночтения; см. у Даля (можно и поменять местами «шесток» и «вершок»).

Оба варианта языкового разбаланса мы сейчас воочию, в полном блеске и великолепии своей нафуфыренности, наблюдаем на постсоветском пространстве бывшей 1/6 части земной суши. Понятно дело, в первую очередь в нынешних самостийно-незалежных странах, до образования СССР *никогда* не имевших своей государственности. Не Малороссия же ее имела, исключая несколько месяцев власти Петлюры? И хотя Прибалтика в перерыве между двумя мировыми войнами два десятка лет числилась в самостоятельных лимитрофах*, но что это за срок в масштабах исторических эпох? Когда в крохотной Латвии, треть с лишком населения которой полагают русский язык родным, последний убирают циркулярно из обращения, это ли не пример второго из названных выше вариантов языкового разбаланса?

А вот первый вид разбаланса во всей своей красоте являет нынешняя Украина. Здесь и говорить что-либо излишне. Все и так на виду и на слуху.

Сужение же — директивное, от управленцев глобализма, выпячивание одного языка, в смысле английского. Но об этом ниже подробнее будем говорить. Сейчас же мы «подобрались» к определению сущности расчеловечивания.

♦ Чтобы квалифицированно говорить о расчеловечивании дадим — по принципу антитезы — пояснения к эволюционному процессу очеловечивания, чем мать-природа доселе, до наступления глобализации, и занималась, создавая высшее свое творение — *homo sapiens*. Благо здесь и доискиваться особо не требуется: все с немецкой (хотя и был австрийцем) аккуратностью и дотошностью «расставил по полочкам» создатель науки этологии**, то есть науки о поведении социальных животных, нобелевский лауреат Конрад Лоренц, на адаптированные к подростковому чтению книги которого в советской школе выстраивалась «записная» очередь в библиотеке...

В эволюции живого мира, венчающейся созданием человека, за исходные раздельные когнитивные (самоосознающиеся) функции Лоренц выделяет: абстрагирующую функцию восприятия, пространственное (временное — добавим мы) ориентирование с центральным представлением пространства (и времени...), любознательное поведение, произвольное движение в сочетании с вызываемым им обратным сообщением и подражание — истоки усвоения словесного языка. В итоге развития и сочетания названных функций и создается системное целое с функцией понятийного мышления. Так эволюция пришла к очеловечиванию (у Лоренца по-немецки *Menschwerdung*).

Соответственно, обратный процесс — расчеловечивание — есть угнетение в (со-

---

* Так в 20—30-е годы в Европе именовали страны Прибалтики и иногда Финляндию в определяющем групповом контексте — от лат. *limes* — граница, то есть государства «санитарного кордона».

** Заметим, что основу этологии, как системной науки, Лоренц обосновал, находясь в 1944—1948 гг. в советском плену. Этот период жизни выдающегося ученого в художественной форме описан нами в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

временном, глобализующемся) человеке, как субъекте социума, этого вот понятийного мышления, что, в свою очередь, снижает роль исходных когнитивных функций, первоочередно — словесного языка, о чем мы достаточно подробно говорили выше. Точно также можно проанализировать снижение роли других исходных когнитивных функций, но тогда это «грозится» переходом от очерка к научному трактату. Поэтому предоставляем заинтересовавшемуся читателю самому поупражняться, например, связав расчеловечивание с угнетением такой исходной функции очеловечивания как абстрагирование восприятия. Еще занимательнее — с пространственно-временным ориентированием, к чему дадим подсказку из современной (назойливой) рекламы навроде «Запись в первый класс из дома», «А я, внучка, уже побывала в пенсионном фонде... не выходя из дома». И так далее все с тем же лейтмотивом. То есть пространство бытия суживается до пространства дома, его кубатуры, а время становится «безразмерным».

Для людей же образного мышления, то есть с преобладанием работы правого полушария головного мозга над левым, а также амбидекстров (правое ≡ левое), для сравнения процессов очеловечивания и расчеловечивания рекомендуем вспомнить всем известную едва ли не с середины XX века, а может и намного раньше, карикатуру-диаграмму, которой <по крайней мере> в советское время записные шутники «сидячих» профессий любили украшать стены своих рабочих мест. Карикатура эта в левой части показывала эволюцию в картинках: от примитивной обезьяны, еще на четвереньках передвигавшейся, до гордого *homo sapiens* в очках и конторском деловом костюме, вроде как с папкой «На подпись» под мышкой. Далее на этом шарже — от фигуры конторщика в центре и вправо — все в тех же, но зеркальных левой части рисунка, представителях эволюционных предков человека изображен процесс расчеловечивания, завершающийся макакой на четвереньках... Очень образно и *понятийно* для восприятия.

Дав определение сущности расчеловечивания, перейдем к характерстике «инструментария» этого процесса.

♦ Тот, кто впервые прочитал «1984» Оруэлла (речь понятно идет о русском читателе) в год ее первого издания, то есть в 1989-м году, когда термин «глобализация» даже еще на слуху не был, а затем решил заново освежить содержание романа-антиутопии в нынешние время óно, с холодящим душу восторгом воскликнет, прибегнув для точности определения к «железобетонной логике» латыни: «*Factum certum casus datae legis!*»* Что в вольнолюбивой русской речи означает: «Окститесь, господа-товарищи из числа литературоведческих борзописцев! Ведь Джордж-Эрик Оруэлл-Блэйр в своем якобы антисталинистском, антисоветском, антисоциалистическом и пр. романе — о, великий провидец! — еще семьдесят лет тому назад один к одному до мельчайших подробностей описал наш сегодняшний мир, в котором, увы, уже давно нет ни Иосифа Виссарионовича, ни советский власти, ни даже самого социализма без частной собственности. То есть уже нет социализма в трактовке Маркса, а его трансформации шведского или китайского образцов «идут» по руслу глобализации».

...Согласимся с таким самодостаточно мыслящим читателем и перечитывателем антиутопии Оруэлла с единым, но ни в чем не противоречащим, замечанием: существенным различием в технических возможностях *Старшего Брата* и нынешнего *Великого Глобализатора,* в части средств расчеловечивания. Прогресс-то ведь не стоит на одном месте! А так основа инструментария данного процесса ни на йоту не изменилась со времени написания Оруэллом своей вещей-зловещей книги (С. 81): «*Перед ним, вытеснив О'Брайена, возникло лицо Старшего Брата. Так же, как несколько дней назад, Уинстон вынул из кармана монету и вгляделся. Лицо смотрело*

* Достоверное деяние, подходящее как случай под данный закон (лат.).

на него тяжело, спокойно, отечески — но что за улыбка прячется в черных усах? Свинцовым погребальным звоном приплыли слова:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА»

Каково? — Все таково; см. латинский фразеологизм выше. Опять пометка с учетом разницы Оруэлловых и наших сегодняшних времен: тот давний Уинстон вынимает из кармана монету, а нынешний его двойник по части зомби-клона достает из кармана смартфон, водит по его экрану расслабленным, как и его же *facultatis sexualis*,* к примеру, указательным пальчиком и заместо старорежимной монеты высвечивает свой банковский счет в криптовалюте, каждый битговен которой в комбинации цифр виртуально представляет Великого Глобализатора со свинцово-погребально приплывающими словами — см. чуть выше. При этом современный клон Уинстона бесконечно повторяет заклинание на новоязе-ангсоце: «Клик мессенджером по *вайнбергу кацап*, фейсбуком о тэйбл лайкает твиттерский пацан». На лбу же клона кю-ар потер, отсканировав который, мы видим Великого Глобализатора.

...Автор приносит свои извинения читателям: возможно выделенные выше компьютерные американизмы пишутся несколько по-другому. Но поскольку их озвучивание в отечественных СМИ началось совсем недавно, автору же в письменном виде они не попадались, а дикторы произносят их спешно и малоразборчиво на слух, то ему, то есть автору, по фонетической ассоциации они напоминают схожие по звучанию слова из прежнего, доновоязовского русского языка, как-то: первый американизм — ностальгическую по советским временам, до боли родную фамилию своего друга и коллеги по инженерной службе; второй же — еще более родное прозвище русских, то есть козел бородатый, принятое у братьев-хохлов.

...Словом, как сочинял свои политизированные ребусы старик Синицкий в бессмертном романе одесских классиков: «Четвертый слог, досуг имея, узнает всяк фамилию...» Вот здесь автор и задумался: а можно ли в наше архиполиткорректное время употреблять самоназвание славного ветхозаветного народа? Кто знает, хотя бы сто лет прошло со времен инспирированных Иудушкой Троицким известных законов: по диалектике Гегеля история движется по спирали, все время возвращаясь к ранее пройденному. Правда, на ином количественно-качественном уровне. Бди, однако!

Впрочем, мы отвлеклись от магистральной темы наших рассуждений; в данном разделе — об инструментах расчеловечивания. Чтобы «закрыть» уже поднятый выше вопрос о таковом «языковом инструментарии». Упомянутые ранее два варианта языкового расчеловечивания — разбаланс и сужение — зачастую идут, как шерочка с машерочкой, рука об руку. Например, в Латвии <вроде как?> английский язык полагается вторым государственным. Порошенко же, выступая в Верховной Раде, обращается к референту, прося перевести то или иное слово на мову. При этом, пребывая в США или в Европе, очень даже бойко говорит по-английски. В целом же Украина — современная «классика» языкового разбаланса. Это с учетом, что нынешняя, галицийская мова совсем не то малороссийское наречие, на котором говорил и писал Тарас Шевченко. То есть его времен «яка же гарна дивчина», понятная русскому человеку без какого-либо перевода, сейчас произносится как «яка же файна кобета»; последнее слово — польское, а «файна» — немецкого корня через идиш. Этот искусственный язык был инспирирован еще в самом начале прошлого века националистами австро-венгерской «ориентации».

Не подлежит сомнению, что оба варианта языкового расчеловечивания сейчас на

* Половая способность (лат.)

99 % есть отображение в ныне самостийных государствах ненависти к России, ее имперскому — при царях и генсеках — прошлому. И переход Молдавии, Азербайджана, Узбекистана (даже наши волжские татары в девяностых годах дебатировали о том же...), а теперь и Казахстана с кириллицы на латинский алфавит — все в немалой степени оттуда же, но с поправкой на пантюркизм, планируемый Турцией Великий Туран. Как известно, без малого век тому назад Кемаль Ататюрк в целях «европеизации» своей страны перевел турецкий язык с арабской вязи на латиницу... При этом придержащих власть в господарствах, эмиратах и ханствах — осколках нашей Великой империи, вовсе не смущает, что азбука Кирилла и Мефодия уникальна в своей универсальности, то есть идеально подходит под фонетический строй не только *всех* (подчеркнем это) славянских языков, но и тюркских, а особенно (!?) — под фонетику японского языка, о существовании которого в Европе времен Кирилла и Мефодия не знали... И переход последних с кириллицы на латиницу (см. тексты на польском и чешском языках) приводит к невообразимой пестроте надчеркиваний над буквами и удлинению слов на четверть и более. Но ведь цель-то достигается: подальше даже от намеков на Россию... и поближе к Турции с ее мечтами о новом тюркском халифате! Словом, по пословицам: «За мухой и оводом да с топором», или «Из пушки по воробьям».

Кадры из недавнего показа по ТВ: Нурсултан Назорбаев пробует читать латинизированный казахский текст (а инициатор перехода на нее дочка его...) и смеется: дескать, какие-то неприличные слова получаются...

Но все эти алфавитные игры прозрачно понятны. Главное же и во всемирном масштабе напролом рвется языковое сужение до унифицированного американского диалекта английского языка. Здесь следует четко знать разницу между классическим английским с его богатейшими грамматическими и словарными возможностями и «американским», в чем-то подобном языку Эллочки-людоедки все из той же классики одесских писателей. Доллар, бизнес, проблема — и еще минимум слов, почти как в пиджин-инглиш (голубинный английский), интернациональном языке матросов торгового флота. Как у Оруэлла формируется ангсоц-новояз: исключить как можно больше существительных, но ведь в прилагательных и глаголах еще больше ненужного?

...Кстати говоря, киевские власти давно бы охотно и верноподданнически перед Западом перевели мову на латинский алфавит, но, к досаде своей, еще на заре самостийности и незалежности поспешили объявить, что Кирилл и Мефодий вовсе не для болгар и чехов первоначально создали славянский алфавит, но именно для них, для мифологических «укров», а скорее всего эти «укры», а не братья-монахи, сами создали его в трудовых перекурах между выкапыванием ямищи под будущее Черное море... Словом, как Христос ответил на вопрос Понтия Пилата: «Ты сказал». Но у братанов-хохлов пока что ума хватает плевать на укрогалицкий новояз и как прежде говорить на русском, малороссийской мове, суржике и иных койне*. Но надолго ли? — Навалился ведь класс-гегемон языковых глобализаторов!

Итак, все по Оруэллу (С. 53): «...*Кряканье за соседним столом продолжалось с прежней быстротой, легко различимое в общем гуле.*

— В новоязе есть слово,— сказал Сайм.— Не знаю, известно ли оно вам: «речекряк» — крякающий по-утиному. Одно из тех интересных слов, у которых два противоположных значения. В применении к противнику это ругательство; в применении к тому, с кем вы согласны,— похвала».

...Это ситуация языкового расчеловечивания наших дней. Оба они, Старший Брат Оруэлла и Великий Глобализатор, что у нас «близ есть при дверех», а точнее — уже вломился через окна и печные дымовые проходы (его в дверь, а он в окно...), своим

* От греч. *koine dialectos* (общее наречие), то есть язык, образующийся при смешении нескольких родственных диалектов.

рупором-инструментом одинаково имеют СМИ — сообщество представителей первой древнейшей профессии. Это настолько самоочевидно и понятно всем, что и не стоит мыслию по древу растекаться. Ограничимся лишь несколькими характéрными (лучше — харáктерными) примерами, взятыми, что называется, наугад.

Мало того, что каждую неделю радио и телевидение вводят в некогда «великий и могучий» два-три новых американизма, закрепляя их в памяти слушателей-зрителей кодирующей оговоркой «...как сейчас говорят», они и вроде бы устоявшиеся в русском языке слово «американизируют», например, добавляя по-импортному звучащее окончание слов. Так и сыпятся, вбиваются в память и разговорную практику искаженные слова навроде: банкинг, паркинг, инженеринг (и совсем калька — инжиниринг) и так далее, вплоть до чисто новоязовского шопинга. По своей системной организации мышления люблю коллекционировать не то что эти русско-американизмы, но и ситуации их *первого* введения в практику. Здесь изумрудом первой величины <на сегодняшний день> считаю неологизм-американизм «прицепинг». Так веселая постоянная ведущая ежедневной утренней забалтывающей программы на главном канале Радио России несколько лет тому назад фактотум назвала старинное, всем нам по детству знакомое хулиганство: езда на «колбасе» трамвая, а с массовым появлением роликовых коньков — езда на оных, зацепившись рукой за какой-либо удобный крюк на кормовой стенке движущегося общественного (сейчас и частного по преимуществу) транспортного средства. Так это невинное, опасное вообще-то, детское «прицепление» получило языковой статус «занятие прицепингом». Каково звучит, а? — Все одно, что заниматься чем-то полезным...

Кстати говоря, чем больше социум превращается из творческого и производительного в классическое общество потребления, тем уважительнее в языковой практике начинают именоваться самые непрестижные когда-то человеческие занятия. Например, в советское время к таким относилась торговля. Занимающейся ей человек, обычно женского сословия, с легким презрением звался барыгой, торгашом или торговкой. В нынешнем обществе всеобщего потребления словесный статус этого занятия поднялся неизмеримо высоко: про торгаша, теперь уже мужика или женщину на паритетных правах, продающего, например, холодильники, уже уважительно говорят, что-де мой сосед по лестничной площадке *занимается холодильниками*! Ни много и ни мало. Звучит в той же тональности и семантике, что и занимается ракетостроением... И вообще — сейчас не торгуют, но *занимаются продажами*.

И еще из классики новояза: пресловутые *3-D* (три дэ) цацки: от принтеров до челюстно-лицевой хирургии и — бери куда выше. Эта аббревиатура «из американского» по-английски расшифровывается как *three dimensional*, что имеет аутентичный перевод на русский, абсолютно понятный даже таджикскому гастарбайтеру (а это уже германизм в нашем новоязе): трехмерный, то есть объемный, пространственный. Но ведь как-то обидно изъясняться чисто по-русски — см. смесь французского с нижегородским у нашего классика! — вот и щеголяет этим «три дэ» вся 1/7 (ранее 1/6) часть земной суши: от дикторов радиотелевидения до маститых академических мужей... впрочем, все на том же РТВ, и высоких чиновных персон.

...Опять же как-то не попадались на глаза тексты с этим «три дэ» — как там они литерами изображаются?

Все это смешно, если бы не было грустным. Ведь это не просто обезьянничество *made in*, но разрушение языка, а значит логики мышления и самого мышления (см. выше). Вспомнил к случаю: в отроческо-юношеские годы, перечитав в <достаточно богатой> районной библиотеке <ныне> Города воинской славы Полярного всю русскую и западно-европейскую классику, взялся за литературу европейских же союзных республик. Особенно нравились латышские классики Андрей Упит и Вилис Те-

нисович Лацис. Вот у кого-то из них, кажется у первого из упомянутых выше, описано, как рижские франты из магазинных приказчиков (время действия — первая треть XX века) вместо «пардон» щеголяли словечком «*фардон*», ибо в латышском языке отсутствует фонема «эф»... Извиняюсь, написал и вспомнил: это из романа «Времена землемеров» основоположников латышской литературы братьев Каудзит.

О современном «рашенском новоязе» можно бесконечно писать и язвить, но... опять же грустно. Наскучат пояснения о «прицепинге» на всероссийском радио, переключаешь приемник на местное радио: так сказать, поближе к земле, к деревенскому навозцу, к родной, неискаженной речи... Не тут-то было! Как раз на том местном радио молодая (по голосу и умственному развитию) корреспондентша, или как там у них называется, интервьюирует пожилую (все по тем же показателям, см. выше, определяется), многоопытную директоршу вновь открытого в городе военно-исторического музея. И снова грустно: молодая вворачивает что-то насчет «*квинты* военного солдатского пайка». Ей-то по возрасту простительно, но и многоумудренная директорша старается показать, что «новоязу знает»: за одну минуту трижды доложила «о «*квестах*» в нашей работе к празднику 9-го Мая»! Грустно, девушки-женщины, грустно. Кстати, хотя бы по контексту туманно понял смысл слова «квест», но «квинта пайка» так и осталась для меня семантическим обнулением.

Но вот кто животным инстинктивным чутьем понял идиотизм новой наробразовской «новации» — изучение сразу двух иностранных языков, начиная с первого класса школы, естественно, по образцу *made in*,— так это матери малосчастливых ребятишек: значит, порешили они, вообще ни одного языка, включая русский, знать не будут! Хотя бы эта здравая мысль и не трансформировалась у них через сугубо матримонимальное: два языка — это две училки, что требуют настойчивого внимания, опять же два репетитора и так далее — все в двойном накладе. А мужик в семье работающий только один, дома его и не видно, почти полные сутки деньги для своих домочадцев зарабатывает! Даже любовница его Клавка порой с бутылочкой Мартини придет, жалуется, дескать, совсем твой Петька с работой замотался, ко мне глаз не кажет. Выпьют подружки, пожалуются друг дружке, поплачут — и вроде легче: кризис, мол, в стране и в мире, а тут еще два языка...

Кстати о любовницах. Сейчас, когда Россию супостаты обложили как медведя (он же сейчас и неофициальный символ страны) со всех сторон, иностранные языки и вовсе без какой-либо надобности. А при чем тут любовницы? — А просто вспомнил до боли родной советско-тоталитарный анекдот, где американец, француз и русский в пивной хвастаются: у кого больше автомобилей. Получается, что у каждого интуриста их не менее трех: один — на работу ездить, второй — к любовнице, а на третьем по загранкам шастать. И наш Ваня не растерялся: нет у меня авто и не нужен он мне. На завод свой на трамвае подкатываю. Любовница Нюрка в соседнем подъезде квартирует, а за границу я привык на казенном танке выезжать!

...Самый ненавистный лично мне американизм, хотя бы и в переводной кальке — «дорожная карта». Еще — «перезагрузка».

Симптоматично, что сейчас никого не озадачит фраза навроде «знаешь ли ты язык?» Понятно и так: речь идет об американском диалекте английского языка...

♦ Пусть читатель не негодует: что мы это все к языку прицепились? Ответим: по двум причинам; первая — задатчиком темы очерка является сугубо литературное художественное произведение; вторая — с чего мы и начали: язык есть логика, мышление и познание. Поэтому уничтожение естественных функций языка есть основной инструмент глобалистского расчеловечивания социума. Яснее и доходчивее не скажешь, хотя бы из всего инструментального набора средств расчеловечивания «языковая диверсия» глобализма чаще всего и встречается в штыки, мол, богатство языка,

в данном случае русского, только возрастает заимствованием из *made in*. Позвольте не согласиться. Язык очень чувствителен к таковым, резко ограничивает число их. Вспомним «классику жанра»: что наш язык позаимствовал из такого, казалось бы, грандиозного внедрения чужестранцев в Россию, как Наполеоново нашествие? — А всего-то три слова, причем ругательные: шваль, шантрапа и шаромыжник. Кстати и для заметки в памяти: единственный солидный (в четырех томах) этимологический словарь русского языка немца Фасмера — известно, что лучшими знатоками нашего языка всегда были немцы; только Даль из датчан — происхождение всех этих трех слов трактует *абсолютно неверно*. А наша академическая наука не перестает восхищаться этим словарем! Славны бубны за горами...

Особняком стоит терминология, но она входила в русский язык, начиная с просветительских Петровых времен, естественно и ненавязчиво. Причина такой переимчивости архипонятна: Россия, по сравнению с Западной Европой, очень молодая страна. Да еще всуе всегда упоминаемые граждане монголы и товарищи татары со своей Золотой Ордой... Словом, мы всегда были в части терминологии учениками Запада, но заметим: за исключение не очень большого числа исторически воспринятых нами немецких, французских и английских (не американских!) слов-терминов, подавляющее их число лишь транслированы через западную науку и прочие виды деятельности из древнегреческого и латыни. То есть здесь все естественно и нормативно: действительно, обогащение русского языка за последние триста лет. О компьютерном «птичьем» языке скажем в контексте с виртуализацией социума. Как уже говорилось выше, данный, базовый инструмент расчеловечивания у Оруэлла не фигурирует: техники соответствующей еще не было, равно как и развернутой глобализации.

Глобализация и виртуализация социума едины — это братья-близнецы в зеркальном отображении друг друга. Четко осознавая эту связь, мы сразу несколько книг из упомянутой выше 15-томной монографии посвятили данной теме. К каковым и отсылаем заинтересованного читателя. Из этой же связки растут и ноги — или уши? Но скорее пальцы для клавиатуры и смартфонов — *поколения недолайков*; редчайший случай, когда можно аплодировать СМИ за популяризацию в масс-медиа столь верного и актуального русифицированного американизма!

Виртуализация, повторимся, есть базовый инструмент расчеловечивания, используемый Великим Глобализатором. Здесь человеческий социум превращается в *человейник*, где каждая особь — бывший *homo sapiens* — сидит в своей крохотной ячейке, общаясь с другими посредством телекоммуникационных сетей. И такому недолайку уже не требуется творческое аналоговое мышление — оно трансформируется в утилитарное цифровое мышление. О том же твердит назойливая реклама: «От слова к цифре», призывающая уже полностью сформировавшееся общество потребления покупать все новые и новые изделия-гэджики китайской фабрикации, разрабатываемые в Силиконовой долине, шт. Калифорния, США. Если бы дело ограничивалось этими игрушками, впрочем, для всех возрастных групп грядущих недолайков? Но уже провозглашены программы перехода к «цифровой экономике» с пояснением: чтобы не отстать от мировых тенденций, которые задает и которыми умело управляет Великий Глобализатор. Благо технические, точнее — технологические, исполнители у него способные: лучшие выпускники Гарварда, Кембриджа и Массачусетского технологического института. Да еще собранные со всего мира «на высокий оклад содержания» узкоспециальные в указанном деле профессора и инженеры. И из России все мобильные, в смысле охочие до долларов и перемене мест, спецы перебрались под крылышко Великого Глобализатора.

Итак, виртуализация социума есть инструмент расчеловечивания для достижения сразу двух целей глобализации: превращение этого социума в сугубо индивидуали-

стический человейник и трансформация аналогового творческого мышления *homo sapiens* в утилитарное цифровое у безликих «единиц» человейника. Мы сейчас имеем сомнительную часть присутствовать при резком, почти экспоненциальном взлете процесса виртуализации.

♦ Если Оруэлл в «1984», как уже говорилось выше, только догадывался о грядущей виртуализации социума, то такой инструмент расчеловечивания как <назовем его так для всеобъемлющей краткости> *Недремлющее Око* во всей его полноте и холодящей душу красоте расписан в романе. «*Старший Брат смотрит на тебя*» (С. 192—193). Здесь можно цитировать не то что страницами, но десятками оных — и восхищаться писателем-провидцем: все им сказанное уже сбылось! Сотни и тысячи видеокамер отслеживают простого работягу Федьку, равно как торгаша-«среднеклассца» Парамоныча, средней же руки чиновника Сан-Саныча, домохозяйку Элеонору Павловну и проститутку Натали в ее законный трудовой выходной, как только они вышли из подъезда своего дома и направились по своим малоответственным делам.* Коль скоро по принципу тусовки (у Петьки машина есть, значит и у меня должна иметься) все обыватели, как СМИ именуют бывшего «непростого советского человека», пересели на авто дешевой калужской и иной отверточной сборки, то вездесущие видеокамеры фиксируют их по всему маршруту движения, фиксируя номерные знаки в привязке ко времени и месту... И объяснение вроде как понятное: для вашей же, граждане обыватели, безопасности и спокойствия.

И телевизионное Недремлющее Око в обратной, так сказать, перспективе следит за обывателем, направляя его мышление, все более становящееся утилитарно-цифровым, недолайкиновым, индоктринированным, говоря термином науки психологии. И следит архиуспешно, в обратной связи фиксируя: куется новый расчеловеченный обыватель-потребитель! Еще немного, еще чуть-чуть и сравняем его с уже давно расчеловеченным субъектом западного образца, того же американца, так живописно обрисованного Мишей Задорновым — светлая память ему... И нашим подуставшим коммунистам неча пенять на «партию и правительство»; глобализм потому так и называется, что он сейчас единственный весь земной шарик крутит. У него для всех одно правительство — Тайное <до поры, до времени> мировое, одна партия — власть олигархата с переиначенным Марксовым девизом: «Олигархи всех стран давно соединились в одном змеином клубке!»

...И коль скоро в полном боевом действии инструмент виртуализации, то все нынешние и будущие обыватели-недолайкины давно разучились писать «от руки»... Здесь слегка и временно свернем чуть в сторону. Наблюдательный по жизни человек наверняка подметил: сейчас от руки, причем перьевой ручкой, пишут исключительно врачи и милицейско-полицейские чины. Меня это давно занимало, но отгадку подсказывал знакомый и опытный все по той же жизни врач: «...Вот сидишь ты по кляузному делу перед следователем, что дал для ознакомления из заведенного *дела* лист, тобою же написанный перьевой ручкой и содержащий халтурный <с похмелья был или с ночного дежурства> диагноз, эпикриз и пр. Просишь, изображая душевные терзанья и волнения, у следователя водички для успокоения, а рука твоя блудливая затряслась и — залил неприятный лист, чернила тотчас расползлись. Это уже не улика, а черт-те что, учитывая, что у лекарей и без того почерк нервный и малочитаемый...»

Обрадовался разрешению загадки, а знакомцев из «ментов» уже и расспрашивать не надо: и их порой следователи допрашивают, грозя «красной зоной» в Нижнем Тагиле и суя под нос написанный провинившимся перьевой ручкой про́токол с досадными упущениями и инсинуациями.

---

* Здесь наша страна почти весь Запад обогнала: в той же Австрии установка видеокамер в общественных местах законодательно запрещена — считается вмешательством в личную жизнь человека...

Однако — к делу уже нашему. Не все у нас в стране, во всем глобализующемся мире, конечно, служат Гиппократу и министру внутренних дел. Вот все эти остальные давно забыли как пользоваться не то что перьевой ручкой, но и шариковой, а вовсю жмут пальцами на клавиатуры «компов» или ими же елозят по экранам гэджиков-смарфонов. А все они подключены к телекоммуникационным сетям. Далее и объяснять наивно и смешно: смотри почти ежедневные скандалы со считыванием данных, сообщений и пр., что смакуют СМИ. Есть где разгуляться Недремлющему Оку!

Естественен вопрос: как соотносится расчеловечивание и тотально-глобальный контроль за каждым шагом и словом индивидуума, песчинки малой человейника? — Так прямо и соотносится: постоянная слежка, «промывание мозгов» (кондиционирование все по той же психологии), навязчивое направление мышления, то есть индоктринирование,— это в тщательно срежиссированной Великим Глобализатором и его племянником Недремлющим Оком параллельно-последовательной совокупности создает эффект «антивзросления», когда умственное развитие субъекта расчеловечивания искусственно останавливается на минимально-достаточном уровне. Уровень этот Великим Глобализатором определен как соответствующий функциям робота Молоха глобализации. ...Сразу вспоминается программа «образования» для остарбайтеров по Гитлеру — Розенбергу: умение считать до ста, читать карту и что-то еще по минимуму.

...Любое животное, человек естественный в том числе, старается, чтобы его потомство поскорее взрослело, «становилось на крыло», чтобы всю жизнь не наблюдать за ним, опекать и пр. Инструмент же тотального, абсолютного контроля за каждым субъектом человейника суть его расчеловечивание уже на биологическом уровне. А коль скоро человек — это животное не только мыслящее, но и самоосознающее свое мышление (по Джулиану Хаксли), то его расчеловечивание на естественном биологическом уровне предполагает утрату многих важных аспектов этого самоосознания. Словом — назад <в мышлении> к примату! Смотри описанную выше диаграмму-карикатуру на расчеловечивание.

Кстати, в состав данного инструмента расчеловечивания непременно входит... всеобщее доносительство Старшему Брату, он же Великий Глобализатор. Здесь мы, люди русские, еще сопротивляемся в следовании Западу, поскольку живы в нас феногенотипически закрепившиеся нормы православной этики и морали; в данном случае доносительство осуждается словами Христа, адресованных тем, кто считает себя без греха. Но, повторимся, русские и Россия непозволительно молоды по сравнению с Западом — Востоком, а молодости свойственно этакое эмоциональное словоблудие — крестное «óно» доносительства. Поэтому не только словом Христовым, отрицающим личностную безгреховность и предательство Иуды Искариота, но и жесткими мерами молодую Россию умные правители веками отучали от порока доносительства. ...Академик Янин, первооткрыватель новгородских берестяных грамот, изучив их, пришел в полное изумление: почти все эти грамоты являлись жалобами-доносами (!?) Вот она — молодость нации. Отсюда и устоявшаяся при великих князьях и царях, первых императорах тож, норма судопроизводства: доносчику первый кнут.

В тридцатых годах советский народ, обрадовавшись всеобщей грамотности, сам себя наказал за страсть к доносам, но во вторую половину прошлого века забаву эту разумно обнулил. Сейчас она, поощряемая СМИ, вновь разбушевалась, но только на гэджиковом уже, так сказать аппаратурном, уровне: рекомендовано без конца снимать всякие автомобильно-дорожные дела и фотки слать куда следует. ...Ничему народ не учится в истории: ведь и во времена наркома Ежова доносительство аттестовалось как «активная позиция неравнодушных граждан». Впрочем, история идет по Гегелевой спирали — вот и добралась до времен Великого Глобализатора.

♦ Можно долго и обстоятельно рассматривать другие инструменты расчеловечивания. Читатель без труда сообразится с этим. Важнее четко определить цель и задачи глобализма в процессе разчеловечивания. Главное — не голословно. Хотя... это голословие не следует путать с логическим выводом. Для примера: отмена кальсон, сапог, портянок и петлиц как символов <советского имперского> тоталитаризма. К какой смысловой категории относится это утверждение? — Явно к логическому выводу, хотя по форме смотрится вроде как голословие. Да еще с этаким язвительным подтекстом. Точно также и в обсуждении цели и задач расчеловечивания. Ведь все факторы расчеловечивания, что описаны в антиутопии Оруэлла, дополненные нашим сегодняшним бытием, то есть полная примитивизация языка, сводимого к новоязу ангсоцу, обезьянничество с западно-восточной ориентацией (кто на Нью-Йорк, а кто на Токио...), предельно узкая, как у пчел, трудовая специализация, оцифровывание мышления, переход от творчества к утилитаризму, от производства к оголтелому потребительству, от <широко понимаемого> конструирования к обслуживанию, а что делается с искусством, литературой? — Когда для тех же венгров не «Венгерские рапсодии» Ференца Листа, для румын не «Румынские рапсодии» Джорджа Энеску являются музыкальным контекстом всей их жизни, но ритмы джунглиевой, пещерной «музыкальной культуры», препарированной в Новом Свете; а где христианская мораль? — ...Словом, все эти факторы должны иметь в целенаправленных, возможно и на десятилетия вперед просчитанных на мегакомпьютерах (это вовсе не по части конспирологии!), действиях Великого Глобализатора, оно же Тайное мировое правительство, вполне конкретные цель и задачи. Опять же прошу не упрекать автора очерка в излишней приверженности к конспирологии. Просто напомню еще одно высказывание-алгоритм выдающегося ученого Джулиана Хаксли, кстати, учителя упомянутого выше Конрада Лоренца (яблоко от яблони... но в смысле позитивном), что человек обогнал эволюцию и уже сам управляет ее движением. Таким образом, все действия Великого Глобализатора укладываются в законы эволюции, то есть не противоречат ее естественных законам, но — лишь ускоряют их действие.

Оруэлл в «1984» их не конкретизирует и понятно почему: его антиутопия есть классический роман, а любое литературное художественное произведение подчиняется законам своего жанра. Главное — следует выработанный за тысячелетия — от античной литературы — непреложной установке: дать читателю свое (субъективное + объективное) художественное ви́дение того или иного аспекта и/или тенденции в движении социума, причем не навязывая (директивно, назойливо и пр.) читателю, как *conditio sine qua non**, своих выводов. На то оно и художественное произведение, то есть рассчитанное на прочтение — восприятие совершенно различными по уровню и, так сказать, акценту мышления людьми, чтобы каждый такой индивид эти выводы домыслил в своей субъективности восприятия, то есть сам определил цель и задачи, поставленные автором, но «утаенные в конкретике» им от читателя, но — для вящей пользы последнего.

И еще раз (смотри начало) категорически отринем мнение литературоведов-либералов, что-де «1984» — это художественное представление сталинского СССР. Ибо в год написания и издания романа, то есть 1948-й, западная и вообще мировая читательская аудитория еще не была «заботливо подготовлена» Хрущевым (доклад на XX съезде КПСС) и Солженицыным («Архипелаг ГУЛАГ» и пр. поделки) к очернительному представлению о нашей стране в период ее наибольшего могущества и непререкаемого авторитета в мире. Еще не испекли «не наши повара»** пирожки с ядови-

* Непременное условие (лат.).

** Из черновых набросков А.С. Пушкина к <несостоявшемуся> продолжению «Евгения Онегина»: «Его мы очень тихим знали, когда не наши повара орла двуглавого щипали у Бонапартова костра» (это об Александре I).

той начинкой... То есть книга Оруэлла не «частный» пасквиль на СССР, но именно полувековое прозорливое предчувствие воцарения уже на всей планете Старшего Брата — Великого Глобализатора. Исполать ему! — В смысле Оруэллу.

...Нам же сам Бог велел в настоящем очерке дать определение цели и задач расчеловечивания, основываясь на выдвинутой и обоснованной (см. упомянутый 15-томник) концепции, согласно которой советский социализм был пробным (проверочным, причем проверку выдержал!) ходом эволюции при переходе от капиталистической-империалистической общественно-экономической формации к социально ориентированному социуму. Здесь прав оказался Маркс, а не Ленин,— к такому социуму могут перейти *только все* страны мира. Но прямой революционный переход в нашу эпоху последнего напряжения мощи империализма невозможен. Такой переход может быть осуществлен *только* через «посредника» — этап глобализации, который по разным оценкам будет длиться 80—200 лет. Это тяжелый для человечества этап, но эволюцию «не поправишь». Самое существенное, что к постглобалистскому всемирному социально ориентированному обществу придет уже... расчеловеченный *homo sapiens*. Это совсем не по Марксу, не по Ленину, не по В. И. Вернадскому — создателю ноосферной концепции. Увы, в этом <эволюционирующем> мире за все надо платить, в данном случае — превращением человечества в человейник. Еще раз увы...

Именно поэтому нашу концепцию феноменологии ноосферы (а она широко уже известна) никто даже не пробует опровергнуть, ибо против логического ее обоснования ничего не поделаешь, но зато «молча» не принимают, как говорится, ни левые, ни правые, ни «срединные». Сторонников учение Маркса — Ленина (Сталин был величайшим практиком) в этой концепции по понятным причинам не устраивает все; либералов и апологетов капитализма-империализма вовсе не радует хотя и отдаленное, но пришествие социально ориентированного общества с ликвидацией атавизма частнособственничества; наконец, моих научных коллег-ноосферологов настораживает наша интерпретация ноосферного будущего, весьма отличная, во многом противоположная прогнозам академика В. И. Вернадского. Но ведь Владимир Иванович, наш русский, советский гений, *всего лишь абрис* грядущей ноосферы дал с позиции знаний его времени?! Что поделаешь, закон суров, но это закон, как гласит римское право. Тем более — закон эволюции...

Все это подробно изложено в нашей многотомной монографии, а теперь перейдем к цели и задачам расчеловечивания Великим Глобализатором, «держа в уме», что его делами эволюция ведет человечество к социально ориентированному... но, увы, человейнику.

♦ А определения кратки: цель расчеловечивания — превращение человеческого социума в человейник, то есть роботизированную биомассу, где индивидуальное мышление индоктринируется в коллективное сознание, при этом названная цель реализуется при параллельно-последовательном решении следующих задач: а) оцифровывание индивидуального мышления для включения в утилитарное коллективное сознание; б) мировая власть по типу «200 семей» (это как сейчас <столько-то> кланов — лауреатов журнала «Форбс»), которая к окончанию периода глобализма растворяется, выполнив свою задачу, в собственно структуру-программу «машинного» управления человейником с ликвидацией частной собственности; в) полная виртуализация социума → далее человейника, где человеческий индивидуум становится придатком всемирной гипертелекоммуникационной сети, подключенным к нужному ее блоку; у нас (см. монографию) это названо «принципом головы профессора Доуэля»; г) сведение идущих от религиозных доктрин, в основном от христианства на Западе, этики и морали к сугубо утилитарным институтам что-то навроде трансформированного эквивалента англиканского пуританства; в нашей терминологии — «принцип морали по вызову»; д) полное уничтожение национальной, расовой, поли-

тической и пр. идентичности (самоидентичности, специфики и пр.); е) профанация института семьи как ячейки социума; ж) «контроль», в смысле резкое сокращение численности населения Земли, в частности, ростом значимости однополых браков; з) минимизация функций языка (см. подробно выше); и) формирование межличностных отношений на основе лицемерия политкорректности, толерантности и пр. запретов на естественные <ранее> нормы эмоциональности человека; к) трансформация войн в карательные экспедиции; л) постепенное ограничение потребительства; м) полный перевод производства материальных благ и «пищевой корзины» на робототехническую и компьютерную автоматизацию.

...И так далее по более частным задачам. Такой расчеловеченный индивидуум представлен у Оруэлла (С. 79): «...*Он купит гравюру с церковью св. Климента у датчан, вынет из рамы и унесет под комбинезоном домой. Заставит мистера Чаррингтона вспомнить стишок до конца. И снова мелькнула безумная мысль снять верхнюю комнату. От восторга он секунд на пять забыл об осторожности — вышел на улицу, ограничившись беглым взглядом в окно. И даже начал напевать на самодельный мотив:*

Апельсинчики как мед,
В колокол Сент-Клемент бьет.
И звонит Сент-Мартин:
Отдавай мне фартинг!»

...И не следует, горестно подперши голову ладонью правой (у левшей — левой) руки, жалеть грядущих недолайков человейника, не получивших взамен ликвидированной частной собственности ни «золотых унитазов» Карла Маркса, ни оптимистических картин ноосферы у академика В.И. Вернадского: «*Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой (выд. В. И. Вернадским.— А.Я.). Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету*»*.

...Скоро сказка лишь сказывается. Но до ликвидации атавизма частной собственности еще 80—200 лет, смотри выше, а пока что ее торжество идет по Марксу — помните? — Нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист за такой-то прóцент прибыли и за сколько этих прóцентов он мать родную удавит. И у нас в отечестве все продолжается скорбный мартиролог невинных жертв оголтелого частнособственничества: «Трансвааль-парк», «Хромая лошадь», недавняя совсем «Зимняя вишня»...

И если пестроцветье «правых», «левых» и всевозможных «центральных» и «либеральных», как уже было сказано выше, глубоко сомневаются в цели глобализации с расчеловечиванием, то ведь в перечисленные их задачи от «а» до «м» и далее по алфавиту в части расчеловечивания успешно, в стахановском темпе выполняются. Здесь и малейшего сомнения у незашоренных СМИ людей отсутствуют: оглянись округ себя?! Все это делается как по накатанной и предельно расчетливо, с холодным цинизмом.— Как у Оруэлла в его романе. И народ понимает: дескать, чему бывать, того не миновать. Добрый наш народ. Про западно-восточный не знаю. Может тоже по-своему добр.

И вовсе не следует жалеть наших потомков, уже начиная с частично расчеловеченных детей. Ввиду ускоренного эволюционного формирования *homo sapiens*, по-

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р. К. Баландина.— М.: Айрис-пресс, 2004.— С. 480.

следний приобрел сверхвыдающееся качество не только чрезпоколенной, но сейчас уже и поколенной адаптации к динамике изменения качеств и норм социума. Если еще два-три века тому назад внук вырастал почти полной копией своего деда, даже отца, в этих качествах и нормах; если в XIX веке — вспомните «Отцов и детей» нашего классика, который в нынешнем году преступил там, в ином мире, свое двухсотлетие, сыновья, пройдя короткий период юношеского «бунтарства», тоже становились психосоциальными клонами своих отцов, то в последней трети (в России — СССР чуть позже) прошлого и начале нынешнего веков «порвалась связь времен». Возникло иное качество: преемственность превратилась в свой антипод, что есть символ начавшегося расчеловечивания. Но и названная адаптация экспоненциально усилилась: отныне каждое новое поколение соотносится с предыдущим как «твоя моя не понимай». Уже и в языковой сфере требуется перевод со все заполняющего новояза на традиционный язык, вплоть до *reductio ad absurdum**.

Но страдательны ли здесь последовательно являющиеся поколения недолайков расчеловеченных? — С позиции нынешних людей старшего и среднестаршего поколений и женщин безвозрастно (речь идет о русских женщинах) — безусловно *да*! А с точки зрения самих <пока еще> формирующихся недолайков? — Нет, ответят они, мы самодовольны и даже счастливы — последние, если у родителей «тугой кошелек». Вот она — сила человеческой адаптации! И через 80—200 лет они войдут в свой <социально ориентированный: мед всем поровну> человейник также спокойно и безэмоционально, как все предшествующее человечество со времен неолита, точнее — позднего неолита, входило в осознанную жизнь. Правда, войдут без высших качеств человечности, выработанных эпохой цивилизации культуры. Но — хватит о *явном*, а потому и грустном.

♦ Апология человека. Так мы изначально назвали очередной, шестнадцатый по счету, том упомянутой выше монографии. Выполнил ли человек, главное — будет ли продолжать выполнять,— свою эволюционную миссию в переходный период глобализации и далее в постглобалистском человейнике сформировавшейся ноосферы? — Многие умы останавливались (передохнуть то есть) перед ответом на этот вопрос: открыватель синантропа, выдающийся философ-естественник, кстати, член ордена иезуитов Тейяр де Шарден, автор самого термина «ноосфера», введенного им после прослушивания в двадцатых годах в Сорбонне лекций нашего академика В. И. Вернадского; его коллега по прослушиванию и восприятию тех же лекций Леруа; нобелевский лауреат <по литературе...>, философ-естественник Анри Бергсон; конечно, сам создатель учения о ноосфере В. И. Вернадский; главное — великолепные мыслители сугубо уникальной школы русских философов-космистов: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, весь «философский пароход» высланных из Новой России Лениным и Троцким; ушедший недавно из жизни наш наставник академик В. П. Казначеев; во многом мой учитель, президент Ноосферной общественной академии наук А. И. Субетто... имен много, но все они сходились *in summa* в одном: человек разумный есть цель и вершина земной биоэволюции. И текущую свою задачу он выполнил и продолжит выполнять сверхзадачу — сверхмысль, как ее определил Пьер Тейяр де Шарден.

Даже превративши социум в человейник, а собственно человека в недолайкина, эволюция по своему определению не может остановиться, перейти от динамки в вялотекущую статику: даже макрокосм Вселенной, расширяясь, движется! Это сейчас он презрительно именуемый недолайкиным, но в грядущем расчеловеченном человейнике (извините за тавтологию...) он будет выполнять в совершенствовании коллективного разума и реализации все более мощных технологий роль пчелы-работницы ... или трутня, которые пчелиной семье необходимы биологически. И,

* Приведение к нелепости (лат.).

лишившись собственной самодостаточности, как у Оруэлла в его провидческом романе, будет себя чувствовать ничем не хуже, чем мы сейчас в раздраенном мире... Как библейский Иов говорил*:

Ибо для дерева есть надежда,
Что, и будучи срублено, снова вырастет,
И отрасль от него не прекратится;
Хоть и состарится в земле его корень,
И пень его умирает во прахе,
Оно, почуяв воду, дает отпрыски
И выпускает ветви, как (ново) посаженное.
А муж умирает и теряет всю силу,
Скончался человек — и где он?

Апология человека — это не есть оправдание (сам термин «апология» в переводе на русский язык), ибо нельзя *оправдывать* саму эволюцию — яйцо курицу не учит! Здесь констатируется факт: человек — вершина биологического развития, но в конце концов он не может до бесконечности развиваться и совершенствоваться как сугубо мыслящий индивид. Это — гибель грядущая. Поэтому за биологической вершиной следует вершина разума — коллективный разум, который возможен, как *ratio essendi* (лат.: основание бытия), только в человейнике с расчеловеченными его составляющими. Жестоко звучит, но это закон общей эволюции, гегелевский закон перехода <индивидуального> количества в <всеобъемлющее> качество. И финализм эволюции человека вовсе не есть категория апокалипсическая. И в самом новозаветном Апокалипсисе содержится указание на то: «*И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле. Се, гряду скоро; держи что̀ имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое*» (Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 10—12).

...Радуйтесь, люди, пока вы человеки суть!

* Рижский М. И.. Книга Иова: Из истории библейского текста.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— С. 46—47.

ПРОЗА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Алексей Яшин
(г. Тула)

СОКРОВИЩА СМИРЕННЫХ
Повесть о былом и нравоучительном

Советский плакат 1950-х годов

♦ Когда я теперь, во втором десятилетии нового века, рассказываю эту историю, мне не верят, да и сам вспоминаю ее как сон, привидевшийся в пасмурную ночь после обильного жирного ужина. Происшествие это из числа стоящих на самой границе чудесного и яви. Хотя оно допускает, более того, предполагает сугубо материальное толкование, но тем не менее подоплека некой древней, наивной гипнотической магии присутствует здесь. Но — вернемся к описанию случившегося, словоохотливый аналитик пусть уступит на время в моей душе место скрупулезному историографу, что же касается руки с пером... пусть она не увлекается вечно модными парапсихологическими соблазнами, а точно следует за памятью.

♦ Кстати, раз уж вспомнил об аналитиках, то для пояснения нелепости этого рода занятий, а точнее — нелепости, как «модус вивенди», расскажу историю, случившуюся с моим отдельским коллегой К-овым. Надо же было такому случиться в тот день, что весьма интеллигентный К-ов пришел домой с работы на полтора часа раньше, нежели предполагала его супруга. И стоит ли особенно удивляться, что в это время у жены находился засидевшийся гость. К-ов открыл своим ключом дверь, снял туфли, плащ, вошел в единственную комнату; супруги были бездетными, потому располагали однокомнатной квартирой в блочном доме постройки середины 60-х годов, называемой в народе «хрущевкой». Точно ожили в лицах перед глазами К-ова тысячи читанных литературных, но для него, в его реальной жизни оказавшихся со-

вершенно неожиданными, пугающими, коллизий. Здесь следует учесть его комплекс тихого, вежливого, беспомощного в подобных ситуациях, неподготовленного к ним всем ритмом своей предшествующей жизни человека, застигнутого внезапно невероятным явлением супружеской неверности.

Кушетка, еще хранившая вогнутые очертания человеческих тел, растрепанная, полуодетая жена, спешно надевающий пиджак босой гость-атлет... Вот разыгранная перед К-овым сцена реальной, без прикрас и идеализации, жизни. Лицо жены выражало некоторое смущение, но смущение как бы второй степени, когда неловкость испытываешь, впервые попадая в подобное положение, но готовишься попасть в него уже давно. Это означало, что атлет и возможные его предшественники были нередкими явлениями в ее неинтеллигентной жизни с очень интеллигентным мужчиной. Лицо же гостя, возможно от неожиданности, а скорее от досады, вызванной некоторой неподготовленностью его к стереотипной неожиданности, имело не совсем конкретное выражение, эмоции на нем выражены не были.

Секунд пять все трое провели в молчании: К-ов обдумывал ситуацию, жена с атлетом по инерции продолжали заниматься туалетом. Не стоит, наверное, описывать внутренние бури, а скорее всего — внутреннее спокойствие прелюбодеев; сам К-ов, делясь со мной по-дружески, за парой бутылочек гурджаани, привезенного им из командировки в Телави, неприятным событием, махнул рукой: бог, дескать, с ними! По романтическим описаниям вы сами знакомы со схемами поведения подобных пар: преуспевающий у женского пола атлет и матерая, скучающая без детей в замужестве женщина — знакомы, очевидно, еще с двенадцатилетнего возраста, либо, если нет страсти к чтению, то знакомы по жалостливым рассказам потерпевших коллег, друзей, просто незнакомых, пьяных исповедывающихся людей.

Здесь же г е р о й — несчастный К-ов, нас интересуют бури только е г о души; еще раз повторим: сцена такого рода была для него первой в почти сорокалетней жизни. Как уже домыслил умный читатель, в душе К-ова в первый момент возникла, далее развивалась, кульминировала, утихала борьба между интеллигентской рефлексией и патологическим инстинктом мщения обманутого, обокраденного в самом сокровенном самца. Вот сокращенная передача этой борьбы, как излагал ее чуть-чуть захмелевший К-ов:

— Убить мерзавку, подстилку... Отхлестать ремнем, выгнать раздетую на улицу. Только так и сделаю! Мерзкая, бессовестная, зажиревшая в безделье (печатала дома на машинке для «Бюро добрых услуг») и сладострастье потаскуха. Рушится устоявшаяся жизнь, теряется вера в человечество. Ничего святого. А я? — Простофиля! Как раньше не замечал? А может все это время, все четырнадцать лет брака я делил эту (подспудно: чертовски красивую и вальяжную!) женщину с разными... может быть нечистоплотными, пьяными, наглыми, спидофильными, смеющимися вместе с ней надо мною мерзавцами?

А может я ошибаюсь? — Ведь все бывает в жизни, может сейчас одна из редчайших, но возможных ошибок — исключительный случай? Может простое сочетание случайностей? — Я занят своими делами, живу в своем мире, мире интеллекта, хотя технического, но — творческого! Далеко не пренебрегаю искусством, литературой тож, общаюсь с интересными людьми из совершенно различных, но высокоинтеллигентных сфер. Дома только ночью да поздними вечерами, детей нет. Опять же может я не способен удовлетворить ее, женщину достаточно страстную, чувственную, живущую не в коллективе, не в большой семье, почти затворницу? А ведь она в бальзаковском возрасте, сложном, щепетильном... К-ову припомнились те многочисленные, слепо отпечатанные на множительных машинах брошюрки, что поочередно читают работающие с ним в отделе девушки, готовящиеся к активной половой жиз-

ни. К-ов и сам — для повышения интеллекта — читал их с удовольствием, с доверием относясь к аргументированному мнению авторов: д-ра Монтагазы, Хирга, Харгинса, несколько сомнительных д-ров Кинси и Мак-Крекара.

Да. Скорее всего это пошло от ее постоянной неудовлетворенности; физиология своего требует. Вот если бы дети были? А тут как раз встретился может и неплохой человек, обаятельный, привлекательный как мужчина, умелый любовник...

Но может не было еще ничего? Может это он настаивает, а она мечется, терзается, но твердо хранит верность ему, К-ову, мужу? А может...— И тут К-ов додумался до умилительного: пришел, как часто раньше бывало, заказчик, аспирант, например, поработать вместе с машинисткой над рукописью диссертации, а человек малоимущий — на сто рублей стипендии живет,— снял ботинки в прихожей, носки единственные накануне в стирку отдал, вот и прошел в комнату босой... Пиджак снял для удобства работы, при виде хозяина застеснялся — человек-то интеллигентный, рафинированный! — стал пиджак надевать. А жена? — Она была по-домашнему в халате, при виде же гостя засмущалась своей замурзанности, зашла за шкаф переодеться, только сняла халат — ан муж вошел!?

Но что характерно для человеческой психики, психики человека интеллигентного — особенно неустойчивой, волна необоснованного доверия тут же захлестнулась еще большим валом взревевшей ярости:

— Ну и что из того, что даже не было?! Но ведь мысль была! Ах ты, мерзавка! Но ты — втройне мерзавец! «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем» (Матф., гл. 5, ст. 28),— думал начитанный от писания К-ов,— «А ты, ты некогда заботливая, ласковая жена моя, ты смогла мне изменить?» — входил в патетику К-ов.— «Но как, прелюбодейная жена, принимающая вместо своего мужа чужих?» (Иезикиль, гл. 16, ст. 32). Как она может? Но глаза ее — зеркало души? Что скажут они? — Увы, глаза жены точно соответствовали вердикту священной книги: «Наклонность женщины к блуду узнается по поднятию глаз и век ее» (Сираха, гл. 26, ст. 11). Да-а, глаза его жизненной спутницы если не светились наивностью Рахили, то это была не только ее вина. Перед К-овым предстояла женщина, по своей решительности способная тотчас обратиться в суфражистку, в амазонку, а если нужно — в директора торговой базы. Словом, она вполне управляла цветом глаз и кинематикой двигательных частей их.

— О, мерзкие-премерзкие людишки! Где истина, где правда? Где обман, а где святая искренность? *Post coitum omne animal triste*,— латинизировал гнусно обманутый интеллигентный муж,— после совокупления каждый зверь печален: но и печали нет на их мерзких лицах?!

Глубокая интеллигентская безысходность овладела К-овым:

— Как мне разрубить это узел, как ответить достойно на их обезьяньи мерзости, на издевательство надо мною? Чем я все это заслужил, наконец?

К-ов вопрошал, как уже полтора столетия вопрошает сам себя по любому поводу истинно российский интеллигент.

— Ну-у, ударю его, изобью ее, всыплю, тряпки ей вслед выброшу,— размышлял К-ов. Но непосильно тяжкий груз невиданных им в жизни решительных действий делал мысль К-ова о суровом мщении вялой, заранее неосуществимой. Была боязнь физической силы соперника, отвращение к кулачным расправам, грубым матерным ругательствам.— Все качества, благоприобретенные многими поколениями предков-интеллигентов (Вел род от сельских дьячков — позднее земских деятелей).

— А зачем бить, кричать на них? — Уже в логическом забытье думал К-ов,— ведь нет в этом смысла! Ударишь его — сам стократ пострадаешь, его озлобишь, карты ему в руки даешь, ведь женщины больше любят бьющих, нежели битых. Это у

них в роду, впрочем, в полном соответствии с природой,— тут же поправился любящий определенность К-ов.

— А бить ее? Ну, как бить женщину, пусть даже мерзкую, продавшую тебя? Оскорбишь ее, так она еще пуще взовьется. Бить — значит дать ей свободу открыто плевать на меня, тогда даже элементарных приличий не будет блюсти. К тому же слезы, истерики, родственники увещевать начнут...

О, господи! Да выгнать-то можно только символически: квартира однокомнатная, «хрущевка» опять же — вовсе не разменяешься. А если чудом, по суду естественно, разменяешь на комнаты с подселением, так живо попадешь в логово воров, проституток низшего разбора, пропойц. Сам повесишься.

Раза два еще посетила К-ова волна ярости, но именно бытовая логика добила его, поэтому К-ов произнес первую свою с момента прихода фразу, произнес тихим голосом, потупившись, скороговоркой:

— У тебя гость, Наташа? ...Да-да, познакомь. Школьный еще приятель? Очень рад, сейчас люди все торопятся, редко кто заглянет к старым знакомым. Уже уходите? Соревнование начинается в пять ноль-ноль? Да-да, понимаю, спорт — это здоровье трудящихся... Ничего, заходите, премногим обяжете. До свидания, Давид Гарикович!

— Голубушка, Наташенька,— все мямлил К-ов, не поднимая опущенных долу глаз на цветущее всеми прелестями второй молодости, сильное, разгоряченное т а й н ы м свиданием, полуобнаженное тело жены, на презрительные дымчатые, полуприкрытые ресницами от все еще проигрываемой страсти глаза,— я пораньше с работы ушел, взял вот билеты на сегодня в Концертный... Если у тебя головка от работы не болит, то через пару часиков надо бы собраться: хорошая программа, тебе понравится... Брамса Второй концерт и Первая Малера.

♦ Так вот, этот добрейший душка К-ов в определенном смысле один из невольных виновников происшедшей со мною истории... Случилось это еще на закате социализма, но сомнение в истинности увиденного, перечувствованного мною не покидает встревоженную не на шутку душу и по сей час. Что это было: розыгрыш? Или явление массового гипноза? Может, сомнение в твердости собственного разума?

Я тогда попал по службе в скверную историю, начало которой гнездилось в обоюдной неприязни с завлабораторией, пакостником препорядочным и изрядным, но далеко не исключением из обычного правила. А потом — это невероятное происшествие, о котором до сих пор по учреждениям города ходит глухая молва, хотя случилось еще в эпоху безгласности, так что все очевидцы и прямые свидетели странной истории поприжали язык. К тому же, как будет ясно из нижеследующего, в очевидцах и свидетелях остались совсем не простые люди... Но — по порядку.

Известно, что почти все чудеса случаются под конец года: естественного и планово-финансового. Чудеса же, несмотря на внешне тихую, серую даже жизнь наших учреждений, случаются самые различные. Такое происходит, что ни в одном сне пьяному человеку не приснится. Невольно, если ты, конечно, беспартийный, думается: сам господь бог, скупо отпускавший диковинку в течении календарного года, в предновогодние дни торопится довыполнить, а если можно — то и перевыполнить свой промтехчудплан. Чем еще объяснишь?

Первые признаки чудесного происшествия обозначились в конце ноября. Именно тогда по всей стране зашелестели слухи об очередной активизации НЛО — летающих тарелок, которые, как известно всякому школьнику, появились на Земле с фараоновых времен. Но раньше — повторюсь: времена-то были безгласные, в газетах, по телеку чередовались сообщения о запуске героев-космонавтов, репортажи об успехах хлопководов-ударников, о награждении разных там членов, так что правду о

международных событиях и грядущих повышениях цен на водку народ узнавал только по слухам — тарелки объявлялись в чужих пределах, преимущественно к востоку от Суэца, к западу от Балканской гряды и линии Одер-Нейссе (Одра-Ниса). А теперь как прорвало! Летающая посуда на два часа зависала над Можайским шоссе, выключив зажигание у скопившихся автомобилей. В среднеазиатской пустыне, кстати числившейся в школьных учебниках гигантским рукотворным оазисом — орошаемым хлопковым полем, нашли отпечатки присаживающегося по своей нужде корабля, а где-то, ошарашено умолкнув, жили двое парней, которых астронавты с НЛО забирали к себе для френологических обмеров.

От острова Врангеля до Кушки ходили по рукам стенограммы лекций об НЛО, прочитанных то ли в Зеленограде, то ли в Звенигороде... И прочая завлекательная чушь. В нашем учреждении, хотя не академическом, но все же солидной репутации НИИ, служащие, кончено, ничему не верили, смеялись над Яковлевым — яростным агитатором тарелочной идеи, суть которой сводилась к тому, что НЛО существуют, соответствующие службы постоянно ведут их наблюдения, а чтобы не вызвать общемировые панические настроения трудящихся всего мира, еще в начале 60-х годов ведущими государствами и их сателлитами был подписан тайный Договор об официальном непризнании НЛО, как реальных объектов. Слушая брань в адрес своей теории, Яковлев саркастически улыбался, глаза его этаким бесенком сверкали, возражали: придет мое время!

♦...Пришло его время. Тридцать первого декабря, как повелось на Руси со времен петровских учреждений-коллегий и вплоть до теперешних отрезвляющих дней, все служащие пришли на работу со свертками в авоськах и полиэтиленовых пакетах; мужчины посолиднее проходили мимо все понимающих, снисходительно улыбающихся вахтеров (люди тогда вообще были в массе своей намного добрее) в расстегнутых пальто, слегка наклонившись грудью вперед, как при сердечной одышке. К двенадцати дня свертки и прочее материализовалось в накрытые по отделам, лабораториям столы. Глаза мужчин засверкали, тамады уже разливали по перв... как внезапно стены учреждения зашатались, столы спиритически задвигались по завибрировавшему полу.

— Землетрясение! Землетрясение!— закричали женщины, но пала гигантская тень; выглянув из оконных форточек, наблюдатели ахнули; над зданием, закрывая зимнее солнце и полнеба впридачу, повис гигантский круг.

— Тарелка! Тарелка!— вновь завизжали женщины. Все побросали непригубленные стаканы, только заторжествовавший, доселе непьющий, ни грамма с рождения не употребивший Яковлев, спокойно допил до донышка, до последней капли, весело подтвердил:

— Нельзя не верить очевидному!

Тарелка плавно спланировала, присела на плоскую учрежденческую крышу. Выпала вовнутрь выбитая чердачная дверь, в коридоры этажей вошли энлэовцы. Было их два десятка, невооруженных, ростом малых, ликом ужасных. Служащие в страхе прилипли шпалерами к коридорным стенам. Из делегации выступил ответственный энлэовец с пятью четырехлучевыми космическими звездами на мундире:

— Люди,— электронным голосом произнес он,— вам выпала большая честь: для психофизиологических экспериментов мы на год забираем с Земли все ваше учреждение. У нас вы проживете ровно 365,00 дней вашей обычной жизнью.

Из рядов оробевших служащих с ответным словом выступил было потерявший всякое представление о субординации агитатор Яковлев, но вышедший на шум из своего кабинета Начальник отстранил его, полномочно вопросил:

— С Главком согласовано?

В ответ энлэовский начальник зачитал вслух гарантийное письмо, подписанное всеми нужными инстанциями, в том числе... Папой Римским, из чего следовало заключить: в учреждении работал скрытый католик. Парторг и ответственный за внутриобъектовый режим Иностранцев переглянулись, взяли на заметку.

— Время — деньги, ребята! — бодро закончил чтение энлэовец, видно перепутавший н а ш е учреждение с заокеанским,— марш на Корабль!

Служащие, разобрав пальто, шапки, а более догадливые — бесцветные бутылки, бутерброды с кумжей и сервелатом, в беспорядке устремились на чердачную лестницу, началась давка: пронесся слух, что первые сто вошедших на Корабль получат по десятке внеплановой прибавки (Слух оказался ложным). Начальник последним покинул учреждение и вошел на крышу с толстой папкой «К докладу».

♦ Со страхом поднимались служащие по винтовой лестнице, но... в брюхе зловещей тарелки их ожидал сюрприз — точно воссозданная обстановка покинутого в 12.06 учреждения, даже столы в отделах, лабораториях были банкетированы. А поскольку число белых бутылок вместе с принесенными наиболее догадливыми чудесно удвоилось, пока сбившиеся в стайки женщины взволнованно перешептывались, подкрашивались, мужчины успели с горя пообедать и затянули песню о волжском бунтаре. Но самое удивительное было впереди: в половине второго по отделам, лабораториям прошли сдружившиеся учрежденческий и энлэовский Начальники:

— Женщины могут идти домой. Остальные присутствуют на рабочих местах до 16:00,— ошарашили они служащих.

Действительно, на тарелке был воссоздан тот же город, дома, мужья, жены, дети, разумеется — злые тещи. Правда, кое-кто возмутился: это, мол, аморально жить с чужими женами, а если дети появятся? Что мне, алименты платить! Но их успокоил энлэовский начальник:

— Нет, ребята... тьфу! То есть, товарищи, не аморально. Все эти жены с мужьями лишь искусственные копии, функциями деторождения не наделены, так что вам, в определенном смысле, учитывая ваше хроническое отставание в контрацептивной культуре, будет еще проще... Будьте счастли... да что за черт! Будьте спокойны!

После такого авторитетного заверения жизнь на тарелке потекла как в правдоподобном сне. Учреждение заработало. Начальник собирал совещание за совещанием, Дни качества, даже умудрился слетать в командировку на Землю, в Главк — за текущими планами и полугодовой премией для учреждения. Петров и Иванов попали в вытрезвитель, Чепурнов схоронил искусственную тещу — эквивалент умершей на Земле, а Сидоров схлопотал строгача за аморалку с искусственными же женщинами... Все шло как на Земле.

♦ Отметелила тарелочная зима, зажурчали местные искусственные ручьи отмерзающей канализации. Когда псевдоземля освободилась из-под снега, учрежденческий Начальник вышел из кабинета, отправился на прием к энлэовскому командору; произошел разговор:

— Лето на носу, посевная...

— Ну и что? Мы что-нибудь не учли?

— Вот-вот, промашка вышла. Совхоза-то подшефного нам до сих пор ваш райком не выделил, а у нас в соцобязательствах 25 000 человеко-дней отработать записано.

— А-а! Вспомнил. Будет вам совхоз; как он у вас на Земле назывался, номерной — по дате или по съезду? А, по старинке, Нарышкино. Ну, мы для оригинальности назовем его «Энлышкино»! Готовьте народ, да медсправки на освобождение тщательнее проверяйте, чтобы этих... симулянтов не было; мой зам как-то выборочно

проверял картотеку вашей поликлиники, так черт-те что творится: Иваненков и Петренков — здоровые лбы, помню я их хорошо — загодя освобождения взяли: у одного аллергия к запаху деревенского, из свеклы, самогона, у другого — дисгидроз к родниковой воде! Действуйте!

На следующее утро первые сто человек выехали на крытых грузовиках в Энлышкино на ремонт техники и затаривание мешков. Иваненков с Петренковым везли запасы «Столичной» и городской хлорированной воды в бурдюках.

Отошло тарелочное лето. Служащие загорели, окрепли на свежайшем кондиционированном воздухе. С их помощью Энлышкино недопустимо успешно выполняло план годового севооборота. Однако Начальник не хотел легких путей, снова сходил к командору: дескать, очень уж гладко моделируете реальные условия и т.п. Рассерженный домогательствами, тот ударил в августе градобоем, в сентябре — тропическим ливнем, а в октябре вовсе заморозил поля — досрочно начал зиму. До самого конца пленения хронически простуженные служащие долбили ломами грунт, выкорчевывая искусственную свеклу. Захотелось домой, в мирную земную зиму, опротивели бесплодные искусственные жены, заскучали искусственные мужья, всем хотелось к настоящим. Учреждение заболело тарелочной ностальгией.

Наступило 12.06 тридцать первого декабря. Прошло ровно 365.00 дней эксперимента, НЛО шел на снижение. Столпившиеся у иллюминаторов служащие с еле сдерживаемыми рыданиями наблюдали надвигавшуюся крышу родного учреждения.

...Гурьбой выкатились они из брюха проклятого Корабля, весело разбежались по отделам, лабораториям. Их встречали запыленные, но такие родные столы, стулья, плачущие от счастья встречи натуральные родственники. Тарелка же с шипением поднялась, улетела в чужие края — к парням и ребятам.

♦ Самое гнусное дело тарелки: все служащие потеряли память о событиях прошедшего года, жизнь потеряла 365 дней. Только порой им мерещились во сне блесткие угольные ямы звездного неба, под которым дрейфовал НЛО. Понятно, что лишь Начальнику память была оставлена: для информации Главка. Но Начальник не будет каждому встречному раскрывать душу, энлэовцы знали кому доверять.

Говорят, с тех пор во всех учреждениях города прогулявшие день-другой служащие оправдываются тем, что-де их похищала для экспериментов тарелка.

— Таким у нас не верят! — отвечают табельщицы и недрогнувшей рукой проставляют прогул. Только в нашем (Увы! Для меня — бывшем...) НИИ порой что-то прорезывается в памяти учетчиц рабочего времени; они верят жертве забористой «Стрелецкой».

Под Новый год скопление чудес:
Петров «поймал» в лото шесть номеров,
А Иванов чуть жив и зол как бес —
Два дня в тарелке жил у облаков.

Петрову состоянье Иванова не понять,
Сам пьет с неделю лишь коньяк,
А тот жену свою не смог узнать,
Его ж Петров не узнает — вот и друзьяк!

Петрову повезло, а друг сел в лужу,
Промучился в тарелке на ветру, на стуже,
И утешения нет, что-де эксперимент.

Напился с премии завистник Иванов,
Хоть не имел приличных сам штанов,
Петрова укорил: «Гнилой интеллигент!»

— Такой стихотворный пасквиль учрежденческого поэта Валерки Овцовского долго гулял по отделам, лабораториям. Но, скажете вы, как я-то смог восстановить в памяти столь засекреченное событие, его существенные детали? — Тут дело тонкое, не спрашивайте, не отвечу, ибо могут запросто приписать должностное преступление, хотя Начальнику не следовало бы перед праздничными днями, когда в учреждении организуется круглосуточное дежурство рядовых, никак не ответственных служащих, оставлять почти-что на виду копию отчета в Главк...

♦ Видно, что-то я такое невпопад сказал своему врагу-завлабу во время энлэовского эксперимента, тот, видно, тогда же передал это «что-то» Начальнику, сохранившему память о пережитом годе межзвездных странствий. Уже дома, на Земле, Начальник отрицательно отозвался обо мне... словом, меня вынудили, «ушли» из лаборатории методов испытаний и вообще из НИИ. Вот тут-то помог К-ов, давний, еще школьных лет знакомый, сосед по прежнему моему дому, хотя я с ним давно отношений особых не поддерживал: здравствуй, до свидания, как поживаешь? — Дочь уже в школе учится? — Смотри-ка! Как с работой? — Да-да, в порядке...

Однако поборол гордыню, да мужик он душевный, поговорил с ним. Тот в душе (не в лице!) поморщился чуток, но тем не менее по протекции К-ова, или как у нас официально говорят: по системе рекомендаций, я оказался в СКБ при механическом заводе, даже выиграл десятку в жалованье. И обстановка там намного спокойнее: народ с Главком, с наукой этой самой слабо связан, все больше по цехам, с производством, потому не нервничают, потому благодушнее, человечнее словом.

Опять же мой протежер играл в СКБ если не первую, не вторую, даже не третью-четвертую, но так примерно четырнадцатую-шестнадцатую скрипку, а это в малых конторах придает определенную устойчивость опекаемым сиротам вроде меня. Да не такой уж я был сирота, просто вычеркнутый из жизни год на НЛО, да полгода после этого холодной войны меня допекли до сумеречности мыслей и подозрительности, а так вообще... даже жена не пилила: мол, тот-то уже зам Главного, другой вторую квартиру и третью машину поменял (про замену жен они почему-то всегда умалчивают); квартира, дескать, цветом обоев не устраивала, а машины — резвостью нрава. Ну, да вы знаете, чем обычно жены нашего брата, служащего, допекают, когда не с той ноги встанут.

Нет, все было при мне в скромном, но устойчивом балансе: в сорок лет имел должность руководителя группы расчетчиков без собственно группы, что означает оклад сто девяносто плюс 30 % премиальных, две комнаты в квартире с родственницей жены, незамужней, уже не угрожавшей замужеством, на удивление тихой, спокойной, дочь-семиклассницу... так что был устойчиво-усредненным служащим. Главное — жена не пилила, а они ведь на эту среднюю устойчивость реагируют агрессивно, как лакмусовая бумажка, листики фенолфталеиновые.

Я потому себя так подробно рекомендую, чтобы вы не подумали предвзято: неудачник, мол, разобиженный судьбой человек, не такое мог наяву вообразить себе, а то может из какого сарказма рассказывает небылицы, порочит приличных людей! Избави бог! Мне-то своего хватает, дай тот же бог вам жить в подобном спокойствии ума, семейно-бытовой устойчивости, что у меня за душой. Дай-то, бог... И по характеру я спокойный, ни в какие авантюры, с кооперативами там, еще с чем новомодным, не лезу, ибо знаю: за большим погонишься — без малого останешься, вот как,

например, молодежь нынешняя, но это особая история: поучительная в назидании примером, потому остановлюсь особо.

♦ Сам я — в наше напряженное время всеобщего трудового порыва это большое достоинство — почти не пью, только пивком балуюсь, да и то больше из-за удовольствия общения с людьми. Каких только историй не услышишь в пивной за Носковским мостом?! Такого порасскажут, что в изумлении весь вечер размышляешь: что это? Пивной ли дурман фантазию разбудил либо действительно услышал сегодня?

Так вот и тогда, как раз накануне увольнения из НИИ, ехал я на «восьмерке», не помню откуда, куда, но июльская духота, пекло в неторопливо тащащемся трамвае сморили меня окончательно. Не выдержав такой пытки, соскочил перед мостом, зашел освежиться к теть-Лене, в ту самую знаменитую Замостовскую пивную при бане. Уже через пяток минут как-то незаметно завел исповедь сосед по столику, молодой, но припухший парень, по виду — нашего, инженерного профиля, что подтвердилось вскорости. В рассказе его перемешались быль и небылицы, теперь же, по прошествии времени, я могу восстановить лишь суть слышанного, опуская забавные авторские комментарии, выводы.

Молодой специалист Корыстин в пятницу получил аванс: пятьдесят два рубля, а к понедельнику вчистую потратился.

— Как же быть? — размышлял Корыстин,— как жить две недели без этого... без аванса?

Он мучался до обеда, а в половине первого в отдел впорхнула общественница Люда, начала бойко собирать со служащих по тридцать копеек «на крест». На какой? — Этого Корыстин, мучимый похмельем и безденежьем, не расслышал. В таком состоянии его не прельстили даже Людочкины лодыжки, по общему приговору — самые обворожительные в учреждении. Грубо отказавшись платить за крест, Корыстин сделал счастливое открытие; мысль была легка, ясна, почти кристалльна:

— Вот собирают кому-то на крест... вчера собирали на памятники, на той неделе — автомобилисты что-то трояками размахивали... на что бы еще собрать? — Корыстин вспомнил радостный детский праздник «День птиц», вспомнил, как неразумным еще октябренком помогал старшеклассникам развешивать скворечники: те на деревьях, а он на подсобке внизу, снизу подавал палочки, молоток, гвоздики. Такое тихое, радостное, счастливое детское нахлынуло на душу, что Корыстин уткнулся неразумной своей головой в кипу срочных ведомостей, зарыдал, пугая соседей по отделу. И пришло решение, закипела работа у разомлевшего от детских видений Корыстина: догадливого, но увы! — неразумного младенца в инженерном чине.

Он вырезал из ватмана форматку, на отделенческой машинке отпечатал титульный лист бланка сбора членских, а равно вступительных взносов первичной организации «Общества поощрения разведения волнистых попугайчиков». Себя вписал заместителем друга Никанорова, кстати тоже совершенно случайно оставшегося без аванса,— казначеем, а ответственным председателем заочно назначил известного учрежденческого спортсмена, улетевшего на полугодовые сборы в Пицунду. Подложив под титул листов пять разграфленной бумаги, он подшил бланки ведомости в папку. На обложке ее художественно одаренный Никаноров изобразил стилизованный пионерский праздник.

В три часа пополудни начался обход учреждения. Инициаторы входили в комнаты, громко приглашали вступать во вновь организуемое добровольное общество. К их удивлению, лишних вопросов не возникало, просто служащие, только что обобранные крестовоздвиженцами, сварливо бранили сборщиков от расплодившихся благотворительных обществ — при их-то низком жалованье! — но, памятуя о предстоящей в этом году аттестации, привычно вынимали кошельки:

— Сколько?

— Пятнадцать вступительный, десять — книжка, еще раз пятнадцать за значок, тридцать годовых. Итого: семьдесят копеек с души... Вступайте, товарищи, вы поможете нашим детям, своим то бишь...— убеждал Корыстин.

— А на собрания ходить не надо?

— Ради бога, какие собрания?! Будете в значках щеголять и по тридцать копеек в год платить.

— Права какие? — поинтересовался занудливый Денисов. Корыстин было стушевался, но находчивый Никаноров сымпровизировал:

— Участие в экскурсиях по обмену опытом в рабочее время — для активистов, бесплатное пользование при членском стаже свыше 25 лет; на всякий случай — пользование чем? — Никаноров скрыл от коллектива. Послышался одобрительный ропот: народ любил бесплатное в рабочее время. Инициаторы едва успевали сдавать по тридцать копеек с мятых трудовых рублей.

— Поздравляю вас, товарищи, со вступлением в наше Общество,— сообщали на прощание сборщики,— значки и книжки через полгода: Областной Совет задерживает!..

К звонку они собрали 182 рубля 62 копейки. По дороге из учреждения Корыстин с Никаноровым долго анализировали, размышляли: откуда взялись эти 62 копейки, но так не додумались. Лишь впоследствии, на товарищеском суде, все разъяснилось: хитроумный Денисов всучил вместо гривенника новенькую блестящую двушку, чем он много похвалялся, даже требовал от месткома льготную путевку «за бдительность».

А отправились после работы усталые приятели ужинать с водкой. Ужинали до самого закрытия предприятия общественного питания, до полуночи, ужинали истово, долго, тщательно, не только с водкой, но с шампанским, с десятилетней выдержкой коньяком (курс цен до антиалкогольной кампании позволял), с заказной музыкой, с ласковыми юными девушками, очень веселыми, остроумными. Сама ресторанная директриса улыбалась, когда пьяный в дым, щедрый Корыстин плясал соло под «Йес ту дей», разбрасывая в публику рубли и полтины, призывая вступать в кремационное общество имени Уатта.

После ужина, наняв два таксомотора и поливочную машину для кортежа, они поехали в гости к веселым девушкам, где до самого рассвета беседовали о поэзии.

Так как новые подруги, высланные из Москвы для принудработ на щебеночный завод, жили в соседнем городке, то наутро приятели, дрожа от холода, головной боли, спазм желудка, возвращались опять на такси, но уже на одном — подъехали к проходным учреждения, расплатились последней пятеркой.

Перед обедом, не сговариваясь, встретились в коридоре, продолжили прием новых членов; работали без обеда, к звонку набрали сумму, половинную от вчерашней: удой резко сократился ввиду крайне помятого вида Корыстина и синяков-засосов на шее Никанорова.

Ужинать, не мудрствуя лукаво, отправились на прежнее место, но на сей раз проснулись наутро не у девушек, а... в милицейском участке. Им объяснили, что они (это они-то, краса учреждения, интеллигентнейшие кавээновцы Корыстин и Никаноров!) разломали электроорган ресторанного оркестра, пытаясь в четыре руки исполнить «Нидерландскую застольную», разбили восемнадцать фужеров, три оконных стекла, нецензурно обругали зава холодным цехом: тот не смог внятно объяснить им, почему заливной судак не машет приветливо хвостом — за что деньги-то платим? — Все это было записано в протоколе. Вышла большая неприятность.

Через полмесяца, нарзанно свежие, они вернулись на работу, прочитали приказ об увольнении. Заочно состоявшийся товарищеский суд, учитывая молодость обоих

и отсутствие рецидива, решил уголовного дела не предпринимать, только вычесть собранные ими суммы из расчетных денег: компенсации за отпуска и недополученной зарплаты. Так как Никаноров совсем недавно отпуск использовал, то с него дополнительно взыскали сорок три рубля 03 копейки. Кстати, возвращенные суммы пострадавшим было решено на профкоме не раздавать, ибо для этой операции не хватало восьми копеек, зажиленных Денисовым, а пустить в счет сборов по различным Обществам на следующий год.

Корыстин поначалу было не поверил в увольнение (Как, это же как! Меня, молодого специалиста и вдруг уволили! — возмущался он), потому прошел в свой отдел; за столом его сидел новый, совсем молодой специалист, задумчиво заполнял ведомость. Корыстин нагнулся, прочитал отпечатанный на машинке заголовок: Общество содействия эксгумации таймырских мамонтов. И пониже: Первичная организация... Он понял, что действительно уволен.

♦ Так вот, я-то начинал свою службу в учреждениях еще в те времена, когда шутить дозволялось только по поводу погоды, так что никаких скандалов, срывов, прочего себе не позволяли. Но что верно, то верно: зол был как Люцифер-свергнутый, да кто на моем-то месте будет добр, когда полгода нервы в тисках напряжения, когда тебя нагло, в открытую выживают с места, где проработал почти полтора десятка лет, просидел не один стул, вжился в каждую щелочку своей лаборатории, а тут пришел новый завлаб, сопляк еще, и — попал я под резвую метлу. Тьфу!

Но как только перешел в СКБ, так успокоился, удивительно быстро вошел в струю. Но удивительное не было и столь удивительным, я уже говорил: народ здесь тихий, спокойный, ибо все начальствующие должности наглухо забиты всяким деловым, родственным народом, возможности прыгать по ступенькам вверх никакой. Потому люди себя спокойно чувствуют, не суетятся, не толкают друг друга плечами, не подсиживают. Некого подсиживать, а все, кто с карьерными помыслами, так те давно смотались на более хлебные места; остался народ сибаритствующий на все свои сто тридцать — сто девяносто плюс стабильная премия. Прямо как в Крыму климат: мягкий, спокойный, здоровый.

♦ Вот так — простите, все повторяюсь, повторяюсь, но это для пущего сосредоточения мысли, точного, де-факто, припоминая — очень быстро, ненавязчиво вошел в отношения вроде бы с новыми, доселе незнаемыми, но уже по самому духу, по характеру своему близкими, почти что родными людьми. Бывает ведь так; все потому, что обстановка спокойная, не рваческая.

Стол мой уютно поставили в уголок, не на виду. Ни я, ни мне никто не мешает. Начальник сектора, то есть начальник всех тех, кто сидит в нашей комнате, оказался из категории веселых, «порхающих». Редко-редко видели его на месте: то он на совещаниях-заседаниях, то на очередной — без конца им число — учебе по повышению начальничьей квалификации, без того высокой, то в командировке, в отпуске, а в остающееся время вовсе непонятно где. Так что к постоянному его отсутствию привыкли, освоились, всю работу выполняли без его видимого и невидимого присутствия. Картина, впрочем, не такая уж редкая, чтобы расписывать предельно подробно. А был он где-то в третьей ветви родства главному конструктору, потому не возникало ненужных вопросов, нежелательных разговоров. Такой начальник — символ, залог спокойной жизни его подчиненных. Я, честно признаться, познакомился с ним лишь на втором месяце работы в СКБ. Но это — к слову. Он жил предельно своими интересами, в своем «верхнем кругу», поэтому в души своих людей не лез, но не от чуткости или там, скажем, деликатности, а от полнейшего равнодушия и благодуш-

ной терпимости, что есть признак человека удачливого. Ну бог с ним, нам не детей вместе крестить, тем более, что он человек партийный; лично я был доволен таким начальником. Вообще-то он был из тех, кто, по созданной моим прежним, по НИИ, коллегой Яковлевым теории жизнеустремления, успешно карабкался уже через вторую стену; я же, мои коллеги, мои славные, тихие товарищи по работе когда-то, очень давно перебрались лишь через первую стену и, успокоенные, не покушались на преодоление второй. Чтобы не наводить тень на плетень, вкратце перескажу эту любопытную теорию непризнанного гения мысли Яковлева.

♦ От рождения он (то есть я, ты, сосед по лестничной площадке, тесть твой и т.п) не был биологическим феноменом, психологическим исключением в человеческой природе. Это — суть, предпосылка теории Яковлева. Держатель мира проделал с ним рядовой эксперимент, какой он проделал до этого с несколькими сотнями цивилизованных поколений, будет продолжать исследовать вплоть до гибели людского рода либо до его коренного перевоплощения.

Он был рожден в замкнутом концентрическом пространстве, в некотором коридоре с двумя изогнутыми стенами: внутренняя стена была выпуклой в сторону точки наблюдения; казалось, что внешняя стена, если идти вдоль нее, постепенно отделяется от внутренней, расширяет мир. Это обычный эффект кривых стен в замкнутых помещениях. Я сам наблюдал его у знакомых в одной старинной московской квартире рядом с метро «Баррикадная».

Если на полу, в любом месте коридора, оставить отметку, например, цветным школьным мелком, то, пройдя по криволинейному коридору некоторое расстояние, снова вернешься к отметке, то есть замкнешь свой путь.

Вопрос, и вопрос существенный: свою ли отметку ты найдешь, а может схожую с ней, оставленную одним из твоих бесчисленных предков? Но это уже категория философии, а нас интересует только психологическая, эмоционально-нравственная окраска жизни. Здесь, вообще говоря, подразумевается, что каждый человек в коридоре живет изолированно, как в математике есть понятие абсолютно изолированной точки; понятие «сосед» здесь либо отсутствует, либо является обобщенным, абстрагированным. Еще раз отметим, что от положительного или отрицательного решения вопроса об идентификации отметки здесь ничто ни в малейшей мере не зависит. Да он не мог задаться таким вопросом, ибо в этом случае был бы феноменом, исключением, что несовместимо с начальной установкой Яковлева.

Если бы он в момент наивысшей психической уравновешенности смог увидеть себя в пору, недалекую от своего рождения, то совершенно отчетливо узрел бы одинокого ребенка в ужасной замкнутой комнате-коридоре, своего рода камере-обскуре. Зрелище очень печальное. И если бы в ту пору он сознавал свое положение, то конечно, не смог бы существовать как человек в развитии. В лучшем случае он остался бы ребенком-идиотом, в худшем — голокожим зверенышем Маугли.

Но спасение было: врожденный инстинкт самосохранения создал ему иллюзорный окружающий мир. Алогичное детское мышление, растворяясь, дробясь в объектах восприятия, из единичного факта существования детеныша создавало мир сверстников с ординарной системой рефлексов, игр, норм поведения. А способность к специфическому детскому соединению объектов отвлеченного мышления с образами фантазии, порожденными даже голыми стенами дома-коридора, рождала мир — среду общения и познания.

♦ Такое состояние младенческой невозмутимости, беззаботности мышления впоследствии сменилось юношеским стремлением заполнить мозг информацией — мо-

дифицированными образами Среды обитания. Это было мудрое, от природы данное спасение, ибо к этому возрастному периоду потребности мышления не удовлетворяются одним лишь детским мифотворчеством, симбиозом фантазии и отвлеченности, но голые стены не могли дать ничего сверх того.— Мышление уступило место накоплению; процесс накопления возможен даже в столь печальной среде обитания, как голый замкнутый коридор. Ведь и песчинка, отдельно взятая, имеет свои грани, свой блеск, свои цвета, вес.

Если бы держатель жизни оставил его за этим занятием, то и такой малости ему хватило бы на целую вечность, но одновременно были бы нарушены законы постоянного обновления, развития. Поэтому по прошествии положенного времени он был выпущен в третий, последний разряд интенсивной борьбы за существование, за длительность жизни, ее более разнообразную аранжировку вещами и событиями, более богатую нравственно-этическую окраску.

Для целей строгой систематики заметим, что после первых двух периодов он уже имел ординарную подготовку к жизни, обладал умением ненапряженно мыслить, знал элементарные законы мышления, изучил досконально свою скудную среду обитания.

Новым на последнем этапе было данное ему право видеть, наблюдать жизнь своих аналогов, рожденных в таких же концентрических коридорах, прошедших тот же начальный путь. Тем самым ему было даровано право сравнительного анализа и — отчасти — конкуренции.

Отныне все его мысли, руководимые мыслями поступки, действия были направлены на поиски выхода из замкнутого обиталища. Оставаться там он не мог: императив жизни не допускал этого иначе, как в обмен на раннюю гибель. Иные, впрочем, соглашались, но их было мало: самые слабые духом, немощные телом, то есть люди с отклонениями от норм, соответствующих выживанию — то ли от рождения, а может от неверного воспитания. Другие предпочитали поиск пути выхода. Но этот путь дробился, не обладал единой формой, иначе бы обезьяна до сих пор шла в ногу с человеком. Поиск пути давал выбор каждому, хотя выбор губит человека (Догмат католицизма), но зато направляет его мышление на поиск л и ч н о г о пути.

Прежде всего он пошел по пути методическому: измерил высоту стены, оценил простукиванием ее толщину, рассчитал число лет, потребных для долбления, затем начал также размеренно, меняя, совершенствуя приемы камнедробления, делать с в о й проход.

♦ Первые годы он работал, сознательно связывая свой тяжелый труд с конечным результатом: выходом из тупикового коридора. Но впоследствии на нем сказался один из дефектов монотонной жизни, так называемый возрастной кризис психики нормального человека, то есть непатологической личности: наметилось, год от года стало усиливаться ослабление связи конечной цели и побуждения к методическому труду. Испугавшись превращения в бездумного робота, он отказался от этого пути.

Очень сложной логикой — это было для него открытием — оказались связаны результат и ход мышления, поэтому он начал предпринимать попытки перелезть через стену, строил пирамиды из всевозможных случайных предметов, униженно просил людей с «воли» о незаконной помощи, обещая за нее себя в вечное рабство — это вместо воли, полной свободы в рабстве стен. Но тщетно, здесь сказался дефицит воспитания: интонация голоса, стилистика просьб чуть-чуть, но не достигали положенной в таком случае нормы лести и почтения.

Он вступил на третий путь, пошел совсем уж недозволенными черными ходами: начал подрывать землю под стеной — устои стены. Он жил в грязи, в грязи копался весь день, потерял остаток самоуважения, отупел, сознательно отбрасывая мысли об

эстетической, нравственной измене принципам своего воспитания. Но мысли эти не хотели покидать его; он впал в глубокую депрессию.

В результате жизненных экспериментов неиспользованными остались только два пути: отказаться от активной жизни и отшельником сидеть, либо ходить замкнутыми кругами по своему коридору или закончить существование, разбив голову о стену. Право, трудно же было выбрать лучшую из этих параллельных тропок...

Еще несколько слов о других, что шли названными выше путями.

Очень многие подкапывали стену. То были интересные люди, их набиралась целая группа. Не обладая большим умом и талантами, богатством воображения, духовной чистотой, даже не достигнув физического совершенства, но зато имея устойчивую психику, они могли вовсе не стремиться за стену. Их заставляло это делать самое насущное: не умереть с голода (за всякую работу к коридоре платили едой) или необходимость нивелироваться до некоторого среднего уровня — масс-медиа. То есть идея абсолютной свободы у них не доминировала над помыслами ума тихого, скудного. Такие люди даже в общении со случайно встреченными при подкопе сообщниками вели себя подземно, но при этом подспудно копя гнев посредственности при виде таланта, даже — подземного, всякого рода совершенства. Но выражение глаз у них всегда почтительное, ласковое.

Уйти через стену пробовали люди двух типов: либо высокие гении свободомыслия, свободолюбия, разума, доброты, либо же черные гении: наглецы, лгуны, лицемеры, авантюристы. Очень странно, что люди столь полярных типов шли одинаковыми путями, но не так ли радости и невзгоды жизни сопутствуют друг другу; ночь подстерегает день, а любовь имеет обратной стороной ненависть?

Душная, темная бездна жизни несчастного человека. Радость, счастье нередко заглядывает к светлым людям. Светлая радость доброму, злобное несчастье подлому — скоро ли наступит эра именно таких сочетаний?

Вот он, несчастный, бесталанный человека, потратив все жизненные силы, самою жизнь, чудом миновал стену. Каким путем? — Не спрашивайте, часто мы продаем душу Мефистофелю подлости, отдаем на время, надеясь в последующей жизни искупить все темное, возблагодарить мир за исцеление.

Но что увидел бесталанный человек? — Вторую, еще бóльшую в высоте, до самого поднебесья, стену! Многие люди, как он, миновавшие стену первую, уже навсегда остановились перед второй. Перед нею они проведут оставшуюся жизнь, умрут. Лишь единицы штурмуют вторую стену: это гении ума, души, но это и отборнейшие из подлецов.

Что делать ему, бесталанному? Горе человеку срединному! Есть у него вроде бы задатки способностей, но пройдут годы, десятилетия — нет таланта, а есть, крепится лишь состояние неудовлетворенности, ущербности. И что ему все-таки делать? Идти как, куда? Где его путь? — Это ли ответ, данный Декартом: «Моим правилом было пытаться победить больше себя, нежели фортуну, и изменить мои желания...»

♦ Из той же категории смиренно остановившихся перед второй стеной людей, которым я был не менее доволен, нежели начальником, являлся заместитель последнего по работе. Да-да, именно «заместитель по работе», ибо должен же был кто-то выполнять работу по руководству сектором? — Для этой цели содержался на окладе ведущего инженера с символической, но очень престижной персональной приплатой трудяга Филимонов: лет пятидесяти с небольшим, а может без малого, с бухгалтерской лысиной. Был он дьявольски трудолюбив, тих, покорен судьбе, исполнителен, умен — то есть наделен чертами, требующимися от местоблюстителя поста начальника: непременного зама постоянно отсутствующего руководителя.

Так вот, с Филимоновым я быстро подружился; оказалось у нас некоторое потаенное родство душ, да и возраст сближал, остальные из мужиков были помоложе. Просто так понравились друг другу, без дураков, без подхалимажа, без начальственности. Вот если бы он был начальником сектора, тогда, конечно, все было бы по-другому. И родство душ не смогло бы проявить себя, но в том-то дело, что Филимонов был вечным замом, служил верою-правдою начальнику и миру своей головой, спиной, согбенной в трудах, задом, наконец: бедолага корпел под кипящим валом работы не разгибаясь, по полдня не вставая со стула. Да вообще зря люди смеются, слыша подобное... насчет зада; в нашем инженерном, служилом деле это не шутка. Пожалуй, никакая другая часть тела не несет такой нагрузки, даже профболезни нашего брата чаще всего касаются седалища.

Мы с ним на рыбалку по субботам наладились ездить: у него плохонькая моторка была, у родственников жены сохранялась в деревне.

А с сослуживцами-то я сразу, с первого дня встал на равную ногу, да иначе не принято в наших учреждениях. Простой, неначальственный народ, он добр, общителен, по-русски прост, скор в знакомстве.

Пара перекуров, удачно вставленный в беседу анекдот — вот и стал я своим парнем. А когда узнали, что ставка оклада у меня чуть выше минимума должностной вилки, родственников в здешних кабинетах нет, а в СКБ попал по рекомендации К-ова, также человека не видного, но уважаемого, то совсем одногодки стали по имени звать, а ребята — молодые специалисты и практиканты-дипломники — по отчеству: Петрович.

Женщин я в расчет никогда не брал, да глупое это занятие — особые соображения насчет женщин; у них на службе свой мирок, свои заботы. Соберутся с утра в углу за кульманом, где зеркало, треплются до обеда. Обед у них с одиннадцати до двух, после чего разбегутся до конца дня по-двое, по-трое по малонаблюдаемым сторонними людьми местам, шепчутся. О чем? — Черт только догадывается; может о мужчинах, о нас, может о мужиках из других отделов, лабораторий, а может о любовниках. Да вряд ли о любовниках... они все такие полные, спокойные, с детьми. Женщин только тогда замечаешь в комнате, когда Пятница наступает, а особенно — большой предпраздничный аврал. Это их время, уборка. С каким наслаждением они отрывают свои, пардон, ну-у, свои словом... от стульев и, восхищая нас, мужиков, своей пышностью, формами, начинают суетиться по комнате, готовя поло- и окномойку. Вот тут они оживают: ведь не бумажки бессмысленные, а что-то напоминающее дельное, реальное, ощутимо домашнее — уборка! Они слово-то это с особым уважением произносят. А мы уходим до конца дня в курилку. Эта курилка в предпраздничный день!.. Чего-чего не порасскажут матерые инженеры в порыве откровенности? Как эти рассказы дорисовывают характер человека, которого привык видеть на работе одним лишь боком... Вот взять ведущего конструктора Третьякова Виктора Петровича из отдела перспективных разработок: должность его очень престижная; их, ведущих конструкторов (не путайте с легионами простых ведущих инженеров!), во всем нашем СКБ только двое; подчиняются они непосредственно главному инженеру, оклад имеют повыше начлаба или начальника отдела, да и поделом! Тот же Третьяков — умнейшая голова, автор полусотни изобретений, даже патент на какой-то особый токосъемник выправил себе в США и Франции, лауреат местной, но очень ценимой в механике премии. Настоящий интеллигент, немногословен, вечно в делах, пустозвонства не выносит, аккуратен как флотский боцман. Я поначалу даже домашним его заочно посочувствовал: небось жена, дети на цыпочках ходят, знаю таких тиранов, деспотов не по характеру даже, а по общей дисциплине. Даже легкая неприязнь появилась у меня к нему: очень уж деловой, расчетливый... но только пару

месяцев я с ним холодно здоровался при случайных встречах — по работе были связаны, уже знали друг друга,— а потом неприязнь эту как рукой сняло; помогла... курилка!

Не помню, какой первый мой праздник был в СКБ по поступлении сюда на работу, но именно в день накануне курилку заполнил народ, только что пообедавший с принятой тогда праздничной, адмиральской стопкой. И тут Третьяков, в легком возбуждении, отошедший от всегдашней задумчивости, суеты, рассказал приключившуюся с ним на днях историю, которая заставила меня в корне изменить свое мнение об этом, как оказалось, милейшем, скромном и порядочном во всех отношениях человеке. Но — к делу.

♦ Виктор Петрович никогда не задерживался на работе, хотя был самым работящим, пожалуй, самым загруженным человеком в СКБ; просто он все успевал сделать в положенные восемь часов. В тот день он пришел домой не позже, не раньше, а как обычно в шесть. Чуть погодя появилась жена, забегавшая, тож после работы, в молочный и булочную. Не переодеваясь, она загремела на кухне сковородкой, кастрюлями, свято памятуя слова нехорошего философа о пути к сердцу мужа через желудок; слова эти в числе прочих избранных мыслей об основаниях супружеской жизни сообщил ей Виктор Петрович в самом начале их давнего медового месяца.

В начальный этот момент вечернего домашнего уюта была она особенно раздраженной; Виктор Петрович затаился за газеткой терпеливо ждать ужина... но так и не дождался. Когда по всем расчетам желудка оставалось минут пять-шесть до скромного гастрономического разгула, пропел «до-ре-ми» собственной выделки звонок. Едва он успел подняться с дивана, как из коридорчика, через проходную комнату, донеслись всколыхнувшие прошлое, почти родные голоса, приветствия вошедших, фальшиво-счастливые восклицания жены. Пришли старые друзья из однокашников, давно не виденные. Пришли втроем — звать, как выяснилось, на скорую руку устроенную вечеринку.

— Ба! — хлопнул себя по лбу Виктор Петрович,— да сегодня же пятнадцатилетие окончания...

Хозяин дома, супруга его были несколько ошеломлены; они, конечно, знали по предварительным звонкам, что состоится эта вечеринка, даже знали примерно — когда, где соберутся, но как все люди, давно привыкшие к неторопливому, размеренному движению жизни: от понедельника до пятницы, от аванса до расчета, а там и до отпуска,— до последнего дня оттягивали ленивую мысль о предстоящем. Речи не могло быть, что не рады они встретиться с друзьями, напротив, это было приятно, очень приятно, но в душе, не говоря друг другу, но подозревая это в другом, даже догадываясь, скорее — безусловно, надсознательно зная, как знают, читают мысли другого прожившие бок о бок полтора десятка лет люди, держали приятную, спокойную мысль, что все может расстроится, не состояться, не собраться, и тогда можно, не беспокоясь, не собираясь, продолжить плавное, размеренное течение жизни.

Но это мысли. Двигательный же их корень, вызвавшая их основа была другая, более человечная, оправдательная: просто давно не видев старых друзей, былых однокашников — Виктор Петрович еще в студенческие годы женился на своей одногруппнице — они в своем роде перетасовали в себе само ощущение радости. Если раньше было удовольствие в общении, то теперь все выродилось в радость ожидания встречи, *грядущего* общения. Собственно, иначе быть не могло; если бы они продолжали видеть радость в непосредственном общении, встречах, не получая их, то сама мысль о друзьях, былых соучениках выродилась бы в тоскливое, довлеющее чувство неудовлетворенности.

Вот они пришли. Понятно, что мысль о неудобстве визита лишь мимолетно отразилась, да и то в самом запрятанном запаснике мыслей Виктора Петровича и жены, впрочем, последнюю, по-женски, выдал голос. Они обрадовались вполне искренне. Более, радость встречи мигом вытеснила все домыслы о приятности лишь отдаленного, будущего свидания. То не было лицемерием, подделкой под радость, под впечатление от внезапной и ожидаемой в то же время встречи, а искренностью безыскусственных в человеческих отношениях людей.

— Ребята, собирайтесь! Все уже у Фомичевых, нас специально послали, бестелефонные вы души! — вперебивку торопились они после рукопожатий с Виктором Петровичем, поцелуев с его супругой.— Трое были из лучших студенческих друзей, а Петр даже шафером на их свадьбе.

— Чего целую орду послали, сами дорогу не забыли, звякнули бы днем мне на работу, или вот Вере,— сквозь смех, радость встречи отшучивался Виктор Петрович, по всплывшей инерции быстрых студенческих сборов протягивая руку к вешалке за шарфом и пальто.

— А чтобы попутно за этим самым,— расплываясь в широченной улыбке, выдавшей коренного тамбовского жителя, ответил Петр, колыхнув зазвеневшей стеклянными переливами раздутой сумкой, а в дополнение объяснений щелкнул себя согнутым пальцем в низ подбородка.

— А-аа!..— Виктор Петрович засмеялся, остальные присоединились.

— Давайте, давайте, собирайтесь,— все торопил Петр,— ждут нас, вас, посуду само собой.

— Сейчас, сейчас, несколько минуток подождите, оденусь,— вмешалась жена,— да и тебе, Виктор, не в свитере же идти?!

— Бог с вами, пошли скорее, как есть, не на бал... помнишь, Вер, как бывало в общаге: соберемся по-скорому, ты картошечку жареную сгоношишь, э-эхх, были времена молодые! Пошли,— упорствовал Петр,— пошли, пошли!

— Ну уж нет,— кокетливо (забыл, забыл Виктор Петрович от долгого супружества, что жена может кокетничать, удивился про себя...) ответила она,— позвольте мне блеснуть!

— Ради бога, побыстрее, Верунчик!

— Проходите же в комнату! — затворяя дверь спальни, крикнула жена.

— Не чай пить пришли, подождем здесь.

— Ну, ребята,— чего-то смущаясь, сказал Виктор Петрович,— я переоденусь, не в свитере же действительно идти.— И ушел, напоследок увлекая их в проходную комнату. Те не пошли, ожидая скорых сборов и — на улице развезло грязь поздней осени — пугаясь чисто мытого пола.

С этого момента начался кошмар для Виктора Петровича. Войдя в спальню, он обнаружил жену в полнейшем неглиже, вышвыривающую из поместительного гардероба юбки, блузки, платья и те неисчислимые разноцветно-кружевные тряпки, обилие которых всегда повергало Виктора Петровича в ужас, заметно съедало его немалую зарплату, побочные изобретательские доходы.

Жена одевалась, а он хорошо знал, что в такие минуты к ней лучше не обращаться. Сторонясь ее, Виктор Петрович быстро переоделся в темно-серый выходной костюм под белую в мелкий горошек рубашку, со вздохом творческой натуры повязал модным узлом галстук, причесался, терпеливо стал дожидаться, встав столбом посредине комнаты.

Женины сборы были для него всегдашней тайной, логической неувязкой; действительно, казалось ему, что проще: быстро сообразить, найти, надеть что приличествовало случаю и сезону. Но жена, его Вера... как впрочем большинство женщин на

свете, ведь какой-никакой, а жизненный опыт, помимо производственного, у него был,— во что она только не превращала выходные одевания?! Пустым, холодеющим желудком предчувствую нехорошее, Виктор Петрович все же осмелился:

— Вера, побыстрее надо, ждут, да еще в коридоре...

— Во-первых, я их в комнату приглашала не раз, тебе же поручила привести, а потом, что за манера торопить? Что прикажешь мне одеть? — Ни одного приличного платья нет, туфли чуть не из бабушкиного сундука, что? Что мне одевать?!

Ответ на подобные обвинения всегда терялся в комплексе самоуничижения Виктора Петровича, в скучных его словах об эмансипации, примерно равном заработке, что крайне раздражало жену. Хорошо сын сегодня в цирке с дедом, не привыкает смолоду к женской бессмысленной болтовне.

На сей раз он промолчал; даже в сборах меньшей ответственности его оправдательный ответ оборачивался ушатом обвинений едва не в идиотизме, потоком слез, а теперь грозил вызвать водопад слез, швырянье туфлями в него, как-никак ведущего конструктора, изобретателя, лауреата.

Виктор Петрович отошел в угол, сел в кресло, притих. Повисла зловещая, пульсирующая тишина, ритмичная с биением сердца затаившегося мужа, горловым клекотом, прерывающимися вздохами отчаяния жены, тиканьем часов, приглушенным, задрапированным двумя дверьми и портьерой смехом, неясно доносящимися голосами гостей.

♦ Жена успешно суетилась, полшкафа было вывалено на диван, стулья, стол, просто на пол. С тем большим, правда, раз от разу повторяющимся изумлением, Виктор Петрович, подняв опущенные пять минут назад в показном смирении глаза, обнаружил, что в одежде супруги не произошло даже малейшего изменения.

— Вера! — умоляюще, укоризненно, одновременно сдавленно робко, нудно-настойчиво решился поторопить муж... И испугался, внутренне ойкнув. Однако презрение жены ко всем делам и существам Земли, не помогавшим ей в выборе платья, было так велико, что непристойное напоминание мужа, перешедшее от запротестовавшего ума к языку и гортани, от них — к колебаниям воздуха, подскочило к ушам жены, но, попав в кипящее облако возмущения ее ума, чувств, тела, мыслей, мигом отрезвело, в ужасе бежало назад, слабым эхом отдавшись в ушах Виктора Петровича:

— Вее-ра-а-а...

Снова все стихло, пошли следующие пять минут ожидания, нетерпения и нарастающей ярости.

Виктор Петрович обмяк, уши загорелись, в правом, потом в левом ухе звонко, высоко, монотонно зазвенело. Течение времени расширилось в русле, замедлилось до скорости черепахи, наблюдаемой с крыши шестнадцатиэтажного дома. Ранее раздражавшее частое тиканье часов на столе замедлилось, перешло в резкий, глухой, короткий бой с длинными паузами. Наступил момент, когда ожидание перешло в ощущение чистого времени; в голове лихорадило, гулко бухало. Слово «время» стало назойливо рифмоваться с премией, очевидно необходимой для покупки жене нужного туалета.

— Почему премии? — усилием воли стряхивал оцепенение Виктор Петрович,— почему премии? Или я на службе? Не дома, не жду свою, как ее... жену?! — Но дремотная мгла снова накрывала его, наносимая глухими, резкими ударами будильника.

Вновь он бездумно смотрел на жену, ворох тряпок, груду обувных коробок; взгляд, отключившись от мысли, слившейся со временем, заскользил мимо всего: жены, тряпок, груды обувных коробок... остановился на носке правого ботинка собственной ноги, перекинутой через низкий подлокотник креслица: детская привычка. Мерно, в такт уходящему времени, чуть покачивал ботинком.

Он почувствовал нехорошее, сходное с легким недомоганием, тупошафранной болью в затылке, что появляется, если тепло одетый, в солнечный, но холодный ранне-весенний день час и другой бегаешь по городу, толком не зная: куда? зачем? Зажмурился, боль оставила. Снова чистое течение времени, ставшее основой жизни, заполнило голову, тело, кровь, легкие. Тягучая, замедлившаяся мысль поползла гекзаметрической лестницей.

Когда-то времени теченье, расширясь в берегах,
Долины бремени томлении даст отраженье в облаках...

Из оцепенения вывел стук упавшего флакона, резкий запах разлившихся духов. Он нарочито не открывал глаз, когда раздался стук; две с лишком минуты неслись глухо сдерживаемые стенания по утраченному флакону «Визави», модных в сезоне. Постепенно стихло, стало прилично спокойно. Жена отходила.

Но прежнее состояние слияния со временем к Виктору Петровичу не возвращалось. Был он настороже, когда бесконечная полоса ожидания и томления обещала кончиться; некая, впрочем, чисто мужская логика связывала падение духов с окончанием акта одевания. Для страховки отсчитав по убыстрившимся ударом часов минуты три, он устало, торжественно поднял глаза: увы, все та же картина с тем значительным отличием, что жена сидела на краешке дивана, по-прежнему не одетая. По выражению ее лица было ясно: утрачена вера в способность одеться. Но инерция торопливости не ушла, она машинально перебирала флаконы, глядя поверх них, рассеянно рассматривая устроенный в комнате базар.

— Вера!! — уже громко, назидательно, гневно выкрикнул, поднявшись с кресла, Виктор Петрович. Все повторилось в хорошо знакомой последовательности, лишь с несколько более сильным акцентом ответных реплик жены, с большей амплитудой подрагивания носка правого ботинка.

Еще через пару циклов жена слегка оделась, но тут она и Виктор Петрович скорее почувствовали, чем уловили, молчанье гостей.

— Сходи, скажи... скоро будем... развлеки,— процедила жена сквозь зажатые, занятые шпильками губы. Виктор Петрович ахнул, как он-то забыл о них, стоящих в тесном коридорчике, издевательски названном прихожей, ждущих, недоумевающих,— и выбежал из комнаты.

Он вышел к ожидающим с растерянной улыбкой, извиняясь всем телом, так умеют делать только провинившиеся собаки, краснея кожей лица, рук, а может быть пяток. На их лицах он увидел, равно и в позах, знакомые симптомы ожидания, томления. Как летучая зараза, ожидание вытекло из дальней комнаты, пронеслось через проходную, две двери и захватило пришедших: один сидел в позе ямщика на обувной тумбочке, покачивал, точь-в-точь, как минуту назад сам Виктор Петрович, носком правого ботинка. Двое стояли друг против друга, привалившись к стенам. Петр задумчиво курил, опасливо сбрасывая нагоравший пепел в приоткрытую туалетную дверь.

Виктор Петрович затратил даже определенные усилия, чтобы перевести разморенных духотой коридорчика и ожиданием гостей в комнату. Однако дружеское веселье заметно сникло, разговор получался уже не эмоционально взвинченным, но отрывистым, с выискиванием тем, слов. Гости более не старались торопить, только по их коротким взглядам Виктору Петровичу было ясно: поторопиться следовало полчаса тому назад. Однако, поддерживая общий, «развлекающий» по терминологии жены, разговор, хозяин и гости умышленно не затрагивали тем основных, имеющих значение. Все по обоюдному молчаливому согласию сберегалось до общей встречи, пока же обходились дежурными пустяками, полувопросами, вялыми анекдотами.

Из-за двери закрытой спальни донесся частый твердый стук; так может стучать лишь женщина, надевающая туфли. Недоверчивая радость зародилась в центре существа Виктора Петровича:

— Туфли не духи, они ведь завершают чертово одеванье?!

Чуть повеселев лицом и душой, он объявил:

— Кажется все. Готово... пойду посмотрю.— И ушел к жене в спальню, но еще прежде чем затворилась дверь, трое оставшихся явственно расслышали разочарованный вздох, невольное, спазматическое восклицание. Их души, ставшие за последние полчаса времени слияния с ожиданием предельно чуткими, все поняли, загрустили, а тела в предчувствии продолжения пытки ожиданием обмякли.

♦ В спальне же, вслед за короткой, энергичной перебранкой шепотом, была вновь проиграна знакомая сцена, душой которой были ярость и ожидание, актерами — жена и ожидающий, тоскующий муж Виктор Петрович.

Увидел же он, войдя в комнату, прежнюю картину, тот же барахольный базар, ту же неодетую жену. Правда, теперь она стала выше ростом, прохаживалась перед трюмо каким-то нарочитым, кобыльим шагом, косясь на зеркало, топча, стуча туфлями на высоченных каблуках, пыталась при этом причесываться, тут же хваталась за тряпки, с гневом их отбрасывала.

Прошло несколько несчетных минут, Виктор Петрович уже не решался выйти к гостям. Ему было стыдно.

Опять замедлилось тиканье будильника, бесконечное время потекло все более, более расширяясь, границы его потерялись; море, а не текущая река ожидания окружило Виктора Петровича. Время остановилось, стрелки часов замерли, бой прекратился, замер на последнем ударе, звук его повис в воздухе, отражаясь многократно, бесконечно от стен, пола, потолка, зеркала, окна, отобразился в голове сидящего и ожидающего знакомой тупо-шафранной болью.

Прошло несколько тысячелетий. Виктор Петрович вдруг испугался, что гости давно окаменели, высохли, лишь их сморщенные временем ожидания мумии, сухенькие, уменьшенные, черно-обуглившиеся, сморщенные копии провалятся сквозь прогнивший остов дивана и, ударившись о нетленный железобетон межэтажного перекрытия, распылятся в прах. Не останется и следа, образа их пребывания на Земле...

Он испугался, вскочил со своего покрытого пылью тысячелетий ожидания кресла, стоявшего прямо под окном, неловко наступил на валявшуюся под ногами вертлявую женскую туфлю, потерял равновесие, инстинктивно взмахнул, как пловец брассом, назад руками, не удержался и со всего немалого роста затылком грянулся в оконное стекло.

Жена закричала истерично, страшно, визгливо. Вбежали гости и под крики, плач жены отнесли зажмурившегося от боли Виктора Петровича на диван, оставляя на полу редкие капли из оскальпированного затылка и макушки головы.

Жена, не переставая рыдать, выгребла верхний ящик серванта, ища йод, вату. Тем временем двое гостей прикладывали к пораненной голове скомканный стерильный бинт, а третий опрометью выбежал из квартиры — помчался к автомату вызывать «Скорую».

Однако, еще не дождавшись йода с ватой, один из ухаживающих за полумертвым Виктором Петровичем стал принюхиваться, осторожно обратил внимание другого на странный запах крови. Тот тоже принюхался, потом они вместе внимательно исследовании бедную голову: на ней не было даже малейшей царапины, просто Виктор Петрович почти потерял сознание от ярости, тоски, испуга, услышав звон выставленного затылком стекла, а подбежавшая к нему с флаконом ярко-красного польского

ногтевого лака супруга, от испуга весь его вылила на голову ничуть не пострадавшего, ввиду наличия густых вьющихся волос, Виктора Петровича.

Вскоре он совершенно пришел в себя. Коря за растяпистость, но сияя и радуясь, жена, а с нею гости, отмывали растворителем свежий лак с волос смущенного до полного онемения страдальца. Потом его отправили в ванную мыть голову. Тем временем жена быстро оделась, причесалась, остатками лака покрасила ногти. Пока сохла под рефлектором электрокамина голова Виктора Петровича, жена и двое гостей пили кофе, абсолютно непринужденно, а главное — весело смеялись, вспоминая былое, загадывая о предстоящем.

Все закончилось прекрасно, весело, даже пикантно. К общей радости и окончательному облегчению третий гость вернулся ни с чем. Он вбежал в квартиру с расстроенным донельзя лицом, в поту: все автоматы в микрорайоне были разбиты хулиганами, либо просто неисправными.

— Надо самим в больницу нести, далеко она, где? — И... изумился, увидев смущенного, также пьющего кофе Виктора Петровича.

Еще через пять минут они ушли, оставив записку деду с сыном, а также квартиру со следами одевания жены и разбитым стеклом — горьким плодом несдержанности Виктора Петровича. Еще более обрадовались случившемуся анекдоту на вечеринке, где первой дамой была признана жена Вера, а Виктор Петрович был ее трагикомическим героем, который всегда украшает дружескую компанию.

♦ Опять я разболтался, тянет с возрастом к эпическому, Пушкина и того к прозе потянуло-таки... Как вспомню свое тихое, расчудесное СКБ, так хочется запеть опять же тихое, протяжное, мирное. Но, чтобы покончить с описательностью и перейти к делу, закругляюсь: через неделю работы на новом месте знал я обо всех, почти со всеми имел доверительные беседы, а кое с кем, в том числе с Филимоновым, заглядывал после работы в местный «Поплавок». Все оказались прекрасными парнями. Но — к делу.

Все началось... впрочем, началось-то еще за полгода до моего прихода в СКБ, началось лишь для меня, только что узнавшего об э т о м ; остальные знали с самого начала, но так попривыкли, что говорить об этом не говорили. Словом, для них это была данным давно приевшаяся новость, потому далеко не новость, не диковинка уже, так себе: факт, обыденность, регламент, наконец, своего рода пунктик в секторе.

Даже не само воспоминание о полугодовой были стало причиной моего узнавания, а нечто более житейское, одна из обычных неувязок в городской торговле времен последнего приступа социализма.

Город наш, хотя областной, не очень удаленный от столиц и других университетских центров, но все же провинциальный, поэтому неувязки в торговле дело настолько привычное, что люди умерли бы со скуки, пойди здесь дело, как то требуется, по всем торговым правилам. А случилось то, что в городе, который уже раз за последнюю пятилетку, пропали сигареты с фильтром. Дело обычное, но до конца непонятное, ибо сосед по подъезду Левка Гольдин, старший товаровед с областной базы, даже из того отдела или подотдела, не знаю точно как, что ведает, кроме всего прочего, заготовкой, снабжением области и города табачными продуктами, клялся, божился мне, что централизованные и прямодоговорные поставки в область сигарет с фильтром третьего и четвертого классов, пользующихся наибольшим спросом, не только не уменьшились в последние месяцы, не имели перебоев, но, напротив, имели тенденцию к возрастанию объема: так требовал план сверху, иначе бы он, Гольдин, не получал своих квартальных премий. А премии он действительно регулярно получал, это я знал, иначе как бы он на свое стопятидесятирублевое жалованье купил «Жигу-

ли» лучшей модели, сделал вступительный взнос в кооператив, построил загодя еще кирпичный гараж. Не пил бы он без премий после работы коньяк в «Спортивном», где, как известно, собираются между пятью и семью часами деловые, денежные люди. Но это опять к слову. Гольдину я поверил, знал с детства, вместе выросли, тайн друг от друга не держали, хотя давно витали в совершенно различных сферах жизнедеятельности. Итак, сигареты на городские базы поступали планово, регулярно, а в продаже они стали исчезать; в начале апреля перестала появляться в киосках без того редкая сорокакопеечная «Ява», через неделю исчезли «Столичные». Болгарские сигареты продержались с месяц — и пропали. К тому времени, как я перешел в СКБ и проработал совсем немного на новом месте, народ подобрал все старые запасы, а фильтрованные сигареты пропали в пригородах, окраинных поселках и городках, где они обычно дольше всего задерживаются. В курилках наблюдалось изо дня в день, как в телесериале, давно знакомая картина: то один, то другой нервно сминал пустую пачку из-под «Столичных», «Каравеллы» или «Родопей», щелчком бросал ее в урну и переходил на «Ватру» — сигареты-выручалки. Дольше всех держался Чертопанов, в отчаянье перешедший на восьмидесятикопеечную «Яву» удлиненного формата. Ей-то изводу не было, но кто кроме него будет курить такие? — Может, какой сумасшедший, школьницы? Наконец, Чертопанов сдался. В один из дней он демонстративно отдал почти полную пачку нелепых сигарет несовершеннолетнему лаборанту Витьке, выругался: «Трава!» — и попросил закурить победительную «Ватру». С того самого дня в киосках кроме «Ватры» и курского «Беломора», до которого никто еще не падал, я ничего не встречал.

Но когда я выложил факты Гольдину, тот нимало не смутился, а чтобы я отвязался от него, принес показать мне с работы ведомости об очередных плановых поставках. Я прочитал скучные перечислительные пункты, глазам не поверил: все исчезнувшие сигареты поступали помесячно, ежеквартально из расчета одной пачки в день на статистически учтенного курильщика области плюс форс-мажорный резерв.

Тогда-то развеселившийся моим удивлением Гольдин раскрыл мне, непосвященному, всю несложную, в то же время сложную тайну сигаретного, равно, как сообщил доверительно Гольдин, любого другого продуктово-мануфактурного кризиса в торговле, исключая мясо и колбасу, которых действительно стране пока не хватает для растущих потребностей трудящихся*.

♦ — Дело это,— пояснил он,— начинается стихийно. Допустим, в табачный киоск № 16 Второго горпищеторга «Гастроном» две недели подряд не завозили сорокакопеечную «Яву»; просто кладовщику лень было идти в дальний угол, а может кто перепутал накладные и отправил удвоенную партию этих сигарет соседнему, семнадцатому киоску. А у каждого киоска есть постоянные, многолетние покупатели; скажи, ты сам-то где чаще всего курево берешь?

— Да, пожалуй, в киоске на углу Сталеваров и Фигнер. Я на работу мимо хожу... удобно по пути.

— Вот видишь? И другим удобнее хочется. Вот курильщики, приписанные к шестнадцатому киоску, раз не находят там «Явы», два, а в третий раз, помня о табачном кризисе позапрошлого года, когда народ до махорки дошел, решают: начался новый, дескать, все табачные фабрики страны, кроме курской, на профремонт закрылись, и ,

* Много-много лет спустя издательство «Наука» выпустило в русском переводе книгу «Дефицит» знаменитого венгерского экономиста Карнаи. За этот труд Карнаи получил, если мне не изменяет память — вписываю это примечание уже находясь на пенсии — Нобелевскую премию, однако получил он ее зря: не учел особенности происхождения дефицита в нашем отечестве; все собираюсь навестить ныне живущего в Москве Гольдина, порекомендовать выступить ему со своей, наиболее правильной теорией дефицита, имея в виду претензию на Нобелевское лауреатство. Профиль у него подходящий.

ругая на чем свет стоит ни в чем не повинную систему снабжения, закупают оптом по 40—60 пачек, скупают всю «Яву» в соседнем семнадцатом киоске. Но ведь там есть свои постоянные покупатели! Понимаешь? К концу второго дня от начала паники «Ява» исчезает во всех киосках, магазинах города. Кому она не досталась, те начинают скупать «Столичные», за ними идут болгарские пятидесятикопеечные сигареты. Но это еще не беда, это даже полбеды. Если бы на этом все остановилось — не было бы кризиса. База совершила очередной завоз, киоски и магазины вновь бы наполнились вожделенными сигаретами, а так как курильщики уже заготовили себе двух-трехмесячный НЗ, то оказались бы в глупейшем положении: всюду лежит прекрасная, свежая, знакокачественная «Ява», а у них дома по 50 пачек сомнительного «Карабаха», неудобоваримого «Аэрофлота» явно не болгарского производства, а жена больше денег на курево не дает.

Но тут-то,— сказал мне Гольдин,— срабатывает вечно настороженный механизм периферийной торговли. Ведь мечта каждой мелкорозничной торговки, хозяина солидного универсама, наконец, любой торговой точки — это перевести недефицитный товар в класс дефицита, а по возможности — острого дефицита, тем самым приобрести эквивалент для натурального, в народе — подприлавочного обмена с торговыми учреждениями с профилями отсутствующих у них самих товаров... Ты замечал, наверное, что несут с собою продавщицы домой, запирая на ночь магазины?

— Да-а, я прогуливаюсь вечером иногда с женой, часов в восемь, в девять... Каждая по две, а то по три набитые сумки волокет. Воруют, сволочи!

— Допустим, ворованное открыто не несут, да продавцы не воруют. Воруют воры — разделение труда, понимаешь? Политэкономию-то изучал? И воров, кстати, все меньше и меньше остается. Опасно потому как. Несут они к у п л е н н о е .

— У себя что ли?

— Отчего же, и у себя. Из того, что к прилавку не допускается, но обычно — в соседнем магазине купленное. А если бы ты не шел на поводу молвы, повнимательнее приглядывался, то отметил: продавщицы из рыбного несут финские меховые сапожки, книготорговцы — дальневосточную селедку, тресковую печень. Из обувного выносят очередной том Жорж Санд или французский детектив, и так далее в любых сочетаниях. Даже что-то несут из керосиновой лавки, что на бывшей площади Александра Невского. Я правда не знаю, как из керосина сделать что-либо дефицитное, но они знают.

Теперь сообразил? — Ну да, правильно: в обед рыботорговка занесла, конечно, заплатив у себя в кассу положенное, в соседний книжный магазин два кило копченого трескового филе и четыре банки порезанной кусочками сельди в горчичном соусе, пью! Пальчики оближешь,— заметил вскользь Гольдин,— и забрала купленные для нее книгопродавцом через сестру в обувном магазине только что поступившие с базы финские сапожки, доплатив существенную разницу. Обувщица — у них сегодня учет — только что занесла сапожки сестре, взяв заодно очередной том Жорж Санд, подписанный помимо дикой, кровопролитной очереди, писавшейся на женского классика еще за десять лет до принятия Госкомиздатом решения о выпуске собрания ее сочинений. Но, заметь, это не все, если только продавцы менялись бы между собой, то на прилавок поступали бы лососи, селедка, эти самые сапоги. Честное слово! Не знаю как с Жорж Санд... Но ведь рыбница обменяла сапоги для племянницы-студентки, той жениха искать в этих сапожках. Книготорговка несет соленую рыбу сразу для трех клиенток: портнихи, жены мужниного начальника и заведующей детсадом, взявшей по блату на дошкольное воспитание ее ребенка. Понятно, что обувщица не сможет ответить на вопрос о половом статусе Жорж Санд; подписными изданиями ее супруг оплачивает некую услугу в части ремонта личного автомобиля, а

впрочем, может сам коллекционирует книги впрок: это вклад капитала без риска, с большими процентами.

Я перебил монотонную, обстоятельную — с детства не любил эту Гольдину обстоятельность — речь:

— Неужели на сигареты тоже подприлавочный спрос есть? Не смеши!

— А ты слушай, коли завел меня, слушай. Так вот, сколько у нас в стране что называется работников системы обслуживания и торговли? То есть тех, кто имеет на руках эквивалент дефицита? Наверное, миллионов десять-двенадцать. Они обслуживают друг друга, свои семьи, знакомых, отчасти соседей. Возьмем для ровного счета: откинул, набавил костяшки условных счетов.— Итого: 100—120 миллионов снабжается дефицитом, минуя прилавок в общепринятом смысле. Осталось лишь подсчитать число несчастных, не попавших в сферу действия могучего эквивалента дефицита. Что? Дух захватывает? А ведь не будь этого, в основе — искусственного дефицита, всем бы он доставался, хотя бы через раз... Вот так-то, а ты удивляешься: в магазинах ничего нет, а все всё имеют. На улицах от школьниц до пенсионеров все в импортных портках, водительницы трамваев — те в канадских дубленках, в гости прийдешь — птичье молоко и то есть местной кондитерской фабрики; коллеги твои по работе на обед в столовую не ходят, брезгуют картонными котлетами, бутербродики с бужениной лопают!..

— Да нет,— обрадованно перебил я Гольдина, мстя ему за монотонность тем, что наконец-то поймал на неточности теории,— очень мало кто у нас с буженинкой-то кушает, да с сигаретами тоже непорядок: все как един перешли на «Ватру». Что ж, значит такое у нас несчастное учреждение, что никто не попал в эти 120 миллионов из всего-то двухсот с половиной? А?

— Какой-то ты, Петрович, нервный стал, все торопишься... Я же не сказал еще — а в этом вся суть! — что эти 120 миллионов равномерно распределены среди всех жителей страны. Отнюдь, как говорится в старом анекдоте! Так кто все же имеет доступ к дефициту! Отбросим в сторону (в части рассуждений, конечно, не подумай чего лишнего!) миллиона два-три больших начальников — партийных, исполкомовских, производственных, — членов их семей, то есть тех, кто кормится из спецраспределителей. Отбросим всю Москву — образцовый город. А вот остаюшиеся-таки сто с лишком миллионов обладателей дефицита составляют специфическую группу населения. Мы с тобой выяснили, что исходным звеном в распределении дефицита является продавщица, именно она; продавцов у нас мало, исключая Кавказ, Среднюю Азию. Но там и система распределения иная, не будем в нее лезть. Кто, как правило, муж продавщицы? — Не инженер, это однозначно, не учитель. Муж ее — таксист, милиционер очень часто в сержантском чине, небольшой чиновник с торговой базы — общая почва для знакомства была,— а также ловкие ребята-работяги с приличной зарплатой, всевозможные полуофициальные фарцовщики. Да, чуть не забыл: перспективные водители персональных автомобилей больших начальников, очень большое число всевозможных технических, полутехнических служащих, что обитают около распределения жилья, стройучастков, путевок, льгот различных калибров. Так что компания весьма однородная подбирается. То же самое, исходя из принципа «рыбак рыбака видит издалека», можно сказать о снабжаемых продавщицами, только здесь круг расширяется за счет полезных знакомых, могущих оказать дефицит в форме иной, не торговой: врачи, в первую очередь, особенно стоматологи, заведующие детскими садами, яслями, паспортистки в ЖЭКах и паспортных столах, сотрудники жилотделов исполкомов опять же, участковые, судьи, директора, завучи школ — иногда, завгары, кладбищенские ответственные работники... Ну, тут всех на трезвую голову не перечислишь! Ваш брат, инженерия то есть, никак сюда не вписывается.

Амба! Ша! Сам понимаешь — у вас дефицита нет. Кульман ваш никому не нужен, да вы его и не вынесете через охраняемую проходную. Так что, Петрович, одно спасение тебе: поближе к пенсии переходи работать в институт, например, если сумеешь. Институтские преподаватели — носители хо-оррошего дефицита!

Впрочем, вернемся к сигаретам. Почему полагаешь не дефицит? Почему не эквивалент! С удовольствием: я тебе пару блоков «Явы» — ты мне килограмм селедки, идет? — Пойдет, бойко пойдет! Муж рыбницы, сержант или завбаней «Ватру» смолить не привык. И вот табачные киоскерши воспользовались случайной паникой, создали дефицит. Дальше — больше: уже «Ява», «БТ» в охваченном паникой городе оседают в распределителях, до киосков не доходят, а киоскерши не все еще урвали от паники, берут что поплоше, что с баз перепадает. «Опал»? — прекрасно, «Интер»? — пойдет, не все же дубовую крепость «Ватры» выдерживают или аромат курского «Севера»...

Гольдин ушел, оставив после себя облачко коньячного запаха. Я держал в руке презентованную мне пачку кишиневского «Мальборо», а в голове — великую ясность. Не было больше загадок.

♦ Кстати, чего-чего, а в знании практической жизни Гольдину не откажешь: все у него со смыслом, с дальним прицелом. Если он купит подписку, скажем, той же Жорж Санд, то только ради капитала. Это не другой мой сосед, что подо мною живет; тот на этих книжках (я сам люблю почитать)... с ума сошел, свихнулся в самом прямом смысле.— Со справкой.

Ведь всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. Абсурд — есть самоубийство у героев авторов школы Достоевского. В жизни же людей моего скромного круга общения — это легкое помешательство соседа Гребенникова. Но — по порядку.

В 1440 году ювелир из Майнца Иоганн Геннсфляйш Гутенберг изобрел книгопечатание; это стало источником и причиной психической неустойчивости, проявившейся еще лет десять тому назад, фотографа ателье «Рассвет» горбыткомбината Ивана Геннадиевича Гребенникова. Таинственные, неумолимые законы природы протянули нить возмездия длиной в три тысячи километров от Майнца до Т. и сроком времени в пятьсот с лишком лет.

Нельзя сказать определенно, что именно сам Гутенберг причинил психическое страдание Гребенникову: по той причине, что во времени и в пространстве между ними, исходной и конечной точками возмездия, втесались разные исторические лица, в основном — занаменитейшие писатели всех веков, всех народов. Но вот как все произошло:

...Душная июльская ночь заставила Ивана Геннадиевича отворить окно настежь, хотя он не любил даже занавески раздвигать: с улицы могли подсмотреть, увидеть сокровища, ограбить однокомнатную холостяцкую квартиру Гребенникова, расположенную, между нами говоря, на седьмом этаже.

Проиграло двенадцать, а он не мог заснуть, лежал в пижаме на кушетке, тоскливо смотрел на свои сокровища: три тысячи томов, уставивших в идеальном порядке обе свободные от окна и дверей стены — от пола до потолка. Чего здесь только не было? Но мир книг — мир песчинок, столько их написали досужие люди. И хотя, действительно, стены комнаты были заставлены шедеврами, все же, не кривя душой, сам себе с горечью говаривал Иван Геннадиевич: «Скорее можно сказать, что здесь есть, чем чего здесь нет!»

Сегодня он вернулся поздно, фотографировал на роскошной свадьбе: роднились через детей династии из 3-го горпищеторга «Гастроном» и треста мелкорозничной

торговли. После съемок забегал к себе в ателье проявить пленки, развесил их для сушки и пошел домой.

— Да-аа,— с зевком подумал,— завтра встать пораньше, отпечатать десятка четыре фотографий...— Так было обещано матери невесты, главной устроительнице свадьбы. Счастливые родители хотели уже на второй день раздать цветные фото в заграничного покроя продолговатых конвертах наиболее видным гостям.— Эх, рано вста-а-авать!

Он зевал, зевал, тоскливо глядя на книги, но сон не шел. А тосковал Иван Геннадиевич по простой, непонятной для обычного человека, но животрепещущей для истинного книголюба причине: в роскошной загородной вилле (никто, конечно, не осмелился бы назвать ее сиротским словом «дача») родителей невесты, где гремела свадьба, фотографу отвели для подготовительных и регламентных работ с аппаратурой комнату-библиотеку, аккуратно, как у самого Ивана Геннадиевича, уставленную всеми дефицитными изданиями, вышедшими на территории СССР с 1957-го года, то есть с года, когда нынешняя хозяйка окончила торговый техникум и получила свою первую должность: заведующей районной базой сыродельной продукции, с которой получила доступ ко всему дефициту сначала в пределах района, а впоследствии, вырастая в должности,— в пределах всей области, даже — экономического района.

Перезаряжая оба фотоаппарата и кинокамеру, Иван Геннадиевич не отрывал глаз от полок. Покончив с работой, взял с принесенного загодя рачительной хозяйкой подноса бутылку масандровской мадеры (крепких напитков он не пил с тех пор, как однажды после пары стаканчиков водки потерял чувство соразмеренности и невыгодно перепродал подписку Золя), хлопнул рюмку-другую, закусил копченой лососиной, скушал в аппетит икряной бутерброд, покосился на запертую изнутри дверь — «Осторожно — фотоработы!» — и, предвкушая удовольствие необычайное, начал двигаться вдоль полок, любуясь сокровищами полиграфического искусства. Книги были новенькие, не читанные, даже руками только раз опоганенные: когда на полку ставили. Сердце книголюба засветилось избытком счастья при виде столь новехоньких томов. Из всей библиотеки только пять-шесть томов Дюма (дочка в школьные годы, в летние каникулы), том Флобера (хозяйка брала на юг на пляже лицо укрыть, развернув посредине), да мемуары Черчилля носили следы более подробного ознакомления. Кстати о Черчилле. Хозяин как-то в смерть поругался с супругой, заточился от мира сего в библиотечной комнате, выдержал два дня без вина, от смертельной скуки читал Черчилля, привлекшего его внимание скандально знаменитой фамилией. Да кому было читать? — Это деловой-то хозяйке, вечно в хлопотах, несущей на себе бремя должностных, общественных, семейно-хозяйственных забот: квартира в городе, вилла, опять же резервный, законсервированный в городе кооператив для дочки, автомобиль, гараж при нем, второй дачный участок, записанный на мужа... Или мужу-сибариту, толстяку, добродушному, непросыхающему любителю армянского коньяка, а в опале всех иных вин и настоек, было время читать? И уж, конечно, не дочке, только начавшей отдыхать от трудностей спецшколовской усложненной программы с французским прононсом, тут же повстречавшей будущего спутника жизни.

Сердце Ивана Геннадиевича пело и страдало. Пело от счастья близости к нетронутым, девственным сокровищам, невыносимо же страдало от сознания их чужой принадлежности. Несколько раз сердце едва не останавливалось, когда взгляд натыкался на том, который ему лишь во сне являлся. А один раз екнуло в груди, сердце действительно на пару секунд притормозило, когда взял в руки нечитанный, скрипящий прекрасным, кирпичного цвета кожзаменителем обложки том романов первоизданного Михаила Афанасьевича Булгакова, тот самый: год выпуска 1973, тираж — 30 000, цена — 1 р. 53 коп. Ах, эти «Романы»! Как они вызывающе значились на пер-

вых листах во всех поисковых списках книголюбов: коллег, друзей, врагов Ивана Геннадиевича одновременно. Правда, он не помнил точно, какие там романы напечатаны, но — ах! Ах! «Романы»! «РОМАНЫ»!

— Господи! — молил он бога в запертой на задвижку библиотеке,— господи! Порази громом всех хозяев, гостей. Нет, он не побежит тотчас за «левым» грузовиком, чтобы до приезда «Скорой», милиции вывезти все сокровища, нет, он только одного красно-кирпичного Булгакова сунет на дно пузатенькой сумки с фотопринадлежностями и тихо-мирно уйдет. Дома же поставит книгу на лучшее место и будет, лежа на кушетке, наслаждаться видом корешка:

М. А. БУЛГАКОВ. «РОМАНЫ»

Иван Геннадиевич раззевался, сон не шел, а ведь завтра работать спозаранку? Булгаков вертелся в голове. Сегодня Иван Геннадиевич только усилием воли заставил правую руку выдернуть из мертвой хватки левой драгоценный том и поставить его на полку. Не оглядываясь, подальше от искушения, он подхватил аппаратуру, запер за собою комнату, пошел фотографировать пьяных гостей, сияющих от счастья новобрачных.

Пробило полпервого ночи. Иван Геннадиевич осторожно присел на подоконник, посмотрел на синие фонари улицы, какая-то нехорошая мысль подспудно созревала в его голове насчет завтрашнего дня. Он гнал ее. По причине лета тихо смеялись заполночь парочки во дворе, громко бахвалились подростки — начинающие хулиганы. Именно в этот момент полуночник и меломан сосед негромко, но явственно включил музыку: это в час-то ночи?! Тоска терзала, когтила сердце Ивана Геннадиевича. Он мрачно прислушивался к затененным мощным звукам, шедшим из соседнего, тоже растворенного настежь окна. Меломан-лунатик в час ночи слушал Вагнера. Волнение рейнских героев неожиданно захватило Ивана Геннадиевича. Гибли боги, музыка являла собой величественное сочетание высшей гармонии, импульса мощи, надежды, оптимизма. Это на миг ослабило тоскующего, терзающего сердце зверя, но зажужжала случайно проснувшаяся муха и все испортила, вновь он был схвачен тоской, поймал муху-полуночницу, с остервенением хлопнул ладонью о подоконник, брезгливо вытер руку о полу пижамы. Музыкальный ритм все замедлялся, густела, нарастала тревога. Ворвались медные звуки: кровава-мутное солнце затопило тревожным светом долину Рейна. В блистающих шлемах стеной стояли гигантские воины, вонзив в берег копья. Великаны стояли и в траурной ладье с телом Зигфрида. В исходе тоски, величия гибели богов Рейна звенела на невыносимой ноте музыка, тревога будоражила людей, мурашки густо кропили кожу от звуков этой нечеловеческой, тревожной, чарующей музыки, а Иван Геннадиевич с остервенением стал расчесывать прыщик, вскочивший на щеке... Выпив стакан кефира, он улегся под несвежую простынь, еще с четверть часа поворочался и уснул-таки, упросил сон забрать его.

♦ На следующий день, в субботу, Гребенников с шести утра, на первом трамвае добрался до ателье, своим ключом открыл запасной вход, поднялся в лабораторию, снял с веревок высохшие пленки, в самое короткое время отпечатал, отглянцевал нужное число фотографий: самых моментных. К назначенному времени прибыл к месту сбора гостей и в заарендованном туристском «Икарусе» был отвезен вместе с хмурыми с перепоя застольщиками на свадьбу. На месте позавтракал, занялся делом, стараясь не смотреть на заветный том, не вспоминать вчерашние нехорошие мысли.

В одиннадцать он договорился с понятливым братом жениха, непьющим еще девятиклассником, чтобы тот пару часов пощелкал гостей, тем более, что наступило время малоответственное: решено было выйти просвежиться в сад к расстеленной там скатерти-самобранке. А сам Иван Геннадиевич на попутной машине разъездного

гостя свадьбы укатил в город на обычное дежурство у «Буккниги». С одиннадцати до обеда было самое продуктивное время. У магазина поздоровался с коллегами, занял обычную позицию на подступах. Задача заключалась в отлове идущего в магазин сдавать книги простака, в перекупке за бесценок случайно оказавшейся у того приличной, а то и вовсе раритетной вещи.

Сегодня клиент шел слабо, вяло: день выдался жаркий, люди разбрелись за город. Редко-редко шли в основном страждущие опохмелиться, несли всякую чушь: школьные завалявшиеся учебники, выкраденные у жен журналы мод, разрозненные номера «Науки и жизни». Иван Геннадиевич уже жалел, что поехал: это от коньяка — чуть-чуть можно не на торговле! — и разносолов-то? Время от времени поглядывал на часы: к двум непременно надлежало вернуться, ибо с 14:00 начиналась серьезная работа. Мать невесты планировала специальные групповые съемки на природе, в саду. Предполагалось отснять короткометражный фильм. Все приурачивалось к двум часам, ибо именно к этому времени на свадьбу ожидался настолько важный, занятой гость, что и своей-то свадьбе, включая официальное открытие медового месяца, мог, наверное, уделить только час-другой. По предварительной договоренности с хозяйкой, за фотокинообслуживание по первому классу Иван Геннадиевич должен был получить приличную сумму. Он уже мысленно распорядился: в какие книги вложить внеплановый доход.

Гребенников совсем было собрался уходить после того, как некто небритый попытался продать ему брошюру с биографиями передовиков местной мукомольной промышленности, но в этот момент, почти по сверхнаитию, он поставил уши топориком, придвинулся к двум беседующим гражданам; один из них был Борис, коллега по увлечению фотографией, другой — случайный прохожий, толстый улыбчивый парень. Последний, профан в книжном деле, удивлялся: чего это солидные люди толкаются с утра до вечера, как он заприметил, будто у магазина «Автомотозапчасти»... Его собеседник вкратце, упрощенно, для народа, рассказал о сути благородного дела книгособирательства, о выдающихся книжных редкостях. Перечисляя последние, само собой упомянул единственное пока издание Булгакова. Начиная с этого момента разговор приобрел для Ивана Геннадиевича весьма интересную подоплеку:

— Булгаков? Это о белогвардейцев, что ли? Есть у меня такая книжка, а я не знал, что редкость. Красная такая, да?

Борис подавился слюной.— Откуда? Где взял? У кого купил?

— Да я не покупал. Что у меня деньги казенные, такие толстые книги покупать? Отец из Монголии привез, он увлекается такими: о шпионах, войне. В Дархане строителем работал, купил в тамошнем магазине. Я сам прочитал первый роман про белогвардейцах. Так себе, а дальше какой-то бред про котов, чертей... Один парень, со мной работает, предлагал два тома маршала Жукова. Пожалуй, сменяю, папашка как-то просил достать почитать...

Здесь Борис сделал непростительную для опытного, профессионального ловца глупость:

— Да что ты! И не вздумай! Ей под сотню цена! — Тут же спохватился, но со стороны на них уже набегали книжные ловцы. Когда Иван Геннадиевич ворвался в толпу, вовсю шел аукцион: предлагали «Виконта» в 3-х томах, Кристи с Сименоном вкупе, кричали: «Даю полста! — Семьдесят! — Семьдесят пять! — Конан-Дойла три первых тома и тридцать сверху!..»

Парень, не дурак вообще, живо смекнул, что дело темное, раз народ спешит отвалить такую капусту, как бы впросак не попасть, не продешевить. Скоренько он распрощался с собеседником, ласково растолкал толпу хиловатых телом книголюбов и пошагал к себе. Несколько человек увязались за ним, в том числе опешивший Иван

Геннадиевич. Аукцион продолжался на ходу. Постепенно парень погрубел от назойливости, отшил помаленьку всех, кроме скромно, устремленно шагавшего позади остальных Ивана Геннадиевича. Оставшись наедине, последний повел речь. Она была убедительна, долга, красноречива, но парень оказался твердым орешком, даже очень себе на уме. Захлопнув калитку частного и личного одновременно дома, он на прощанье неизменно ласково улыбнулся Ивану Геннадиевичу, доведшему цену до восьмидесяти пяти.

Калитка захлопнулась, взлаял кобель, норовя перескочить забор, а Иван Геннадиевич, запомнив адрес, проклиная всех на свете, помчался назад: парень жил в пригороде, трамваи в субботу из этих мест не ходили — студенты лениво ворошили рельсы. Он опаздывал. На часах было без четверти два, когда он пробегал вспять мимо «Буккниги» на площадь, где можно было поймать такси или частника; на автобусе уже не успевал. Он клял всех на свете парней «себе на уме», пропали золотые минуты, ибо перед уходом с поста он хотел полчаса, с полпервого до часу постоять в самом магазине у окошка сдачи. Сегодня там работала Ниночка, хорошая знакомая. Именно в эти полчаса, по личным статистическим данным, приносили самые интересные книги, а Ниночка что угодно отдала бы ему, не зря раз в год Иван Геннадиевич обновлял витрину своего ателье художественным портретом стремившейся к замужеству продавщицы-товароведа.

Но здесь без того горестные мысли прервал удар, но не грома; удар попал блестками в глаза, отскочив от кирпичного цвета обложки книги, что несла в руке выходившая из магазина молоденькая девчушка. Инстинктивно, вместе с толпой перекупщиков, Иван Геннадиевич двинулся на нее, та испуганно пискнула, бросилась к поджидавшему ее спортивного покроя парню, с которым поспешно удалилась. Иван Геннадиевич бросился к площади, все же соображая, что решительно опаздывает на свадьбу. Краем уха он слушал рассказ увязавшегося за ним, также расстроенного Бориса. Оказывается, Ниночка накануне гуляла с подругами на девишнике, перегуляла, а сегодня с перегуливания перепутала все те дефицитные имена, что годами нашептывали ей в книжном сладострастии друзья из перекупщиков, Иван Геннадиевич тож. Поэтому, когда какой-то школьник, видимо коллекционер марок, сдал ей Булгакова, она, пролистав начало и уловив белогвардейскую терминологию, решила — товар рядовой, отдала книгу вместе с охапкой ранее профильтрованной литературы на прилавок. Виталия Евгеньевна, старший продавец, тоже пропустила мимо глаз. Книгу же взяла случайная девица, причем, как вспоминал теперь Борис, долго обдумывала: не дорого ли рубль-пятьдесят? На три копейки книгу уценила перегулявшая Ниночка.

Конец истории печален. Не удалось Ивану Геннадиевичу угнаться за третьим зайцем: на площади такси не было, только через четверть часа он сумел взять подозрительного частника, но на выезде из города того остановил гаишник, принюхался, уловил и занялся составлением протокола. Так как от Ивана Геннадиевича тоже попахивало после свадебного завтрака, то для выяснения взаимоотношений водителя и пассажира, кстати незаконного, обоих довезли на патрульной ГАИ сначала в дорожное управление, а потом, поскольку Иван Геннадиевич повел себя нервно, неправильно, последнего для острастки отправили в вытрезвитель.

В понедельник он заехал на виллу за аппаратурой, которую ему молча выдала нанятая прислуга, занятая уборкой. За фактически проделанную работу Ивану Геннадиевичу заплатили по копеечному тарифу Бюро добрых услуг, причем по почте, через ателье, где без того профком готовил кары для нарушителя общественного порядка.

Иван Геннадиевич слегка тронулся, по-прежнему стойко дежурит у букмага. Недавно он громко рассказывал Ниночке, всем любопытным у окошка сдачи, что ночью

являлся к нему сам Михаил Афанасьевич, предлагал рукописи всех трех романов за полторы сотни.

— Денег не было дома! — сокрушался Иван Геннадиевич. Опять неудача. По справке из дурдома ему дали группу.

♦ — Господи! Направь мою руку по верному пути, опять я отвлекся. О чем это я? Да-да, наконец Чертопанов перешел на «Ватру». Вот на другой день после этого события я узнал про Егорова.

Егоров сидел в нашей комнате. В отличии от большинства работников сектора, а точнее — всех остальных, людей пишущих различные проекты, рефераты, отчеты, технические задания, критики на чужие отчеты, Егоров работал с приборами. Почему он это делал? — Точно не знал даже Филимонов. Просто когда-то, очень давно, весь сектор работал с приборами, наравне с остальными секторами лаборатории. Но после очередной генеральной реконструкции структуры СКБ сектор выпал в самостоятельную, в основном, бумагосочиняющую единицу, а Егорова попросили доделать начатую им работу. У всех отобрали, вынесли из комнаты приборы, подравняли в ряды письменные столы, оставив в углу пару кульманов для женского уголка, выдали дыропробиватели, бумагу, папки, шариковые ручки по сорок копеек штука. Егорову же оставили лабораторный стол с приборами. То ли он до сих пор не доделал работу, то ли бесконечно развивал, дополнял ее, страшась пересесть за голый полированный канцелярский стол, но он так и сросся со своими ящиками. К этому привыкли, уже давно никто из начальства не пытался отобрать у Егорова его цацки. Над ним посмеивались, но в душе кое-кто завидовал: делом человек занят, не бумагами.

Вот этот Егоров, худой, с усами, лет тридцати пяти, очень спокойный, малоразговорчивый, тихий, целыми днями просиживал перед петляющим синусоиды осциллографом, все время чего-то высматривал на экране, дымил канифолью — паял.

А теперь — причем тут Егоров и исчезновение из открытой продажи сигарет с фильтром третьего, четвертого класса и поголовным переходом на «Ватру»? Но связь оказалась самая живая, непосредственная: не будь неполадок в торговле табаком, я бы никогда не узнал о происшествии, заставившем меня засомневаться в собственном рассудке.

Так вот, тот день не предвещал никаких новостей: ни аванса, ни расчета, ни премиальных. Футбола-хоккея по телевизору, судя по программе, тоже не ожидалось. С утра тянуло в сон.

— Дождь будет, гроза,— объяснил нам позевывавший Филимонов. Поговорив о том, о сем, весь сектор снялся с места, ушел на первый перекур. Разговор сразу завелся на злобу дня: все вынули мятые пачки «Ватры», взглянув друг на друга, рассмеялись. Особенно смеялись над Чертопановым; он, привыкший к фильтрам, неумело сосал сплющенную сигарету, сплевывал льнущий к губам табак. Он сам смеялся своей неловкости. Позже всех вошел Егоров. В отличии от нас, письменных, он не мог сразу оторваться от стула и уйти.

Я уже настолько вошел в колею местной жизни, что вместе со всеми подшучивал над несколько рассеянным Егоровым. Еще раньше, услышав от него, что всю жизнь он курил только «Приму», а когда та совсем исчезла, перешел на «Ватру», вытащил толстенькую неряшливую сигарету, помял по привычке примно-ватрового курильщика, сдул табак, закурил. Что это он? — Из оригинальности или своеобразного табачного нонконформизма, как бы сказал грамотей Валерка Овцовский: даже любимыми сигаретами пожертвовал, чтобы не быть похожим на всех?.. Да, действительно, человека не узнаешь полностью, пока пуд табака с ним не выкуришь.

♦ Так вот, я притворно изумленно — конечно, я изумился, но притворился для шутки, что, дескать, изумление мое сверх всякой меры, каким не бывает обыкновенное, непритворное изумление — уставился нарочито поглупевшими глазами на Егорова:

— Ты что, Жень, весь народ на «Ватру», а ты на «Дымок»?

Слова мои прогремели громом; все знали не год, не два, что Егоров всему на свете предпочитает теперь, после славной кончины «Примы», сигареты с топориком гуцульского образца. Теперь же все с изумлением раскрыли рты, выпустив клубы нефильтрованного, крайне низкосортного дыма. Егоров смутился всеобщим вниманием: кто смотрел с искренним изумлением, кто настороженно, с некоторой даже обидой, кто еще как. Он не привык быть в центре внимания, наш угловой, загороженный железками, проводами Егоров, не начальник, не секс-лаборантка Шурочка из двенадцатого отдела...

— Да это я так, в буфете нашем на заводе вся «Ватра» вышла, вот... только эти,— растерянно пробормотал он, покраснев до усов. Даже усы вроде поярчели у него.

— А-а, так что не сказал, принесли бы. Я тебе завтра пачек десять возьму,— позаботился Васильев. Интерес сразу померк, глаза оторвались от Егорова, люди вновь попарно, по-трое заговорили о своем.

— Не надо, не беспокойтесь,— запоздало засуетился Егоров,— сегодня с утра я договорился с буфетчицей: у них целый ящик есть на складе, просто грузчика не было, опохмеляется он, некому было перетащить, а завтра обещала.

— Ну, как знаешь, мне-то нетрудно,— пожал плечами Васильев. И отвернулся.

Егоров сосал свою непривычную толстенькую сигарету, медленно отходил от краски. Я же по инерции шутки и розыгрыша, глуповато сострил:

— А ты, Жень, здесь, в СКБ живешь, что на буфет только ориентируешься?

— Да.

Если бы грянул гром в курилке из облака низкосортного дыма, я бы поразился меньше. Честно говорю вам.

Потом я рассмеялся: неужели был миг, когда я поверил... да это, конечно, была простая, безыскусная, даже усталая (Отвяжитесь, мол, ребята, пожалуйста) шутка самогó уставшего от непривычного общего внимания простого, бесхитростного Егорова. К тому же вечно озабоченный, нет, скорее усталый — он видно полностью выкладывается на работе, вот я так не умею, обязательно остается некая, может приличная, доля энергии для себя, «для дома, для семьи»,— как говорят в нашем инженерном кругу. А Егоров был из тех натур-трудяг, что не умеют, просто не хотят утаивать что-то для себя. Ведь как бы рано утром я не приходил на работу, всегда заставал Егорова. А что греха таить, в первые-то дни, как всякий служащий на новом месте, лицемеря, старался приходить на 15—20 минут, а то и на полчаса пораньше. Кому не хочется зарекомендовать себя, показать в лучшем виде свою дисциплину, рвение, попасться на глаза начальству, ибо тогда еще не ведал теплой обстановки в секторе. И точно также, вроде совсем без дела, в первую неделю задерживался после звонка на десяток минут, когда женщин, молодежь ветром выдувало, а постарше, кого мало ждало радости дома, оставались постучать в шахматы-пятиминутки... так вот, как бы рано я не приходил, Егоров уже сидел перед чирикающим синусоиды осциллографом, как будто с вечера не уходил домой. Паяльник дымился вовсю — значит включен как минимум десять-пятнадцать минут назад. А когда я уходил вместе с Филимоновым, последним все равно оставался трудяга Егоров. Он кивал нам головой, брал, не глядя, из рук Филимонова медную печатку с ключом от комнаты, оставался сам-един в полупотушенных огнях опустевшей комнаты.

Так вот, из-за глупого — теперь же говорю: из-за вещего — удивления, недоумения, поражения, как хотите, я помедлил две-три секунды, только потом вежливо, в

тон скромной, дежурной шутке рассмеялся. Другие же, стоявшие рядом в курилке, никакого внимания на ответ Егорова не обратили, мне даже показалось: холодновато, хотя и коротко, мимоходом как-то взглянули на меня с этим моим вежливым, легким смешком.

♦ Так бы и кончилось этой не совсем ловкой — для меня впрочем непонятно: почему неловкой? — шуткой, так бы я ничего не узнал; повторяю, не потому, что люди вокруг меня были настолько равнодушные или настороженные, скрытные, что это из ряда вон выходящее происшествие не замечали, либо, наоборот, скрывали. Нет, лишь потому, что все давно привыкли к нему, а привычка — уже норма жизни, не новость, хотя в первые дни, даже недели, новость-то была сногсшибательная. Просто норма! А к норме привыкают, не замечают ее обыденных проявлений: каждодневных, монотонных, равно как не удивляются, что по утрам завтракают, в полдень обедают, что снег белый и т.п. Скорее удивляются, негодуют, когда не совсем нормальная-то н о р м а нарушается. Не говорю о нарушении нормы обыденной, когда, например, жена завтрак не подаст. Вот также было с Егоровым. Меня же просто забыли проинформировать.

Холодное отношение — или мне показалось? Настроенному переменой в жизни — новая работа, люди, начальники, весь ритм, уклад служебной жизни...— вот эти холодные, короткие взгляды в мою сторону тогда в курилке насторожили еще более, усугубили мою тогдашнюю чрезмерную, если не болезненную чувствительность к каждому взгляду, к каждому жесту. Не только важнейшая для служащего перемена в течении жизни — переход на другую работу — были причиной моего крайне встревоженного состояния. Дело еще в том, что я не мог уже без страха, самого настоящего, панического, садиться по утрам, равно как по вечерам, на свой разнесчастный девятый номер трамвая. Ох, эта еще недавно столь известная всему городу «девятка»!! Скольким сотням людей впечатлительных, робких, вежливых до времени выседила волосы! А причиной было то, что трамвай по этому самому длинному тогда в городе маршруту почти полчаса тащился через старое Носково, ныне, к счастью, снесенное подчистую, скопище деревянных домишек, построенных чуть не двести лет тому назад, заселенных потомственной мастеровщиной с нравами, ничуть не изменившимися со времен растеряевских. Этакий экзотический оазис в географическом центре города...

Мой отдаленный — по жене — родственник, дед, как его звали в глаза и заглаза, Николай Финогенович Барулин, человек заслуженный, фронтовик, также живущий в нашем микрорайоне, вообще перестал ездить на «девятке», при крайней необходимости добираясь в центр на автобусе с тремя пересадками. А перестал он ездить на злосчастном трамвае после истории, которую, подвыпив по праздникам, рассказывал, багровея лицом, под конец так вовсе дубася кулаком по столешнице. История, действительно, возмутительная, но как нельзя лучше характеризующая нравы «девятки», ее обитателей.

(Окончание следует)

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Тютюнник
(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

НА ТЕРРИКОНЕ

Родился в Белгородской области, в шестилетнем возрасте переехал с родителями в Донбасс, где в молодые годы отработал 17 лет под землей. Позже много лет отдал журналистике и литературе. Член Союза писателей СССР с 1988 года, автор более тридцати книг поэзии и прозы, которые отмечены многими литературными премиями.

1

У Сереги Фомина вся его жизнь связана с терриконом, с этим непременным атрибутом донбасского пейзажа. Чуть ли не сотню лет вывозили сюда из шахты в специальных вагонетках пустую породу, и высыпали в одном месте, пока не образовался бугорок, а затем и небольшая гора, все выше и выше уходящая в задымленное донецкое небо.

Поднимался террикон, поднимались по его склону рельсы узкоколейки, вверху которой находилось горизонтально установленное колесо, где ходил крепкий канат, поднималась по этому канату вагонетка. И, взобравшись на самую вершину, открывала борта, выбрасывая по склонам загруженную породу. Куски помельче задерживались еще наверху, крупные же, подскакивая и кувыркаясь в воздухе, способны были долететь до самого подножия террикона, а то и дальше, прокатившись по голой, выбитой камнями земле.

Здесь, среди побитых листьев лопуха и других сорных растений, и замирали, чтобы со временем, под воздействием солнца, снега и дождей, потерять свою крепость и начать распадаться.

Сам же террикон никогда не утрачивал своей стройности, напоминая своей острой вершиной египетские пирамиды, пока людям не становилось в тягость обслуживать такую высокую махину и они оставляли его, закладывая, как говорится, новый. Закладывали тут же, рядом, и младший братишка высокого красавца подрастал, прижимаясь к старшему, который по возрасту годился ему в прадедушки.

Оставшись не у дел, старый террикон начинал мало-помалу разъезжаться, утрачивать свою угловатость, словно опускал плечи. Точь-в-точь, как вышедший на пенсию шахтер, организм которого привык к постоянным физическим нагрузкам. Разъ-

езжался, вроде бы даже становясь ниже ростом, но по-прежнему курил после дождя синеватым и не очень приятным газом.

Серега Фомин и вырос, и всю жизнь прожил недалеко от шахты, в сотне метров от ее терриконов. Его дед, высокий, сгорбленный шахтой старик, на склоне лет работал терриконщиком, обязанностью которого было следить за рабочим состоянием узкоколейки, а может, и что-то другое. Но мальчишкам, которых всегда влекла к себе высокая заманчивая гора, казалось, что старик только тем и занимался, что следил за ними, чтобы обругать, напугать и шугануть от этого места. Они со смехом, с криком и воплями скатывались по склонам вниз и, выкрикивая в адрес старика обидные слова, бежали прочь, хотя отлично знали, что никто за ними не побежит, а если и побежит, то не догонит. Серега обижался за деда и лез в драку.

Да, давненько это было, давненько. Теперь он и сам считай дед и тоже работает на терриконе. Только не терриконщиком. Несколько лет назад в городе была создано управление по рекультивации и озеленению породных отвалов, как по документам называются все те же терриконы, и Сереге предложили одну не пыльную, как для бывшего горняка, должность. Теперь и Серега, как некогда его дед, ежедневно взбирается на отработанный террикон, вершину которого давно подрезал неугомонный бульдозер, открывает построенную там кладовую, где находится рабочий инструмент — топоры, ведра, носилки, лопаты, заступы, с помощью которых бригада озеленителей долбит в слежавшейся породе широкие лунки, заполняет их мягкой землицей. И, предварительно залив водой, высаживает туда саженцы различных деревьев, которые превратят старый террикон в настоящую зеленую гору. Высаживают под присмотром специалистов, своеобразными террасами, вдоль пробитых дорожек, которые спиралью выходят на самый верх.

Поднимаясь сюда, Серега всегда ищет взглядом свой дом, выстроенный им на месте дедовской хатенки. Находит и по-мальчишески любуется им, нередко вспоминая свое детство. Террикон и сейчас высок, а тогда вообще казался заоблачным. И какой же удалью, ловкостью и смелостью считалось тогда среди ребятни его «покорение»! Кто из поселковых сюда не взбирался, тот вообще считался размазней и нюней. Да таких среди шахтерской детворы, помнится, и не было.

2

Террикон — терриконом, но была у Сереги и настоящая страсть. Была и есть. И эта страсть — голуби!

Лет с пятнадцати держал он у себя этих величественных, красивых и удивляющих своей верностью птиц. Многие, по незнанию или поверив какому-то восторженному краснобаю, называют голубей самыми мирными из пернатых. Но он-то, Серега, опытнейший и авторитетнейший голубятник, хорошо знал, что это далеко не так. А кто сомневается, тот пусть заведет у себя хотя бы две пары этих птиц и хорошенько понаблюдает за ними. (Так, не в пример собакам, мирными считаются и лошади. Но дед Сереги не раз рассказывал, как повздорившие под землей кони начинали грызть друг друга, причем стараясь схватить соперника за самое больное и самое главное мужское место! Так и голуби — мирные и спокойные до определенного момента).

Как настоящий голубятник, Серега держал и держит только «летных» птиц, с насмешкою отвергая высокоскоростных почтарей, которых в Донбассе именуют джебарями или труболетами. Он только головой качает, наблюдая, как стайка труболетов стремительно, словно боевые штурмовики, несется чуть повыше крыш, едва не задевая печные трубы. Ну, что это за птицы?! Что это за голуби?! Так ведь могут носиться и воробьи! И радостно представляет, как сегодня к нему наведаются друзья-голубятники, которым он пообещал показать новую пару.

Один уже показался. Идет, задрав вверх голову. Верная примета голубятника.

— Привет!

— Привет!

— Ну, что ты — еще не выпускал?

— Да вот, открываю...

Серега не спеша направляется к голубятне, ловко крутит ключ винтового замка. Голубятня почти рядом с домом и всю ночь освещена, но нужно запирать — от греха подальше. Точнее — от разных воришек. Все ведь знают, что у Сереги редкие по своим летным качествам птицы. Их на любом птичьем рынке голубятники с руками оторвут.

Отворив птичий домик, Серега ловко ловит нужного голубя и, аккуратно держа его в руках головкой к себе, направляется к воротам, за которыми стоят уже трое его приятелей.

— Ну, покажи, покажи,— нарочито весело подгоняют они Серегу.

Серега привычно помахивает голубем, наблюдая, как пернатый красавец распушает хвост, затем, удерживая птицу одной рукой, другой легонько тянет ее за клюв. Это у Сереги непременный ритуал, и голуби воспринимают такие действия хозяина как особую ласку. Голубь дергает головкой, с нетерпением поглядывая на небо. Серега делает легкий взмах рукой и птица с легким свистом поднимается вверх. Нет, это не труболет, не джебарь! Этот красавец, почти не совершая кругов, непонятным образом поднимается все выше и выше, выше и выше...

Стоящие внизу голубятники с легкой завистью и профессиональным восторгом наблюдают за птицей, втайне надеясь, что голубь вот-вот остановится, зависнет, но тот не останавливается и как бы назло всем продолжает набирать высоту.

Не может оторвать от него глаз и Серега, наполняясь настоящей гордостью. Отрывает только на миг, чтобы оглянуться вокруг. В такие минуты ему всегда кажется, что за полетом его птицы наблюдает сейчас весь поселок, все его жители, включая малышню и старых бабок. Да и как можно не залюбоваться такой красотой, таким восхитительным зрелищем!

Голубь наконец-то остановился, практически над тем местом, откуда взлетел, и стоит, не отходя в сторону ни на метр! Стоит, и энергично, без устали, машет почти незаметными снизу крыльями.

Теперь рассмотреть его могут только специалисты, только опытные голубятники. Случайный прохожий ни за что не определит его окраску и уж тем более — самец это или самочка.

Парни молча смотрят вверх, затем смущенно переглядываются и опускают глаза. Что ж, Серега мужик твердый, он никаких денег на голубей не жалеет. И не обращает внимания на вопли жены. Как-то на свадьбе у соседей мужики решили его подзадорить.

— Ну, и что ты — даже на машину пару своих голубей не променяешь? Даже на «Волгу»?!

Серега, слегка подвыпивший, начинал злиться.

— Да хоть на «ЗиМ»! (Была когда-то такая правительственная машина завода имени Молотова).

— А вот если бы... слышь, Серега! А вот если бы поставили условие: или голубей заберем, или жену?

— Да забери ты ее хоть сейчас!..

Некоторые в искренность Фомина не верили. Думали, что прикидывается. Верили только голубятники, которые вечно толпились возле его дома. Временами ходил по гостям и Серега, хотя знал, что таких голубей, как у него, не было и нет ни у кого.

Голубь продолжает стоять, купаясь в прозрачном утреннем воздухе, и явно чего-

то ждет. Серега, важничая, снова направляется к голубятне, выносит оттуда подругу этого пернатого артиста. Не выпускает, не подбрасывает, только держит ее на вытянутой руке. И — оп-ля-я! Танцующий голубь на миг замирает и начинает мягкими нырками спускаться вниз. Нырнет — и замедлит, нырнет — и замедлит... Словно идущий на посадку самолет, то и дело попадающий в воздушные «ямы».

Парни не выдерживают, смеются и, тая вздохи, закуривают.

Серега не выдерживает и подбрасывает голубку вверх. И птичья пара, чуть ли не целуясь в воздухе, снова устремляется в высоту...

3

Серега знал, что у многих людей далеко не почтительное отношение к голубятникам. Ну, разве может серьезный человек до старости гонять этих птиц и всю жизнь ходить по улице с задранной вверх головой! Разве может, завидев в вышине какого-то там «чужака», сломя голову и не глядя себе под ноги, бежать к своей голубятне, поднимать свистом своих пернатых в небо, чтобы те завлекли чужого в свою голубятню! Мальчишество — да и только! Мальчишество и глупость!

Бегал и Серега, бегал и поднимал своих голубей и не раз заманивал к себе чужую птицу. Это нормально. У голубятников это не считается преступлением. Знал, что к вечеру к нему пожалует хозяин пойманного голубя, начнет договариваться о выкупе. Серега не жадный, ему много не надо. Здесь ведь чисто спортивный интерес.

— Беги за бутылкой!

Пока парень бегал, Серега шел в огород, срывал несколько зеленых огурчиков или помидор, выносил из летней кухни хлеб и соль. Сделку обмывали за калиткой, где стоял доминошный столик. Как правило, подсоединялись и другие мужики, дополняя стол и своей выпивкой, и своей закуской. Вот так и рождается праздник, который может затянуться до позднего вечера, до того часа, когда сами голуби, наверное, видят уже третьи сны. Если им, конечно, эти сны снятся.

Серега иногда задумывался: о чем вообще думают эти пернатые? Какие мысли витают в этих миловидных головках? То, что они умеют любить, ревновать и даже соперничать,— это бесспорно. Порой даже проявляют агрессию. Но... какое у них... видение мира, что ли?

Серега не считал себя слишком начитанным (да так оно и было), не умел грамотно изъясняться (да оно шахтеру и голубятнику и ни к чему). Поэтому даже свой интерес не мог грамотно сформулировать. Но задумывался об этом часто.

А еще Серега был безбожником, не верил ни в силу небесную, ни в силу разных там бабок-гадалок. А вот в силу дурного глаза верил! Знал, что есть такие люди, которые могут запросто сглазить малых птенцов и те бедолаги не доживут и до вечера. Как оно так получается,— он тоже не мог понять. Но никогда не показывал едва вылупившихся птенцов людям, будь то голубятники или просто соседи. Вот подрастет малыш, наберется сил и тогда ему никакой дурной глаз не страшен!

Была у Сереги еще одна задумка. Признаться, не очень серьезная, даже мальчишеская. И возникла она у него в первый же день работы на терриконе. Опасаясь насмешек, Серега никогда не говорил о ней вслух, но мысли о задуманном все чаще и чаще приходили ему в голову. И так одолели мужика, что он не выдержал и решил: завтра выходной, людей на терриконе не будет... Беру!

4

Погода в воскресный день выдалась чудесной: голубое чистое небо, лишь в стороне подбеленное курчавыми облаками, и тихо вокруг, ни ветерка. Самое расчудес-

ное время года, с богатыми садами и огородами, на которых, впрочем, в эти дни предостаточно работы.

— Куда ты? — настороженно спросила Серегу жена, наблюдая за его сборами.

— На террикон схожу,— не особо задумываясь, ответил Серега, проверяя карманы своей куртки.

— А что там тебе сегодня делать? Выходной! Аджику будем сейчас закрывать.

— Вернусь — закроем. Я не долго. Боюсь, что кладовую не запер...

— Кладовую он не запер!! О чем ты только думаешь!

Серега не стал продолжал разговор, чтобы он не перешел в перепалку, от которой не далеко и до скандала. Не хотелось портить себе настроение. Он ведь давно ожидал этого дня.

Выйдя во двор, он завернул к голубятне, подманил к себе своего лучшего сизаря, взял его в руки, привычно укладывая голубю роскошные крылья. И спрятал птицу за пазухой.

Голуб не противился, всецело доверяя своему хозяину. Несут куда-то? Значит, так нужно. Тихонько сидел, почти не шевелясь и не произнося ни звука. Серега, в свою очередь, с удовольствием ощущал у сердца живой щекотливый комок, который сейчас должен показать настоящий класс, какой не под силу ни одному другому голубю. Надо только подняться вверх, на террикон, с которого хорошо просматривается не только их поселок, но и вся западная часть города. Как он все-таки хорош, их шахтерский городок, в эти последние летние деньки, весь в густой зелени, среди которой ярко выделяются желтые участки цветущих подсолнухов!

На равнине Серега вроде бы не страдал от запыленности легких, но возраст — есть возраст: подниматься вверх было трудновато, не хватало воздуха, ощутимыми толчками билось сердце, словно просилось наружу. Видно, почувствовал это, начал волноваться и голубь, щекотливо царапая Серегину грудь своим клювом. Серега приостановился, потрогал его рукой. Посиди, посиди, сейчас дадим тебе волю.

Выбравшись наверх, Серега прошел к своей кладовой, вынул из кармана ключи. В кладовой ему, конечно, ничего не нужно, но открыть — откроет. Будто и впрямь явился сюда по каким-то производственным делам.

Но, открыв и сняв замок, не задержался у кладовой и на минуту: пошел к северному склону террикона, с которого как раз и виден его, Серегин, дом. Свежий человек наверняка не сразу бы разобрался в буйстве зелени лежащих где-то внизу садов, не сразу бы определил очертания улиц, но Серега давно набил глаз и мигом разглядел и свою улицу, и свой двор, и свой дом под шиферной крышей. Да и кто бы не распознал с в о е!

От чего-то волнуясь, вытащил голубя, ласково подергал его за клюв, помахал в руках, расправляя птице роскошный хвост.

— Ну, что, миленький,— ласково заговорил он, поднеся голубя к своему лицу,— покажем класс? Давай!

Подкинув птицу, не сдержался, захлопал в ладоши, даже протяжно и по-разбойничьи троекратно свистнул, как в наше время умеют свистеть только голубятники. Но голубь и без того понимал хозяина, а главное — хорошо знал свое дело. Он, как и раньше, почти не делал кругов, только усиленно махал крыльями, все выше и выше поднимаясь в синеющие небо, на фоне которого Серега различит его на любой высоте.

Пока поднимался, пока не замер светлой точкой, Серега не мог оторвать от голубя глаз. Теперь же оглянулся по сторонам, словно надеясь увидеть хоть одного свидетеля его долгожданного триумфа. Но свидетелей не было. И вряд ли кто из поселковых заметил высоко стоящего над терриконом голубя. Чтобы это заметить, нужно быть голубятником. А кроме Сереги, голубятников в поселке нет.

Серега чувствовал в душе теплое и радостное томление. Ну, вот, наконец-то свершил давно задуманное. Чья птица сможет теперь соперничать с этим его красавцем? Нет такой птицы. Ни у кого нет.

А голубь продолжал стоять в вышине, и, вероятно, тоже гордился и собой, и своим сметливым хозяином, который додумался до такого эксперимента. Долго стоял, совершенно не ощущая усталости.

Тем временем подул ветерок, пригнал со стороны стадо низких барашковых облаков. И на их фоне сизарь Сереги исчез из виду. А может, птица уже была за облаками? Серега по-настоящему испугался, как никогда и ничего не боялся даже под землей, и начал отчаянно свистеть. Свистел на все лады и на все переливы, свистел, не уставая, делая лишь секундную передышку, чтобы схватить побольше воздуха. Но было поздно: облака все шли и шли, и Серега лишь мельком видел в просветах между белой пеленой своего любимца. И снова свистел, подавая знак спускаться.

Но голубь, если и слышал, то мог понять эти свистки по-своему. Дескать, держись, брат, покажи им всем, как умеют летать и как умеют стоять в немыслимой вышине настоящие голуби! Ведь приглашая его спуститься, хозяин всегда выносил голубку. А где она сейчас, его голубка? Не видать!

Серега метался и уже не свистел, а материл себя последними словами! Теперь ему было пофиг, что кто-то прослышит о его мальчишеской проделке, о желании переплюнуть всех голубятников, что побудило его поднять лучшего своего голубя в небо над высоким терриконом. Пусть насмешничают, даже ему в глаза. Плевать! Лишь бы сейчас голубя не отнесло ветром, как это иногда случается. Лишь бы благополучно сел, если не здесь, то хотя бы в стороне. Лишь бы не попал в зубы бездомных котов или собак. Серега этого не переживет!

От перенапряжения у него заболели и начали слезиться глаза. И пару раз показалось, что голубь приспустился и пошел на снижение в сторону дома. То ли показалось, то ли вправду так было — Серега уже не осознавал. Даже толком не понимал — почему у него текут слезы.

Наконец, не выдержав, заторопился вниз, совершенно не беспокоясь о раскрытой кладовой. Кому они нужны, эти лопаты и ведра! А если и украдут, то хрен с ними! И с этой работой!

Спустившись вниз, заторопился по улице. Кого-то встретил, с кем-то не поздоровался... Залетев во двор, оставил открытой калитку и помчался к голубятне.

Мама родная, сизый красавец и гордость всей его стаи уже был дома и, собрав вокруг себя остальных голубей, задорно ворковал, восторженно рассказывая своим собратьям о невиданной высоте, на которой ему довелось сегодня побывать. Он так увлекся, что не заметил и хозяина, который даже не присел, а обессиленно упал на стоящую рядом лавчонку.

Вышла жена, раздраженно спросила:

— Так ты собираешься сегодня закрывать аджику?!

— Конечно, милашечка моя! — неожиданно для самого себя, живо откликнулся Серега.— Сейчас вот, погоди минуту...

Жена присмотрелась к нему, решив, что Серега уже успел где-то тяпнуть. И, махнув рукой, пошла в летнюю кухню.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ОТКРЫТО-ЗАПЕРТЫЙ СЕЙФ

Наш постоянный автор.

Все беды в России — от бедности. В ней же крылась и причина расположения Свердловского районного суда города Н-ва не в отдельном здании, а на первом этаже многоквартирного дома. Атипичная реалия, конечно. Никак уж не эталонный вариант бытия карательной структуры.

Впрочем, какого рожна? Жильцам-то по любому счету было наплевать, что за баталии уголовного или цивилистского характера разыгрываются под ними. Равно и людей в судейских мантиях нимало не тревожили всяческие бытовые разборки «наверху».

И все-таки единожды интересы служителей Фемиды пришли в явное противоречие с деяниями незванного правоведами гостя.

Тем январским вечером хронический алкоголик Леха Ветлушкин, умудренный сорока четырьмя прожитыми годами и четырьмя судимостями, пировал на кухне у Толюхи Крюксина. В совмещавшем учрежденческий и жилищный статусы доме кореш владел убитой «двушкой».

Временно безработным приятелям — а подобные явления упорно стремятся к постоянству — подфартило срубить деньжат. И весьма прилично, по меркам уцепившихся за хвост удачи. Посему разгульная пьянка затянулась вплоть до «выжимания» опустошенных бутылок над стаканом.

Наконец Толюха с трудом растолковал Лехе, что пора бы уж и честь знать. Дружок отнюдь не возражал: напялил куртку из кожзаменителя и вязаную шапочку с рельефным узором, обернул вокруг тощей шеи почти протершийся на сгибе шарф и шагнул в темень подъезда. Лифт не работал, так что весь путь до первого этажа «хроник» преодолел на полусогнутых, страхуясь за перила.

Пробредая мимо помпезно оформленного подъезда, Ветлушкин, на свою беду, заинтересовался внушительной учрежденческой доской:

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РФ
СВЕРДЛОВСКИЙ РАЙОННЫЙ СУД
города Н-ва

Прочесть крупный, бронзовой краской писанный на стекле текст алкоголик еще сумел и тут же воспылал к начертанному праведным гневом. Дело в том, что по своей судьбе Леха принадлежал к категории воров-неудачников. На тех же кражах несколько раз попадался с поличным. То у выходных дверей обобранного жилья, сгибаясь под тяжестью баулов с облюбованным добром, столкнулся с хозяином квартиры, в прошлом борцом-тяжеловесом. То, уже при попытке сбыть на барахолке краденую одежонку и постельное белье, напоролся на хозяйку носильных и «спальных» вещей. Признавшая их женщина враз подняла такой визг, что к месту невероятной

встречи за пять секунд сбежались трое милиционеров. То, удачно подтибрив на пляже элитные часы на цепочке и желая «натуралкой» погасить давний должок, явился с ними к авторитетному Петлюре. Тот добычу заценил, усек гравировку на откидной крышке... «Глаза разуй! Ну ты и накосорезил! Крысятник!» Леха не сразу и врубился, за что столь конкретный наезд. А оказалось — хронометр-то он цапнул у двоюродного братана положенца.

Отбитые почки — это, конечно, не зона, но о себе напоминают чрезвычайно долго.

Пытаясь угнать спортивный велосипед, Ветлушкин от места его парковки тоже далеко не уехал: штанина расклешенных брюк почти сразу угодила в цепь, и Леха завалился на асфальт, в кровь обдирая ладони. Подскочивший хозяин байка сначала отвел душу, щедро накостыляв беспомощному вору, и лишь только затем вызвал правоохранителей.

Про четвертую судимость, «хулиганку», и вообще вспоминать стыдно.

Однажды среди лета и бела дня в усмерть упившийся Ветлушкин малой скоростью передвигался мимо уличного фонтана. И вдруг вообразил, что попал в баню. Растелешился, залез в воду. А когда подъехавший наряд милиции под смех толпы зевак, сняв форменную обувь и подсучив брючины, стал выводить Леху на сушу, тот, упираясь, громко потребовал, чтобы ему «потерли спинку».

Ее и потерли... Резиновым «демократизатором».

После эксцентричного принародного купанья законная супруга горе-литробольщика бесповоротно подала на развод...

И всякий раз степень вины Ветлушкина определял Свердловский районный суд.

Итак, Леха резко воспылал желанием поквитаться за прошедшие в местах отдаленных лучшие годы загубленной жизни и бесстрашно пошел на приступ учрежденческой двери. Несколько раз треснув по ней кулаками, сообразил, что так цели добьется навряд ли, и стал лупить по доскам «бэушными», но еще крепкими лыжными ботинками. Для разнообразия толкался в неодушевленного врага с разбега — плечом и без разбега — задом... Не в силах противостоять столь решительному натиску, хлипковатая дверь распахнулась: язычок английского замка с хрустом выскочил из разламываемого гнезда.

Ветлушкин ввалился в пустой коридор, задергал дверные ручки: кругом заперто. Тогда Леха предпринял новую кулачно-ботиночную атаку, теперь на судейский кабинет. Справившись еще с одной деревянной преградой, проник в комнату, интуитивно сообразил, где искать выключатель...

Какой, однако, яркий свет! Что ж — приступаем к святому делу: возмездию.

Для почина мститель хрястнул об стену вычурную настольную лампу. Сорвал со стены картину под стеклом, с силой швырнул на пол, осколки додавил ногами. Яростно разодрал в клочья перекидной календарь. Плюнул в мельхиоровую пепельницу, помочился в пластиковую урну с педальной крышкой. Подфутболив ее, принялся молотить о двухтумбовый стол мягким стулом. «Сиделка» долго не поддавалась, Ветлушкин порядком употел, однако ж венскую мебель сокрушил. Крякнув, завалил набок тяжелый «двухтумбовик». Напился из графина, стоявшего на звероподобном черном сейфе, и об него же расколошматил хрустальный сосуд.

Тут карательный порыв внезапно иссяк, и погромщик залег на перекур с дремотой, намереваясь, отоспавшись, продолжить вершение справедливости.

Леха храпел на полу, подсунув под голову выдранное из стула мягкое сиденье. Буйствуя, он, на удивление, так и не приметил, что дверца у массивного сейфа слегка приоткрыта...

Именно к этому времени пожилая сторожиха суда, проживавшая все в том же «совмещенном» доме, окончила плотный ужин — питаться она, в нарушение инст-

рукции, запрещавшей покидать охраняемый объект, предпочитала в более комфортных условиях собственной квартиры — и приготовилась обозначать службу дальше, сиречь спать в подсобке.

Обнаружив раскуроченный вход, женщина быстрехонько возвратилась на родную жилплощадь, заперлась на все замки, решительно сообщила о взломе по телефону 02 и больше из квартиры носа не высунула, пока к зданию суда не подъехал «уазик» со следственно-оперативной группой.

Сотрудники милиции сразу обнаружили то, что, собственно, и должны были обнаружить: взломанные двери, красноречивые следы вендетты, сладко спящего на полу умаявшегося Ветлушкина и незапертый сейф, наполовину заполненный стандартными папками с материалами гражданских дел.

Задержанного отвезли на освидетельствование в наркодиспансер, где врач констатировал сильную степень алкогольного опьянения клиента. А на место ЧП срочно вызвонили председателя потерпевшего суда...

Уголовное дело о хулиганстве с проникновением поручили вести молодому следователю, лейтенанту юстиции Юрию Шеленкову. Изучив первоначальные материалы, офицер поехал в изолятор временного содержания (ИВС), где вот уже сутки томился, искренне недоумевая, как это он столь замысловато фраернулся, протрезвевший Ветлушкин.

...Конвоир ввел Леху в комнату для допросов.

— Здравствуйте. Присаживайтесь,— указал Шеленков подозреваемому на стул.— Начнем с анкетных данных. Родился... Учился... Работал... Судимости... Однако, целых четыре. Не многовато ли?

— Да все по пьянке, начальник,— плутовато заюзил и залебезил Ветлушкин.— Все зелье пррроклятое! До скольких разов зарекался: знай меру! Голый вассер!

— Так и в этот раз — тоже она виновата?

— Зубом отвечаю...— забожился пасынок судьбы.— Через нее и сгорел.

— Понятно. Адвоката нанимать будете?

— На фига? Ведь один хрен — на раз намотаете.

— Эвентуально,— подтвердил Шеленков. Но, поняв, что подследственный «не догоняет», перефразировал: — По всей вероятности.— И официально довел: — Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации «Хулиганство», часть первая.

— Нет проблем,— хмыкнув, с долей форса изрек Леха.

— Это пока нет, а скоро точно появятся,— не удержался от сарказма Юрий.

— Дело швах,— поспешил перестроиться Ветлушкин на минорный лад.

Следователь сделал паузу, что-то отчеркнул в записях и потребовал:

— Ну, давайте, колитесь, как дошли до жизни эдакой.

— Да какой тут базар,— нехотя начал исповедь дебошир.— Срубил я с Крюком — это Крюксин Толик, мы с ним на вась-вась — капусты. Забухали у него дома козырно, поймали кайф. Ужалились вдогонку — опять зацепило. Передохнули, еще вмазались... Тут водяре и кранты, отгужевались мальчишечки. Ну, я до своей берлоги и почапал. А дальше, в натуре, непонятка. Ломился куда-то в умате, чего-то курочил. Очнулся — песец, уже в гадюшнике чалюсь.

— Однако интересно получается! — хмыкнул Шеленков.— Ну, прямо как в «Бриллиантовой руке»: шел по улице, потерял сознание, очнулся... Только не в гипсе, а в ИВС... Что, последнюю память отшибло, забыл, как сейф вскрывал? — резко переменил следователь тон разговора, перейдя на «ты».

— Не-е, начальник, ты мне чужое не клей! — всполошился Леха.— Такой прицеп на себя брать! Я на медвежатника не обучался! Опять же и струмент здесь нужен хитрый, простой фомич не пляшет, и ласты ловкие...

— А ты потерей памяти не страдаешь? — предположил Юрий.— Может, на обследование в «дурку» направить?

— Начальник, сука буду, я нормальный,— быстро ответил Ветлушкин, молитвенно сложив на груди руки.

— Нормальный...— с сомнением повторил следователь.— То в фонтан голяком, теперь в суд вломяком. Вот объясни, чего ты там забыл?

— Сказал же: по пьяни вальты накрыли,— угрюмо проворчал Леха.— Но медведя раскоцал точно не я, мамой клянусь...

Шеленков и сам прекрасно понимал, что лузер, который не смог даже велосипед угнать, навряд ли в состоянии вскрыть монументальный, чуть ли не дореволюционный сейф голыми руками. Да и зачем бы это ему? Тем более на поверку гражданские дела оказались нетронуты, не было и следов «пальчиков» подозреваемого на дверце и замке и на папках с делами. Однако две вышибленные двери и кавардак в кабинете судьи красноречиво свидетельствовали о недружелюбных намерениях поздневечернего визитера.

...Задав ему еще несколько вопросов, Юрий на прощание пообещал:

— Трое суток попаришься, может, до суда и отпустим. Под подписку о невыезде.

— Благодарствую, благодарствую, начальник! — обрадовано зачастил Леха, демонстрируя отвратную улыбку: растерял по зонам большую часть зубов...

Шеленков возвратился в райотдел, в свой кабинет. Только было собрался просмотреть документы по другому делу, как дверь без стука отворилась и на пороге возник розовощекий мужчина лет сорока. В двубортном французском костюме, в красном галстуке с серебряным отливом, в лакированных штиблетах и с кожаной сумочкой, которую в народе малоприлично величают педерасткой.

— Юрий Сергеевич? — напористо поинтересовался розовощекий.

— Предположим...— ответил следователь.— С кем имею честь?

— Дрыгин, Серафим Серафимович, судья третьего класса,— представился гость и, не дожидаясь приглашения, грузно опустился на стул.— Вот... прошу любить и жаловать...

Жестом фокусника он извлек из сумочки визитку, протянул ее Юрию.

Карточка оказалась чрезвычайно впечатляющей. С золотым тиснением-рамочкой. С цветной печатью и цветным же фото владельца. С английским текстом на оборотной стороне. С ламинированным покрытием. А помимо домашнего и служебного телефонов на ней еще красовались номера мобильника и даже дачного аппарата.

«Баксов на пять тянет,— прикинул на глаз Юрий.— Однако и доходы у судьи третьего класса...» Вслух же сказал:

— Любить я вообще-то предпочитаю женщин. Так что вас остается только жаловать.

— Кстати,— почти не слушая офицера, тараторил Дрыгин,— не поверите: никогда в жизни еще не бывал в качестве свидетеля...

— Ну так что ж. Как говорится, от тюрьмы да от сумы...— счел возможным еще раз пошутить следователь, который теперь вспомнил, что фамилия Серафима Серафимовича проходит по делу Ветлушкина: бесчинствовал тот именно в его кабинете.

Шеленков придвинул к себе чистый бланк допроса.

— Предупреждаю об уголовной ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных. Распишитесь.

Серафим Серафимович понимающе кивнул, извлек из кармана толстенную многоцветную ручку и поставил королевскую подпись с кучей вензелей.

— Давно в должности? — поинтересовался следователь.

— М-м-м... Шестнадцатый год,— припомнил судья.

— Расскажите, когда вы, в день незаконного проникновения в ваш служебный кабинет, покинули рабочее место? И каким образом вообще узнали об обстоятельствах совершения преступления?

— Все просто,— приосанился Серафим Серафимович.— В тот день у меня заседаний не было — изучал вновь поступившие дела. Кстати, я специализируюсь по гражданскому праву: разводы, разделы имущества, признание сделок недействительными. Так что если вдруг помощь по этой части потребуется...— И приглашающе развел руками: — Милости прошу. Ладно... Точно в восемнадцать ноль-ноль сложил документы в сейф, запер его, опечатал и — домой. Там как раз маленький семейный банкет намечался...

Тут Дрыгин маслено улыбнулся и блаженно прищурил и без того узкие поросячьи глазки.

— А дальше? — прервал приятные воспоминания следователь.

— Известное дело,— продолжил рассказчик, неохотно переходя от воображаемых чревоугодных картин к реалиям опроса.— Отпраздновали... На часах уж полночь, отдыхаем — и вдруг телефон прямо надрывается. Кто бы? Оказывается, сам председатель суда на проводе! Ноги в руки, говорит, и быстро ко мне, а я уже в твоем кабинете стою. Тут какой-то бандюга все двери повышибал и сейф вскрыл. Ваши коллеги, правда, без огрехов сработали,— польстил Серафим Серафимович сотрудникам милиции,— задержали этого идиота с поличным. Что ж, делать нечего, завел машину — у меня БМВ, по случаю удачно прикупил... Приезжаю: мать честная! Сплошной разгром... Стол штучной работы на боку, лампа настольная — редкой красоты, доложу, была, антиквариат,— изуродована безнадежно, графин хрустальный вдребезги, стул венский на дрова раскурочен...— Судья обреченно махнул рукой.— Словом, варвар. Но главная беда: сейф вскрыт, да так искусно, ни грамма не покорежен. Только и радует, что все дела на месте оказались, я ведь каждую страничку потом пролистал... Вот, собственно, и все, что имею изложить.

— Детали точно помните? Ничего не забыли?

— Обижаете. Как говорится, не первый год замужем,— заявил Дрыгин и фатовато вскинул начинающую лысеть голову.

— А вот обвиняемый утверждает, что к сейфу не притрагивался...

— Ну вот, нашли кому верить! — с обидой воскликнул Серафим Серафимович.— Да на нем пробы ставить негде! Четыре судимости! Это он из личной мести, а документы просто украсть не успел.

— Не понял... Так вы что, знакомы были раньше?

— Без сомнения,— торжествующе подтвердил судья.— Я его с женой разводил. Лет пять назад. Во-он как долго он зло-то в себе таил.

— Поворот, конечно, интересный,— весьма удивился следователь.— Хотя с чего бы это вдруг он лично вам и аж через целую «пятилетку» мстить решил? Да еще столь специфически. Ну, я бы понял, если б он бывшей супруге при встрече чекуху выписал. Чужая семья — потемки,— перефразировал он старинную пословицу.

— Вот вы у него сами и осведомитесь,— посоветовал Дрыгин.— Заодно потом и меня проинформируете.

— Ладно,— согласился Юрий.— Не есть проблема. Но проблема есть: как все-таки задержанный умудрился открыть сейф? Инструментов специальных при нем не обнаружили, да и шнифер из него никакой — так, шелупень приблатненная...

— А это уже ваша обязанность: расследовать и доказать, что и как,— назидательно воздел палец к потолку опрашиваемый.— Да вы его, может, защищаете или как?

— Отнюдь. Просто выяснить кое-что хочу... Ну а не могло быть так, например, что, уходя после работы, вы просто забыли сейф запереть?

— Мне это даже слышать больно! — не на шутку оскорбился Серафим Серафимович.— Запомните: мотив личной мести налицо. Я так прямо вашему начальнику райотдела и подсказал.

«Понятно, откуда ветер дует»,— подумал Шеленков и предложил:

— А давайте мы назначим трасологию по сейфовому замку. И сразу станет ясно и понятно.

— Ерундой занимаетесь, молодой человек,— голосом, зачитывающим решение о высшей мере наказания, произнес судья.— Пустопорожним делом...

Но следователь таки решил и поступил по-своему...

Через неделю Дрыгин вновь объявился в кабинете Шеленкова. Тот поинтересовался у Серафима Серафимовича:

— Вы же сами юридический факультет заканчивали?

— И что из того? Конечно... Заочно.

— Суть трасологической экспертизы представляете?

— Смутно,— честно признался Дрыгин.— Курсовую по криминалистике мне написать помогли, а как предмет сдал — с глаз долой, из сердца вон. Не мой профиль. Да и в чем проблема-то?

Следователь хмыкнул, сильно удивляясь, что познания судьи с пятнадцатилетним стажем работы в области криминалистики почти равны нулю, и придвинул Серафиму Серафимовичу заключение экспертизы.

— Смотрите: среди вопросов, поставленных эксперту: «Имеются ли на механизме замка следы воздействия посторонними предметами, если имеются, то не отпирался ли замок с их помощью?»

— Вижу, не слепой,— сердито высказался Дрыгин и с явным неудовольствием стал осмысливать документ.

«ИССЛЕДОВАНИЕ:

Представленный замок состоит из короба, лицевой планки, ригеля, 4-х сувальд и защелки. Крышка короба соединена с основанием при помощи винтов.

При визуальном осмотре замка микроскопом МБС-10 (увеличение до 24-х), следов воздействия посторонними предметами не обнаружено.

В процессе дальнейшего исследования в рассеянном и направленном освещениях установлено, что поверхность боковых частей сувальд в местах контакта с выступами бороздок ключа имеет равномерные, дугообразные, блестящего цвета потертости, что объясняется длительной эксплуатацией замка.

Других следов воздействия на детали механизма не обнаружено.

Вышеописанное дает основание для вывода о том, что представленный на исследование замок исправен, механических повреждений не имеет...»

— Ну и что? — отложив бумагу, непонимающе уставился на следователя судья.

— Ну и как можно проникнуть в запертый сейф, не открывая его замок отмычкой? Или, может, в связи с личным знакомством с гражданином Ветлушкиным сами ему ключи на время передавали?

— Что вы за чушь городите? — раздраженно повысил голос Серафим Серафимович и покраснел.— Обвинять вздумали? Я, между прочим, в городе человек известный! И вашего начальника райотдела прекрасно знаю, и в прокуратуре многих, и в мэрии...

— Весьма признателен за сообщенные сведения,— слегка качнул головой Шеленков, провидя, что хлебнет еще горя с этим, так сказать, открыто-запертым сейфом, но продолжал настаивать: — И все же объясните, пожалуйста, суть волшебного

метода: не взрезаем стальных стен автогеном, не прикасаемся отмычкой к замку... Ключи, веря вашим словам, тоже исключаем. Чудеса, право...

— Никаких чудес,— более спокойно и совсем уж мрачно заявил судья.— Повторяю и настаиваю: сейф я запер, опечатал, ключей от него никому не передавал. Ваша же позиция выгораживания мерзавца-рецидивиста меня крайне возмущает, и я незамедлительно поставлю о ней в известность кого следует...

«Врет и еще угрожает»,— констатировал про себя Шеленков и подытожил:

— Это ваше право. Вот пропуск. Вы свободны. До следующей встречи...

Не прощаясь, Дрыгин насупленно-торжественно покинул кабинет. А Юрий, усевшись за компьютер, начал выпечатывать черновик текста представления в областной суд, где высказывал свои небеспочвенные сомнения по поводу искренности судьи третьего класса.

С начальником следственного отделения ОВД Шеленков — по молодости и самоуверенности — свои действия обсуждать и согласовывать нужным не счел. И совсем скоро полной мерой почувствовал прелести жесткого прессинга.

Первым на следователя «наехал» заместитель начальника ОВД по кадрам: придрался к «неуставной прическе», неопрятному — на взгляд подполковника — внешнему виду. И все энергично тыкал в наручные часы, указуя на двухминутное опоздание с обеда, хотя уйти на перерыв Юрию пришлось вообще на двадцать минут позже.

Полчаса спустя начальник криминальной милиции и вовсе уж беспричинно, нахрапом учинил лейтенанту юстиции жесткий разнос: «за полнейшее отсутствие взаимодействия с уголовным розыском, от чего крайне страдает показатель раскрываемости».

Еще чуть позднее молодого офицера срочно вызвали в городскую прокуратуру и долго «вливали» за давнее, когда-то просроченное уголовное дело.

Вернувшись «на землю», Юрий узнал, что его разыскивает начальник ОВД. В кабинет к нему Шеленкову велено было зайти вместе со своим непосредственным начальником, подполковником юстиции Акинфиевым, который по пути в приемную предупредил подчиненного: мол, готовься к торжественной порке. Но от подробностей — за что же именно — принципиально воздержался.

— А вот скажи-ка мне, лейтенант,— хмуро и неспешно начал полковник Ивакаев, не предлагая подчиненным офицерам присесть,— ты как считаешь: мне в этом кабинете в рабочее время действительно заняться нечем? И так день за днем — никаких проблем? Часами мучаюсь: «что бы такого сделать плохого?»

— Я вовсе так не думаю, товарищ полковник,— удивился, если не изумился Юрий столь бессмысленным риторическим вопросам.

— Тогда почему нормально работать мешаешь?

— В каком смысле?

— В прямом! — голос начальника райотдела постепенно набирал силу.— Ты из меня что, личного связиста сделать решил? Из городского УВД трезвонят, прокуратура до самых печенок достает, председатель районного суда предъявы кидает, районная администрация, городская мэрия — табуном обозначились! И даже ФСБ, хотя комитетчики-то до наших мелочей отродясь не опускались. А все по чьей-то гениальной идиотической милости! Да чего там мелочиться! Нынче твоя фамилия аж в самой столице известностью обросла! Поразительная популярность! Неслыханная! И всякому телефонящему, вплоть до куратора нашего областного УВД, я лично и подробно должен докладывать про неведомый мне гребаный сейф, откуда ровным счетом ничегошеньки не украли! С какой радости мне подобные закидоны? Подполковник, я вас спрашиваю: вы чем там, в следствии, на пару с этим дармоедом занимаетесь?

— Кхм... Товарищ полковник, но я ведь вам сегодня подробно докладывал...

— Толку-то с того? Приказываю немедля форсировать расследование! Перспектива означена. Действуйте! Срок — вчера! А этого бездельника немедленно наказать «строгачом» от моего имени! Объявляю! Все! Оба свободны!

Два взыскания за одни сутки! Просто выговор-то на Шеленкова главный кадровик раньше уже навесил за опоздание и несоблюдение формы одежды.

Юрий постарался было объясниться с Акинфиевым. Однако умудренный многолетней службой в погонной системе старший офицер сразу подковырнул его:

— Слушай, а чего это ты вдруг сейчас советоваться надумал? Ведь когда по делу о проникновении трасологию назначал и следом представление в облсуд запускал, на их же собрата буром пер, мне и словечком не обмолвился. Скромняга, однако. Ты поговорку такую: «рука руку моет» — слыхал? Логически-то помысли.

Шеленков напомнил о процессуальной независимости фигуры следователя. Упирал на подтверждение подозрений Дрыгина в неискренности и явном перекладывании им греха собственной забывчивости на чужие плечи.

— Я этого зарвавшегося алкаша вовсе не оправдываю,— отстаивал свою позицию Юрий.— Учинил погром — получи по полной программе. Но по закону. Однако ему из-за подставы жреца Фемиды еще года три тюряги накинут, если, как Ивакаев настаивает, дело с хулиганства на кражу со взломом переквалифицировать. Кстати: поясните, как потенциально закрепить это в документах? Фактические обстоятельства дела без изменений, логических ошибок в разграничении преступлений абсолютно не просматривается. Мотивировка переквалификации? Ведь точно установлено, что подследственный ничего не похищал. Так мне подтасовкой доказательств заниматься прикажете или как?

Начальник следствия Шеленкова слушал, хмуро сжав губы полоской. Потом нехотя разлепил их и озвучил собственную точку зрения:

— Поиски гармоничной жизненной справедливости всегда обоюдоострые. Уже ощутил? Цветочки пока... За все, «независимый» ты наш, всегда приходится платить. Вопрос лишь во времени — сию секунду либо через десятки лет. Тебе вот жребий скоротечный выпал. Еще учти: ты безнадежно не представляешь, на какой толщины дуб, на какого бронтозавра и многоглавого дракона замахнулся...

— Бронтозавра за дачу заведомо ложных показаний самого к уголовной ответственности привлекать надо,— неприязненно заявил молодой следователь.

— Ход твоих мыслей верен,— согласился подполковник.— Потому-то он теперь до конца на своей версии стоять и будет: закрыл, опечатал, ушел, а об ином не в курсе. За незапертый, пусть даже и с гражданскими делами, сейф тоже, знаешь ли, медальки не навесят. А вдобавок к нарушению режима хранения секретных документов еще и хомут ложных показаний на шею надевать? Даже не надейся.

— Да он и без того на него накинут,— возразил Шеленков.— И затянут: заключение-то экспертизы в деле подшито...

— Ох, какой ты еще мальчишка! — рассерженно воскликнул Акинфиев.— Как подшили, так и разошьют. У тебя сейчас о другом голова должна болеть.

— ?..

— Как из грязной истории с наименьшей кровью выйти. Извини, скажу без экивоков: я тебе тут не помощник — до минимальной пенсии два года, как-то бы и дослужить желательно.

— Неужели все настолько плохо? — недоуменно развел руками Юрий.— Ну, кто он такой, Дрыгин? Всего-то лишь какой-то судья третьего класса...

— Всего-то...— самоуверенно-снисходительно выговорил начальник следствия.— Абсолютно ситуацией не владеешь. Главная соль в том, чей он зять.

— И чей же?

— А-а-а... Лучше и не ведай — крепче будешь спать. Так что давай, быстренько дело форсируй — и прямиком в суд зашлем. С обновлением же фактических данных под основание для переквалификации тебе оперативно помогут. Улавливаешь? Да покумекай: нет ли варианта перевестись? Спокойно служить здесь — будь спокоен — тебе ординарно не дадут. Ясно? Тогда иди и жди.

Назавтра, прямо с утра, к лейтенанту юстиции примчался Серафим Серафимович, прямо-таки горевший желанием приобщить к делу дополнительные показания. Мол, из вскрытого Ветлушкиным сейфа в тот приснопамятный вечер исчезли фирменная зажигалка «Ронсон», цейсовские очки и японский диктофон.

— Почему же ни об одной из якобы пропавших после погрома вещей вы раньше даже не упоминали? — допытывался следователь, мигом просчитавший ход сценария дальнейших событий и уберегаясь подставиться под раздачу.— Ага, сначала напрочь запамятовали, а теперь, стало быть, воссоздали доподлинно-точно... Не подскажете ли еще, куда бы похищенному задеваться, если у подозреваемого в кармане даже вши на аркане не усмотрели?

— Упрятал. Умело. А куда именно — вы и ищите. Вам государство за это денежное довольствие начисляет. И весьма немалое,— гнул свое Дрыгин.

Нет, Шеленков так и не принял от негодующего судьи отдающей махровой липой бумаги. Удивительно, но отчего-то никто из руководства вовсе не стал из-за этого вызывать несговорчивого подчиненного «на ковер». Ларчик открылся просто: офицера стремительно оделили очередным измышленным взысканием.

Да какая разница, за что именно его вкатили? В данном случае суть оказалась не в наказании, а в его последствиях: отстранении сотрудника внутренних дел от должности, подготовке материалов на увольнение из органов и перераспределении всех уголовных дел, до того находившихся на исполнении Юрия, меж другими следователями.

В числе прочих у него изъяли и папку с пресловутым материалом о проникновении, откуда моментально испарилось то самое «неудобное» заключение трасологической экспертизы. Зато «пропажу» импортных вещичек из «вскрытого» сейфа законно оформили. Куда именно могли исчезнуть заявленные как украденные предметы, никого почему-то не заинтересовало.

Уголовное дело в пожарном порядке переквалифицировали, и обвинение Ветлушкину предъявили уже по статье Уголовного кодекса РФ 158 «Кража», «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище». А по части третьей этой статьи, под которую и угодил Леха, если преступление совершено «лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо вымогательство», наказание определяется от пяти до десяти лет.

«Мстителю» и впаяли восемь годков — с конфискацией имущества и возмещением причиненного храму правосудия ущерба.

Услышав приговор, горемыка забился в истерике. Рвал на себе рубаху и заходился в крике: «Псы вонючие! Не бомбил я этот говенный сейф!»

Но криком дело и кончилось, и пошел Леха по этапу — в который уж раз...

Шеленков же, после недолгого единоборства с кадровой службой, был катапультирован на гражданку. С формулировкой «по низким морально-боевым качествам, за систематические нарушения дисциплины и несоответствие занимаемой должности».

И был бы судья третьего класса Дрыгин вновь деятелен и всемерно доволен жизнью, однако в самом непродолжительном времени на голову его посыпались чуть ли не все мыслимые беды и невзгоды.

Сначала у юриста основательно обчистили многокомнатную квартиру, хотя уж ее-то он запирал всегда тщательно. Бесследно угнали тот самый новенький, «прикуп-

ленный по случаю», БМВ. Глубокой ночью дотла сгорела гордость Серафима Серафимовича — капитальная, с декоративными излишествами двухэтажная дача. Наконец, на него самого вечером в собственном подъезде напали какие-то извращенцы: измордовали, раздели донага и привязали к перилам. Примечательно, что ни стильного бумажника натуральной кожи, набитого всевозможной «капустой», ни изумительной красоты часов «Сейко», ни навороченного мобильника с уникальным дизайном отнюдь не похитили, да и модные предметы судейского туалета лишь разбросали по лестничной клетке.

На отчаянные вопли потерпевшего отреагировал кто-то из жильцов: не отпирая дверей, вызвал милицию.

Пока разбирались в ситуации, вершителю правосудия пришлось давать показания в костюме Адама. А уже следующим днем в сети Интернета, причем сразу на нескольких сайтах, было выложено прикольное видео с выставленным на позор, истошно орущим и бешено дергающимся в путах блюстителем законности.

Конфузный случай немало позабавил городскую элиту и напрочь подорвал внутри нее авторитет функционера-карателя. Когда про него теперь заходит разговор, кто-нибудь из собеседников не преминет уточнить: «Это который Дрыгин? Что в своем парадном стриптизером подрабатывал?»

Далее следует саркастический смех.

Компрометирующий ролик к тому же реально сузил Серафиму Серафимовичу поток клиентуры...

Вы спросите: а не стоял ли за всеми злоключениями судьи третьего класса некий бывший милицейский следователь? Сомнительно. Ведь Шеленков теперь — старший юрисконсульт дико процветающего акционерного общества, из самых крутых. Поговаривают, что «крыша» у этого АО — мощнейший преступный синдикат с забугорными связями. Ну да это еще вилами по воде писано.

А вор-неудачник Леха Ветлушкин до сих пор мотает свой по большей части облыжный срок...

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

НАШ СЫН И ВАШ БРАТ

Родился в городе Салавате 27 сентября 1958 года. Печатался: «Литературная газета», «Новая литература», «Работница», «Венский литератор», «Бельские просторы», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Луч», «Мастерская», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и других. Лауреат Международной премии «Филантроп», Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, Международного конкурса им. Де Ришелье, Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Автор книг: «Поиски графских сокровищ», «Одна, но пламенная страсть» в соавторстве с Сергеем Малашко. Член товарищества детских и юношеских писателей России, международного творческого объединения детских авторов (МТОДА), творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Вечером, вернувшись с работы, Семен отмахнулся от мужиков, которые играли за столиком в домино, поздоровался с соседками, сидевшими на лавке возле подъезда, медленно поднялся по лестнице, открыл дверь, повесил авоську с пустой банкой на гвоздь в прихожей и молча стал разуваться.

— Сема,— вытирая руки, из кухни вышла жена и полотенчиком шлепнула сына, который подбежал и принялся тормошить отца.— Алешка, не мешай. Отстань от папки! Слышь, Сема,— опять сказала она, наблюдая, как муж медленно разулся, прошел в зал и уселся на стул, устало вытянув ноги, и принялся растирать лицо ладонями.— Устал, да? Сейчас покормлю. Чуточку потерпи. Что хотела сказать... Телеграмма пришла. Матвей возвращается...

— Матвейка? — Семен нахмурился, и взглянул на жену.— Кто сказал? Он же...— и неопределенно кивнул головой.

— Да, правда, твой брат приезжает,— пожала плечами жена и погрозила пальцем ребятишкам, которые носились по квартире.— Надя была в деревне. Сказала, что принесли телеграмму. На Троицу Матвей возвращается. Дед велел всем приехать на праздник, и чтобы все мужики были с наградами.

— Зачем? — опять нахмурился Семен.

— Хочет встречу устроить. Он еще передал, что свинью надо заколоть. Это тебя попросил сделать. Сказал, что у тебя рука легкая,— жена прикрикнула на ребятишек, которые устроили войнушку в квартире, и опять повернулась к мужу.— Надо съездить, Сема. Все-таки, ваш брат и сын приезжает. Столько лет не был дома. Наверное, срок отсидел и освободили.

— Наш брат или...— Семен замолчал, поднялся, доставая папироску, и вышел на балкон.— Где он был, когда мы воевали, а? — он тяжело взглянул на жену и зады-

мил: густо, нервно и озлобленно.— Не успеешь в деревне появиться, как встречные-поперечные начинают носом тыкать, что Матвей...

— Сема, не заводись, успокойся,— перебивая, сказала жена.— Отец велел. Значит, надо ехать.

— Ну, если отец велел...— помедлив, повторил Семен и вздохнул.— Ну, хорошо. Съездим, и встретим. Ишь ты, брат...— он мотнул головой и, плюнув, выбросил окурок на улицу.

...Семен долго сидел на низком чурбаке, почесывая свинью. На зиму откармливали ее, чтобы на всех поделить, но теперь придется резать, так велел отец, а ему нельзя перечить. Семен вздохнул. В сторонке всполошено заорал петух, захлопал крыльями — пыль поднялась, подзывая несколько молоденьких кур, и принялся торопливо клевать. Видать, что-то нашел в старой соломе.

— Семка, ну, как там? — донесся тихий голос матери, и она заглянула в сарай, стоявший на заднем дворе.— Долго еще ждать?

— Не мешайте, пусть успокоится,— буркнул Семен, продолжая чесать свинью, и кивнул на толстую перекладину над головой.— Приготовьте веревки.

Он хмуро осмотрел сарай. Несколько кур копошились, разгребая старую солому. В углу заквохтала наседка. Потягиваясь, появилась пестрая кошка. Запрыгнула на перегородку, посидела, словно прислушивалась, и быстро исчезла в темном углу. Полезла на сеновал. Видать, услышала мышиную возню. Семен осмотрелся. После войны, когда он вернулся, тяжеловато жилось, сарай пустовал, все съели за годы войны, долго восстанавливали хозяйство, а сейчас хоть какая-никакая, но скотинешка появилась: коза и овечка, да вот эта свинка, а еще куры бегают. На лето стали ребятишек отправлять в деревню. Соседка приносит молоко. И ребятишки все каникулы проводят здесь. Хорошо, вольготно, не то что в городе. Опять заскрипела дверь. В проеме появилась мать. Прислонившись к столбу, наблюдала за ним. Семен мельком заметил, как братья готовили пучки соломы и проверяли паяльную лампу. Потом приволокли корыто. Мать вышла, быстро сполоснула его и приставила к стене, чтобы стекла вода. Братья столпились возле входа, закурили и зашептались, стараясь не мешать.

Свинья похрюкивала, тыкалась грязным пятаком в колено и старалась прислониться. Семен, похлопал по холке, осторожно отодвинулся и продолжил чесать свинью. Пошарил за спиной, нащупал рукоятку, крепко зажал в руке, на мгновение застыл, глядя на свинью, потом перехватил ее за переднюю ногу, резко дернул вверх, всадил длинный трофейный штык-нож и провернул. Свинья рванулась в сторону, завизжала, дернулась и повалилась на землю. Семен поднялся, продолжая держать в руке окровавленный штык-нож. Схватил веревку, быстро захлестнул петлей задние ноги, позвал братьев, волоком дотащили свинью до перекладины и, перекинув толстую веревку, подняли над приготовленным корытом. Придерживая голову свинье, он размашисто располосовал горло. Забулькала кровь и струей стала стекать в корыто. Семен протер клинок, поднялся на крылечко, в сенях подсунул штык-нож под бревно, вышел и принялся отмывать руки.

— Все, заколол,— коротко сказал он и вздохнул.— Хорошая была свинья. Даже жалко стало ее. Ладно, можете разделывать.

— Сема, выпей,— рядом стояла мать, протягивая на тарелке старую обшарпанную кружку с мутной жидкостью и повядший огурец.— У тебя легкая рука, не мучаешь животину. Мясо вкусным будет. На, выпей.

Взяв кружку, Семен хмуро взглянул из-под кустистых бровей. Медленно выпил. Поморщился. Отмахнулся от огурца. На ладонь вылил остатки самогонки и, крякнув, растер шею, потом подошел к корыту и, зачерпнув полную кружку крови, неторопливо выцедил.

— Эх, хорошо,— сказал он, вытирая окровавленные губы.— Вкусно. Полезно для организма.

— Пап, папка,— подскочил Алешка, крепкий мальчишка, лет семи-восьми, одетый в коротковатые штаны и в клетчатую рубашку с латками на локтях, и махнул длинным прутом.— Правда, вкусно? Дай попробовать, а? — и потянулся к отцу.

— Да, Алешка, кровь — это полезная штука, особенно для тебя,— сказал отец и протянул кружку.— На, пробуй,— и протянул кружку сыну.— Я всегда пил, сколько себя помню. Вкусно!

— Фу-у, дрянь какая-то,— попробовав на язык, Алешка брезгливо поморщился и сплюнул.— Я-то думал, что вкусно. Баб, когда кушать будем? А, ну ладно. Позовешь. Папка, я побежал играть. Вон, мальчишки заждались,— и громко крикнув, помчался за калитку, где ждали друзья.

Семен вышел на улицу. Постоял, осматривая небольшую деревню. Отдельно стояла школа. Сейчас каникулы. Там тишина. И замок висит. Рядом с домом тетки Клавы, которая лечила травами и заговорами, на скамеечке сидело несколько человек. Наверное, болеют, а может, просто подошли поболтать. Тетка Клава всех привечала. Ночью постучись и она откроет дверь и пойдет в ночь, в непогодь, в любой мороз или дождь, если это нужно людям. Хорошая она, добрая.

Он оглянулся. Возле палисадника, где росла бузина, стояли и разговаривали соседки — старухи, кто неподалеку жил. Они пришли, чтобы посмотреть на гостей. Прознали, что должен приехать Матвей, и теперь отцу покоя не давали. Семен нахмурился, развернулся и подошел к крыльцу. Уселся, достал папиросы. Закурил. Выпустив облачко дыма, осмотрелся по сторонам. Братья на заднем дворе разделывали тушу. Переговаривались, о чем-то спорили, громко смеялись. Изредка выпивали, когда мать подносила кружку с самогоном, и снова брались за работу. Тревожно завыла собака, почуяв кровь, и умолкла, забилась в конуру, когда кто-то бросил в нее камень. А кошка крутилась рядом с корытом, надеясь что-нибудь утащить, а потом припала к лужице крови, которую нечаянно пролили на землю.

В сенях хлопнула дверь, и на крыльцо вышел отец: высокий, мосластый, с виду еще крепкий старик, в старых штанах с заплатами на коленях, рубаха навыпуск и босоногий. Постоял, покручивая длинный ус, исподлобья посмотрел на сыновей. Потом взглянул на внуков, которые носились по двору, мешая взрослым. Цыкнул на них, погрозил узловатым пальцем — малышня бросилась врассыпную. Громко зевнул и, поглаживая лысину и узенький венчик волос, присел рядом с Семеном.

— Наташ, поди-ка сюда,— позвал жену, дождался, когда она подошла, и взглядом показал на старух, которые собрались возле палисадника, о чем-то разговаривали и изредка, словно невзначай, заглядывали во двор, смотрели, что делается у них.— Наташ, скажи, чтобы разошлись. Негоже под чужими окнами торчать, негоже. Угощу всех, когда придет время. Всех позову, а сейчас пусть не путаются под ногами, не отвлекают. Не до них,— а потом ткнул пальцем в дочерей.— Скажи нашим девкам, чтобы требухой занялись. Нечего бездельничать и лясы точить с соседями. Стоят, ворон ловят да кости перемывают, как бабки старые,— и не удержался, погрозил пальцем.— Надька, сейчас крапиву возьму и не посмотрю, что взрослая деваха — отлуплю! Клавка, живо взяла тазик и пошла работать. Эй, ребятки,— окликнул он взрослых сыновей.— Хватит хаханьки разводить — не бабы базарные. Чище опаливайте свинку, чище. Сами же будете кушать. Свиные уши опалите, разделите и отдайте ребятишкам — вкусно. И шевелитесь. Нечего гонять лодыря. Время не ждет, в рот пароход! — и, нахмурившись, привстал на крылечке, когда увидел, что во двор зашел невысокий мужичок.— Ну-ка, пошел отсюда, сволота! Еще раз увижу, взашей выгоню. Вон отсюда! Сколько можно говорить, что в мой дом дорога закрыта для

тебя! — дождавшись, когда мужик выскочил и скрылся за палисадником, он опять присел на крыльце.— Гад, все деревенские мужики воевали, а этот метрику подделал и прятался за спинами наших баб. А сейчас в грудь кулаком стучит, что, если бы не он, вся деревня бы передохла от голода. Тоже мне, спаситель нашелся. Сволота! — опять повторил он.

Таким он был всегда: грозным, но в основном, только с виду и на людях, вечно хмурым, редко улыбался. Сам за двоих работал и других заставлял. А когда вернулся с тяжелым увечьем с войны, пришлось почти всю тяжелую работу перекладывать на сыновей и дочерей. Нужно было поднимать хозяйство. Ладно, семье удалось выжить, с голоду никто не умер, хоть и опухали, как бабка говорила. Тяжелые времена были, голодные. Все продали, лишь бы девчонок спасти от смерти. Если удалось пережить зиму, весной облегченно вздыхали. На траве держались да на рыбе, что ловили. Сети плели, верши готовили, и весной выходили на речку. Все становились рыбаками, от мала до велика. Если взрослые не могли, тогда дети уходили на реку, а вечерами улов делили по едокам. Так и жили всей деревней. Он не испытал этого, не видел. Вместе с сыновьями на фронт ушел. Считал, что отделались малой кровью. Шестеро ушли на войну. Один сын в танке сгорел. Второй, Матвей, в начале войны попал в плен, а когда союзники освободили из концлагеря, он отправился домой, но по дороге его арестовали и дали десятку без права переписки, нужно было страну поднимать из руин. Отсидел срок, но не стали освобождать, наоборот, еще добавили несколько лет и отправили на поселение. Лишь недавно Матвейку выпустили, и сегодня он должен приехать домой. А остальные вернулись, хоть и все были с ранениями и контузиями. Главное — живые, а остальное — это ерунда.

— Давай-ка выпьем, Семен,— старик подтолкнул сына и крикнул.— Слышь, Наташ, нам по рюмочке подашь? — так, в рифму, привычно сказал он и, достав из кармана папиросы, закурил.

Скрипнула дверь. Донеслись шаги. На крыльце появилась старуха в юбке до пят, в теплой кофте с длинным рукавом, несмотря на летнюю погоду, и в платке. Поставила две потертые кружки на ступеньку. Налила. Рядом поставила щербатую тарелку, положила несколько четвертинок лука, щепотку соли и кусочек ржаного хлеба и, поправив платок, молчком вернулась в избу.

— Видать, сегодня болеет,— кивнув на нее, сказал Семен.— Так и мается головой, да?

Отец взял кружку. Заглянул, передернулся от сивушного запаха, и медленно выпил. Поморщился. Вытер длинные усы и, шумно вздохнув, отложил в сторону кусочек хлеба.

— Да, Семка, хворает мать,— взглянув исподлобья, сказал старик.— И война подкосила, и Федька погиб, и голод, а потом со мной замучилась, когда с фронта привезли, да еще столько лет прождала Матвейку. Бывало, ночью проснусь, поднимусь с полатей, чтобы водички глотнуть, гляжу, а она перед иконами стоит и шепчет. Вроде, как и не ложилась даже. Петух загорланит, а она уже на ногах и хлопочет по хозяйству. Наверно, с часок вздремнула и все, а может, и того не было. Да, досталось нашим бабам, в рот пароход,— дунул, табак вылетел из папироски, он достал другую, размял и прикурил, выпустив облачко дыма.— Эх, жизня!

— Правду говоришь, батя, и во время войны досталось, и после нее — проклятой,— тяжело вздохнув, буркнул Семен.— Я всю войну прошел, а моя Нюрка поседела. Частенько бывает, ночами начинаю воевать, кое-как меня растолкает, а сама плачет. И ребятишки плачут. Залезут на одну кровать, в угол забьются и плачут. Боятся меня. Эх, ешкин малахай! — он кулаком ударил по колену, поморщился и достал папироски.— Бывает, что себя боюсь, как бы чего не натворить спросонья. Все

война снится,— а потом взглянул на пачку и протянул.— На, кури, батя. Ну и что, что покурил, еще бери. Про запас дыми. И я с тобой затянусь. Эх, да...

Они опять задымили. Молчали. Семен задумался, злые морщинки возле глаз появились. Сидел, не шелохнувшись, не обращая внимания, что папироска давно уж перестала чадить. Не видел, что отец поднялся и, как был босиком, так и пошел на задний двор к сыновьям. Покручивая между пальцами длинный ус, что-то долго объяснял им, показывая на разделанную тушу, потом кликнул дочерей, опять ткнул пальцем в мясо, вернулся на крыльцо и снова присел рядом с сыном.

— Ну ничего не могут без меня сделать, обормоты! — запыхтел он и погрозил пальцем.— Ух, не посмотрю, что вымахали, сниму кнут со стены, всех отстегаю. Разгильдяи, в рот пароход и в задницу корабль! — это было его любимое ругательство.

— Батя, неужели и меня отлупишь? — хохотнув, сказал Михаил, и поправил тяжелый китель с множеством орденов и медалей.— Я же по званию намного старше тебя.

— А тебя в первую очередь, Мишка! — насупившись, рявкнул старик и, повернувшись, стал всматриваться в полутемные сени в поисках кнута.— Не посмотрю, что в офицерах ходишь. Нацепил погоны и награды и думаешь, что на тебя управы не найдется? Отлуплю как сидорову козу. Понял? Я — главнокомандующий в семье! И не забывайте об этом! Бабка, иди-ка сюда. Ну-ка, выпиши наряд вне очереди этому охламону,— и ткнул в сторону сына.— Отправь чистить навоз. Как раз для его офицерского кителя с сапогами. Будет знать, как отцу перечить. Ишь, стоит, бахвалится!

И Михаил, под хохот братьев и сестер, нахмурив густые бровищи, повесил китель на забор, молчком подхватил вилы и скрылся в сарае.

— Ох, суров ты, батя, суров,— покачивая головой, буркнул Семен, взглядом провожая брата.— Глянь, ведь послушался!

— А куда денется, охламон,— нахмурившись, старик опять погрозил пальцем.— Пусть попробует не выполнить. Враз вожжи или кнут возьму, да пройдусь по одному месту, неделю сесть не сможет! — и неожиданно повернулся.— Семка, скажи правду, что думаешь про своего брата, про Матвейку?

— А что говорить о нем? — помолчав, пожал плечами Семен.— Столько лет не виделись. Вот приедет, потолкуем. Посмотрим, что у него на душе.

— Я что хочу сказать, Семка,— старик посмотрел по сторонам, не подслушивают ли случайно, а потом опять повернулся к сыну.— Столько лет думаю о нем, и не могу поверить, что наш Матвейка сдался в плен. У него же характер — о-го-го, в рот пароход! Он костьми ляжет, чем спину прогнет. Он же комсомольским вожаком был, идейный — страсть! Все носился по деревне с такими же, чуть не так, сразу мозги вправлял, сразу на собрание вытаскивал и песочил. Ну, а если взглянуть с другой стороны, как он смог попасть в плен, почему всю войну провел там, а не сбежал? Ведь столько лет был в плену! Неужели не нашел лазейку для побега? Не верю этому, в рот пароход, не поверю! Меня же таскали в органы из-за него, все расспрашивали, все допытывались. А что я мог рассказать? Меня же не было рядом, когда Матвейка в плен попал. Даже не знал об этом, пока в органах не сказали. Как обухом промеж глаз саданули. Думал, с копыток слечу. Все допытывались, почему он оказался у фрицев, где пробыл всю войну, почему союзнички освободили в конце войны из концлагеря, как он попал туда. А я-то почем знаю! Потом какая-то бумага пришла. Видать, про Матвейку. Они поворчали, но отстали от меня, зато в деревне быстро прознали про это, и каждый сморчок проходу не давал, все Матвейкой попрекали, мол, фашистский прихвостень, коль в плену побывал да на них работал. Идешь по улице, а у тебя словно печать на лбу стоит — на всю жизнь заклеймили и буковки видны — «Отец прихвостня», а всякие встречные-поперечные ходят и тычут пальцами, и камнями кидают, и все норовят в рожу попасть, да побольнее,— и засопел, нахмурившись.

Семен снова пожал плечами.

— Не знаю, что у него на уме,— сказал он, вытащил папироску, дунул в нее — табак вылетел.— Многих война ломала. Крепче, чем Матвей, были, но словно тростинки ломались. А он... Жизни не видал, хоть и был идейным, сразу на фронт попал. Сам же знаешь, батя, что в первые месяцы войны творилось. Неразбериха. Погибали, раненые попадали в плен, а другие, кто ломался, первыми погибали, а бывало, что в дезертиры подавались или к фашистам уходили, лишь бы свою шкуру спасти. Всяко бывало. И пока с Матвеем не поговорим, не увидим, с чем приехал, что в душе у него, мы не можем его судить, да и не имеем права,— так, не поднимая головы, раскачиваясь, глухо сказал Семен и опять вытащил папиросы.— Я сынка, Алешку, отправил на остановку. Когда появится Матвей, ребятишки прибегут и предупредят. Посмотрим, что у него на душе, а потом подумаем...

— Да я все понимаю,— досадливо стукнул кулаком по колену старик, а потом похлопал по груди,— но вот здесь болит, покоя не дает. Столько лет прождал его, чтобы вернулся, а сейчас как на иголках сижу. С тобой болтаю, а у самого глаза в сторону калитки смотрят. Мы же до сей поры не знаем, как он оказался у фашистов. Ладно, если раненый попал в беспамятстве — это еще можно понять, а ежели, как ты говоришь, что сломался и добровольно ушел, тогда, как к нему относиться? Вроде бы простить должен его, все же наш сын и ваш брат, а с другой стороны — он предал нас, нашу семью, тебя, меня, свою мамку — всех. Тогда как, а? — старик замолчал, раскачиваясь, задумался, а потом сказал.— Вот возьми меня, в рот пароход. Я прошел три войны. Три! И в окружении бывал, и в плен попадал, но все же вырывался и опять пробирался к своим. А сколько раз было, что могли поймать, но я находил лазейку и смывался. Вон там,— он махнул рукой в сторону лесопосадки,— во время гражданской, у нас стоял омет. Я был в дивизии Чапая. В нашей деревне стояли белые. А у меня же семья большая! Мне приходилось пробираться сюда, чтобы своих проведать, чтобы кусок хлеба принести, лишь бы с голоду не померли. И один раз, когда появился, меня кто-то предал. Беляки бросились искать. Чую, что не успею скрыться, тогда огородами пробрался и спрятался в омете. Они всю деревню перевернули, меня, чапаевца искали, а потом взяли вилы и стали всаживать в омет со всех сторон. И знаешь, Семка, меня спасло, что втыкали вилы — поперечина не дала глубже вогнать, а если бы стали штыками колоть, тогда мне кранты, убили бы — это точно. А потом, едва они кинулись к мельнице, я задами огородов выскочил из деревни. До леска добрался, а там стояла привязанная лошадь. Вскочил и помчался к своим, а беляки поскакали за мной. Дважды меня ранили, но я все же вырвался. Чуял, что смерть придет, если поймают, в рот пароход. А Матвейка столько лет был у фрицев и живой, а я бы на его месте все жилы перегрыз, лишь бы в плен не попасть, а он живой... Почему? — и старик опять замолчал, нахмурив и без того морщинистый лоб.

Отряхивая замызганные галифе, посматривая на испачканные сапоги, к крыльцу подошел Михаил и облокотился на перила.

— Батя, приказ выполнен,— устало хохотнув, сказал он и принялся вытирать грязные руки.— Весь навоз уничтожен... Нет, на корыте вывезен на огород и уложен в кучки. Какие будут дальнейшие указания?

— Что говоришь? — старик взглянул, потом растер лицо ладонями и вздохнул.— А, ладно, сынок. Молодец! Одежка грязная. Почистись и умойся. Негоже в таком виде щеголять перед всеми — офицер все же, а не дите малое,— и, нахмурившись, погрозил.— Да, а где зятья — Колька и Витька? Кольша с нашим Петькой покрутились, пока свинью разделывали, а потом оба умотали. Почему до сей поры не появились? А куда Витька запропал? Ну-ка, живо к ним сбегал и сказал, чтобы пришли при параде. Во всей красе предстанем пред нашим сыном и вашим братом.

Достав расческу, Михаил быстро привел волосы в порядок. Провел по ним ладонью, приглаживая, подозвал ребятишек и велел им, чтобы позвали дядек, а сам принялся чиститься и отмываться под рукомойником.

Распахнулась калитка, и донесся громкий крик.

— Папка, папка, фу, еле добежал,— запыхавшись от быстрого бега, заскочил Алешка и помчался к крыльцу, за ним забежали ребята и тоже подошли, едва переводя дух, а потом выстроились в очередь перед ведром с водой и, толкаясь, принялись звучно пить из большой кружки.— Там, там дядька и тетка идут от остановки. Не деревенские — чужие! А больше никто из автобуса не выходил. Правда! Они сюда пошли по дороге, а мы с мальчишками напрямки пустились. Сходи, посмотри.

Едва Алешка крикнул, что видел незнакомых людей, все переполошились. Заметались, не зная, за что хвататься, чем заняться. Мать заголосила, бросилась к калитке, но осеклась от грозного окрика старика и, прикрывая ладошкой рот, скрылась за избой. Старухи, стоявшие возле калитки, вразнобой заговорили и, прикладывая к глазам ладонь лодочкой, стали всматриваться вдаль, надеясь рассмотреть приезжих.

— Семка, выйди-ка, посмотри,— отец кивнул в сторону улицы, закряхтел, нахмурился, но сын заметил, как он заволновался, как заелозил по ступеньке, а потом поднялся.— А я схожу, проверю, что ребята сделали. Все ли подготовили, да и самим нужно пиджаки набросить,— и, покрикивая на сыновей и дочерей, пошел на задний двор, но быстро вернулся и скрылся в избе.

Семен вышел на улицу. Долго стоял возле палисадника, хмуро наблюдая, как по тропинке между кустами, то исчезая, то появляясь, медленно шел крепкий мужик с невысокой женщиной. Изредка приостанавливались, он осматривался, махал рукой, что-то показывая, а потом опять шагали. Вон присели на старый пень. Там все останавливаются, чтобы отдохнуть на широком пне. Видно было, что мужик курил. Много курил — одну за другой. Видать, волновался. Потом опять побрели, а его спутница все время поправляла на руке плащ или пальто — не разберешь издалека.

— Батя, готовься к встрече,— вернувшись, сказал Семен, взглянув исподлобья на отца.— Это Матвей идет. Нет, я не ошибаюсь. До сих пор помню его походку. Идет, словно подпрыгивает. Он приехал. Точно. А рядом с ним, наверное, жена.

Старик заволновался, но старался не подавать вида. Засуетился, оглаживая чистую рубаху. Потом зашел в избу и вернулся в пиджаке, на котором посверкивали несколько наград.

— Ну-ка, сынки, быстро ко мне! — держась за шаткие перильца, сказал он, и провел ладонью по медалям, и принялся командовать.— Колька, я кому сказал, живо набросил китель. Петька, почему не надраил медали? Ух, дождетесь, разгильдяи! Так, чтобы у всех грудь колесом была. Пусть наш сынок, а ваш брательник посмотрит, как мы воевали. Девки, всем быть на заднем дворе. Нечего пялить глаза на них. Ребятишек заберите с собой. Негоже по двору носиться в такой час. Мать,— он повернулся к бабе Наташе,— не вздумай обниматься, пока я не увижу, кто перед нами — сын или фашистский прихвостень, а то ему быстро сделаю от ворот поворот, а если кто-то к ним сунется самовольно, чтобы поздороваться, кнутом до полусмерти отстегаю. Чтобы все стояли, не шелохнувшись. Я буду вести разговоры. Всем понятно? — и хмуро посмотрел на сыновей.

— Ладно, батя, не шуми зазря, все поняли,— вразнобой сказали они.— Сам командуй.

Вскоре соседки-старухи зашептались, подталкивая друг друга, раздались в стороны, освобождая проход.

— А вот и гости долгожданные появились,— раздался протяжный старческий голос за забором.— Здравствуйте, Матвей Ильич! Ой, как вы изменились! Постарели,

однако. А были-то каким молодым! А сейчас... А это кто рядышком — жена, да? Это хорошо! Проходите, проходите...

— Тьфу ты, появилась, сорока языкастая, принесла ее нелегкая,— чертыхнулся старик и крикнул соседке.— Лизка, дождешься, отстегаю, зараза! Ну, погодь у меня...

Скрипнула калитка, распахнулась. Во двор медленно зашел Матвей: поседевший, лицо, иссеченное глубокими морщинами, взгляд хмурый и недоверчивый, в темном костюме, запыленных ботинках, а в руке хозяйственная сумка. Рядом с ним была невысокая худенькая женщина: гребешок в темных волосах с проседью, простенькие серьги, серое платье с белым воротничком и потертое пальто в руках, несмотря, что стояла теплая погода. Матвей исподлобья — взгляд как у отца, медленно осмотрел всех, шагнул вперед, сдернул фуражку и низко поклонился.

— Ну, здравствуй, батя,— он посмотрел на постаревшего хмурого отца, потом на мать, которая стала еще меньше росточком, словно высохла, она стояла возле забора и смотрела на него, прищурившись, задержал взгляд на Семене, поперхнулся, сильнее сминая в руках фуражку, отвернулся и глухо сказал.— Здравствуй, мамка. Я вернулся. Я живой...

— Матвеюшка, сынок,— мать не выдержала, заголосила и бросилась к нему, но не добежала, вздрогнула от окрика, запнулась, чуть не упала и остановилась, продолжая смотреть на постаревшего сына, которого не видела с начала войны.— Матвейка приехал, а ты... Ну, как же так, отец? — и растерянно оглянулась на старика.

У Матвея задергалась щека. Он стоял неподвижно и молчал, медленно осматривая пустой двор и родную избу. Взглянул на баньку, что стояла посреди огорода, потом на заросли черемухи, что были за заборами. Нет, даже не заросли, а густой лес и каждую весну, когда черемуха расцветала, над землей появлялось огромное белое облако, а запах такой, что голова кружилась. И этот запах он чувствовал даже во сне. Матвей глубоко вздохнул и опять посмотрел на всех. Отец и братья тоже молчали. Семен скрипнул зубами, дернулся было, словно хотел выйти навстречу, но остался стоять, лишь ниже склонил голову. Изредка доносились всхлипы матери, на заднем дворе слышны женские и детские голоса и за забором шептались старухи.

Прошмыгнула пестрая кошка. Запрыгнула на завалинку и принялась умываться. Гавкнула собака, почуяв чужака, но умолкла и спряталась в конуре от резкого окрика.

Долго стоял отец, посматривая на сына. Молчал, покручивая длинный ус. Потом вздохнул, потер щетинистую щеку и нахмурился. Насупившись — брови сошлись на переносице, взглянул исподлобья на Матвея и его спутницу и поправил пиджак, брякнув медалями и орденом.

— Ну, сынок, пройди в избу, расскажи нам,— прищурившись, он обвел рукой сыновей и зятьев, стоявших на крыльце в кителях и пиджаках, на которых сверкали награды и орденские планки,— где и с кем воевал, и как воевал, что-то не замечаю твоего иконостаса,— он провел рукой по наградам и опять нахмурился.— Хорошо ли воевал, не опозорил ли нас, родителей и своих братьев и сестер? Не стой, как столб, пройди в избу. Негоже во дворе разговоры вести. Посидим, послушаем, что расскажешь. А твоя баба пусть на крыльце остается. Ничего с ней не случится. А у нас будет долгий разговор,— и тут же повернулся к жене.— Так, бабка, не дай Бог, если кто-нибудь зайдет в избу! Увижу, в кровь исхлещу, в рот пароход! — и погрозил пальцем, повторяя.— Кнутом отстегаю любого, кто сунется в избу! Всем понятно? — и медленно обвел взглядом всех, кто был во дворе и за забором.

И, не обращая внимания на сына, Матвея, развернулся и первым прошел в избу. За ним потянулись сыновья и зятья. Матвей последним поднялся по ступеням, провел ладонью по старым перилам, остановился, окинув взглядом избу, опять посмотрел на дальний черемушник, потом прошел вслед за всеми и захлопнул за собой скрипучую дверь.

Приостановившись в полутемных сенях, Матвей вздохнул, осматриваясь. Возле двери стояла старая кровать. Раньше ее не было, как не было выцветшего дождевика на стене. Видать, отец с фронта привез. Старая потертая кацавейка на гвозде, подбитая мехом, а рядом драная фуфайка. Кочедык и крепкий кнут висели на своих местах, и серп там же был воткнут. Как и раньше, как в его молодости. У отца было принято, чтобы каждая вещь лежала на своем месте, и не дай Бог, если возьмут и не положат. У него тяжелая рука и быстрая на расправу.

Разувшись, он поставил запыленные ботинки в модельный ряд возле пары стоптанных кирзачей, рядом с ними разбитые опорки, а чуть поодаль виднелись обрезанные подшитые валенки. Наверное, мать шаркает в них, а раньше не носила. Дальше, в полутьме, мелькнула дверь в чулан. Частенько в нем прятался, когда с мальчишками играл — это было давно, словно в прошлой жизни, словно не с ним. Матвей вздохнул. Наклонившись, он прошел в избу и остановился на пороге. Свежий запах выскобленных полов и кисловатый запах опары — это мать всегда скоблила косарем широкие доски, а потом начисто промывала, и поэтому в избе стоял свежий хвойный запах, как и кисловатый — опары. Мать выпекала хлеб на капустных листах, а иногда на кленовых, но чаще подкладывала капустный лист — ей так больше нравилось. И эти запахи преследовали все годы, с той поры, как ушел на фронт. Ушел пареньком, а вернулся взрослым мужиком... Матвей медленно обвел взглядом избу. Низкая стала, небольшая, как ему показалось, не то, что раньше была — светлая и просторная. А сейчас хотелось пригнуться, чтобы не задеть потолок. Большая русская печь. За ней были полати, на которых спал отец — это он хорошо помнил. А вон в том закутке видны чугунки, ухваты и стол — это хозяйство матери, куда она никого не подпускала. Ее мирок. Рядом с занавеской висит тусклое зеркало в коричневой деревянной раме. Сколько себя помнил, зеркало всегда висело на этом месте. В углу виднелась икона и еле заметно теплилась лампадка. Старая кровать с лоскутным одеялом вдоль стены. Мать спала на ней, да и сейчас тоже, наверное. А возле окна, напротив кровати — длинный широкий стол — семья-то большая была, и несколько лавок. Вот и все. Как было раньше, так и осталось, хоть прошло столько времени, много лет не был в родной избе... Матвей протяжно вздохнул. Растер лицо ладонями — глаза покраснели. Исподлобья взглянул на сурового отца, который сидел во главе стола — это его место, хозяина, по бокам расселись братья и зятья. Сидели, курили и молчали, наблюдая за ним. И Матвей шагнул к столу...

— Ох, чует мое сердечко, что-то будет нынче,— едва закрылась дверь, запричитала мать.— Вся душа изболелась! Рассерчал отец, разгневался, как самовар кипит, того и гляди заплещет. И зайти-то запрещено — шкуру спустит. Ему нельзя перечить — хозяин,— она поправила платок, принялась осматриваться и ткнула корявым пальцем.— Слышь, как звать-то тебя, дочка?

— Татьяна,— коротко сказала спутница, и устало прислонилась к перилам.

— Танька, значит,— закивала головой баба Наташа.— А я Матвейкина мамка,— и невольно оглянулась на дверь, опасаясь, что услышит старик и отлупцует.— Присаживайтесь на крылечко. Не гневайтесь на отца. Характер такой. Хозяин! Пить хотите? — и помахала рукой.— Дочки, напоите ее. Я бы накормила с дороги, но не могу — отец запретил заходить в избу. Потерпи, пока не поговорят. Валя,— старуха позвала сноху.— Побудь на крылечке. Гляди, чтобы никто не зашел, а я сбегаю на огород, чуток повожусь на грядках, пока они разговоры разговаривают, может полегче на душе станет, а то места не могу найти.

— Баб Наташ,— кто-то окликнул из-за забора.— Ну, что там, как сынок?

— Отстаньте, не до вас,— отмахнувшись от назойливых соседок, баба Наташа ушла на огород, что был позади дома, принялась было дергать сорняки, но не удер-

жалась, подошла к грядке, надергала лук и вернулась к крыльцу, держа в руках небольшой пучок.— Скажи правду, Тань, как на духу, а когда нашего Матвейку выпустили из каталажки? — спросила у приезжей.

Татьяна отставила помятую кружку с водой на крыльцо и пожала плечами.

— Ему давали десятку, но в конце срока еще добавили несколько лет,— тихо, блекло, сказала Татьяна, видно было, что ей уже надоели с такими расспросами.— Когда освободили и разрешили выезжать, мы собрались и сюда поехали. Матвей скучал, хотел всех увидеть, но в то же время опасался, что на порог не пустите, выгоните.

Продолжая теребить в руках пучок лука, баба Наташа внимательно слушала, покачивала головой, а потом, словно решившись, оглянулась на дверь и прошептала:

— Скажи как на духу, а Матвейка — предатель или нет?

Отшатнувшись, Татьяна в лице изменилась — пятнами пошла, потом резко побледнела и хотела что-то сказать, но в это время из избы донесся громкий протяжный крик, а потом с треском разлетелась табуретка.

— Все, беда пришла,— запричитала баба Наташа, прислушиваясь к шуму, положила пучок лука на завалинку, едва стала подниматься по ступеням, чтобы зайти в избу, но вспомнила, что дед запретил заходить, и тогда торопливо принялась осматриваться.— Сейчас смертоубийство начнется,— забормотала она, а потом протяжно закричала.— Ребятишки, подойдите сюда! — и замахала руками.— Побыстрее...

Оглянувшись на крик, Алешка поддернул сползающие штаны, что-то сказал друзьям, с кем играл возле ворот на полянке и, открыв калитку, они подбежали.

— Что, баб? — вразнобой заговорили они.— Зачем звала? Мы же играем, а ты мешаешь.

— Проберитесь в избу, ребятки,— наклонившись к ним, тихо сказала баба Наташа.— Потихонечку погляньте, что там творится,— и ткнула пальцем.— Слышите, как ругаются. Дед Илья запретил взрослым заходить в избу, а вас, мальцов, не тронет, если заметит. Он любит вас. Прокрадитесь и послушайте. А я каждому карамельку дам. Вкусные! — и принялась шарить в кармане фартука.

— Не, баб, не пойдем,— загомонили ребятишки и вздрогнули, когда донесся шум и громкие голоса.— Страшно! Вон, пусть Алешка сбегает. Дедка никогда не ругает его. А мы постоим возле двери и покараулим. Лешка, что говоришь? Ай, не бойся! Мы же рядышком будем. Иди, посмотри,— и принялись подталкивать его.— Ты же самый храбрый!

— Ну ладно, сейчас схожу,— шмыгнул Алешка, и посмотрел на окна, плотно закрытые занавесками.— Ух, как дедка кричит! Баб, а на кого ругается, а?

— Вот и глянешь, на кого кричит,— сказала баба Наташа.— Иди, иди...

Прислушиваясь к шуму, Алешка быстро поднялся по ступеням крыльца, и исчез в полутемных сенях. Ребятишки поднялись на крыльцо и притихли, наблюдая за ним.

Приподнявшись на цыпочки, баба Наташа старалась заглянуть в запыленное оконце, но за плотно зашторенными занавесками, ничего не было видно. Перебралась к другому окну. Опять заглянула, но бесполезно. И в третьем окошке ничего не видно. Все наглухо закрыто от постороннего взгляда. Взмахивая руками, она заметалась по двору, то торопилась к дочерям на задний двор, то опять возвращалась к крыльцу. Старухи, сидевшие на лавочке возле палисадника, тоже громко заговорили, поднялись и норовили заглянуть во двор.

Постояв возле двери, Алешка долго прислушивался к разговору, потом с трудом приоткрыл дверь, присел на корточки и медленно заглянул, продолжая слушать, о чем говорят за столом. Заметил, что дед поднялся, потом стал стучать кулаком по столу, что-то говорил, поперхнулся и закашлялся, закрутил головой и направился к ведру с водой, которое стояло возле входа. Видать, в горле пересохло.

Алешка испугался, что его могут заметить, тихонечко притворил дверь, и опрометью бросился из сеней.

Ребятишки скатились по ступеням и сгрудились возле бабы Наташи.

— Ох, дедка ругается,— появившись на крыльце, сказал Алешка и поддернул штаны.— Сильно. Красный стоит, руками размахивает и по столу стучит. Баб, а там все ругаются, правда. Что говоришь? А, дядька Матвей? Он тоже орет. Нет, не орет, а громко говорит, говорит, а сам торопится, а потом снова все начинают спорить и руками махать. Все ругаются, а мой папка сидит, голову обхватил руками и молчит. Почему, баб?

— Ой, горюшко-то какое! — заплакала баба Наташа, и принялась вытирать слезы кончиком платка, а за ней заголосили дочери и снохи, кто был во дворе.— Смертоубийство произойдет. Дед разошелся не на шутку. Теперь его ничем не остановишь. Ой, беда пришла! — и, вскарабкавшись на завалинку, опять прижавшись к стеклу, стала искать хоть небольшую щелку, чтобы заглянуть внутрь.

Следом за ней дочери и снохи облепили окна, стараясь рассмотреть, что творится в избе. Некоторые прижались к двери, надеясь услышать, о чем разговаривают мужики. Опять раздался крик, потом загалдели в избе, послышались громкие удары. Все отбежали от окон и дверей, опасаясь попасть под горячую руку старика. Девки скрылись на заднем дворе. Некоторые мелькнули на огороде и сразу принялись драть сорняки, словно и во дворе не были. Лишь Татьяна, спутница Матвея, продолжала сидеть на крыльце и о чем-то думать. Держала кружку в руках, изредка поднимала голову, осматривая двор, а потом опять задумывалась.

— Помогите, люди! — обхватив голову, заголосила баба Наташа, медленно спускаясь с крыльца.— Ой, соседи дорогие, они же поубивают друг друга! Да что же вы попрятались, а?

— Нет, баб Наташ, я не пойду,— замахала руками молодуха в ярком платочке и фуфайке, наброшенной на плечи и, оглядываясь, пошла к соседнему двору.— Дед злой, как собака. Не посмотрит, что баба перед ним, быстро по шеям накостыляет, что полезла не в свои дела. Ну его... Я лучше дома посижу,— и скрылась, захлопнув калитку.

— А я чем помогу? — зашамкала скрюченная старуха, опираясь на клюку.— Ты уж, Наташка, сама разберись. Это ваша семья. Илюшка сразу нос прищемит, ежели сунемся,— сказала, присела на лавку и, что-то бормоча, закачала головой.

Остальные соседи, что прибежали, услышав громкие крики, столпились возле забора, но опасались зайти в избу, зная крутой характер деда Ильи. Все хорошо помнили, как он одним ударом чуть было не убил здоровенного племенного быка, когда тот разорвал толстенную цепь и помчался по улице, заметив ребятишек, которые играли на дороге. А старик возвращался с мельницы и увидел. Бросился ему навстречу, ухватился за рог, рванул, разворачивая к себе, и всего лишь один раз ударил, и племенной бык остановился, помотал головой и повалился набок. Все уж подумали, что убил быка. С трудом, но все же удалось отлить его водой, беднягу. И сейчас, если сунутся, а вдруг под горячую руку попадешь? Дед Илья не станет разбираться, тем более что предупредил всех, чтобы в избу не входили. Врежет разочек, и костей не соберешь. Он хозяин в семье. А в чужую семью нельзя соваться, так было принято в деревне.

— Эх, помощнички,— баба Наташа махнула рукой.— Только и умеете, что кости перемывать другим да за столом сидеть и самогонку глушить.

— Зря так говоришь, баб Наташ,— донеслось из-за забора.— Мы всегда придем на помощь, ежели потребуется, но в семью не полезем. Нельзя! Сама знаешь, что будет, если сунемся. Ваша семья — сами разбирайтесь. Извиняй...

Соседи стояли, переминались и шептались, поглядывая на избу, откуда доносился шум. А потом крики прекратились, и наступила непонятная тишина. Резко замолчали. Словно взяли и выключили. Бабка прислушалась. Тихо в избе. Очень тихо. Это больше напугало, чем крики и ругань. Все стояли на улице и не могли понять, что там произошло. Лишь ребятишки ни на что не обращали внимания. Голосили, носились по двору, по улице, лезли на чердак и сеновал, а оттуда спрыгивали и опять принимались играть.

Оглянувшись, баба Наташа едва успела ухватить внука, который пробегал через двор, на ходу стреляя из деревянного автомата, который сам смастерил из сухих веток. Прижав к себе, она принялась что-то ему шептать. Алешка недовольно заворчал, зашмыгал носом, посмотрел вслед мальчишкам, которые мчались к баньке, что находилась посреди огорода, там был их штаб, потом вздохнул и кивнул, соглашаясь.

Он вскарабкался на завалинку. Прижался к стеклу. Посмотрел. Ничего не видно. Поглядывая с опаской на окна, Алешка медленно поднялся по ступенькам в сени, тихо, чуть дыша, на цыпочках добрался до двери, приоткрыл ее и сполз на пол, а потом улегся и, едва приподняв голову, долго смотрел, что происходило за столом. Потом поднялся, притворил дверь, на цыпочках вышел и кубарем скатился с крыльца.

— Ну, что там, Алешенька? — увидев его, встревоженно сказала баба Наташа.— Что случилось? Что дедка натворил? Говори...

— Баб, да они водку пьют! — запыхавшись, сказал Алешка, подхватывая деревянное оружие, и помчался к огородам.— Много пьют. Кружками! А папка выпил, посмотрел на дядю Матвея и пальцем погрозил. Ладно, баб, отстань, я же играю, не мешай нам,— упал на землю и скрылся между грядками.

Раньше бы за такое отхлестали крапивой, что они балуются на огороде, а сейчас никто внимания не обращал, чем занимаются ребятишки.

— Ну все, сейчас зальют за воротник и раздерутся, как пить дать,— опять всполошилась баба Наташа, оглядываясь на дочерей.— Стоит только мужикам губы помазать — и все, дурная кровь в бошки ударяет, и начинают кулачищами размахивать направо и налево. Ой, соседи дорогие, уходите от греха подальше! — и замахала руками, провожая старух, которые стояли возле калитки.— Вы знаете наших мужиков, ненароком зацепят, мало не покажется. Идите, идите...— и увидела внука, который опять появился во дворе.— Алешенька, а ты видел, что там дядя Матвей делает?

— Ай, тоже водку пьет,— поморщившись, отмахнулся Алешка и поддернул сползающие штаны.— А мой папка как дернул рубашку, так пуговки во все стороны разлетелись. Теперь мамке придется пришивать, если найдет пуговочки. А зачем он кулак показывал дядь Матвею, а, баб? А дядь Петя под нос сунул кулак и что-то говорил. А зачем, баб?

Покачивая головой, баба Наташа стояла возле крылечка, о чем-то думая, потом размашисто перекрестилась, медленно поднялась по скрипучим ступеням и принялась стучать в дверь.

— Ребятки, сынки, не трогайте Матвеюшку,— громко закричала она.— Это же ваш брат. Не берите грех на душу, не надо! Ребятки...— и опять заколотила.— Отец, слышишь меня? Прокляну!

Но дверь не открывали. Видать, серьезный разговор. Очень тяжелый. Было слышно, как в избе громко разговаривали, почти переходили на крик, потом затихали, а через некоторое время опять начинали ругаться и стучать кулаками по столу, что-то доказывали, о чем-то спорили до хрипоты и опять громыхали по столу — того и гляди развалится.

Баба Наташа вернулась во двор. Уселась на завалинку и тихо заплакала, прижимая платок к глазам. Дочери и снохи сгрудились возле забора и молча наблюдали за

ней и за избой, внимательно прислушиваясь, что там творится. Вдруг наступила тишина. Баба Наташа вытерла слезы и прильнула к запыленному стеклу, стараясь рассмотреть, что происходит. Опять поднялась по ступеням. Прошла в сени. Прислонилась к двери, ничего не услышала. Покачивая головой, она вышла на улицу. Приложив к глазам ладонь, долго смотрела в сторону ребятишек, которые играли неподалеку от дома и, заметив внука, опять замахала рукой.

— Алешка, подь сюда,— протяжно крикнула она, дождалась, когда внук прибежит, и снова подтолкнула к двери.— Ты же знаешь, как заглядывать в избу, чтобы не заметили. Поэтому кликнула тебя, а не других ребятишек. Ты уж посмотри, что мужики делают. Нам же запретили заходить. Кнутом исхлещет. А дед не тронет тебя. Не боись. Он любит тебя,— она повторила.— Я знаю. Зайди, внучок, поглянь. Душа не на месте.

— Баб, я кушать хочу,— недовольно забубнил Алешка.— Дай пирожок! Мне надоело глядеть. Что я бегаю и бегаю... Вон пусть другие мальчишки смотрят, или сама иди, да гляди, а я кушать хочу, аж в животе урчит,— и отвернулся, обидевшись.— Все мальчишки играют, ты не трогаешь их, а меня заставляешь. Иди с ними и смотри,— он продолжал недовольно бубнить.

— Подожди, внучек, подожди, попозже накормлю,— прижимая к себе, сказала баба Наташа.— Сам же видишь, что творится. Дедка никого в избу не пускает. А ежли ты зайдешь, он не заругается. Любит тебя,— и опять повторила.— Сходи, внучек. А я кашку успела приготовить. В печке сготовила, натомила с пенкой. Вкусную, как ты любишь, пшенку с молочком и тыковкой. Сладкая — страсть! Ну погляди, а?

Недовольно заворчав, Алешка, неумело посвистывая, за что получил подзатыльник от бабы Наташи, медленно поднялся по ступеням. Добрался до двери. Прислонившись, долго стоял, прислушиваясь, потом опять приоткрыл дверь — щелочку, чтобы одним глазком взглянуть, присел на корточки и застыл, внимательно наблюдая, что делалось за столом. Потом прикрыл дверь. На четвереньках выбрался на крыльцо, поднялся и, быстро скатившись по ступеням, пошел к калитке, не обращая внимания на бабу Наташу.

— Эй, Алешенька, Алешка, куда помчался, а? — недовольно окликнула баба Наташа.— Что молчишь-то, как в рот воды набрал? Что мужики делают? Я для чего посылала тебя? Ну-ка, рассказывай...

— Чего-чего...— буркнул Алешка.— Плачут они.

— Как — плачут? — с недоумением взглянула баба Наташа.— Подожди, куда побежал?

— Как-как... Глазами плачут! — опять буркнул Алешка, захлопывая за собой калитку.— Все сидят, разнылись, словно девчонки. Даже дедка глаза трет и сморкается. Фу, глядеть противно! Вот только мой папка не плачет. Уставился на дядю Матвея, а сам молчит,— сказал и скрылся за калиткой.

Поправив платок, баба Наташа потопталась, поглядывая на окна, потом перекрестилась и исчезла в сенях. Приоткрыла дверь, долго смотрела на деда, на сыновей, которые сидели за столом. Облако дыма повисло над ними. Накурили, хоть топор вешай. Наконец-то, решившись, она зашла, сделала маленький шажок и остановилась, поглядывая на старика. Дыхание перехватило, когда дед взглянул на нее и нахмурился, хотел было что-то сказать, а может заругать, но не стал, а лишь махнул рукой. И баба Наташа торопливо перекрестилась, облегченно вздохнула и медленно вышла на улицу.

Прислонившись к косяку, она неспешно обвела всех взглядом. Поправила платок. Посмотрела на гостью, что приехала с сыном, с Матвейкой, потом взглянула на соседей, которые продолжали толпиться за забором, и улыбнулась, прикрывая беззубый рот ладошкой.

— Все, бабоньки, радуйтесь! Мой дед принял Матвейку,— крикнула она и, махнув рукой, заторопилась обратно в избу.— Дочки, пора столы накрывать. Гулять будем. Наш сынок и ваш брат вернулся. Радость-то, какая! Эй, ребятишки,— она приостановилась на пороге, подзывая внуков.— Ну-ка, быстро сбегайте по соседям и всех зовите в гости. Всех! — сказала и скрылась в избе.

И загудела небольшая деревушка. Прихорашивались бабы, вытаскивая наряды. Мужики степенно заходили во двор и закуривали, прислонившись к забору, и заводили долгие разговоры ни о чем. А потом, когда баба Наташа и дочери накрыли большущий стол, расставляя разнокалиберные тарелки, чашки, миски, где лежала картошка в мундирах, квашеная капуста, огурцы и помидоры, горки жареной рыбы, вяленая лежала, пожелтевшее сало мелкими кусочками было нарезано — его доставали только на праздник, и отдельно подали свежатину — и всех пригласили за стол. Гости чинно расселись, дожидаясь, когда дед Илья первым возьмет ложку, а потом уж остальные за ним. Раньше нельзя. Не дай Бог, если опередишь его и сунешься в чашку, сразу ложкой влепит по лбу, а то и выгнать может из-за стола. Хозяин! Сидели, поглядывая на стол, на деда, который был во главе стола и, заметив, что он взял ложку, положил небольшой кусочек в чашку и взял рюмку, гости неторопливо потянулись к свежатине. Не каждый день увидишь мясо в деревне, особенно в летнее время. Подняли рюмки, стаканы, кружки и выпили. Закряхтели, закашлялись. Крепка самогонка, крепка! Опять выпили, и снова налили и выпили. И зашумели, заговорили вразнобой, поздравляя деда и бабку, поздравляя всех, что вернулся сын и брат. И так несколько раз — много раз. Курили на улице, возвращались и снова усаживались за столы. Вели долгие разговоры, плакали, вспоминая войну, иногда исподтишка недобро посматривали в сторону Матвея, но отвлекались, а потом пели песни, протяжные, грустные и веселые, и еще плясали. Так плясали, что пыль столбом, что мебелишка тряслась. Снова садились, чтобы поднять стаканы и кружки. И так гуляли до глубокого вечера, пока не стемнело на улице, отмечая приезд долгожданного сына.

А вечером, когда гости разошлись по домам, Семен вышел на крыльцо, присел на ступеньку и молчал, задумавшись, закуривая одну за другой папироски. Молчал и думал. Рядом, прислонившись к перилам, на крылечке сидел Матвей и тоже молчал. Изредка вздрагивал, внимательно прислушивался, если где-то раздавался лай собак или всполошено, спросонья орал петух, закуривал папироску, торопливо курил в рукав, быстро тушил и опять застывал, слушая ночь.

— Справная бабенка,— буркнул Семен.

— Да, неплохая,— помедлив, сказал Матвей.

— Где познакомился?

— На поселение отправили, там работала,— прикурив, сказал Матвей.— Сошлись. Так и живем. Уже двое ребятишек. А у тебя сколько?

— Семеро по лавкам.

— Ты в деда пошел,— сказал Матвей.

— Да, и характер такой же, как люди говорят,— Семен опять закурил.— Что решил, навсегда приехал, или как?

— Не знаю,— пожал плечами брат.— Как народ примет.

— Уезжай,— сказал Семен, поплевал на окурок, и сунул в баночку.

— Почему? — опять помедлив, сказал Матвей.— Я отсидел свое. Искупил вину, какой не было.

— Уезжай,— опять повторил Семен.— Так будет лучше и для тебя, и для отца с матерью. Тебя не примут в деревне. Поверь. На своей шкуре испытаешь...

— Я уже испытал,— перебивая, повысил голос Матвей.— Такого насмотрелся, другим не пожелаю.

— Мы тоже не за печкой прятались,— звякнули награды на груди, Семен достал мятую папироску и закурил.— Тоже пришлось повидать и испытать вот так,— и он ребром ладони провел по горлу.— До сих пор воюем по ночам.

— Да я...

— Вот поэтому уезжай,— перебивая брата, буркнул Семен.— Недельку поживешь. Пусть мать с батей успокоятся, а потом соберешься и уедешь. Здесь не будет житья.

— Как батя с мамкой?

— Тяжело было,— покосившись, сказал Семен.— Батю подчистую списали после ранения. Приехал, кожа да кости. Мать радовалась, что живой вернулся, а ночами плакала. Сама болеет, и его выхаживала. И соседи проходу не давали, когда слух прошел, что ты в плену всю войну пробыл, а потом еще в лагеря отправили. В глаза одно говорили, а за спиной шептали — предатель.

— Но я же...— возмутился было Матвей.

— А ты хотел, чтобы тебя с распростертыми объятьями встречали, да? — не выдержал, психанул Семен и ударил крепким кулаком по ступеньке.— А ты заслужил? Люди устали от войны, от смертей, от похоронок. Сам знаешь, что в деревне разговор будет короток. В плену был? Был! Работал на фашистов? Да, работал! Значит, предатель! Получил лагеря? Да, получил. А потом еще срок добавили и на поселение отправили. А почему? Значит, в чем-то была твоя вина, о которой не хочешь рассказывать. Вот и пораскинуть умом, что должны про тебя говорить люди, что должны думать мы — твои братья и сестры, как пережили это родители и как в дальнейшем переживут. А вот ты не задумывался над этим, нет. Прикатил, и грудь колесом. Ишь, кум королю, сват министру! Сам же видел, какую встречу на крыльце приготовили. Это еще цветочки увидел. А мог бы на лютики полюбоваться. Радуйся, что отлуп не дали, что сразу взашей не выгнали, а сначала решили поговорить. Посмотреть, что у тебя на душе. А тебя пожалели мужики. Да. Из-за бати и матери пожалели, а не будь их, сразу бы салазки завернули. Почти все мужики из деревни прошли войну, многие не вернулись, почти в каждом дворе похоронки, а то и две, даже по три есть, а некоторые вообще остались без кормильцев, и ты должен понять, как к тебе будут относиться, что с тобой будет, если останешься,— Семен выбросил окурок.— В общем, поживи несколько дней, побудь с батей и матерью, пусть порадуются, а потом забирай свою бабенку и уезжай отсюда. Новую жизнь начинай в другом месте. А здесь, в деревне, не тревожьте людей, не злите. Иначе будет беда. Большая беда.

И развернувшись, Семен зашел в дом и захлопнул дверь.

Матвей долго сидел, курил папироски одну за другой, о чем-то думал, а потом застонал: тяжело, протяжно и безвыходно.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ОХОТНИК
(глава из повести)

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член Союза писателей России.

Осень одна тысяча восемьсот шестьдесят второго года выдалась дождливой и холодной. Уже в начале сентября, едва успели собрать урожай с полей, как небосвод затянуло свинцовыми тучами, и начались затяжные дожди, превратив вскоре почву в грязно-серую непроходимую жижу.

Ехавшая из уездного города повозка, едва свернув с почтового тракта на проселочную дорогу, увязла в грязи, и тащившая ее молодая кобыла тяжело задышала и сбавила ход. Сидевший на козлах старый извозчик слегка и беззлобно подстегнул ее вожжами. «Но-о-о, пошла-а-а, пошла-а-а!» — понукал он, потрясая большой лопатообразной бородой, и лошадь, выдавливая копытами раскисшую земляную кашу, отфыркиваясь и хрипя, начала с еще большим усердием тащить повозку, с каждым шагом кивая от натуги головой. Вскоре, оставив позади себя размякшие от воды поля, овраги и балки, повозка въехала в раскинувшееся за перелеском небольшое сельцо и, промчавшись мимо крестьянских изб, крытых соломой сараев и амбаров, мимо покосившихся изгородей, остановилась у избы волостного старшины. Ямщик повернулся к сидевшему в повозке средних лет мужчине с чисто выбритым подбородком и аккуратными усиками.

— Здеся, господин почтмейстер,— указал он кнутовищем на избу.

Мужчина сошел с повозки и, прижимая к груди небольшой портфель, направился к дому. Не обращая никакого внимания на лающую на него собаку, он поднялся по ступенькам на крыльцо дома и постучал в дверь.

— Кто тама? — послышался из-за двери простуженный мужской голос.

— Почтовая корреспонденция,— прокричал через дверь почтмейстер.

За дверью загремели засовом, и дверь со скрипом отворилась. На крыльцо вышел лет семидесяти крестьянин с огромной до пояса бородой.

— Чего надобно, мил человек? — спросил он.

— Волостной старшина мне нужен,— ответил приехавший.

— Стало быть, я и есть волостной старшина,— кивнул головой крестьянин.

— Не брешешь? — недоверчиво спросил почтмейстер, сощурив глаза.

— Чай не псина я какая, чтобы брехать. У меня, стало быть, и документ от земского начальства имеется, проходи, почитаешь, набось грамошный,— проговорил крестьянин, пропуская приехавшего гостя в дом.

Почтмейстер вошел, снял синюю форменную с кокардой фуражку, огляделся по

сторонам, ища взглядом вешалку, но не увидев ее, положил фуражку на стоявшую у печи длинную скамейку.

— Вот гляди — документ от земского начальника. Тута писано, что я самый и есть — волостной старшина. Тута на ей все, как и полагается, и рукоприложение самого земского начальника и печатка его имеется,— не без гордости в голосе произнес старшина, протягивая гостю лист бумаги.— По какому же делу прибыть изволили, господин почтарь? Не по полицейскому ли?

— По военному ведомству требование для тебя имеется,— произнес приехавший, ставя на стол портфель и доставая из него пакет из твердого серого картона с сургучной на нем печатью.

— Нужлижь опять война приключилася?! — испуганно спросил старшина, понизив голос.

— Типун тебе на язык! — в сердцах произнес гость.— Рекрутов будешь из деревень собирать по набору военному.

— Слава тебе, Боже наш! — облегченно вздохнул старшина, а то я ужо подумал, не иначе как опять с турком драться надоть.— Матрона! — позвал он жену, и из-за натянутой вдоль комнаты шторки вышла небольшого роста покрытая платком полноватая женщина и стала перед мужем.— Поди, растопи огонь в печи и поставь кипятку,— приказал он ей,— господин почтарь озяб с дороги, надоть его горячим чайком напоить,— но та продолжала стоять, с любопытством рассматривая гостя.— Иди же, сказал тебе! — прикрикнул он на жену, и та, потупив в пол взгляд, направилась к печке.— Вот глупая баба, только глазами бы ей полупить и ничего не делать. Всюду глаз да глаз нужон. А затем вновь повернулся к приехавшему.— Как звать-величать?

— Александром Васильевичем,— ответил гость.

— Ляксашка, стало быть, как царя нашего! — улыбнулся старшина.— А меня Тимофеем кличут.

Волостной старшина Тимофей Евграфович Михайлов был из местных вольноотпущенных крестьян. Отслужив двадцать пять лет в армии в должности денщика батальонного командира, он закончил службу в звании унтер-офицера пехотного полка и, несмотря на уговоры его батальонного командира, дворянина, который тоже увольнялся со службы, поехать с ним в его имение и стать его дворовым человеком, не согласился.

— Помилуйте меня, господин подполковник, домой меня тянет, в родные места, там и матушка моя с батькой схоронены, и деды мои. Отпусти, вашбродь, я вам верою и правдою служил, и еще послужил бы, кабы не конец службе моей. Таперча меня шибко в мою родную деревню тянет. Так тянет, что иногда аж в груди ломотит. Пришла, стало быть, моя пора домой возвращаться к родни моею, а у вас и без меня своей дворни хватает. Отпусти, дорогой мой, Сергей Иваныч,— Тимофей встал перед батальонным командиром на колени.— Отпусти, отец родной!

— Что ты, Тимофей, голубчик, разве же так можно, встань немедля,— подбежал к Тимофею подполковник и, схватив его подмышки, рывком поднял на ноги.— Ты же меня раненого под пулями от турок на себе уносил, это же я перед тобою на коленках ползать должен, а не ты,— подполковник взглянул Тимофею в глаза, они были полны слез. Тимофей плакал беззвучно, по-мужски — одними глазами.— Полноте тебе, Тимофеюшка, голубчик, полноте, негоже нам, солдатам, слезы лить, чай не бабы мы с тобою,— проговорил батальонный командир, отворачивая от старого служаки и свои повлажневшие глаза.— Видать, расходятся наши с тобою пути-дороги. Ты был хорошим солдатом и денщиком был хорошим, привык я к тебе, Тимофеюшка, столько-то лет вместе все беды и радости делили. А ежели и обидел когда, не поми-

най лихом, видит Бог, не со зла то было, а в сердцах. И знай наперед, ежели что не срастется у тебя там, в деревне твоей, приезжай ко мне, где находится мое имение, знаешь, приму как родного. Отпиши только мне на бумаге, авось грамоте обучен, а я сам тебе помогу с переездом ко мне. Ну, брат, давай обнимемся, что ли, на прощание.

Вернувшись в родное сельцо, Тимофей привез с собой жену и троих детей. Всего же у него было пятеро детей. Старший сын Аким служил унтер-офицером в крепости «Верная», что в азиатских краях стоит на пересечении шелковых путей, не пропуская из Китая и Афганистана караваны различных имамов, шейхов и беков, навьюченных запрещенным товаром, а средний Дмитрий остался служить солдатом в том же пехотном полку, где служил и сам Тимофей. Младший, названный в честь отца Тимофеем, вскоре по приезду женился на дворовой девке местного помещика и ушел в батраки, работая от зари до зари на помещичьих земельных угодьях. Выдав со временем замуж младших своих дочерей — Домну и Варвару, стал Тимофей доживать свой век с женой. Увидев в отставном унтере степенного и хозяйственного мужика, к тому же знающему грамоту, сельское общество на очередной сходке предложило ему стать исполняющим делами волостного старшины, взамен заболевшего по старости девяностолетнего вольноотпущенного крестьянина Тита Гордеевича Михайлова, родного дяди Тимофея по отцовской линии. После того, как Тимофей был утвержден в должности земским волостным начальником, Тит Гордеевич передал племяннику волостные дела и отдал ему печать, а сам, будучи человеком набожным, уехал в близлежащий монастырь, где исповедовался своему духовнику — отцу Пимену, причастился, пособоровался и, вернувшись домой, спокойно во сне отошел в мир иной.

Стоявший на печи самовар запыхтел, и Матрона, обхватив его фартуком, поставила на стол.

— Закуску на стол накрой, глупая баба, и литровку достань, нужлишь мы один чай пить будем? — недовольно проговорил Тимофей, исподлобья глядя на жену.— Да выйди на улицу и кликни извозчика, пущай тоже малость согреется, что же он тама под дождем зябнет,— приказал он жене после того, как она выставила на стол бутыль с белой мутной жидкостью.

Запустив в избу холодный сырой воздух, вошел ямщик.

— Мир дому сему,— с порога проговорил он, потопав грязными сапогами и снимая с себя мокрую накидку, а затем пригладил рукой волосы и мокрую черную бороду.

— Милости прошу за стол,— пригласил его Тимофей.— Как звать-величать?

— Игнатом,— ответил ямщик,— затем, помолившись на образа, сел на краешек скамьи и, взглянув на хлопотавшую у стола Матрону, смущенно отвел взгляд в сторону, покряхтел и убрал под стол огромные ручищи.

— Стало быть, по рекрутскому набору пожаловать изволили, господин почтарь? — похрустывая соленым огурцом после выпитой стопки завел разговор Тимофей.

— Да, распоряжение для тебя имеется от уездного рекрутского старосты, о проведении очередного рекрутского набора,— ответил тот.

— А чего же самолично пожаловать изволили, а не прислали распоряжение по почте, как бывало раньше?

— Велено так. Нарочным сказали доставить с распискою о получении письма.

— Понятно, стало быть,— произнес Тимофей и вновь потянулся к бутылке.

— А скажите мне, Ляксандр Василич, ежели енто не секретное дело, давно ли на почтовой службе состоите? — вновь задал вопрос уже слегка захмелевший Тимофей.

— Лет семь, как состою,— ответил почтовик.— А что спросил, так или что иное смущает во мне?

— Нет, нет, упаси Бог, ничего худого, ваше благородие, не извольте подумать.

Так спросил, из-за любознательности,— замахал руками Тимофей и вновь потянулся к литровке.

— С меня достаточно,— проговорил почтовый служащий и прикрыл стопку белой, не знающей грязной работы ладонью.— Достаточно,— повторил он.

— Ну, а мы с Гнатом еще выпьем,— сказал Тимофей, обращаясь к извозчику.

— Почему же не выпить? Можно и выпить,— кивнул тот головой и взял в руки стопку. Затем повернувшись к иконе, вновь перекрестился и залпом выпил. Крякнув, взял из миски щепотку квашеной капусты и, запрокинув голову, положил ее к себе в рот. С хрустом стал жевать, роняя с мокрых губ остатки на стол.

— А что, Гнат, хорошее ли жалование получают нынче извозчики на почтовой службе?

— Слава Богу, на жизню хватает. Вот когда я в губернии извозничал, то получал меньше. Есть седоки, али их нету, все одно — хозяину три рубля в месяц отдай. Стало быть, сколько навозишь господ, столько и получишь. Сколько получишь, столько и поешь, а то иной раз и в питейный дом не сходишь, неначто. Таперча на почтовой службе в ямщиках оно лучше. Таперча жалование дают. Бывало, что и кобылу с конюшни не выводишь, а жалование оно все же положено. Вот тебе, Гнаша, жалование твое положенное. Ни много ни мало, а два рублика получи,— начал рассказывать о своей службе опьяневший Игнат, с удовольствием пережевывая капусту.— Давай, что ли, Тимофей, еще винца-то влей, а то чавойто я никак не согреюся.

— Может, хватит тебе уже, Игнат Протасыч? И так пьян уже сидишь. Забыл совсем, как зимою спьяна сани опрокинул и чуть было не замерз в сугробе,— недовольно проговорил Александр Васильевич.

— Да что ты, барин?! Я еще тверезай совсем. Даже не согрелся как следоваить. Как перед Богом говорю, тверезай,— повернувшись к почтовому служащему, проговорил Игнат, и в подтверждение своих слов перекрестился.— Вот те крест, тверезай.

Однако Тимофей и сам уже заметил, что Игнат изрядно опьянел, а потому решил трапезу заканчивать.

— Ну, что же, давайте это ваше распоряжение, а я руку приложу,— произнес он и, встав из-за стола, полез в верхний ящик комода, где он хранил печать волостного старшины.

Получив предписание, Тимофей расписался в толстой книге, которую ему дал для росписи почтмейстер, а затем долго дышал на печать, после чего аккуратно приложил ее к своей подписи.

Почтмейстер закрыл книгу и убрал ее в портфель, затем надел фуражку.

— Честь имею! — сказал он и, взяв под козырек, направился к выходу.— Пошли, Игнат, хватит трапезничать, нам с тобою еще несколько сел объехать надо,— сказал он, поторапливая извозчика, увидев, что тот продолжает сидеть за столом.

— Иду, вашбродь, иду,— закивал тот головой, продолжая жевать.— Будь здрав, Тимофей, и ты, Матрона, будь здрава, храни вас Бог,— поклонился он хозяевам и направился к выходу.

— Ангела-хранителя и вам в дорогу,— проговорил Тимофей, провожая гостей. А когда они ушли, он засобирался.

— Ты куды это собираешься-то? — спросила у него Матрона.

— В волость поеду, в правление, по важному государевому делу! Вот так-то! — ответил Тимофей, подняв вверх указательный палец.

Анатолий Коновалов
(д. Хмелинец Елецкого района Липецкой области)

ЧТО БЫЛО, ТО НЕ БУДЕТ ВНОВЬ
(новелла)

Родился в семье лесника 6 октября 1946 года в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (политолог).

Член Союза российских писателей, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов. Избран действительным членом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Автор 27 книг прозы и публицистики.

1

После окончания театрального сезона артисты труппы Московского Художественного академического театра во главе с Константином Сергеевичем Станиславским приехали погостить в Михайловку — родовое имение известной в России династии Стаховичей. Владельцем его был Александр Александрович Стахович — Тайный советник, Шталмейстер Двора Его Императорского Величества.

Один из его сыновей, Алексей Александрович, и пригласил своих коллег подышать свежестью первозданной природы, послушать нежный шепот деревьев, полюбоваться десятками экзотических кустарников барского парка на берегах живописной, с родниковой водой, реки Пальна.

Для этого был важный повод. Сын хозяина усадьбы, когда ему перевалило за пятьдесят лет, поступил на сцену известного и знаменитого далеко за пределами России театра.

Это редчайший, если не единственный, случай в российской театральной истории. Алексей Стахович пришел на сцену после того, как вышел в отставку в чине генерал-майора. С юных лет его жизнь была связана с армией. В двадцать два года окончил Николаевское кавалерийское училище. Слыл блестящим офицером, красавцем. Являлся адъютантом Великого князя Сергея Александровича. После поражения России в Японской войне решил оставить воинскую службу.

На судьбу генерала в отставке повлияла его дружба с Алексеевым-Станиславским. Константин Сергеевич, известный в основном по фамилии Станиславский, создал в 1898 году вместе с Немировичем-Данченко Московский Художественный академический театр. Он-то и предложил своему другу после военной карьеры попробовать силы на... сцене и исполнить первую в своей жизни роль князя Абрезкова в «Живом трупе». Его типаж, по мнению Станиславского, уж очень по внешним данным, темпераменту подходил для этого героя пьесы. Дебют оказался удачным.

Потом он уже в основном составе МХАТа играл Репетилова в «Горе от ума», Степана Трофимовича в «Бесах»...

Это событие и решила отметить труппа театра в живописном уголке российской глубинки — Елецком уезде Орловской губернии.

Был и еще один повод, почему не мог отказаться от любезного приглашения Стаховича к тому времени очень известный руководитель театра и основоположник сценического реализма, получившего впоследствии название системы Станиславского. В 1906 году художественный театр из-за труднейшего финансового положения оказался на грани закрытия. Тогда своему другу и пришел на помощь Алексей Александрович. Он упросил отца — известного российского коннозаводчика и крупного землевладельца, страстного любителя и знатока театра, более пятидесяти лет дружившего с Л. Н. Толстым — выделить крупную сумму денег, чтобы покрыть издержки МХАТа и спасти его от бесславного конца. Это еще больше сблизило Станиславского и Стаховича.

Актеров пальновская земля встретила радушно...

* * *

Среди гостей Стаховича была и актриса театра Мария Николаевна Германова — женщина необыкновенного таланта, но своеобразной актерской философии. Она от души восторгалась барской усадьбой. Имение ей показалось громадным, с конным и кирпичным заводами, больницей и школой, родильным приютом и школой кустарных кружев, маслобойней и ткацкой мастерской. Ее удивило, что все тут было заведено очень широко, элегантно и богато.

Но больше всего ее очаровал парк — большой и старинный, с которым знакомил Марию Николаевну и Константина Сергеевича Стахович младший. Каждое дерево, каждый цветок, аллея или просто тропинка казались Германовой дивными, сказочными. Среди вековых деревьев есть, казалось, какая-то таинственность, загадочность, притаившееся диво. Вдоль идеально ухоженных дорожек стояли замшелые каменные скамейки и белые статуи греческих богов и богинь. Парк по крутому склону спускался к речке. К ней также вела аллея, в конце которой, к своему очередному удивлению и восхищению, Мария Николаевна увидела на высоком постаменте бюст Пушкина. На серо-красном граните было высечено обращение Старика к Алеко из поэмы «Цыганы»:

«К чему? Вольнее птицы младость;
Что в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь».

— Любезный, Алексей Александрович, в честь чего здесь присутствует Александр Сергеевич?

— О! Мария Николаевна, этому послужил счастливо-трепетный случай в жизни бабушки и дедушки. И он произошел в начале мая 1829 года. По крайней мере, так моему отцу рассказывал его папенька Александр Иванович...

— Очень любопытно! — проявил интерес и Константин Сергеевич.

— Алексей Александрович, откройте нам завесу той истории! — сгорала от нетерпения Германова. В ее глазах, казалось, ярче, чем на небе, искрилось солнце. Пушкин был ее кумиром, и любой, даже незначительный, доселе неизвестный ей штришок его жизни вызывал у нее неподдельно жгучий интерес.

2

Село, которое получило первоначальное название от реки Пальна, было родовой вотчиной столбовых дворян Перваго. Знатный в России род возник от первого конюшего Великого князя Василия Темного. Видимо, и фамилия Перваго пошла от этого — «первого конюшего».

Имение по тем временам считалось одним из крупнейших не только в Орловской губернии. Оно насчитывало более трех тысяч десятин земли и делилось рекой Пальна примерно на две равные части.

В екатерининские времена Василий Осипович Перваго завещал старшему сыну Михаилу правобережную часть имения, получившую затем название по имени наследника — Михайловка. Левая часть досталась бездетному младшему сыну Алексею. Эта уже стала называться, естественно, Алексеевкой.

У Михаила Васильевича была красавица дочь Надежда. Она получила великолепное образование и воспитание, живо интересовалась поэзией Жуковского. А потом зачитывалась стихами Пушкина. От его таланта она была в восторге.

Когда Надежда Михайловна вышла в 1819 году замуж за полтавского помещика и артиллерии капитана Александра Ивановича Стаховича, отец ей подарил Михайловку, которая и стала почти на столетие родовым гнездом Стаховичей.

С замужеством и рождением двух сыновей и дочки интерес к поэзии Пушкина почему-то вспыхнул с большей силой. Хорошим знатоком литературы, особенно польской, был и ее муж Александр Иванович. Это и не удивительно, ведь его родовые корни польского происхождения. А уж когда женился, полностью разделял увлечение жены творчеством Александра Сергеевича.

Этот экскурс в историю своего рода Алексей Александрович для Станиславского и Германовой сделал не случайно перед тем, как объяснить появление в их парке бюста поэта.

— До дедушки и бабушки дошла весть, что Пушкин проездом из Москвы на Кавказ, куда его отправляли в ссылку, должен остановиться в Ельце. Так это и произошло. Александра Сергеевича довольно прохладно приняли на постоялом дворе в доме № 20 на углу улиц Орловской и Рождественской, все же ссыльный тот был. Поэту, как позже поделился он впечатлением о Ельце с моими предками, кроме великолепия многочисленных церквей и собора, больше ничего в уездном городе не понравилось. Настроение черными тучами в его душе клубилось.

Наступил последний месяц весны. Но еще не зацвели яблоневые и вишневые сады. На улицах города грязно, неуютно. Александру Сергеевичу хотелось быстрее покинуть этот городишко, хотя и на Кавказ особого желания торопиться не возникало.

В этот момент и осмелились пригласить в свое имение поэта супруги Стаховичи. Они, если Пушкин окажет им честь, прислали за ним в Елец самую лучшую тройку породистых лошадей, запряженных в бричку — легкую, с плетеным кузовом, кожаным верхом и внутри обитую красной тонкой кожей.

Душевная хандра, отвратительное настроение ссыльного поэта, видимо, и повлияли на то, что он не отказал любезному приглашению елецких помещиков.

3

Дом Стаховичей, который построен в начале восемнадцатого века, Александра Сергеевича особо ничем не заинтересовал. Да и возведение его было не завершено, а как потом выяснилось, особняк и не собирались достраивать.

Дело в том, что проездом из Москвы на Юг обещалась заехать к Василию Осиповичу Перваго императрица Екатерина I. Большак — дорога из столицы на Кавказ — проходил в четырех верстах от барской усадьбы и по землям имения Перваго — через Трегубово на Елец. Столбовой дворянин и решил выстроить дом специально для царствующей особы и ее пышного приема. Но та по каким-то причинам изменила свой маршрут и не заехала в Пальну. Василий Осипович с расстройства забросил стройку.

А вот парком Пушкин был восхищен. Александр Иванович показал ему скрытую небольшую пустыньку, или так называемую «меланхолическую сцену». Она была

окружена густым лесом. Здесь иногда уединялась хозяйка усадьбы с томиком Жуковского, а в последнее время чаще всего со стихами Пушкина.

— У Вас же тут, Александр Иванович, первородная Россия! — воскликнул поэт.

— Но Вы, Александр Сергеевич, не видели еще всего нашего парка,— был доволен Стахович, что на его знаменитого гостя оказала такое впечатление местная природа.

Хозяин и гость пробрались сквозь чащобу парковых насаждений и оказались на лужайке, которая простиралась до правого берега реки. От земли, украшенной первой зеленой майской щетиной травы, струился легкий, почти прозрачный парок, настоянный на свежести и сладком аромате прибрежных и разбуженных весной трав.

А левый берег Пальны был высокий и крутой. Он порос непроходимым, начинающим светло-зелено дымиться, кустарником, над покровом которого контрастно возвышались свечи тополей и мощные, пока без листвы, ветви дубов.

Складывалось впечатление, что крутые черные склоны бережно охраняли спокойное течение небольшой речки, в зеркальной глади которой отражались косы ивняка и постоянно меняющиеся картинки проплывающих на повеселевшем от яркого солнца небе причудливых облаков.

Подавали голоса одни из первых певчих перелетных птиц в этих краях — жаворонки. В зарослях кустов и деревьев давали знать о своем прилете трелями и цоканьем пока «холостяки» соловьи.

От свежести, чистоты дыхания природы у гостя чуть кружилась голова. Он глубоко дышал, запрокинув курчавую голову и закрыв глаза. Казалось, его неспокойная и истерзанная за последнее время душа обретала легкие и широкие крылья...

...Он не переставал любоваться парком.

— У Вас, Александр Иванович, в парке такой интерьер, словно его создавал не садовник, а художник,— у Пушкина глаза впервые за последние дни посветлели.

— Только с небольшим уточнением, Александр Сергеевич,— расцвело улыбкой лицо Стаховича.— Наш садовод рисует не красками, как художник, а живыми деревьями, кустарниками и цветами...

И это было не красным словцом хозяина усадьбы. В парке деревья подрезаны и выращены так, что они походили на вазы, бокалы, пирамиды.

Александр Иванович добавил:

— У нас садовод не просто художник — он архитектор, он угадывает образ, который не создала по каким-то причинам сама природа. Лично я здесь вижу и контрасты, и естественную красоту, и в какой-то степени философию...

Пушкин посмотрел на Стаховича глазами, полными света и удивления:

— Александр Иванович, а вы не пробовали писать стихи?

Тот ответил шуткой:

— Писать так, как Вы, я не смогу, а сочинять плохо — людей смешить не хочу.

Александр Сергеевич заразительно захохотал.

Весело беседуя, господа незаметно возвратились к дому с парковой стороны.

Пушкин неожиданно для Стаховича остановился и замер. Он смотрел на дуб, который рос рядом с домом. Дереву было наверняка более ста лет. Его ствол нельзя измерить одним мужским обхватом. А мощные ответвления дерева... прикованы цепями к обручам на главном стволе.

— Какой великан!

— Этот дуб посадил Василий Осипович Перваго — дедушка Надежды Михайловны.

— А почему он в таком убранстве цепей? — удивление не покидало поэта.

— В него попала молния и расщепила его. А это первое дерево, которое посадил родоначальник усадьбы Василий Осипович, и оно являлось для него и сейчас считается для нас своеобразным талисманом крепости родовых корней и одновременно, по

русскому поверью, символом гостеприимства. Чтобы его сохранить, и решил батюшка Надежды Михайловны «заковать» раненое дерево в цепи...

Дуб на Пушкина произвел какое-то таинственное впечатление. Вполне возможно, что именно тогда у Александра Сергеевича зародились строчки:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Поэт долго сидел под ним, о чем-то думал, а, может, сравнивал свою жизнь с этим расщепленным деревом. Он так же прикован «цепями обстоятельств» к той судьбе, на которую обрекли его столичные власти и завистники. И ссылка на Кавказ — незримые цепи на его свободе и вольнолюбивой душе...

...Но возвращался Пушкин из Пальны в Елец таким, будто в его настроении солнечные зайчики плясали.

В тот же день смотритель докладывал голове города Ельца, что как-то странно выглядел «столичный стихоплет».

Блюститель порядка спросил у Александра Сергеевича:

— Неужели, Ваше сиятельство, клад изволили найти, что так сияете?

— Клад не нашел, а богаче стал,— ответил загадочно весело Пушкин.

— Это как же прикажите вас понимать? — допытывался слишком подозрительный смотритель.

— Очень просто. Познакомился со Стаховичами. Замечательные, скажу вам, люди...

...Алексей Александрович на какое-то мгновение прервал свой рассказ о тех событиях. Смотрел то на Станиславского, то на Германову. Они с таким интересом слушали Стаховича, что вроде бы перестали дышать. Но темперамент и необузданная женская любознательность взяли верх над Марией Николаевной.

— Но мы в Вашей усадьбе, Алексей Александрович, никакого дуба с цепями не заметили?

— И не могли.

— Почему?!

— Он сгорел в злополучные события 1905 года. В губернии, в том числе и в нашей усадьбе, произошли известные на всю Россию волнения. Обезумевшие крестьяне поджигали барские дома. Языки пламени коснулись и нашего особняка. А тот дуб рос в нескольких метрах от него. Пострадал сильно дом, а дуб превратился в пепел. Вот такая трагедия подстерегла того великана. Дом-то мы быстро восстановили, а пепел от дуба разнесли по округе ветры. Но в усадьбе есть дуб, который тогда посадил сам Пушкин. Предусмотрительный был Александр Сергеевич — прикопал дубовый саженец метрах в пятидесяти от дома. Ему уже исполнилось восемьдесят лет, он по своему великолепию и росту догоняет тот — с цепями. Я его вам обязательно покажу...

— А как и когда здесь бюст появился? — вновь задала вопрос Германова.

Стахович улыбнулся:

— Я еще, любезная Мария Николаевна, не все про расщепленный дуб сказал.

— Извините меня, Алексей Александрович, за переполняющее душу любопытство.

— Да полноте Вам извиняться, Мария Николаевна.

Станиславский опустил голову и почему-то слегка ухмыльнулся. А Стахович продолжил вспоминать то, что ему рассказывали его родители.

— Мои дедушка и бабушка, потом и родители утверждали, что только наш пальновский дуб навеял поэту сюжет дивного стихотворения «У лукоморья», но это была всего лишь их красивая и желанная легенда. Пушкин написал то стихотворение за

четыре года до посещения моих предков. Но совершенно точно то, что Александр Иванович и Надежда Михайловна в память о пребывании в их усадьбе Великого Поэта поставили в начале сороковых годов вот этот — первый в России — бронзовый бюст. После смерти Александра Сергеевича официальные власти более двадцати лет «считали нежелательным» увековечение его в бюстах или памятниках не только в двух российских столицах, но и в губернских центрах. Потому пальновский бюст Пушкину долгие годы был еще и единственным в России. Я удовлетворил Ваше любопытство, Мария Николаевна?

— О! Да! — поспешила та с ответом.— Хотя мне непонятно, почему на постаменте высечены вот эти строчки и особенно нижняя из них: «Что было, то не будет вновь»?

— Этого не знаю. Но, скорее всего, это какая-то загадка Пушкина или моих предков...

Своя реакция на услышанный рассказ была у Станиславского. Он молчал какое-то время, изящным движением среднего пальца левой руки поправил пенсне, потом в задумчивости произнес:

— Более семидесяти лет нет в живых Александра Сергеевича, а мы и по сей день не можем отгадать его многие загадки...

— Что Вы имеете в виду, Константин Сергеевич? — любопытству Германовой вряд ли был предел.

— Я по долгу своей деятельности и просто дружу со многими современными писателями и поэтами. И вот один из них рассказал мне совсем недавно удивительную историю, связанную с именем Пушкина...

— Константин Сергеевич, я надеюсь, Вы ее от нас не утаите?

— Да разве можно что-то утаить от такой женщины, как Вы, Мария Николаевна? — этот большой, с густой взлохмаченной сединой на голове, человек излучал доброту и какое-то особое тепло.

Та в ответ только одарила мужчин очаровательной улыбкой.

4

— Я не могу отвечать за точность деталей той истории, расскажу так, как мне ее преподнес мой знакомый литератор,— Станиславский вроде бы извинялся,— может, это всего лишь удивительная легенда...

...Княгиня Елизавета Воронцова — жена наместника Кавказа генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова — была очарована не только творчеством Пушкина. Во время ссылки Александра Сергеевича на Кавказ их отношения переросли в близкие.

Когда настало время поэту покидать Кавказ и ее горячие объятия, она подарила ему перстень. На его внутренней стороне имелась гравировка из трех слов.

— Душа моя Лизонька, что означает сие выражение?

На глазах Воронцовой янтарной росой выпали слезы. Казалось, тоску разлуки ничем невозможно было измерить.

— Ни один российский знаток иероглифов мое любопытство не удовлетворил,— огорченно вымолвила она.

— Но откуда тогда появился этот дорогой перстень с загадочной гравировкой? — интерес у Александра Сергеевича возрастал.

— Его подарили моему мужу, когда он участвовал в турецкой кампании, а он мне...

— Но мне неудобно принимать такой подарок,— искренне говорил возлюбленный княгини.

— Не разбивайте на осколки мою душу, Александр Сергеевич, она и без того черная. А эти иероглифы пусть будут всегда напоминанием Вам обо мне и моем лю-

бящем сердце. Считайте эти непонятные знаки на перстне моим заклинанием вечной любви к Вам и Вашему безмерному таланту...

Расставание для обоих было тягостным. Но Пушкин все же принял подарок Воронцовой...

...Снял с трудом тот перстень Александр Сергеевич с пальца перед самой смертью после дуэли. У постели умирающего поэта неотлучно был его друг — писатель, этнограф и языковед Даль.

— Владимир Иванович, у меня к тебе будет просьба,— с трудом говорил Пушкин,— прими от меня вот этот перстень. Его мне подарила замечательная женщина. Она заклинала мне любовь. Я хочу, чтобы ты как языковед перевел то, что там выгравировано на внутренней стороне. Не получится это у тебя, пусть тогда те иероглифы будут моим заклинанием нашей вечной дружбы...

Он больше ничего не смог сказать своему другу. Силы его покидали. Так Владимир Иванович стал обладателем самого дорогого для него подарка.

Но как ни старался Даль перевести, что было написано на перстне, так и не смог. Не помогли ему и российские специалисты по иероглифам, к которым он обращался.

Умирая в 1872 году, он попросил, чтобы пригласили к нему его близкого друга Тургенева, который к тому времени был известен своим творчеством не только в российских, но и европейских писательских и светских кругах. Даль очень высоко ценил его романы «Накануне», «Отцы и дети», успел прочитать последнюю его повесть «Вешние воды».

Тургенев незамедлительно к нему прибыл.

— Иван Сергеевич, перед смертью...

— Да что Вы, Владимир Иванович, говорите такое? Мы еще с Вами повоюем на писательской ниве,— попробовал пошутить Тургенев.

— В Вас я, дорогой друг, не сомневаюсь, что Вы покорите не одну самую высокую творческую вершину. А вот для меня они уже только призрак. Но я не за этим попросил Вас приехать ко мне,— Далю явно было трудно говорить.

— Внимательно слушаю Вас, Владимир Иванович,— Тургенев видел, что, как ни прискорбно, дни его друга сочтены.

— Вот этот перстень принадлежал Великому Поэту современности Пушкину до его смерти. Он подарил его мне. Умирая, я хочу передать его Вам — Великому Писателю...

— Но это Вы, Владимир Иванович, незаслуженно так высоко меня поднимаете на вершину Парнаса,— покраснел Тургенев.

— Поверьте, Иван Сергеевич, я что-то в литературе понимаю. Потому примите мой подарок...

Тургенев не мог отказать ему в предсмертной просьбе.

...Иван Сергеевич последние годы своей жизни провел во Франции. И его попытки узнать, что начертано на перстне, тоже не увенчались успехом.

Это смогла сделать только Мишель Полина Виардо-Гарсиа. Певица, испанка по происхождению, в основном выступала в Париже, но гастролировала и в других городах Европы.

В 1843 году ее меццо-сопрано звучало в Петербурге. Тогда-то и услышал ее начинающий поэт, автор поэмы «Параша» Иван Тургенев. В его душе воспламенился к этой женщине огонь платонической страсти, который не угасал сорок лет — до самой смерти. Но она уже была замужем. Ну и что? Он же не добивался ее плотской любви? О его «странном» чувстве к жене знал муж Полины Поль Виардо, но это не мешало ему дружить с Тургеневым. Иван Сергеевич подолгу жил в их доме, ездил вместе с супружеской четой на гастроли певицы...

Он умирал в местечке Буживаль под Парижем в августе 1883 года.

Рядом с ним находилась Полина Виардо. Она его любила такою же любовью, какой он любил ее. Их чувства были прозрачными, чистыми, никем до конца так и не разгаданными.

— Полина, Вы знаете, что на этом свете не было у меня человека дороже Вас. Потому я хочу сделать последний в своей жизни подарок — вот этот перстень. Он когда-то принадлежал Пушкину. Его ему подарила Елизавета Воронцова, которая унесла любовь к Александру Сергеевичу с собой в могилу. На этом перстне есть иероглифы, которые Воронцова считала своим заклинанием безмерной любви к Пушкину. Пусть они будут заклинанием и моей любви к Вам...

В ответ на ее глазах появились капельки влаги...

...Во Франции, уже после смерти Тургенева, она все же отыскала знатока языков — араба по происхождению. Тот смог расшифровать, как она ему сказала, «заклинание». Когда он это сделал, заулыбался и глубоко удивил Мишель Полину:

— Мадам, никакого заклинания на Вашем перстне нет.

— Как?

— Очень просто! На нем выгравировано имя его хозяина — арабского султана, только и всего...

Но тот перстень после этого не потерял свою ценность для Виардо. Для нее он был самым дорогим, бесценным напоминанием чуда, которое люди загадочно называют «платоническая любовь».

А в начале двадцатого века восьмидесятилетняя Полина Виардо все же решилась с ним... расстаться. Она его передала в Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии Наук, завещая:

— Этот перстень когда-то принадлежал знаменитым российским поэтам и писателям. Я хочу, чтобы он был наградой лучшему литератору России.

В Отделении русского языка и словесности развернулись горячие споры: кому вручить награду — перстень? В основном на него было два претендента — Лев Николаевич Толстой и Иван Алексеевич Бунин. Говорили, что по этому поводу началась грязная закулисная борьба. Кампанию в поддержку Бунина возглавил его старший брат, известный столичный журналист Юлиан Алексеевич.

Братья Бунины все же смогли склонить чашу весов в свою пользу. Тем более в 1909 году Ивана Алексеевича избрали академиком Петербургской Академии Наук. И награждение его перстнем приурочили к тому событию...

...Станиславский сделал паузу в своем рассказе. На его крупном лице появилась широкая и лучезарная улыбка.

— Посчастливилось же Бунину обладать такой наградой! — подала голос Германова.

Константин Сергеевич не сдержался, засмеялся.

— Я что-то сказала смешного? — растерялась Мария Николаевна.

— Извините ради бога, голубушка,— почувствовал неловкость Станиславский, но улыбку с лица не стер.— Украли тот перстень!

— Как? — почти одновременно воскликнули и Германова, и Стахович.

— Накануне вручения перстня Бунину его похитили, и, как меня уверял мой знакомый литератор, его судьба по сей день неизвестна...

— Каков Пушкин?! — загадочно и задумчиво произнесла Мария Николаевна.

— А при чем тут Пушкин? — не понял ее Стахович.

— А Вы, Алексей Александрович, прочитайте нижнюю строчку на постаменте.

Тот незамедлительно пробежал глазами по отрывку из поэмы Пушкина, который почему-то решили увековечить на постаменте его дедушка и бабушка. Взгляд замер на нижней строке:

«Что было, то не будет вновь»...

5

В годы гражданской войны в России Германова эмигрировала во Францию. Блистательная актриса, известный в эмигрантских кругах режиссер, очаровательная женщина на удивление всем своим друзьям, воздыхателям по ней начала проповедовать в искусстве, а позднее и жизни... одиночество. Была глубоко уверена, что оно — великая вещь. Но, когда одиночество перестает быть аскетичным, оно становится волей вольной или гибельной свободой, особенно когда отгораживается от всего земного благополучием. Зато, когда одиночество становится трудным, оно поднимает душу. А с успехом и деньгами оно может стать гангреной эгоизма.

Иногда, правда, начинала ее душа метаться, тосковать о простой жизни, о семье. Но она так и не смогла жить простой жизнью, разучилась там — за границей — ладить с людьми. Жила поспешно, суетливо, хлопотно, утомительно, как будто репетировала какую-то неподходящую для себя роль. Но в стараниях найти верный тон своей жизни Германова все время переигрывала, металась из одной крайности в другую.

Только в 1940 году, перед самой смертью, Мария Николаевна в своих, написанных и изданных в Париже, воспоминаниях признается, почему спутником своей жизни она избрала одиночество. Ей не хватало матери, подруги, самого любимого — России! Заграница же была для нее мачехой, а она Золушкой на балу чуждой для нее жизни...

«Что было, то не будет вновь» — часто она вспоминала строчку, выбитую на гранитном постаменте бюста Пушкина в парке Стаховичей.

«Боже мой, как это было давно и как близко и трепетно для моей души...»,— писала она.

В ее воображении все чаще в последние годы жизни всплывали чудные мгновения, когда она уходила одна из особняка Стаховича, спускалась по аллее к реке, к нему — Пушкину. Присаживалась на скамеечку напротив бюста, мечтала, думала о своих необъятных творческих планах после блистательно сыгранной ею роли Грушеньки в «Братьях Карамазовых», о неземной любви, да мало ли чего такого рисовала тогда ее кипучая фантазия.

И вот она оказалась вдалеке от тех мест. С ней произошло какое-то чудо — она болезненно влюбилась в... образ Пушкина, столетие со дня его гибели считала чуть ли не своей личной трагедией, ежегодно со свечами, богатым столом отмечала день рождения Александра Сергеевича как самый великий праздник в жизни. Германова читала и перечитывала каждую его строчку. Вспоминала слова, когда-то сказанные Станиславским, что Пушкин многим поколениям оставил множество загадок. В этом теперь и она была глубоко убеждена.

Иначе чем объяснить то, что, когда она читала в парижской квартире его стихи, чувствовала запах воздуха России, ее земли. Она вроде бы видела в парке Стаховичей солнечные пятна на узенькой, песчаной парковой дорожке, ведущей к бюсту ее возлюбленного. Нет, нет, Мария Николаевна представляла себе не холодный бронзовый лик Пушкина на берегу речки, а что она вместе с Александром Сергеевичем идет по пальновской аллее и он читает ей стихи.

К ней почти через тридцать лет, как наяву, приходило в воспоминаниях то лето 1910 года, когда она в последний раз приезжала вместе с труппой МХАТа в Пальну.

Да, деревня летом — рай. Все в ней, как в раю. В поле цветы неземной красоты, душистые. Все жужжит, благоухает, все наполнено тонкой, нежной, русской сладостью земли. Кругом необозримые дали, пажити, луга. Синеют далекие-далекие полоски лесов. Небесный свод широк, высок. И все-все: каждая травка, каждый жучок — говорит на русском, теплом-теплом, родном-родном языке. А может, все это также чувствовал и Пушкин в мае 1829 года? И ему, как и ей, жизнь в Пальне казалась привольной, ласковой? И, наверное, ему также было уютно смотреть в окно особняка Стаховичей, затемненное душистой и сочной зеленью высоченных деревьев.

Вспоминала с блеском в глазах и улыбкой, словно это было несколько мгновений назад, как приставленная к ней хозяевами дома служанка приносила по утрам большой серебряный поднос с маленьким серебряным самоварчиком, в котором был кофе. Она любила пить его горячим-прегорячим с настоящими сливками, своим домашним маслом и сдобными и еще горячими булочками. Так это было все по-русски, по-барски...

О, Боже! Какая у нее была жизнь! Теперь все изменилось: годы, люди, отношения, иностранцы, свои, чужие. Не жизнь, а салат какой-то. И не разберешь из чего, из кого. Вроде бы она стоит на мертвой точке своей эмигрантской жизни, потеряла в ней и аромат, и вкус, и смысл...

И опять в ее воображении вставал постамент и слова на нем: «Что было, то не будет вновь»...

...Она всю эмигрантскую жизнь старалась узнать у тех литераторов, артистов, людей «голубых дворянских кровей», которые также покинули Россию после Октябрьского переворота, хотя бы что-то о пропавшем перстне Пушкина. Что он когда-то принадлежал другим людям, ей даже и в голову не приходило. Может, и права была Мария Николаевна. Если бы не Александр Сергеевич, никто бы о том перстне никогда и не знал, а тем более вспоминал.

Но он загадочно исчез...

До конца своих дней о его злополучной судьбе она так ничего и не узнала. Не рассеялся густой туман неизвестности о той, почти вековой давности, пропаже и нам, современникам, в начале двадцать первого столетия.

Не долетела черная весть до Германовой и еще об одной загадке, связанной с именем ее любимого поэта...

6

...Исчез с постамента бронзовый бюст Пушкина. Потом и гранитный постамент постигла та же участь. Произошло это летом 1919 года.

В имении Стаховичей хозяйничала уже новая власть. Ушли в мир иной его законные владельцы. В феврале 1913 года умер Александр Александрович. В том же месяце только через шесть лет покончил жизнь самоубийством его сын — Алексей Александрович. Потому стать на защиту бюста, а точнее памяти о Великом Поэте, было некому...

Предшествовало тому событию решение крестьянского съезда Елецкого уезда «О защите революции». Согласно ему объявлялась мобилизация на фронт и укрытие от наступающего корпуса конницы генерала Мамонтова хлеба, скота, ценностей.

Руководство Елецкого уезда, местный комитет бедноты в Пальне-Михайловке (советская власть переименовала село Пальна именно так) додумались спрятать и бронзовый лик поэта. Им, наверное, дорог был не сам бюст, а несколько пудов чистой бронзы.

Существовало две версии того, куда исчез бюст. Одна — официальная комитета бедноты: активисты от большевиков аккуратно сняли его с постамента, обмотали мешковиной и сбросили в реку Пальна до лучших времен. Другая версия, о которой перешептывались селяне, отличалась от официальной. Председатель комитета бедноты с сыновьями убрал бюст с постамента и действительно обмотал его мешковиной, но в реку прятать не собирался. Куда он его схоронил — селяне не знали.

Ладно, бюст представлял историческую и материальную ценность, но вряд ли высоко образованный генерал Мамонтов надругался бы над изваянием того, кто являлся гордостью России. А уж даже вообразить, что он прихватил бы с собой еще и...гранитный постамент, вовсе нелепо. Но и камень угодил в укромное место, о котором знал только главный активист из комбеда.

Отряд корпуса Мамонтова побывал в Пальне в конце августа 1919 года. Но уже в

первых числах сентября под натиском бойцов Красной Армии он потерпел поражение и начал отступать в Южном направлении. В Пальне белогвардейцы успели расправиться с некоторыми активистами советской власти, угнали с собой породистых лошадей бывшего конного завода Стаховичей. Председатель комбеда с сыновьями где-то скрывался в те дни и появился в селе только после отступления мамонтовцев.

Но ни бюст, ни постамент на свое прежнее место не возвратились в том 1919 году. Почему?

Отвечать на вопрос тогда было не до этого, да и никто его и не задавал. Шла гражданская война. А в тридцатые годы в Пальне-Михайловке, как и по всей России, началась всеобщая коллективизация, раскулачивание крепких крестьян. Потом грянула Великая Отечественная война. Кому какое дело было до какого-то бюста, если в тяжелейших боях решалась судьба социалистической России...

...Но все же вспомнили о нем, когда Александру Сергеевичу исполнилось 150 лет со дня рождения,— в июне 1949 года.

Водолазы чуть ли не до сантиметра исследовали дно реки, где по официальным данным должен был находиться бронзовый лик поэта. Но ни бюста, ни постамента так и не нашли. И до нынешнего дня его местонахождения остается загадкой.

А, может, Пушкин еще тогда предвидел: «Что было, то не будет вновь»?..

7

...Но бюст Пушкина в Пальне-Михайловке все же... появился. Семья Стаховичей, а точнее, живущие за пределами России потомки Александра Ивановича и Надежды Михайловны, гостем которых был Великий Поэт, на свои средства заказали елецкому скульптору Н. Кравченко бюст Александра Сергеевича, который по архивным документам напоминал тот, сороковых годов девятнадцатого столетия.

В 2000 году его установили и торжественно открыли в присутствии представителей рода Стаховичей, но не в заросшем и неухоженном бывшем барском парке, которым любовался когда-то Пушкин, а у входа в Пальна-Михайловскую среднюю школу, и на постаменте выбиты не строчки из поэмы «Цыганы», а выгравировано: «Пушкину — Стаховичи».

Сегодняшним детям, жителям бывшей усадьбы Стаховичей Александр Сергеевич с постамента напоминает о себе, что он вновь пришел в край, где рос когда-то у лукоморья дуб зеленый, а люди чувствуют прелесть его неисчезнувшей тени, и их сердца бьются с волнением, потому что не все загадки, связанные с именем Пушкина, отгаданы. И будут ли отгаданы? Не случайно ведь он предрекал:

«Что было, то не будет вновь...»

Алина Ульянова
(г. Королев, Московская область)

ЖИВАЯ РЕПРОДУКЦИЯ

Родилась в 1986 году в подмосковном наукограде Королеве (бывшем Калининграде). С отличием окончила Международный юридический институт при Министерстве юстиции РФ (МЮИ при МЮ РФ). Стажировалась корреспондентом на местном телевидении «Королев ТВ». Публиковалась с рассказами в литературных журналах «Приокские зори» (г. Тула), Автограф (г. Донецк), «Гостиная» (США), «Кольцо А» (г. Москва), «Edita» (Германия), альманахах «Земляки» (г. Нижний Новгород), «Новый Континент» (США). Серебряный призер IX городского конкурса на соискание литературной премии имени С. Н. Дурылина в номинации «Проза».

Денис поглядывал на время:

— Успеваем. И запас есть. Часа через полтора мы на месте.

— Не факт,— заметил Андрей.— На дороге что угодно может приключиться.

— Типун тебе на язык,— в ужасе произнес Денис.— Эта телега и так доверия не внушает, если рассыплется — придется чинить подручными средствами? Хорошо, осень еще, не зима. На улице хоть не замерзнем.

Водитель со стажем Андрей и молодой экспедитор Денис отправились в первую совместную командировку — перевозить на «ГАЗели» груз из родного Ярославля в северный регион. Уже семь часов они были в пути.

Денис достал телефон:

— Связи нет... Эвакуатор не вызвать и никуда не позвонить, случись что...

Андрей посмотрел на Дениса осуждающе:

«Зануда... И паникер, каких мало. Чему быть, того не миновать... Смысл заранее переживать?..»

Андрей с армии сделался фаталистом, иначе бы не взялся крутить «баранку» по ухабам страны. За десять лет в профессии кого, что и на чем он только не возил. Андрей работал и таксистом по межгороду, и личным шофером, и в «дальнобое» насмотрелся на всякое. Даже с «костлявой» встретился лицом к лицу. После такого свидания его ничего уже не страшило.

Вцепившись в смартфон, Денис нервно стучал пальцем по дисплею.

Андрей усмехнулся, глядя на него, и быстро перевел глаза на дорогу. На ней что-то лежало, преграждая путь. Андрей сбавил скорость и затормозил. На узкой двухполоске с густыми насаждениями по обочинам широкое препятствие не объезжалось ни справа, ни слева.

Поперек асфальтового полотна валялось бревно. По-видимому, вылетело из прицепа фуры на ходу. На севере России лесозаготовкой занимались активно и груженые свежим «спилом» КамАЗы попадались на здешних трактах часто. И вроде бы ничего сверхъестественного в бревне не было, если б не одно «но». Как на знаменитой кар-

тине Шишкина и Савицкого его облюбовали три бурых мишутки. Два поменьше, один покрупнее.

Денис оторвался от экрана девайса:

— Что случилось? Почему не едем? — приник он к лобовому стеклу испуганно, но тут же расплылся в милейшей улыбке.— Андрюха, смотри! Мишки! Какие забавные!

Зверьки выглядели совсем безобидными и ручными, будто сбежали из цирка, а не вылезли из чащи.

— Пойдем, погладим? — чуть ли не в ладошки захлопал Денис от радости.— Вся его боязливость мгновенно испарилась... Старший по возрасту Андрей волю глупым эмоциям не давал. Он всегда сохранял трезвость ума и мыслил рационально.

— Нет. Покидать машину не советую. Я, конечно, не зоолог, но опыт кинозрителя мне подсказывает, что где-то рядом бродит взрослая особь... А это не шутка... «Оскар» тому актеру из Голливуда дали не зря.

Медвежата тем временем резвились друг с другом, кувыркались, перекатывались туда-сюда.

Денис направил на них камеру смартфона:

— Грех не заснять! Выложу фото и видео в сеть. Миллион просмотров соберет!

Сработала вспышка. Щелкнул затвор.

Пока Денис баловался, Андрей прикидывал, что предпринять.

Отбуксировать бы бревно и ехать дальше, но вот как... Мешали животные.

Стороннее присутствие абсолютно не беспокоило мохнатых, и домой они не торопились.

Андрей почесал затылок.

Соображая, он глянул мельком в водительское окно и замер. «В зобу дыханье сперло»...

На краю леса, у обочины, грозно стоя во весь рост и опираясь лапой о ствол дерева, точно человек об косяк, за малышами наблюдала медведица-мать.

— Тааак... Давай-ка убирай свой аппарат, и не свети им,— не сводя глаз с возникшей угрозы, махнул Андрей увлеченному фотографу.

— Сейчас, сейчас. Еще кадр сделаю.

— Да убери ты телефон, дуралей! — резко обратившись к Денису, грубо толкнул его в плечо Андрей.— Не привлекай внимание!

— Кого? — воскликнул Денис недоуменно, потирая ушибленную руку.

— Ее! — указал Андрей на медведицу.— Не приведи Господь, нападет. Задерет, к ядреной фене, и кабина нас не спасет. Медведи ружья перекусывают, не поморщившись, а с листом металла и подавно расправятся.

Денис побледнел. Пихнул гаджет куда-то под себя и вжался в сиденье.

— Что будем делать, Андрюха? — проговорил он шепотом.

— Подождем, пока семейство не умотает восвояси. Потом попробуем откатить бревно. Иначе мы здесь до Нового года прокукуем.

— А зачем ждать? Разворачиваемся и дуем обратно! Наплевать уже на график. Жизнь дороже,— задрожал Денис.

— На глазах у матери маневр рискованный. Подумает, отпрысков ее хотим обидеть — и приплыли... Неведомо, что у нее на уме. Бегает она шустро. А наша колымага покаааа разгонится... Лучше зверя не дразнить и затаиться.

Денис понимающе кивнул.

— И что им в бору не сиделось... — досадовал Андрей.

— А если медведь на нас все-таки кинется? — терзал его Денис.

— Надеюсь, обойдется. Но если вдруг... Включаю заднюю, и, бог даст, ускользнем... Иного варианта не нахожу.

Дениса ответ не обнадежил. Он еще глубже вдавился в кресло.

Андрей держал ноги над педалями сцепления и газа, а руку на рычаге. Двигатель он не выключал, и это его тревожило. Тарахтел старый «Соболь» будь здоров, нарушая природную тишину, к которой явно привыкли лесные обитатели. По крайней мере, Андрей считал, что лишний звук — это плохо.

Денис воодушевился:

— У нас подкрепление! — заприметил он автомобиль в боковом зеркале.

Андрей хмыкнул:

— Ага... Да, да... У нас проблемы. Нас «заперли».

Отрезав путь к отступлению, легковушка встала за «ГАЗелью». И ладно бы просто встала себе и встала, так нет, начала еще и гудеть на всю Ивановскую.

— Вот идиот. «Замолчи»! Разуй глаза! — схватился за голову Андрей, готовый выскочить к бестолковому и «объяснить», что он играет с огнем.

— А, может, правильно, что сигналит? Вдруг отпугнет косолапых? — предположил Денис.

Андрей призадумался:

— Черт знает... Может, и правильно... Может, тот водила с палатками в тайге ночевал и памятку туриста штудировал.

Шофер легковушки жал и жал на клаксон, однако, трактовать как-либо реакцию животных на это представлялось затруднительным: медведица позу строгой родительницы не меняла, и малышей будто ничего не волновало.

Но скучать всяко не приходилось.

На горизонте тоже появился автомобиль, который по встречной полосе двигался к месту затора. Когда по ту сторону от лежачего «шлагбаума» подъехавший внедорожник остановился, его владелец за рулем — то ли самоуверенный герой, то ли безумец, то ли попросту слепотня — вылетел из салона выяснять, что стряслось.

Сердце заколотилось. Андрей затормошил Дениса:

— Дениска, Дениска! Опусти стекло и крикни этому камикадзе, чтобы немедленно запрыгнул в свой тарантас! Нельзя подходить к медвежатам! Мать ринется их защищать!

Сам Андрей, находясь под ее зорким оком, предостеречь об опасности никак не мог.

Встрепенувшись от внезапной паники Андрея, Денис судорожно закрутил ручкой на пассажирской двери, выполняя приказ старшего товарища.

— Эй, парень,— высунулся он в окно аж на полкорпуса.— Залезь в машину, живо! Уйди с дороги! Рядом с тобой огромный медведь! Не уйдешь, он тебя убьет! — не жалея горла, заорал Денис.

Его истошный голос заставил бы любого тотчас засверкать пятками, и недавний смельчак превратился в жалкого труса, с «квадратными глазами» заскакивая в автомобиль.

— Если еще кто-нибудь отважится сегодня испытывать судьбу, я, пожалуй, откажусь от роли ангела-хранителя. Нервов не хватит...— промокнул Андрей пот, выступивший на лбу.— На счастье этого безголового, у него джипарь высокий... Не заметила мамаша за ним, что кто-то около детей мельтешил...

После солидной встряски Андрей не сразу пришел в себя, а Денис, напротив, приободрился, ощутив причастность к спасению человеческой жизни.

Успокоившись, Андрей оценил обстановку. Водила сзади не прекращал неистово бибикать при том, что дикий вопль Дениса слышал наверняка. Не услышал бы его разве что глухой. Хотя и это, конечно, не исключалось. В настоящей ситуации, напоминавшей комедию абсурда, Андрей ничему не удивлялся. И даже слуховым галлюцинациям. Казалось, откуда-то доносился гул. Гул нарастал. Громыхало все сильнее и сильнее, загремело уже над головой, а потом загрохотало чудовищно. Небо будто

разверзлось. Набежавший ветер кренил кроны деревьев, а воздух рассекали длинные лопасти.

Вертолет завис в облаках и опустился над хвойным массивом максимально низко.

Похоже, прочесывая окрестности, пилот заинтересовался странной пробкой на пустой дороге и решил разобраться в причинах. Навряд ли он поспешил сюда, чтобы сбросить веревочную лестницу жертвам хищника с острыми когтями.

Медвежата заревели беззвучно (так как парящий монстр заглушил собой все вокруг), закопошились, забыв о пиломатериале, по которому лазали, и стремглав драпанули к маме, словно по ним зарядили очередью.

Воссоединившись, семья суетливо повернулась к лесу передом, к людям задом и скрылась в дремучих зарослях.

Метод от противного или Андрей, действительно, чего-то не знал?..

Едва бурая чета распрощалась с собратьями млекопитающими, водитель автомобиля-сирены вышел из него, отсалютовал стальной стрекозе, мол, порядок, и направился к «ГАЗели» с выражением лица плута, объегорившего простофиль. Он постучался в окно шоферской двери Андрея.

— Ну вы как тут, ребята? Нормально? Уух, и постращала нас Потаповна с топтыжками,— улыбался крепкий мужичок.

— А мы не боялись. Чего нам бояться,— бравируя, ответил Андрей невозмутимо.— Мы выжидали, пока медведи удерут. Они и удрали.

— Эээ, ребята, ребята... Сами они не удрали бы. Повезло, подмога сверху удачно подоспела. Без нее неизвестно, чем бы дело кончилось.

Вертолет, между тем, набрав высоту, отбывал на базу.

— Николай,— протянул новый знакомый руку сначала Андрею, потом Денису, продолжив.— Я, когда еще пацаном в походы ходил, на ус намотал: мишка шум не любит. Инструктировали нас так. Потому я гудел, гудел, да все без толку. Дорога-то близко — привыкло, видать, к машинам зверье... А винтокрылый-то уж шороху навел — мигом животину разогнал.

Андрей поджал губы.

Стыдливо признаваться, что поднять гвалт не догадался бы и вообще должен благодарить фортуну, он, разумеется, не стал и сменил тему на преграду транспортному движению. Одна проблема исчезла, но вторая актуальности не утратила.

— Николай, как думаешь дерево к обочине оттащить?

— Да что тут думать-то? Вас двое мужиков. Я мужик. И вон впереди тоже мужик. Только пуганый: прячется и трясется, как косой,— захохотал Николай.— Схожу к нему, успокою маленько. А то, гляди, окочурится от страха.

Николай был прав. Вчетвером они сдвинули бревнышко играючи.

Расчистив проезжую часть, слаженно сработавшие «напарники» пожали друг другу руки, пожелали доброй дороги и поехали каждый в своем направлении. «Трусоватый камикадзе» на джипе во встречном, Николай в попутном, обогнав на проворной легковушке тихоходную «ГАЗель». Мигнув по-приятельски фарами, вскоре он пропал из виду.

Денис, не расставаясь со смартфоном, ежеминутно считал то просмотры ролика про трех медвежат, то «лайки» фотографий с ними, а Андрей рулил и размышлял: «Вот и еще история в копилку. Впору писать книгу — «Случай на маршруте», цикл рассказов. И ребенку читать по одному на ночь».

. . . . . .

И, кстати. Невзирая на вынужденную задержку, груз был доставлен вовремя.

Николай Макаров
(г. Тула)

ТУЛЯКИ — МИНСКИЕ СУВОРОВЦЫ В АФГАНИСТАНЕ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОДСЧЕТЫ АЛАМПИЕВА

Алампиев Валерий Алексеевич, родился 14.01.1956 года в городе Добруш Гомельской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Давай считать.— Начал разговор Валера Алампиев...— ух, опять эти пани-братские привычки: никак не избавлюсь от них...— в общем, начал разговор гвардии подполковник запаса Валерий Алексеевич Алампиев.

— Давай.— Соглашаюсь сразу.

— Учился в трех военных учебных заведениях...

— По твоим знакам угадаю с первого раза: Суворовское, Рязанское десантное и Академия Фрунзе.

— Верно: Суворовское — в Минске, Рязань — само собой и Военная академия имени Михаила Васильевича Фрунзе.

— И чего было считать — всего до трех-то?

— Считаем дальше: служил в трех дивизиях — Витебской, Псковской, Тульской...

— Опять получается — три дивизии...

— Плюс три бригады: Николаевская, Актагайская в Средней Азии, Уссурийская...

— Снова — три...

— Еще — ООНовский батальон в Югославии.

— Не хило!

— Не забывай Афганистан и Чечню.

— Короче — «военным туризмом» ты сыт по горло.— Подвожу черту под его подсчетами.

— А — то!..

— Про Афганистан.

— Два года службы в Витебской дивизии и 11 декабря нас поднимают по тревоге: куда, зачем, когда — никто ничего не знает. Десятого срочно приняли присягу у «молодых». Обычно присягу принимали в подразделениях, а тогда приехавшие офицеры из частей принимали прямо в учебном центре дивизии одновременно у всех. Загрузили в самолеты: Ил-76 и Ан-22. С мытарствами добрались до Ташкента: вылетали — было минус двадцать, прилетели — плюс двадцать. По Цельсию, естественно.

— К этому времени знали наверняка, куда «дальняя дорога легла»?

— Пока три дня «жарились» в Ташкенте, слухи «шатались» среди личного состава: или Иран, или Афганистан, или Пакистан. Один «ташкентский» туман. Наконец — всему когда-то приходит этот самый конец — нас подняли в воздух и войска оказались на аэродроме в Энгельсе, где через три дня выдали карты Кабула. Тогда-то и стала всем понятна наша цель. Сели клеить карты, вспоминая школьные познания про эту страну.

— Да, бывает и так, что окольный путь оказывается короче прямого.

— Три дня передышки и двадцать седьмого декабря — мы в Кабуле...

— Твои самые первые впечатления об Афганистане.

— Готовились к самому худшему варианту развития событий, но наши советники свою задачу выполнили на «отлично с плюсом», обеспечив нашу посадку в Кабульском аэропорту без выстрелов.

— Дальше.

— Об остальном столько всего написано-переписано...

— Как я понял...

— Правильно понял.— Из дальнейшего нашего разговора — наша беседа растянулась на добрых три с половиной часа — я узнал столько новых фамилий людей, с кем приходилось учиться и служить Алампиеву, что сходу всех и не запомнил. Тем более, что о каждом человеке, так или иначе пересекавшему пути Валерия, он рассказывал подробно, давая меткие характеристики каждому.

— Тебе и не к чему их запоминать. Вспомнил молодость, тем более такого внимательного, не смотрящего поминутно на часы, у меня, считай, и не было.

— И на том — спасибо.

— Если нужна моя помощь — обращайся...

— Стоп! — Сам себе сказал я, уже взявшись за ручку двери кабинета Алампиева.— Пару слов о своей теперешней работе.

— Уволился из Армии в 2001 году. И столько несправедливости, обмана, порой — подлости творилось по отношению к уволенным в запас — пришлось самому столкнуться с подобным явлением,— что возникла мысль о создании общественной организации, которая бы и отстаивала права наших с тобой коллег.

— Полностью одобряю твой выбор.

На том и расстались до новых встреч.

Награждн орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями; имеет первый разряд по футболу.

О Минском суворовском военном училище.

Расположено в центре Минска. Рядом с училищем — Белорусский государственный оперный театр, ВДНХ Белоруси, Дворец спорта, Парк культуры и отдыха имени партизана-школьника Героя Советского Союза Марата Казея, набережная реки Свислочь.

НАЧАЛЬНИК ТЫЛА

Бабушкин Сергей Александрович, родился 22.09.1949 года в селе Перевозное Воткинского района Удмуртской АССР; Минское СВУ.

Биография Сергея Бабушкина, написанная им самим с небольшими изменениями и сокращениями, не меняющие смысла нижеизложенного.

...У нас в семье трое детей. Отец после рождения нас с сестрой был призван в армию. Во время срочной службы окончил курсы младших лейтенантов и уволился из

рядов Советской Армии в звании полковника. Мама всю жизнь проработала воспитателем в детском саду. Старшая сестра проработала всю жизнь врачом. Младшая сестра закончила трудовую деятельность учителем в начальных классах средней школы.

Я после окончания восьми классов поступил в Минское Суворовское военное училище, которое окончил в 1967 году. В 1967—1971 годах учился в Московском ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР.

В 1971—1976 годах — служба в 108-м гвардейском парашютно-десантном ордена Красной Звезды полку 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (командир взвода, командир роты).

В 1973 году встретил свою будущую супругу. Сыграли свадьбу, через год родился сын Герман. В полку отнеслись по-человечески, дали однокомнатную квартиру, правда, без современных удобств. Дрова для печки в сарае, газ привозной. Но мы и этому были рады. Супруга — учитель химии и биологии — работала в учреждениях образования в городах по месту службы.

В 1976 году поступил в Военную академию тыла и транспорта (Ленинград). По окончании академии направлен для службы в 76-ю гвардейскую воздушно-десантную Черниговскую Краснознаменную дивизию (Псков) на должность начальника организационно-планового отделения дивизии.

В 1981—1983 годах — служба в 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул): начальник организационно-планового отделения дивизии; с 1982 года — заместитель командира 357-го гвардейского парашютно-десантного ордена Суворова 3-й степени полка по тылу.

Воспоминания об Афганистане.

В ДРА прибыл 21 ноября 1981 года.

Заместителем командира 103-й ВДД по тылу был полковник Лев Маркович Красный. Он к этому времени уже прослужил в ДРА два года и готовился к замене. Убывая в Витебск, он дал мне наказ постоянно вникать во все стороны тылового обеспечения частей и подразделений дивизии, держать на постоянном контроле наличие материальных запасов и принимать меры к их пополнению.

Пополнение запасов тыл дивизии осуществлял своими автомобильными колоннами из базы 40-й армии в Пули-Хумри и базы ТуркВО в Термезе. Кроме того, по погоде самолетами Ан-12 из Ферганы мы доставляли скоропортящиеся продукты, а также наши десантные сухпайки.

Особо Лев Маркович обращал внимание на постоянный контроль за доброкачественным приготовлением горячей пищи, еженедельным банно-прачечным обслуживанием личного состава, медицинским обеспечением, недопущением заразных заболеваний. Климат в ДРА давал о себе знать.

Подвоз запасов мы осуществляли созданными в полках автомобильными колоннами. Душманы не давали нам свободно подвозить запасы, но со временем мы решили этот вопрос. Конечно, были потери и личного состава, и техники, и материальных запасов.

Лично сам возглавлял колонны в Пули-Хумри и в Термез в декабре 1981 года. Был начальником группы обеспечения Панджшерских операций дивизии в мае и сентябре 1982 года с аэродрома Баграм. Вертолетами отправляли по заявке штаба материальные средства, эвакуировали раненых.

В сентябре 1982 года назначен на должность заместителя командира 357-го полка по тылу. Строили столовую из пяти СРМ, проложили водопровод, в том числе — и на мойку в автопарке, построили новую скважину для добычи воды, построили здание штаба полка, построили офицерскую баню.

Принимал участие в боевых выходах полка. Периодически посещал 2-й батальон в Бамиане, 3-й батальон — на позициях по охране Кабула, точки охраны нашей разведроты в окрестностях Кабула, 7-ю роту — на охране Министерства Обороны ДРА.

За службу в ДРА награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-ей степени.

В конце октября 1983 года по замене убыл для службы на Родину.

В 1983—1987 годах — заместитель начальника тыла 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (Каунас).

В 1987—1990 годах — заместитель командира 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии по тылу.

Воспоминания о Минском СВУ.

Самое светлое воспоминание осталось о моей учебе в Минском СВУ. Училище мне дало очень много. Я научился очень многому, физически окреп, научился жить в воинском коллективе. По настоящему влюбился в военную службу. После выпуска часто переписываемся с однокашниками. На 40 лет и 45 лет после выпуска из СВУ встречались в Минске в родном училище. Встречи незабываемые. Осенью 2013 года встречались в Минске на 60-летии училища.

Из книги «Записки батальонного врача».

...Бабушкин.

После полковника Жукова тыл дивизии возглавил только что окончивший Академию тыла и транспорта, подполковник Бабушкин Сергей Александрович. Умнейший и грамотнейший офицер. Суворовское училище, Московское ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР, Академию — все окончил с «золотой» медалью. Но... но — грубиян и матерщинник, каких свет не видывал. Абсолютно незлопамятный человек.

Как-то весной он уехал на очередные свои, тыловые сборы. В другую дивизию. В это время мне по своим эпидемиологическим делам пришлось выехать на наш Тульский полигон, что неподалеку от санатория «Слободка».

Приезжаю. Вижу: рота солдат в оттаявшей земле копает какую-то непонятно для чего предназначенную траншею. Один конец траншеи упирается в горловину заброшенной артезианской скважины, из которой когда-то качали питьевую воду.

Куча вопросов: кто распломбировал эту горловину? По чьему приказу направляются талые воды в эту скважину? Кто додумался до такой дури?

Спрашиваю старшего по полигону и слышу в ответ:

— Подполковник Бабушкин приказал!

Предлагаю прекратить заниматься этим неблагодарным делом. Опасным, чреватым непредсказуемыми последствиями, делом.

Армия есть армия. Не может подчиненный отменить приказ вышестоящего командира и начальника. Предлагаю компромисс: пусть солдаты сделают перекур на 10—15 минут, а мы пойдем и позвоним комдиву.

По телефону докладываю обо всем комдиву генерал-майору Лебедю Александру Ивановичу. Объясняю, что через распломбированную заброшенную скважину в подземные воды попадет всяческая гадость, в том числе и возможные патогенные микробы.

Лебедь тоже предлагает компромисс: на сутки приостановить работы, а мне представить в письменном виде все аргументированные обоснования этих антисанитарных мероприятий, которые могут привести к вспышке желудочно-кишечных заболеваний.

Мне — что? Пара пустяков — такая работа. Заезжаю в СЭС Ленинского района: там дают справку о недопустимости подобного безобразия, дают наглядные схемы водоснабжения из артезианских скважин.

Затем заезжаю в Тульскую КЭЧ: здесь также подтверждают в письменном виде мои опасения.

Беру «буквари» по гигиене воды (не все же цифры можно помнить).

На следующий день утром докладная развернутая записка — на столе у комдива. Следует приказ начальнику полигона об опломбировании заброшенной скважины, о прекращении рытья траншеи. Также следуют нелицеприятные эпитеты в адрес подполковника Бабушкина, которые Лебедь по приезду последнего со сборов ему и выскажет.

Бабушкин после этого разговора, ворвавшись в кабинет начмеда, обвинит меня во всех смертных грехах: в моей некомпетентности, в моей тупорылости, в моем черносотенстве и т. д., и т. д., и т. п., и т. п., выражаясь десять к одному — десять ненормативной лексики к одному нормативной. И что в КЭЧ, и в этом Ленинском СЭС сидят одни уроды, ничего не понимающие и не смыслящие в водоснабжении...

Полчаса «срывания масок» завершились хлопаньем дверей...

По окончании рабочего дня, нагло ухмыляясь, он заглядывает в кабинет:

— Тебе что? Особое приглашение? Стол накрыт! Все ждут одного тебя! Начальник со сборов приехал, а это — праздник для подчиненных!

Ну, ни капли, ни каплюшечки у него не было злопамятства. Но свои ошибки, свои промахи (а у кого их нет!) он переживал на «всю катушку». Тем более ошибки, исправленные его подчиненными...

ПЯТЬ ОРДЕНОВ

Жданеня Михаил Николаевич, родился 26.02.1952; Минское СВУ.

С Михаилом, с Мишкой Жданеня (это он по службе был для меня гвардии полковник Михаил Николаевич Жданеня) я познакомился в девяностом году прошлого века, когда он пришел в нашу 106-ю десантную начальником оперативного отделения штаба дивизии. Неискушенный обыватель может задаться вопросом: «Что это такое — оперативное отделение? С чем его едят»? Штаб дивизии (вообще штаб любой военной организации) — это мозг, а оперативники (только не надо путать с оперативниками из внутренних и других органов), то есть оперативное отделение (или отдел) — это мозг штаба.

— Получается, что полковник Жданеня возглавлял мозг в квадрате.

— Ну, ты загнул.

Мы с ним сидим в комнате городской афганской организации. Или как там ее. В общем, сидим, и я слушаю его рассказ. Комната не для нас одних и приходящие-входящие посетители (ветераны-афганцы, естественно), кто на минуту, кто на большее время подсаживаются к нам и с интересом, и, конечно, со своими комментариями и замечаниями дополняют моего визави.

— Ладно, не скромничай. Но сейчас не об этом. На твоих афганских фотографиях Жданеня выглядит подтянутым стройным пацаном. Не морщись, хорошо,— юношей. А однажды на каком-то строевом смотре заместитель командующего ВДВ генерал-полковник Чиндаров...— Михаил, смеясь, перебивает меня:

— Подходит ко мне и через зимнюю десантную куртку кладет на мой непомерный живот руки и говорит: «Что это у тебя там, Михаил Николаевич?». Ты знаешь его — хохмач, каких поискать, но я не растерялся и отвечаю: «Пистолет!». Тут же, ни мгновенья не задумываясь, как будто — домашняя заготовка, он выдает: «Что-то он у тебя большой и круглый, этот пистолет!?».

— Хохот тогда стоял — будь здоров. Правда, откуда такой лишний вес?

— Сидячая штабная работа, нарушения какие-то в организме. Ты же доктор — придумай что-нибудь.

— О медицине как-нибудь в другой раз. Я вот о чем хочу спросить. Мой отец, фронтовой разведчик, в декабре сорок первого, за месяц до своего восемнадцатилетия, был награжден орденом Красного Знамени. За подрыв вражеского эшелона с техникой. Ты, конкретно, за что был награжден таким орденом?

— Давай по порядку.

— Давай.

— Вкратце — до Афганистана, пойдет.

— Пойдет, пойдет.

— Минское суворовское — в семидесятом, военное училище в Оржоникидзе — в семьдесят четвертом, от взводного до командира батальона в Псковской дивизии — до восемьдесят второго, «Фрунзе» — в восемьдесят пятом, начальник штаба полка в Болградской — всего год, и два года, с восемьдесят шестого по восемьдесят восьмой, в Афганистане начальником штаба 350-го полка 103-й Витебской дивизии.

— Что значит штабной работник: коротко, лаконично и все понятно.

— До Красного Знамени у меня была награда: орден Красной Звезды.

— Так, начинай с этой награды.

— В принципе-то, награждали по совокупности, но так получилось, что первым орденом наградили после одной операции. На Саланге нашу колонну с продовольствием, что там скрывать, «духи» почти полностью разбили. Для выяснения обстоятельств, для оказания помощи, для эвакуации оставшейся техники послали солидную группировку под моим командованием. Прибыли на место без происшествий.

— Какие происшествия?

— Без стычек с «духами». Прибыли, а «духи» тут как тут. Нет, эти «духи» не стреляли. Эти «духи» покупали муку, сахар и все, что было в разбитой накануне колонне...

— Покупали?

— Ну, да! Прапорщик — кто же еще!? — из дорожной бригады беззастенчиво и без зазрения совести проворачивал свой гешефт.

— Прапорщик — наш, из десантуры?

— С нашим я сам бы по полной программе разобрался. Естественно, «духов» разогнали, подняли из кюветов технику, с прапорщиком «органы» начали разбираться и мы двинулись на Кабул.

— Сколько, приблизительно, км?

— Около или чуть больше ста пятидесяти километров. Не успели двинуться, как началось: стреляли с гор, стреляли из «зеленки», откуда только не стреляли — сплошной шквал огня из всех видов оружия. Так с постоянными боями и продвигались почти всю дорогу до Кабула. Прибыли. Встречает сам комдив, Грачев, а я не могу ничего ему сказать: руки трясутся, ноги дрожат, язык не слушается. Видя такое мое состояние, приказывает своему ординарцу принести из медсанбата, благо рядом стояли, спирта. Тот «мухой» притаскивает полную солдатскую кружку медицинского — выпил залпом, как воду, ничего не почувствовал, но доложил четко, что у нас потерь нет, всего двое легкораненых.

— На этом «разбор полетов» и закончился?

— На следующее утро в кабинете комдива обстоятельно докладываю о ходе операции и он предлагает наказать «духов» за такую наглость и беспредел. Разрабатываю план операции, утверждаю у Грачева и... дали, очень дали прикурить в тот раз «духам»: прочесали всю «зеленку», откуда по нам стреляли. Вскоре после этого к комдиву прибыла делегация старейшин с мольбой о перемирии, что, дескать, они

сами уже разобрались со своими отморозками. Тем более, что, когда выводили нашу разбитую колонну, потерь с их стороны было более восьмидесяти человек, а после нашей «зачистки» лучше и не говорить сколько их полегло.

— Это — в восемьдесят седьмом, а Красное Знамя?

— В восемьдесят восьмом во время операции «Магистраль» мне пришлось с господствующей высотки руководить боевыми действиями нашего полка. К ночи с «духами» было покончено и войска стали отходить в район сбора; моя БМД тоже начала «сползать» с горки и, аккурат, при выезде на дорогу слетает гусеница.

— Картина Репина «Приплыли»?

— Точнее не скажешь. Хорошо, на дороге нас поджидали пять боевых машин. Механики ремонтируют гусеницу в кромешной темноте.

— А подсветить?

— Не успеешь включить переноску, как снайпер с гор присылает «визитку». Но к полночи все равно гусеница была поставлена на место и мы благополучно, главное — без потерь, добрались до своих.

После Афганистана Жданеня почти два года «работает пожарником» в составе Кировабадской дивизии (была тогда такая дивизия в Воздушно-десантных войсках, дислоцирующаяся в Закавказье): Сумгаит, Тбилиси, Баку, Степанокерт и т. д., и т. д. В конце девяностого года гвардии полковник наконец-то обретает относительное успокоение своей военной души.

— Не считая,— комментирует Михаил,— опять же «турпоездок» по Северному Кавказу и август 91-го в Москве.

— Тебе, наверное, «надоела» экзотика гор и тебя в девяносто втором году «заносит» в Приднестровье, поближе к молдавским винам и к твоему третьему ордену — «За личное мужество».

— Вина что на Кавказе, что в Приднестровье — реки, но окунаться в них не рекомендовано.

— Это — понятно. Твои функции в Приднестровье.

— Тирасполь — это само Приднестровье, это 14 армия, это Лебедь. Через Днестр — Бендеры — это Молдова, это враги Приднестровья. Вот в Бендерах у меня и была «непыльная» должность — комендант, первый комендант, города Бендеры. Миротворец — одним словом.

— И в чем специфика?

— Один пример. Два следователя прокуратуры — молдаванин и приднестровец. Враги не на жизнь, а на смерть. Если на дело едет молдаванин, то виноватым всегда, даже если потерпевшая сторона — приднестровец, оказывается, естественно, приднестровец. И — наоборот. Враги — еще раз повторюсь — не на жизнь, а на смерть. Принимаю соломоново решение и поселяю их в одну комнату. Вторая мера — всех заставляю питаться не в кабинетах, а в общей комнате из одного армейского котла.

— Результат?

— Через неделю следователи стали не только разговаривать друг с другом по-человечески, но и «закладывать за воротник» совместно.

— Скорее всего: вначале вместе начали дегустировать молдавские вина, а потом — и разговаривать.

— Пожалуй.

Затем у гвардии полковника Жданени — московская осень девяносто третьего; две Чеченские войны и два ордена: «За военные заслуги» и орден Мужества; должность командира (первого командира) Русского батальона под эгидой ООН в Югославии и два ООНовских ордена; увольнение в запас из рядов Армии в 2002-ом; «гражданка».

— Николаич, тебе сейчас твоя новая должность — директор стадиона на Косой Горе — помогает избавляться от «большого круглого пистолета»? — все присутствующие при нашей беседе заразительно смеются.

— А то — нет? Смотри сам.

— Постройнел, ничего не скажешь. Но до афганских фотографий — далековато.

— Какие наши годы!

— И то — верно.

ДВЕ КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Киласония Олег Евгеньевич, родился 13.11.1952; Минское СВУ.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого века о нем ходили — если и не легенды, то молва шла по всем Воздушно-десантным войскам. Окончив Минское Суворовское, затем Рязанское десантное училище, молодой, стройный, симпатичный гвардии лейтенант Олег Киласония начал службу командиром взвода в Тульском 51-ом гвардейском парашютно-десантном полку. Перспектив для служебного роста не меряно.

— Я был самым старым лейтенантом,— сегодня он с иронией вспоминает свою молодость,— во всех Вооруженных Силах страны (естественно, по словам политработников из Москвы), который за пять с лишним лет службы умудрился получить три (!!!) строгих партийных выговора с занесением в личную карточку. И не только не был исключен из партии, что автоматически приравнивалось к увольнению из Армии, но между вторым и третьим выговором получил не младшего, как двое моих «товарищей» по несчастью, а старшего лейтенанта.

Да, «похождения» его гремели, как говорили, «со страшной силой». Припоминаю два эпизода из его «послужного» списка (автор на три года раньше начал службу батальонным врачом в этом полку).

...Олег, вальяжно облокотившись на трибуну, в тени смакует импортную сигарету; по периметру части солдаты его роты (5-ой парашютно-десантной роты, где он командовал нештатным батальонным взводом разведки) с полной выкладкой в летний зной отмеряют нормативные километры; исполняющий обязанности начальника физической подготовки полка, видя такое «безобразие», немедленно выполняет «прогиб» перед командиром полка.

— Обнаглел, понимаешь, совсем этот лейтенант. Солдаты бегают, а он, понимаешь, курит вразвалочку.— И преданно уставился в глаза командиру, предвкушая разнос строптивого лейтенанта.

— Другие не курят! — Следует ответ командира.— Но у них и солдаты не бегают, а прячутся по всяким «подворотням».

— Да,— смеется Олег,— «прогиб» начфиза был «не зафиксирован».

...Строевой смотр полка в зимней форме одежды; новый командир полка обходит строй офицеров и замечает у какого-то лейтенанта неуставной шарф (неуставной была только крупная нить в вязке шарфа, который Киласония, как и многие другие офицеры, купил в Московском военторге на Парадной площадке); следует диалог:

— Товарищ лейтенант, я приказываю вам выбросить этот шарф!

Выбросить, так выбросить: лейтенант снимает шарф и засовывает его в карман шинели.

— Я приказал выбросить! А — не засовывать шарф в карман! — Страсти между командиром полка и командиром взвода (полковником и лейтенантом) накалялись с каждым мгновеньем. Из-за пустяка, из-за ничего.

— Я дурацкие приказы не выполняю! — Олега тоже понесло.

— Да я, да тебя!..— И пошло, и поехало. Могло и до рукопашной дойти. Перед строем всего полка.

Вмешалось московское начальство, переведя лейтенанта Киласонию в Прибалтику, в школу прапорщиков — «Золотой фонд» Советской Армии, на капитанскую должность. Что-то, вроде, главного кадровика этой школы.

— Но до чего же подлый народ бывает,— рассказывает Олег,— до этого приказа, пока я был простым «Ванькой» взводным, со мной ни начальник отдела кадров полка (сам недавний взводный), ни, тем более, исполняющий начфиз не здоровались. А теперь, пожалуйста, первыми руку тянут...

Оттуда, из этой школы прапорщиков, и прибыл для дальнейшего прохождения службы гвардии капитан Киласония 3 января 1987 года в 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк, в Баграм, в Афганистан.

— Первую Красную Звезду получил через полгода, в июне восемьдесят седьмого. Почти двое суток шли бои с «духами» у крепости Алихейль, в пяти километрах от пакистанской границы. Я выполнял обязанности начальника штаба полка передового командного пункта. Дали мы тогда «духам» прикурить по полной программе. «Духи-то» «духами», но среди их убитых часть были неграми, часть белыми из американских «зеленых беретов». Хотя и у нас были потери — семнадцать человек.— Олег тяжело вздохнул.— Но когда после окончания операции командир полка построил личный состав и спросил о потерях «зеленоберетчиков», то получил что-то неразборчивое в ответ. То ли два, то ли три человека.

— Что — так? — задаю Олегу вопрос.

— Дело в том, что на операцию личный состав уходил в форменной обувке, а на строевом смотре после боевых действий около ста человек стояли в американских кроссовках. Командир все понял об истинных потерях супостата, но вникать в подробности не стал.

— Мародерствовали?

— Нет! Это были законные военные трофеи военного времени. Брали не для продажи, брали себе, чтобы удобнее было воевать, чтобы больше иметь шансов остаться в живых. Мародерство — это когда пленных «духов» расстреливают, особенно караванщиков, а все золотишко, все камешки, всю «зелень» американскую присваивают себе.— Олег горестно вздыхает.— И эти же люди с особой яростью допрашивали своих солдат после боя, видя на их руках импортные часы. А ты говоришь — мародерство.

Через месяц после того боя Киласония получает звание — «майор».

— Вторую Красную Звезду,— продолжает вспоминать Олег,— я получил в сентябре восемьдесят восьмого. К тому времени «духи» стали более ожесточенно обстреливать Кабул американскими ракетами «земля-земля» с радиусом действия до тридцати километров. Вот и пришлось этих «стрелков» отодвигать минными полями до сорока километров. И обстрел резко сократился.

Сказано всего четырьмя фразами, а сколько дорог, сколько троп исхожено в горах вокруг Кабула (справедливости ради надо отметить, что дорог, даже троп в прямом понимании этого смысла фактически и не было). Горное бездорожье плюс в любой момент засады душманов, плюс смертоносный груз в руках саперов. Но задание командования по ликвидации массированного обстрела Кабула было выполнено на «хорошо и отлично».

Перед выходом Советских войск из Афганистана гвардии майор Олег Киласония был награжден афганским орденом «Звезда». По заслугам. Это — перед выходом, а после выхода?.. После выхода все «афганцы» рвались к мирной жизни, рвались к

своим семьям. Но... но человек предполагает, а бездарное руководство страны располагает и кромсает человеческое мясо в свое удовольствие.

Так Киласония со своим 345-м полком, не успев толком расквартироваться на новом месте в Кировабаде, оказался в гуще апрельских событий 89-го года в Тбилиси.

— Ты же сам был в то время в Тбилиси,— обращается ко мне Олег (да, пришлось и мне побывать там: наша Тульская 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия на третий день беспорядков была переброшена в Тбилиси),— и эти спекуляции о саперных лопатках в руках десантников — сплошной маразм и чья-то целенаправленная клевета и заказуха. Лопатки, лопатки,— мы оба возмущаемся под стук коньячных рюмок,— команды «Фас!» не было — мы бы голыми руками утихомирили этот грузинский сброд.

Отгуляв отпуск, Олег решил увольняться из рядов разваливающейся Советской Армии разваливающейся когда-то великой Державы. Даже от предложения командующего 14-ой армией генерал-лейтенанта Лебедя занять должность заместителя начальника разведки армии с перспективой через месяц-второй стать начальником разведки, он отказался. Съездил в Приднестровье, огляделся: как в Кировабаде, так и здесь — ни жилья для семьи, ни работы для жены, ни учебы для детей (сын и дочь у него).

И зажил гражданской жизнью гвардии подполковник запаса Олег Киласония в Туле с октября 1989 года — откуда начинал свою военную стезю.

— Третий тост! — Мы встаем, молча опорожняем рюмки и дуэтом.— За тех, кто не вернулся! Кто остался за Речкой!..

Попросив Олега (или — Олега Евгеньевича?)... Нет, все же — Олега. Значит, попросив вспомнить и, при возможности, написать об «интимных подробностях» суворовских будней, я не ожидал, что он поймет буквально мою просьбу.

Он вспомнил и написал...

«Минское суворовское, 1970 год. Мне — 17 лет. 11 класс. Большая перемена на второй завтрак. Осталось немного времени, и мы с пацанами поднялись к двери на чердак покурить. Это действо грозило чреватыми последствиями — три наряда вне очереди плюс месячная уборка туалета. В таких условиях не закурить выглядело верхом опрометчивости и... короче, не по-пацански.

Стоим, значит, курим. Вдруг — а как же, без вдруг? — к нам поднимается преподавательница немецкого языка Аллочка Самолетова — красавица, умница, двадцати семи лет от рода... достаточно пожилая. Все, не только суворовцы, были в нее влюблены. В пальцах вертит сигарету и говорит:

— Ну, что, преступники, дайте уж кто-нибудь прикурить!

Я, как единственный обладатель зажигалки, чиркаю. Ничего. Еще раз чиркаю — ничего. Третий раз — не зажигается фитиль, сволочь...

Аллочка, ломая сигарету и бросая ее на пол:

— Запомните, юноша: раздразнить женщину и не оправдать ее надежд — это страшное преступление!

Запомнил на всю жизнь. Вот так формировались мужчины...».

Но... но, прочитав полстранички текста и зная Олега — не один год прослужили в одном, гвардейском пятьдесят первом, полку,— «загоняю ему под ногти иголки»:

— Не может быть, чтобы у этой истории не было продолжения.

— Доктор, от тебя ничего не скроешь.

«Окончив третий курс Рязанского десантного, в свой законный отпуск наведываюсь на три дня в Минск: хромовые сапоги, тельняшка в голубую полосочку, голубой берет, грудь в «орденах». Недалеко от Суворовского училища нос к носу... вот она, красавица Аллочка Самолетова.

— Вы помните меня?
— Конечно, помню, только забыла имя.
— Давайте вспомним вместе за чашечкой кофе.
...Вспоминали неделю, не вылезая из ее постели».
Подводя резюме, Олег счастливо улыбается:
— За свою жизнь ни разу не совершил «страшного преступления».
— И не совершаешь, надо думать, до сих пор?
— А то ж...

КРЕСТНИК МАРГЕЛОВА

Платонов Владимир Ильич, родился 06.12.1954 в деревне Бородино Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Естественно, суворовцам в десантном училище, да, пожалуй, и в любом другом военном училище, не только в десантном, служить намного проще и легче, чем школьникам.— Не давая мне перевести дух от нашей встречи (как ни как служили в одной дивизии, в одном полку), начал разговор Владимир Платонов.— И физическая подготовка, и стрельба, и строевая подготовка, и дисциплина, само собой, у нас были на голову выше. Если не хватало курсантов, поступивших в училище из армии, то командирами отделений назначали суворовцев.

В Суворовском училище школьник из белорусской деревушки оказался не случайно. Сосед-фронтовик, не раз, сидя с его отцом на лавочке и дымя самосадом, рассказывал облепившей их ребятне о своей армейской жизни. Без преувеличений и без прикрас, конечно же, не обходилось, но, тем не менее, воспоминания соседа-фронтовика, считай, с детских лет врезались в память пацанам.

— В Рязанское десантное из нашего выпуска — а выпуск ни много, ни мало двести суворовцев — поступало всего восемь человек. На распределение, и не только на наш выпуск, в Минск часто приезжал сам Маргелов и его заместитель Иван Иванович Лисов. Ведь они до Войны оба учились в Минском пехотном училище, на базе которого впоследствии и было создано Суворовское. Считай, стал крестником самого Маргелова.

Пришло время, и Платонов — в Афганистане.

— С ротой располагался в двадцати километрах от Кабула.— На секунду задумался Владимир.— Задачу имели не допускать обстрела Кабула и обезвреживать караваны моджахедов. Обычная рутинная работа.

Вот-вот, все у них, наших Афганцев — обычная работа, обычная служба. Два года этой «обычной службы». Наверное, так и надо, так определено природой: привыкание, адаптация к любым, даже невыносимым условиям армейской жизни даже в гористо-пустынной местности Афганистана, когда в любой момент может оборваться любая жизнь, в том числе — и твоя...

— Был случай. Нашей роте придали артиллерийскую батарею. И надо такому случиться, что командир батареи выехал в штаб полка в Кабул, а в батарее больше офицеров не оказалось. По закону подлости, в это время ночью душманы начали обстрел Кабула ракетами. Взял командование на себя, и сержанты-артиллеристы огнем из орудий быстро подавили пусковые установки противника. В Афганистане меня поражала меткая стрельба расчета АГС-17 без использования прицела. Видя реальную работу артиллеристов на местности, перестал удивляться. Однажды даже проверяющий чин-артиллерист из штаба ВДВ был поражен такой стрельбе без прицелов: недолет, перелет, цель — «вилка», одним словом, по артиллерийскому «букварю».

Краткая биографическая справка.

— в 1970—1972 годах — учеба в Минском суворовском военном училище;

— в 1972—1976 годах — учеба в Рязанском высшем воздушно-десантном командном дважды Краснознаменном училище имени Ленинского Комсомола;

— в 1976—1985 годах (командир взвода, командир роты) и в 1987—1988 годах (начальник штаба батальона) — служба в учебной дивизии Воздушно-десантных войск в Литве;

— в 1985—1987 годах — служба в 357-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-й степени полку 103-й гвардейской воздушно десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР в Афганистане (командир роты, начальник штаба батальона);

— в 1988—1991 годах — служба в 51-м гвардейском парашютно-десантном Краснознаменном ордена Суворова 3-й степени полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии в Туле (начальник штаба батальона, командир 3-го парашютно-десантного батальона);

— в 1991—2000 годах — служба в войсках МЧС в Тульской области;

— с 2000 года гвардии подполковник В. И. Платонов в запасе;

— награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, афганским орденом «За храбрость».

СЛОВАМИ ГЕРОЯ ОЧЕРКА

Подшибякин Вячеслав Михайлович, родился 01.05.1946 — умер 06.10.2010 в Туле; Тульское СВУ, Московское СВУ, Минское СВУ.

Автор этого рассказа — полковник в отставке Вячеслав Михайлович Подшибякин, мой хороший знакомый. Незаменимый человек в Тульской городской афганской ветеранской организации, готовый всегда прийти на помощь своим товарищам. А потому, что он сотрудничает со многими газетами и журналами, то я попросил его написать о себе самому — флаг, то есть перо,— ему в руки.

Выпускник Минского суворовского военного училища, Бакинского военного общекомандного училища, Военного Краснознаменного института Министерства обороны. В 1983—1985 годах — начальник отделения спецпропаганды 40-й армии. Принимал участие в арабо-израильской войне (октябрь 1973 года), боевых действиях в Афганистане(1983—1985) и Эфиопии (1989—1990), нормализации обстановки в «горячих точках» Закавказья (Сумгаит, Нагорный Карабах, Баку).

БУДЕМ ЖИВЫ!

Как-то вечером у меня в квартире зазвонил телефон. Трубку взяла жена (у нее всегда в это время «пятиминутка» с подругами). Через секунду протянула трубку мне:

— Тебя. Из Москвы. Блохин. Говорит, твой одноклассник по суворовскому училищу.

Я схватил трубку:

— Саша, привет!

— Старик, в следующее воскресенье быть в Москве на юбилее у Володи Фетисова, ему исполняется 60 лет.

«Старик» — это не фамильярность, а мой, так сказать, псевдоним в суворовском училище. Однажды кто-то из одноклассников позаимствовал у меня без спроса журнал «Юность» с повестью Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками» о школе юнг

на Соловецких островах. Журнал мне по великому блату, как активному читателю, всего на один вечер дали в училищной библиотеке. Обнаружив после ужина пропажу, я имел неосторожность заорать на всю спальню: «Ребята, где моя «Юность»! На что тут же получил ехидный ответ: «В стенах суворовского училища, старик». Так в 11 лет я стал для моих друзей «стариком».

За праздничным столом нас, бывших суворовцев 1-го взвода 7-ой роты, собралось всего несколько человек. Жизнь разбросала моих одноклассников по всей России, странам ближнего и дальнего зарубежья. У каждого своя судьба, своя дорога.

Стал академиком РАЕН, доктором технических наук, генеральным директором одного из академических научных центров Саша Блохин. Закончил службу генерал-лейтенантом, начальником управления РЭБ Генштаба ВС РФ Валера Володин. Блестящую карьеру военного дипломата сделал полковник ГРУ Юра Куликов. Вырос до ответственного работника правительства Москвы Игорь Федюнин. Нашел себя на партийном поприще в партии «Родина» (ныне «Справедливая Россия») Женя Игумнов. Хорошо известен в Москве в кругу специалистов в области металлов и сплавов директор крупного предприятия Женя Ваганов. Издал сборник стихов наш «инженер человеческих душ», поэт и переводчик Володя Елисеев.

Выпили за юбиляра, ведущего конструктора научно-конструкторского бюро «Искра» Володю Фетисова. Почтили память ушедших из жизни одноклассников — туляка Витю Монахова, москвичей братьев-близнецов Васю и Николая Сычевых, Олега Восселя, Толика Селезнева.

От меня потребовали объяснений, куда я исчез после окончания суворовского училища. Рассказал, что окончил Бакинское ВОКУ, служил в Закавказском военном округе сначала в Джульфе — командиром отдельного разведвзвода полка, потом — заместителем командира отдельной разведроты 75-ой мотострелковой дивизии в Нахичевани на советско-иранской границе. В 1970 году поступил на японское отделение спецфакультета Военного института МО СССР. После окончания — Дальневосточный и Забайкальский военные округа, Афганистан, Главное командование войск Южного направления, Эфиопия.

В конце вечера Саша Блохин достал гранки своих еще неизданных мемуаров. Во вступительной статье и подписях под фотографиями фамилии всех ныне покойных (моя — в том числе) взяты в черные траурные рамки.

— Извини, старик, тебя мы явно поспешили похоронить.

Слухи о моей гибели появлялись неоднократно. Впервые это случилось еще во время арабо-израильской войны в октябре 1973 года. Тогда всех слушателей старших курсов ВИМО привлекли для полетов в качестве радистов-бортпереводчиков на самолетах ВТА в Сирию и Египет. Меня направили в Тульский полк ВТА. До моих одноклассников дошел слух о том, что самолет, на котором я летал, не то сбит израильской авиацией, не то загорелся над Средиземным морем и судьба его экипажа неизвестна.

Действительно, в Сирии при посадке в аэропорту Дамаска один из наших самолетов попал под налет авиации Израиля. Ракеты «Шрайк» с израильского истребителя поразили кабину самолета. Были ранены правый пилот и штурман. Экипаж был эвакуирован.

Мы в это время летели в Каир с ракетами для ЗРК египетских ПВО. Над Средиземным морем на нашем самолете вышел из строя один из четырех двигателей. При его отключении техник самолета допустил грубую ошибку, в результате которой была нарушена работа всех навигационных приборов. Командир принял решение возвращаться на аэродром подскока в Венгрии. Вслепую сделал разворот и взял обратный курс. Мне приказал запросить в аэропортах на острове Крит, в Афинах и Брин-

дизи возможность аварийной посадки. Услышав наш «Мэй Дей» (SOS по международному коду радиопереговоров в авиации), американцы немедленно подняли с авианосца, находящегося в Средиземном море, два истребителя. Дальше мы долго летели крыло в крыло с «почетным эскортом». Время от времени американские летчики демонстрировали нам наличие ракет «воздух-воздух» на своих самолетах.

Комиссия Главного командования ВВС признала решение и действия командира соответствующими сложившейся в момент возможной аварии обстановке, а содержание моих радиопереговоров со службами воздушного контроля государств-членов НАТО правильным. Командир получил орден Красного Знамени, остальные члены экипажа (я в том числе) медали «За боевые заслуги».

— Старик, о том, что ты потом воевал в Афганистане, погиб и посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, я лично читал в какой-то центральной газете,— спросил юбиляр Володя Фетисов.

— Очевидно, речь идет о статье в газете «Труд» ее специального корреспондента Ю. Дмитриева. Меня прикрепили к нему от политотдела 40-й армии во время его командировки в Кабул летом 1984 года. До этого еще в 1983 году по указанию командующего армией генерал-лейтенанта В. Ермакова я успел поработать в качестве переводчика и консультанта с корреспондентом американской газеты «Дэйли уорлд» Майклом Дэвидоу — первым иностранным журналистом, которому официально была предоставлена возможность посетить ОКСВА.

Ю. Дмитриева интересовали особенности нашей работы с населением, но не столько в плане укрепления афгано-советской дружбы (об этом много тогда писали советские газеты), а в ходе боевых действий. В качестве примера я рассказал ему о боевой операции в провинции Лагман осенью 1983 года. Тогда наши и афганские войска зажали в одном из ущелий крупную банду. Душманы оказались в безвыходном положении: с фронта и на господствующих высотах — «шурави», в тылу — зона проживания нуристанских племен. Нуристанцы, по преданию потомки воинов Александра Македонского, закончившего здесь в 320 г. до н. э. свои завоевательные походы, сохраняли во время войны в Афганистане позицию вооруженного нейтралитета. В случае вторжения на их земли с одинаковым успехом били как душманов, так и правительственные войска. Поэтому здесь банды сопротивлялись с отчаянием смертников. К тому же они загнали в пещеры население всех близлежащих кишлаков и прикрывались женщинами, стариками и детьми как живым щитом.

Я с оперативной группой спецпропаганды 40-й армии получил задачу вывести из района боевых действий местное население. Направили в предполагаемые места его нахождения агитаторов из числа активистов НДПА. Наши звуковещательные станции работали непосредственно в боевых порядках пехоты. Распространяли с вертолетов листовки с призывом к мирным жителям покинуть места боев. Наконец, на наши позиции вышел местный мулла. Наверное, никогда не забуду: маленький, горбатенький, совершенно седой старичок с лиловым носом бульбочкой. У нас такими рисуют в детских книжках гномиков.

Мулла рассказал, что местные жители в пещерах слышат сообщения наших звуковещательных станций, читают листовки, верят им. Но боятся выходить, опасаются, что в них начнут стрелять. Договорились, что в определенное время советские войска прекратят стрельбу на один час. Установили сигнал оповещения об этом — три зеленые ракеты. Определили «коридоры безопасности» для выхода мирного населения и пункты сбора. Дали возможность мулле обратиться через звуковещательную станцию к душманам с призывом последовать примеру «шурави». Мулла попросил у нас три часа, чтобы он мог добраться до пещер.

Продолжался ожесточенный бой. Работала наша артиллерия, вертолеты огневой

поддержки. Наносились бомбоштурмовые удары авиацией. В назначенный час в небо взвились три сигнальные ракеты. С нашей стороны все стихло. Душманы еще продолжали стрелять. Истекло 15 минут, полчаса. И вдруг словно прорвало плотину — по «коридорам безопасности» хлынула толпа женщин, стариков, детей. В пунктах сбора мы насчитали около трехсот человек. Прекратила сопротивление и часть душманов.

В ходе этой боевой операции совершил свой подвиг разведчик из 108-ой мотострелковой дивизии сержант Николай Анфиногенов. Прикрывая вынужденный отход своих товарищей, он подорвал гранатой себя и окруживших его душманов. За свой подвиг он был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Обо всем этом я рассказал Ю. Дмитриеву.

— А другие боевые операции у тебя были? — спросил Женя Ваганов.

— Как-то подсчитал: за двадцать два месяца пребывания в Афганистане я всего два месяца находился в пункте постоянной дислокации штаба 40-й армии. Все остальное время — на боевых действиях. В моем активе 14 армейских операций, 28 боевых вылетов на залистование в районы с неподавленным ПВО. Командование 40-й армии направляло меня, как начальника отделения спецпропаганды, на самые сложные операции: в Герате, под Кандагаром, Джелалабадом, Митерламом, ГЭС Суруби, Газни, Гардезом, ущельях Панджшер, Искаполь, Тора-Бура, Ургун, «зеленой зоне» Чарикара, провинциях Пактия, Пактика, проводку колонн на Файзабад и Ургун. Оставшиеся месяцы — агитрейды в окрестностях Кабула. К тому же, в 1984 году в 40-й армии для работы среди населения было развернуто 14 агитотрядов в дивизиях, бригадах, отдельных полках, а также средневолновая радиостанция большой мощности. Все это нужно было разместить, ввести в строй, организовать их работу. За операцию в Панджшере я был награжден орденом «Красной звезды».

— А какая операция запомнилась больше всего?

— Операция по деблокированию крепости Ургун на границе с Пакистаном. Она проводилась в первых числах января 1984 года по просьбе руководства ДРА. Руководил операцией начальник штаба 40-й армии генерал-майор А. И. Сергеев. Накануне операции мы вместе с министром ДРА по делам народностей Лайеком встретились со старейшинами проживающего здесь племени джадран, одного из самых воинственных в Афганистане. В ходе переговоров со старейшинами удалось убедить их в необходимости сохранения нейтралитета. Среди душманов проводилась активная спецпропаганда, местным жителям была оказана материальная помощь.

У меня до сих пор остались в памяти три эпизода этой операции. Первый — выдвижение. По дороге из Гардеза на Ургун вышли на перевал. Кругом заснеженные сопки, сосны, ели, совсем как у нас на Дальнем Востока. Единственное отличие — на каждом километре сожженные БТР, БРДМ, КАМАЗы. Свидетельство того, что проводки колонн на Ургун все годы афганской войны сопровождались сильным сопротивлением душманов, которые получали непрерывное подкрепление из Пакистана. Второй — само ущелье. Во время второй англо-афганской войны в 1840 году здесь была полностью разгромлена группировка войск англичан. Уцелел только военврач, которому чудом удалось добраться до английских войск в Джелалабаде. На всем протяжении — нависшие над дорогой скалы, постоянные доклады из отрядов обеспечения движения о выявленных местах установки мин и фугасов, случаях подрыва. В районах Малые и Большие Шаторы завязались ожесточенные бои с душманами. Здесь совершил свой подвиг летчик майор Рубан. При нанесении бомбоштурмового удара его самолет был подбит из ПЗРК. Он направил свой самолет на позиции душманов. Был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Третий — встреча наших войск в крепости Ургун, блокированной душманами почти полгода.

Население и личный состав 14-го погранполка ДРА восторженно встречали нас как освободителей. За эту операции я был награжден одной из высших наград ДРА — орденом Красного Знамени.

Закончился наш вечер воспоминаний признанием Саши Блохина:

— Старик, накануне 40-летия нашего выпуска в 2004 году мы сделали последнюю попытку разыскать тебя. Вспомнили, что твой старший брат работал в Госкомитете по науке и технике СССР. Решили, что ты мог тоже осесть в Москве. В базе данных МГТС нашли более семидесяти В. М. Подшибякиных. Я начал обзванивать их. На четвертом телефонном номере ответила пожилая женщина. Сказала, что ее сын, Подшибякин Вячеслав Михайлович, кстати, тоже полковник, умер несколько месяцев назад. Назвала кладбище в Подмосковье, где он похоронен. По своим делам я недавно был в том районе, заскочил на кладбище. В дирекции мне назвали номер могилы, сошелся и год рождения. Навестить саму могилу я не успел, шел сильный дождь. Решил, приедем потом с ребятами. Так в моих мемуарах появилась черная рамка на твоей фамилии. Поэтому сообщение из Международной ассоциации суворовских, нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство» о том, что ты разыскиваешь меня, вызвало у меня в буквальном смысле шок. Предлагаю в связи со счастливым завершением всей этой эпопеи тост: «Будем живы!».

Постскриптум:

Небольшая зарисовка.

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ.

Это был один из самых счастливых дней в семье Героя Советского Союза майора Михаила Яковлевича Подшибякина и его супруги Марии Павловны.

Лето 1957 года, Западная Белоруссия, город Гродно.

После долгой разлуки собралась вся семья. С полигона на границе Белоруссии и Литвы вырвался на несколько дней Михаил Яковлевич. Из своих суворовских училищ приехали на каникулы дети. Старший Володя — из Воронежа (16 лет на фотографии), Саша — из Ленинграда, Слава — из Тулы. Больше всех радовался младшенький, Юрочка; ему осенью идти в первый класс и ему не терпелось посоветоваться с братьями, в какое суворовское училище поступать через три-четыре года. Михаил Яковлевич предложил сфотографироваться всей семьей.

Веселой гурьбой они ввалились в фотоателье. Старый поляк-фотограф долго рассаживал их, обращаясь к Марии Павловне «пани», к Михаилу Яковлевичу — «пан Герой», к старшим детям — «паночки маленькие офицеры», а к Юре — «прелестный паненочек». Подставлял какие-то скамеечки, переставлял с места на место лампы освещения. Мужчин попросил снять «фуражечки», но, увидя, обритую «под Котовского» голову Михаила Яковлевича и подстриженные по суворовской моде наголо три детских головы, замахал руками, сказав, что в фуражках будет солиднее. Потом скрылся под черным покрывалом, накрывавшее его старинный фотоаппарат на треноге. Долго крутил правой рукой объектив, а левой делал замысловатые пассы. Наконец торжественно произнес: «Увага!», что все поняли как: «Внимание!», снял колпачок с объектива и через мгновение вернул его на место. Вся процедура заняла полчаса. Впереди и у взрослых, и у детей была целая жизнь...».

Вячеслав ПОДШИБЯКИН, полковник в отставке, начинавший обучение в Тульском суворовском военном училище, продолживший учиться в Московском суворовском военном училище, окончивший Минское суворовское военное училище.

У моего друга Славки Подшибякина, земля ему — пухом,— отец — Герой Советского Союза. Я счел нужным в память и об отце, и о сыне — он не возражал бы — привести на страницах этой книги краткую биографию Михаила Яковлевича Подшибякина — отца суворовца Вячеслава Подшибякина.

Итак:

ПОДШИБЯКИН Михаил Яковлевич.

Родился 05.06.1916 в деревне Малая Шишовка (ныне — Воловского района Тульской области) — умер 20.07.1967 в городе Богородицке Тульской области.

Герой Советского Союза (03.06.1944), медаль № 3898.

Из крестьянской семьи. Образование неполное среднее. Работал бухгалтером в колхозе. В рядах Красной Армии с 1937 года. В 1939 году окончил КУКС. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 годов.

На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1942 года.

Командир батареи 45-мм пушек 372-го стрелкового полка (218-я стрелковая дивизия, 47-я армия, Воронежский фронт) старший лейтенант Подшибякин отличился 29.09.1943. Батарея в боях за удержание плацдарма на правом берегу Днепра у села Пекари (Каневский район Черкасской области, Украина) участвовала в отражении многочисленных вражеских контратак, подбила 3 танка. Оставшись один из расчета, продолжал сражаться и подбил танк.

Выдержки из Наградного листа на представление к медали «За отвагу» командира батареи ОИПТА 51 ОСБр старшего лейтенанта ПОДШИБЯКИНА Михаила Яковлевича:

«...Старший лейтенант ПОДШИБЯКИН М. Я. работает в отдельном истребительном противотанковом дивизионе с января 1942 года в должности командира взвода; проявил себя на фронте с немецко-фашистскими захватчиками мужественным, решительным мастером своего дела. В результате чего взвод, которым командует тов. ПОДШИБЯКИН, прямой наводкой из 45-мм пушек в районе Новороссийска и горы Мысхако уничтожил до 210 солдат и офицеров противника; уничтожил и подавил 2 пулеметно-огневых точки; подавил огонь 2-х 47-мм пушек, разрушил 6 блиндажей и ДЗОТов противника, одну кухню, подбил один средний немецкий танк и одну бронемашину.

За это представляется к правительственной награде — медали «За отвагу».

Командир ОИПТА майор Иванов. 1943 год».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года: за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Подшибякину Михаилу Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 3898).

После войны продолжал службу в армии. В 1946 году окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу. С 1960 года майор Подшибякин — в запасе. Жил и работал в городе Богородицке Тульской области.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды (3), медалями.

Александр Петренко
(г. Краснодар)

Прозаик, публицист и краевед. Проживает в городе Краснодаре.

Автор двадцати электронных книг и шестнадцати «бумажных». Публиковался в периодических изданиях: литературно-художественный журнал «Южная ночь», «Земляки», «Снежный ком», «Великоросс», «Созвучие», «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый континент» (США), «День литературы», Русско-Новозеландском Вестнике «Наша Гавань», «Планета писателей», альманахах «Чайка» (США), «Лира», «Русский переплет», «Камертон», «Клаузура», «Что есть истина?» (Великобритания) и других. Член Союза писателей России и Межрегионального союза писателей. Победитель конкурсов «Плавская осень», «Венок Победы», «Поэт и гражданин», лауреат Международного конкурса «Белая акация». Финалист всероссийских конкурсов «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь». Награжден медалями им. И. Бунина и им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

БАБКА ЧЕРЕВАТОВА

Я вот тут намедни стою на остановке троллейбуса. Жду «рогатого», а его нет и нет. Жарко у нас в Краснодаре. Лето. Присел в тенечке, да и предался воспоминаниям.

* * *

Сын бабки Череватовой работал водителем троллейбуса. Сейчас, поди, уже на пенсии. А бабка жива? Если да, то здравия ей и долгих лет жизни. А ежели померла, то царство небесное. Простой советской труженице, не щадя живота своего, восстанавливающей нашу страну после той страшной войны.

* * *

Лет сорок назад нас, без пяти минут выпускников местного политеха, отправили на преддипломную практику в соседний Ставропольский край. Студентов, как правило, селили в общежитии комбината хлебопродуктов, по принципу сколько в одну комнату влезет. Чай, не баре, пущай вообще рады будут, что крышу над головой предоставили. Но была особая каста студентов, так сказать, брахманы — по-нашему привилегированные. То есть женатики. Молодую советскую семью разлучать никак нельзя. А свободных комнат в общаге отродясь не водилось. Вот и определили меня с моей половинкой и моего дружбана Даньку с его кареглазой Алькой на постой к бабке Череватовихе. У нее после смерти мужа, почитай, аж две комнаты пустые имелись.

После гражданской войны сопливую девчонку Галочку родители привели к воротам бывшей купеческой мельницы, да там и оставили. Ибо сами уже прокормить не могли. А замуж — годками еще не вышла. Вот так Галюся Череватова и стала «дочерью полка», то есть дочерью большой экспроприированной мельницы.

Записей в ее трудовой книжке две. (Лично видел). Принята на должность мукосеи. Уволена в связи достижением пенсионного возраста и наличием нескольких профессиональных заболеваний.

* * *

Дом у бабки Череватовой был уникален. Сложен из тесанных бревен. «Что же тут удивительного? — скажет мой дотошный читатель.— У нас, почитай, пол-России такими домами утыкано».

Так то же в России, но не у нас, на юге. Лесов здесь раз, два и обчелся. Посему южные хаты строят из самана, глины вперемешку с навозом. Сам до сих пор в таком экологически чистом доме живу.

Как ей это чудо-дом достался, бабка нам не рассказывала, но каждой студенческой семье по светелке выделила. И напутствовала: «Грешите там в меру. Занятие это нужное. Нашему мукомольному делу новая кровь о как нужна. Только и о работе не забывайте. Чтобы, значит, к восьми ноль-ноль были мне как огурчики на своих рабочих местах».

Хозяйка наша за свою долгую жизнь никакой школы так и не окончила. Читать и писать не могла. Однако, издали завидев почтальона, побросав все дела, не разбирая дороги, бежала к нему навстречу. Выхватывала пачку писем, скоро перебирала их, и радостная возвращалась с заветным конвертиком домой.

— На, читай скорее, что мой сыночек матушке пишет. Да читай же, ирод студенческий, не томи.

Я прочел. Отдал бабке листок. Она, бережно погладив, положила его в старинную шкатулку.

— И чего ты на меня уставился? Мышка маленькая, серенькая, но и ей понятно, что ежели первая буква в письме на цифру четыре похожа, значит письмо то мне, бабке Череватовой! А этот лентяй почтальон плетется как старая заводская кобыла. До моего двора, почитай, еще минут пять топать будет.

* * *

За наш постой предприятие платило хозяйке не деньгами, а комбикормом. 500 килограмм свиного или 100 для птиц, на выбор. Череватова держала у себя пару десятков несушек. А теперь догадайтесь, какой комбикорм она выписывала? Правильно, для свиней.

— Бабушка, ну так же нельзя. Ваши курочки болеть будут, а может даже и умрут совсем,— раскрыв от удивления и без того огромные глаза, верещала Алька.— Поймите же! На заводе составляют специальные рецепты для кормов. Для свинок свои, для курочек свои. Это сложный процесс, требующий тщательной проработки.

— Много ты понимаешь, деваха. Мужу свому будешь вечером в спаленке организовывать сложный процесс, требующий тщательной проработки,— съязвила бабка.— Нешто я не понимаю. Почитай, полвека этим треклятым комбикормом дышу. Три таблетки добавляешь на килограмм — и вся недолга.

— Бабушка, вы конечно меня извините,— вмешался в разговор самый интеллигентный из нас — Даниил.— Вы же, я прошу прощения, неграмотная. Как же латинские названия на упаковках с таблетками читаете? Там же все не по-русски написано.

— Вот малахольный. Привязался ко мне со своею Алькой. Да че там читать! Две желтенькие и одну синенькую растолок, да и в корыто бросил.

— Но ведь надо же знать их фармакологическое действие,— не унимался Даня.

— Чего надо знать? Говори громче. Знаш ведь, что глухая я, на оба уха, совсем. Шум там у нас на мельнице такой, что только матерные слова расслышать и можно. Более ничего. А таблетки от чего? Так от поносу же. Если людям годятся, так птичкам моим, лапочкам, тем более полезен.

— Надо же,— удивилась Алька.— У нас в стране огромный научно-исследовательский институт десятками лет бьется над созданием универсального комбикорма...

— А бабушка Череватова две желтенькие и одну синенькую на килограмм! — поддержал молодую жену супруг.

Но хозяйка ничего не ответила. Ибо ничего не услышала, по причине приобретенной профессиональной тугоухости.

* * *

Мой отец, инвалид войны, регулярно получал продуктовый набор повышенной калорийности. В него входили и невиданные в наших степных краях консервы, например, такие — «Кальмар дальневосточный в собственном соку». К чему это я? Да к тому, что матушка сунула мне пару таких банок в дорогу: «У нас эту гадость отродясь не ели. А вы там, на своей практике, с голодухи еще и не такое сплямкаете».

Голодухи у нас не наблюдалось. Картошки было вдоволь. Муки всех сортов, сами понимаете, тоже. Вот наши молодые женушки и осваивали на практике приготовление различных блюд из этих двух ингредиентов.

Кальмаровые консервы мы открыли, но есть не стали. По причине того, что никогда в жизни их не пробовали. Отдали хозяйской собаке. Своего «кабысдоха» она также кормила исключительно свиным комбикормом. А он в знак протеста из будки не вылезал. Нес службу, то есть тявкал, исключительно оттуда.

«Кальмар дальневосточный в собственном соку» пришелся бедному животному исключительно по вкусу. Нюх у собаки был отменный. Чуял он нас четверых за версту. После такого угощения мы естественно слали лучшими друзьями не только его, но заодно и всех собак улицы. Теперь, заприметив нашу четверку, они дружно приветствовали нас радостным лаем. В надежде на то, что и им перепадет заветная баночка с кальмарами. А вы говорите, что в Советском Союзе дефицит был. Это сейчас никому и в голову не взбредет кормить своих Жучек и Бобиков «Кальмарами дальневосточными в собственном соку». А в то время — запросто!

* * *

Сидим на бабкиной кухне и в десять рук лепим вареники с картошкой. Вернее, не в пять пар, а в три. Ибо меня и Даньку от этого действа освободили, по причине полной профнепригодности.

— Вот же послал бог вам, девоньки, мужиков, что у одного, что у другого руки точно не с того места растут. А еще мукомолы будущие. Нормальных вареников налепить не могут, глянь каких быцюг лепить пытаются. Такой же и в рот не запихаешь,— беззлобно ворчит на нас бабка Череватова.— Про остальные мужские причиндалы ничего сказать не могу. Но по вашим довольным мордочкам догадываюсь, что у мужей новоиспеченных с этим делом все в порядке. У мого-то, покойного, чего греха таить, не шибко выходило. Одного сыночка и смог мне сварганить. Хворый совсем с войны пришел. Уж лечила я его, лечила, да, по всему видать, окопы поганые всю силу мужеску себе забрали. О!! Стоп, ребята! Кончай треньдеть! На мельнице авария! Бежать надо, мож какая помоч требуется!

— Бабушка, да вам-то откуда знать? Мелькомбинат в километре от вашего дома стоит! — удивленно спрашиваю я.

— Молчи, олух царя небесного! Дай послухать! Точно! Турбовоздуходувка замолкла. Все, детки мои. Побегла я. Вы тут сами без меня управляйтесь.— Бабушка, как же вы шум турбовоздуходувки можете за километр услышать, ведь вы же глухая? — сказала Алька. Прислушалась, но ничего не услыхала. А старуха Череватова ничего не ответила — она уже была в коридоре и обувала видавшие виды резиновые боты.

Вернулась через час.

— Электрик, понимаш, сопля зеленая. Такой вот выпускник желторотый, как и вы. Взял да фазы-то и перепутал. Вот турбовоздуходувка-то и захлебнулась. Если бы не мы, старики, так, почитай, весь город завтра бы на сухарях сидел. Свежего хлебушку испечь не с чего было бы.

* * *

В ту ночь я долго не мог заснуть. Лежал с закрытыми глазами и размышлял. Каким образом наша хозяйка, много лет назад почти полностью потерявшая слух, могла слышать работу турбовоздуходувной машины, расположенной в тысяче метров от ее дома?

Утром Алька дала мне простой и четкий ответ:

— Да сроднилась бабка Череватова с ним, с комбинатом. Они уж много лет живут как единое целое.

Вы скажете фантастика. А я скажу — реальность! Сейчас, наверное, такой феномен уже не наблюдается. Может быть. Нынче я и сам уже пенсионер. Но иногда по ночам, во сне, стою у вальцовых станков, перемалываю зерно и внимательно слежу за тем, чтобы турбовоздуходувка не остановилась!

МАЭСТРО

Светлой памяти Александра Тавадова.

Сорок пять лет назад август в моем родном Краснодаре был таким же жарким, как и нынешний. Пот с меня, абитуриента Политехнического института, катится градом. И не только потому, что в скверике, где я сижу, очень жарко. А еще и потому, что я сижу смиренно, жду своей участи.

Все! Вступительные экзамены позади. В листке, что лежит у меня на коленях, красуются три пятерки по устным экзаменам, и одна пустая строчка. В графе № 4 — литература (сочинение, письменно), пока что прочерк.

Еще утром секретарь приемной комиссии безучастным, металлическим голосом объявила: «Результаты сочинений и список поступивших будут в одном приказе. У нас страна хоть и богата лесами, но неча на вас, олухов царя небесного, казенную бумагу изводить. Чай не баре, разом все и узнаете. Кому, значит, в нашу доблестную армию, а кто на ликвидацию кустов амброзии и прочие сельхозработы. И еще не известно, что лучше!»

Стрелки часов «Победа», подаренных мне отцом, вообще перестали двигаться. Пытаюсь читать захватывающую «Эру милосердия». Бесполезно. Жиглов и Шарапов не в состоянии мне помочь.

Кто-то пустил слух, что в этом году проходной бал 18. Выходит, если не двойка по литературе, то я, стало быть, студент. А ежели пара? Тогда года через два, а скорее всего спустя три (Морфлот СССР, будет чрезвычайно рад заполучить в свои ряды такого верзилу как я!).

* * *

Кто-то бесцеремонно и больно шваркает меня по плечу.

— Сидишь, потеешь! Пошли пивка тяпнем, я угощаю! — Рядом стоит коренастый парень с ярко выраженными кавказскими чертами лица.

— С какой это радости? С минуту на минуту списки вывесят! — Я скидываю его руку со своего плеча и раздумываю, провести ли в ответку силовой прием с её захватом или нет?

Но парень улыбается так искренне, что я, отложив книгу, спрашиваю: — Тебе что, не интересны результаты письменного по литературе?

— Не-а! Не интересны! Меня Александром зовут, как и тебя. Тезки мы, понимаешь. Но ты называй меня просто, Маэстро. С самого детства все так кличут. Привык уже. Короче, пошли пиво пить. Жарко же ведь! — Выстреливает он как из пулемета, не давая мне возможности вставить хотя бы слово.— Да пошли же. Сейчас к ларьку знаешь какая толпа набежит! Поступление обмывать. Не протолкнешься!

— Не понял. Объясни все толком. С какой такой радости ты меня пивом угощать собираешься. И вообще, сказал же тебе, никуда не пойду, вот-вот приказ вывесят.

— Саня, я из Баку, но тебе не на армянском и не азербайджанском, на твоем родном, русским языком объясняю. Меня Маэстро зовут. Ма-э-стро.

— И что из этого?

— А то, что я битый час крутился возле деканата, зайду, то одно спрошу, то другое. С меня, кавказца, какой спрос? Человек с гор спустился. Вот и терпели, взшей не гнали. Короче, студенты мы с тобой! Сечешь! Сту-ден-ты! Да как за это пивка не дерябнуть! — И он чуть ли не силой потащил меня на соседнюю улицу, к заветному ларьку «Пиво-воды».

Я упирался, но не сильно. Какая по сути разница. С чего пить, с радости или с горя. Горло ведь уже давно пересохло.

— Давай, излагай во всех подробностях, Ма-эст-ро.

— Какие тебе еще подробности нужны? Приказ напечатали. Сейчас к ректору на подпись понесли. У тебя девятнадцать баллов, у меня шестнадцать, но я по спецнабору, вне конкурса. Мне лишь бы двойку не схлопотать.

* * *

Быстро пролетел первый семестр. Не сказать, что мы с Маэстро стали закадычными друзьями. На курсе образовалась своеобразная кавказская диаспора. У нас, местных, краснодарских, своя ватага. Но зимняя сессия вновь сблизила нас. Возобновили дружбу, на этот раз по несчастью. Оба не сдали экзамен по высшей математике. Не знаю, как там в Баку, но у нас в школе ее преподавали из рук вон плохо. Да и не давалась она мне, в отличие от химии и гуманитарных наук. Решили нанять репетитора. Одного на двоих, чтобы подешевле вышло.

С большим трудом выпросил у родителей небольшую сумму. А у Маэстро кое-какие денежки водились всегда. Это сейчас объявления о платных услугах в любой газете отыскать можно, я уже не говорю о всемогущем интернете. А во времена развитого социализма подобная информация передавалась из уст в уста. То есть строго конфиденциально. Потому как нетрудовые доходы, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прибыли мы по адресу, указанному в замусоленной бумажке. Дружок раздобыл, неведомо где. Позвонили, никто не выходит. Час прождали. Затем второй. Холодно. Январь в Краснодаре разительно отличается от августа, причем в худшую сторону. Ветер с моря, хоть и ослабевший, но пронизывает основательно. Стали искать, где бы согреться. Столовую не нашли, зато поблизости отыскали ресторан. Да и оставили

там все денежки предназначенные для неведомого репетитора. Придя домой в совсем не легком подпитии, я выслушал длиннющую родительскую лекцию. На тему как, хорошо отслужив положенное армии, доблестно трудиться разнорабочим или дворником, самоотверженно строя при этом долгожданный коммунизм и светлое будущее всего прогрессивного человечества.

В итоге я хвост по математике таки, без всякого репетитора, обрубил. Даже стипуху заработал. Маэстро — нет. Смог перевестись на заочный, с потерей курса. Виделись мы с ним редко, да и интересы у нас были различные. Он весьма обеспеченный бакинский служащий. Я студент, правда, с незначительно повышенной стипендией.

* * *

Прошло тридцать пять лет. Маэстро разыскал меня на Одноклассниках. Пригласил к себе в Москву. Жил у черта на куличках, в Бутово. Много лет назад попал в чудовищную аварию, на всю жизнь остался инвалидом. С большим трудом передвигался на костылях. Жена оставила семью. Александр, как мог, растил двух славных пацанов.

* * *

По роду своей деятельности я частенько летал в белокаменную и далее, за границу.

В любое время суток, в любом столичном аэропорту, в любую погоду меня встречал Маэстро. Из машины не выходил. Сидел и ждал, пока я уложу свой не хитрый багаж. Зато в вождении автомобиля ему не было равных. Зачастую мне казалось, что мой друг и транспортное средство — единое целое. Огромный город знал как свои пять пальцев. Не было такого закоулка и тупика, куда бы Маэстро не смог подъехать.

* * *

Несколько номеров в отеле, где я останавливался, арендовало консульство одной из западных стран. Понятное дело, что протолкнуться к заветным дверям было практически невозможно. Жаждущие увидеть красоты этого государства ночевали прямо на полу, и все, как один, вскакивали при слове «Перекличка». А мне срочно нужна была виза. Времени в обрез. Там, за кордоном, я, кровь из носу, должен был принять участие в очень важных переговорах.

— Ты чего такой грустный, или просто голодный? Тогда поедем к моим друзьям, бакинцам. У них свой ресторанчик, на кольцевой. Хочешь шашлык из седла барашка? — Маэстро пытался поднять мое настроение.— Нет, ты мне скажи, кто из нас двоих инвалид? Ты можешь взбежать по лестнице, я уже нет. В конце-концов можешь дать хорошего пинка, кому захочешь, я нет! Так, кто здесь должен нос опускать? Отвечай сейчас же? Давай быстренько излагай свои проблемы. Чего у тебя там не получается? Ты, наверное, забыл как твоего друга зовут? Так я напомню — Ма-э-стро!

* * *

Прошло полчаса.

* * *

— Граждане пропустите инвалида и его сопровождающего!

Из одной двери, как ошпаренный, выскочил служащий консульства и помог мне провести Маэстро в заветное помещение.

— Ой, вы знаете. Я вот прямо сейчас передумал. В вашу страну в этом году не поеду. С климатом, говорят, у вас там не все в порядке. Опять же отношение к нам,

россиянам, не ахти какое. Санкции против нас поддерживаете. Нехорошо. А нужные лекарства мне вот этот господин быстренько доставит. Я ему полностью доверяю остаток своего здоровья. Не сочтите за труд, выдайте господину Александру годовую визу, чтобы мы вас лишний раз своим присутствием не беспокоили.

* * *

Помахивая визой, покупаю билет на ближайший рейс. Вылет завтра в пять утра. Прощаюсь с Маэстро.

— Саша, спасибо тебе огромное. Буду лететь назад, привезу, что закажешь.

— Юность нашу привези. Скверик перед Политехом помнишь? А вкус того разливного и разбавленного пива помнишь?

— Скверик помню, пиво нет,— честно признаюсь я.

— Плохо. Стареешь брат. Короче, выходи из своей гостиницы в два ночи. Час будем ехать, если без пробок. За два часа до вылета, как и полагается, будешь в аэропорту. Еще чего удумал. Такси он будет заказывать! Такие деньжищи платить! Транжира! Навязался на мою голову.

* * *

Всю ночь шел снег. Выхожу, как и положено, в два часа. Возле отеля пусто. Ни одного следа от проехавшей машины.

— Опаздывает мой Маэстро. Оно и понятно, дороги то еще не все отчистили. Вот как теперь быть? Ждать его или срочно такси вызывать?

Из снежного бугорка, стоящего на обочине, высовывается голова моего друга.

— Привет, брателла. Я тут подумал: и чего мне в такую погоду в Бутово переться, а потом назад трястись. Лучше я прикурну подле твоего хо-тэ-ля часок-другой.

— Маэстро! Ну ты мог мне об этом сказать? Я бы тебе номер снял. Чего же тут скрюченный, да еще под снегом.

— Не ворчи, дружище. Кончай стареть! Садись скорее. Сам видишь, дороги какие, а путь нам с тобой предстоит не близкий. Опоздаешь. Мне тебя на машине за границу везти прикажешь? Так я, дружбан, позволю себе напомнить: визы у Маэстро нет, а если честно, то и загранпаспорта тоже.

* * *

Осенью прошлого года я вернулся из солнечного Узбекистана. За время моего отсутствия в доме переломалось все, что могло переломаться. Бросаю не разобранный чемодан и бегу в магазин за запчастями. В кармане знакомой мелодией играет телефон.

Ба! Господин Маэстро звонит. Как хорошо. Сейчас он мне ничем помочь не сможет. Но хоть выслушает стенания друга и то полегче будет.

— Московский бакинец, привет. Несказанно рад тебя слышать. Как поживаешь, мой Маэстро.

— Дядь Саш, это не Маэстро, тебе звонит его сын. Похороны завтра, прилетишь?

* * *

Перебираю фотографии. Их у меня совсем немного. Как-то за повседневной суетой недосуг было фотографироваться. И на всех Маэстро улыбается. Счастливый человек, умевший дружить и дарить всем частички своего большого и доброго сердца.

Яков Шафран
(г. Тула)

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

Артем уволился в запас в июле в звании младшего сержанта, и когда вернулся домой,— ощущение родного, теплого, уютного семейного гнезда, к которому тянуло все время службы, не оставляло его,— чувствовал себя поначалу как-то «не в своей тарелке» — отвык от свободы. «Ты куда так летишь?» — удивлялись родители, видя, что он все делает уж чересчур быстро и с озабоченным выражением лица. Да, ответственность и организованность... Армия усилила в нем эти качества. Потому он сильно переживал, когда мать, убираясь в его комнате, по-женски, как ей казалось правильным, перекладывала все на столе, на полках и в шкафу. Ведь служба — третий, а кому и второй родитель,— приучила: любая вещь должна лежать на своем месте, чтобы легко, когда понадобится, найти ее.

Так вышло, что друзья Артема, в общем-то, дружелюбного, общительного и умеющего верховодить сверстниками, были старше его по возрасту. Он уже в школьные годы был серьезным и рассудительным парнем, любил подвижные игры — но не в «дыр-дыр», а футбол и волейбол по-настоящему,— и стал завсегдатаем находящегося рядом с их домом школьного стадиона, с которым он буквально сросся, тянулся к нему в любую свободную минуту и заметно вытянулся в росте, благодаря его уличным тренажерам; там он и познакомился с заядлыми игроками — нынешними своими друзьями, охотно принявшими в свою среду умного и уважительного паренька. Эта дружба осталась на всю жизнь. Потому для него, вернувшегося из армии, сразу нашлась и работа в автосервисе, и компания для отдыха, не в пример одногодкам с их пьяными гулянками и на все согласными девочками. А поскольку Артем не любил прохлаждаться, то и не тянул с началом работы. Ремонтировать машины ему нравилось, но себя он мыслил в ином качестве — мечтал «ремонтировать» людей — он и к машинам-то относился как к людям: поглаживал их, похлопывал как бы по плечу и мысленно разговаривал с ними,— и готовился через год поступать в медицинский институт. Как-то он проговорился об этом в мастерской, что вызвало насмешки и некоторое охлаждение к нему.

— Ты поменьше рассказывай о своих планах. Мало ли кто кем хотел или хо-

чет — да не может! — быть — говорил ему Виктор, друг, который и устроил его на работу.— Мне можно рассказывать все, вот и рассказывай *мне*!

Через пару месяцев Виктор пришел в мастерскую чернее тучи. На расспросы Артема вначале ничего не отвечал, только желваки ходили на скулах, резко выступавших на осунувшемся лице, да взгляд из-под полусомкнутых ресниц был какой-то затравленный. Но когда немного пришел в себя, глубоко вздохнув, произнес:

— Серегу привезли...

— Как привезли? Что значит, привезли?!

— В гробу привезли, в цинковом...

— Серегу?! Откуда?

— С Донбасса. Он там добровольцем воевал, пока ты служил.

...Со смертью товарища (друзьями они не были — невозможно дружить с абсолютно скрытным, постоянно пребывающим в себе человеком) Артем впервые столкнулся в армии. Но это было самоубийство — суицид, как официально выражались командиры. Было даже возбуждено уголовное дело — «доведение до суицида». Алексею до «дембеля» оставалось полгода. Тем не менее, он повесился... При этом дедовщины в части не было и в помине, и со стороны офицеров рукоприкладства и вымогательства, как пишут в СМИ, не наблюдалось. А вот происшествия были, и несколько подряд — буквально одно за одним: солдата задавили грузовой машиной, три человека погибли при взрыве танка на полигоне, взорвалась БМП... Психологически тяжело было всем — такое не на войне, а в мирное время! Однако у Алексея не выдержала психика, и...

Но здесь была другая смерть. Сергей, один из самых близких друзей, находился, как сказали Артему, в командировке и вскоре должен был приехать. Артем очень хотел встретиться с ним... А встретил в гробу, в оцинкованном запаянном гробу, который стоял в открытом деревянном. Во дворе валялись остатки большого, плотно сколоченного транспортировочного ящика. Вместо лица Артем увидел в изголовье, среди живых цветов, портрет Сергея в красивой рамке. Как выяснилось, он погиб на Донбассе в знаменитом бою за Саур-Могилу 26 августа 2014 года, почти через месяц после прихода Артема из армии...

Дверь была открыта настежь: входили родные, соседи, друзья и просто знакомые. Мать, седая женщина в простом пальто и шали, сидя у гроба, причитала, и при появлении всякого нового человека — видимо, душа ее сейчас не выдерживала вида живых людей,— начинала голосить. Рядом, держа ее под руку, беззвучно плакал старик-отец. Девочка лет десяти, племянница Сергея, удивленно и испуганно смотрела на бабушку и по-своему пыталась успокоить ее. Артем подошел, по-солдатски, мужественно, как мог, выразил соболезнование родителям и встал у гроба. «Прощай, Серега!» — плакала его душа по другу, но он крепился, и ни слезинки не было на лице его. Только, как в калейдоскопе, в сознании сменяли друг друга эпизоды их встреч, совместных дел, дружеских шуток, улыбчивое, веселое лицо ставшего ему фактически старшим братом Сергея. И вдруг спазм перехватил дыхание: «Вот и повидались, друг, а сколько я сказать тебе хотел...». Слезы, скатившейся по щеке, он ни стесняться, ни вытирать не стал и, выйдя во двор, затянулся взятой у кого-то сигаретой, хотя до того не курил.

Все украинские «события» начались, когда Артем еще служил. Солдаты, по армейскому распорядку, каждый вечер с 21.00 по 21.15 просматривали первую часть

программы «Время». Киевский майдан буквально приковал ребят к экранам, ставшим для них будто окнами в иной, чужой и кошмарный мир. Ведь после попытки, конечно, слабой, прекратить безобразие, все перешло в форму чуть ли не восстания. Только много позже Артем понял, что главное происходило не на площадях и улицах, а за всем этим, как за ширмой, совсем другие люди устроили госпереворот, далеко не в интересах скакавших на майдане. Однако эти скачущие, особенно их глумливые выкрики, типа «москаляку на гиляку», вызывавшие внешне у кого шутку, а то и смех, у кого ругань и аналогичные ксенофобские призывы, на Артема, с детства воспитанного в дружелюбии к людям любой национальности — а в его родне были и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, то есть весь малороссийский интернационал,— производили тягостное впечатление. Такое же настроение, в той или иной степени, испытывали, в общем-то, и все военнослужащие — солдаты и офицеры.

Но вот пришли весна и события в Крыму. Настроение ребят заметно изменилось. А когда объявили о воссоединении Крыма с Россией, ликование волнами разливалось и в душах людей, и в общении — даже самые скучные и серьезные улыбались. Конечно, и среди ребят находились те, кто кривил нос при информации с полуострова. Ну, не «пятая колонна», а только отдельные единицы ее все же были среди сослуживцев Артема... Но это общей радости отнюдь не портило, и командование даже праздничный ужин с пирожными и лимонадом устроило.

Однако затем оптимизм и светлые ожидания, когда крымский сценарий вроде бы должен был повториться на Донбассе, на фоне бурной и необычной весны для Ленинградской области, где Артем служил на 18-м испытательном полигоне,— когда в апреле, как никогда, светило солнце и не было дождей, а в первой половине мая — сильный ветер да грозы с градом,— явно пошли на убыль. А дело было так. Ни референдумы, ни провозглашение суверенных республик жителями Донецкой и Луганской областей, ни желание их объединиться в Новороссию и вступить в состав России, чего, собственно, и ожидали все, не привели к признанию их с ее стороны, а уж тем более к вхождению в ее состав, несмотря на то, что в основной массе своей, как и крымчане, люди считали себя русскими и воспротивились насильственной украинизации, «великой украинской истории» и ее бандеровским «героям» и не поддержали хунту, захватившую в Киеве власть.

Дальнейшие же события на Донбассе — на Артема особенно повлияли начала июля бои за Николаевку вплоть до отхода ополченцев из Славянска,— когда начался бесконечный «сериал»: бои, обстрелы украинскими военными гражданских объектов, гибель людей, искалеченные тела, сгоревшие дома, разрушенные школы и больницы,— ввергли ребят в настоящую депрессию, все в части ходили как в воду опущенные. Пришлось начальству даже меры принимать насчет дисциплины...

Но через некоторое время на Донбасс поехали добровольцы, в том числе уволившиеся контрактники из их части. А обратно — по письмам из дома — стали иногда приходить «грузы-200». Вот и Артем встретил то, что осталось от Сергея...

Артем похоронил, потом помянул друга вначале в кругу его родных и знакомых, а затем отдельно, среди близких друзей. В свободное же от работы время его потянуло походить по памятным местам их дружбы — по той самой густой аллее, где с друзьями любили гулять в теплые летние вечера и где однажды они с Сергеем вступились за знакомую девчонку и вдвоем отколошматили троих хулиганов, пристававших к ней; у паромщика дяди Василия он одолжил на время ту самую старую лодку, все так же переваливавшуюся с бока на бок у берега и знакомо, словно ворча на седоков, скрипевшую уключинами, на которой они с Сережкой любили кататься по реке или, сидя в ней, удить рыбу. Много, много было таких мест, оживлявших в его душе воспоминания... Но не только ими жил в эти дни Артем.

В город приехала семья беженцев из Краматорска: мужчина лет сорока с женой и тремя детьми — от пяти до десяти лет. Тот говорил, что хотел остаться, воевать, но жена не пустила — куда, мол, она с детьми, а кто работать, кормить будет... И правда, отец семейства сразу же впрягся в работу на стройке, где он, как и на родине трудился, устроился главным механиком — отвечал за все машины, трактора, краны, пекаписки, за все механизмы и приспособления и сам, наряду со слесарями, ремонтировал их. Потому уходил из дома чуть свет и возвращался около девяти вечера, а то и позже.

Они поселились по соседству с Артемом, в его же старом доме, сняв недорогую однокомнатную квартиру — для такой-то семьи! — и как-то в воскресенье у детской площадки, где супруги сидели, наблюдая за ребятами, он и разговорился с ними. Понятно, по теме, которая его больше всего интересовала. Александр и Мария рассказали, как с детьми, в чем в тот момент были одеты, прятались от бомбежек в большом сыром и темном подвале их «сталинки», среди таких же, как они, растерянных и подавленных горем людей. Немудрено: у всех одна страшная, гложущая беда — война, и в глазах: «За что?!» и «Доколе?!», и неизбывный страх за детей... Ведь среди них были такие, у кого они погибли, порой на глазах у родителей.

— Говорить о том больно, а тем более пережить. Страшно, когда бомбы падают: стекла вылетают, дом ходит ходуном...— слезы катились по щекам Марии.— И мы ж боимся, прежде всего, за них, а то сами б ушли к ополченцам, кабы не они,— она показала на играющих детей и одновременно с тревогой и лаской взглянула на них. Александр сидел, молча, понурясь, и сильно сжимал большими пальцами сцепленные в замок кисти рук.— С нами ж приехала сюда моя подруга,— продолжала Мария.— Ой, Господи, как она выжила — не описать. У ней двоих вот таких, как наши, детей убило снарядом,— голос ее прервался, с трудом преодолев слезы, она продолжила: — Муж-то Ольги в ополченцах, и уж неделя как не было звонка от него, а мобильник недоступен. Мучается, кроме мужа у ней никого... И все мы так: жили, работали, а нынче не знаем, будет ли куда вернуться, может, у нас и дома уж нет. Если бы не Россия, что бы было, куда бы мы с дитями?

— Когда же эти гады порошенковские увидят, что убивают простых, не повинных ни в чем людей!? — не выдержав, воскликнул Александр.— Это, Артем, в натуре, настоящий геноцид нас, русских!

— И горше всего, что и на той стороне много русских...— промолвила Мария.

— А вот брат звонил из «ихней» донецкой зоны, рассказывал, как зашли «укропы» в Славинск, а у них уж списки на руках, кто в ополчении. Поймали женщину и мужчину, сын которых воюет, привязали их к машине пехоты за ноги и тащили на скорости по площади, потом окровавленных бросили и уехали,— глухо, с тоской стал рассказывать Александр.— Зашли в дом, где отец был ополченцем, забрали пятилетнего дитя, вынесли его на ту же площадь и прибили гвоздями к рекламному стенду. Прибегла мать, и ее на глазах у всех расстреляли. Что делается, Артем? — Заходят с собаками в жилье, мужиков до тридцати пяти без разбора убивают! Получается, бомбежка погуманнее будет, чем то, что они творят...

— Так что же ты тут сидишь?! — не выдержав, забыв на миг все объяснения соседей, возмутился Артем и вскочил.

— Да я бы с радостью взял автомат...— тихо промолвил тот, и видно было, что давно и сильно страдает.— Но куда ей,— он кивнул на жену,— хворая и слабая она больно, особенно после третьего дитя, не потянет так работать, чтобы прокормить семью...

— Извини, брат,— сказал Артем и, сочувственно поглядев на них, попрощался и ушел.

Но теперь он не пропускал ни одного репортажа о событиях на Донбассе. Артем вглядывался в лица людей, ополченцев, словно пытаясь разглядеть знакомых или сослуживцев по армии. А передачи сопровождались страшными кадрами: искалеченные трупы стариков, женщин и детей, кровь, кровь и кровь...

По интернету он нашел репортажи и о событиях 2 мая в Одессе, когда звериная толпа националистов и соотносящих себя с ними загнала сотню людей в здание Дома Профсоюзов и, предварительно вовсю поиздевавшись над ними, сожгла заживо за то, что они посмели объявить себя русскими и отстаивать свои, русские, права. Ужас объял Артема, смотревшего эти кадры. В этом горящем здании он увидел образ горящей России, то есть то, во что хотели превратить ее эти безумные «плясуны». И он понял, что именно эта безнаказанная бойня и послужила стимулом вот «таким» для подавления, вплоть до физической зачистки их руками, любых прорусских выступлений местных жителей. Потому велика была его радость, когда наступления «укропов» на донбасском фронте захлебывались. «Побольше бы таких «иловайских котлов», какой устроили им наши ребята с 10 августа по 3 сентября!» — думал он.

Артем знал себя, знал, что долго он так пассивно смотреть на все это не сможет. И вот однажды он почувствовал в душе сильное желание быть там, где такие же, как погибший Сергей, защищают право русских быть самими собой, говорить на родном языке, любить, заводить семьи и рожать детей,— в общем, жить и радоваться жизни. Вначале это желание, подобно маленькому ростку, только-только показалось на поверхности его чувств, но с каждым днем все более и более крепло, пока не стало настолько непреодолимым, что он уже не мог ни дня, ни часа жить спокойно. Где-то в уголке сознания появлялась мысль о матери: «Как она, ведь одна останется? — Но он убеждал себя: — Попрошу ребят, чтобы присмотрели и, если что, помогли». И в первых числах октября Артем решился пойти к знакомому Сергея, который, как он знал, помогал тому отправиться на Донбасс.

Знакомого звали Кирилл. Он принял Артема доброжелательно, но все же первонаперво спросил:

— Ты серьезно решил?

— А что, я похож на несерьезного? — поначалу даже обиделся Артем.

— Ну, не обижайся, всяко бывает...— сказал Кирилл, и было ясно, что он уже имел опыт взаимодействия с теми, кто чисто эмоционально решил ехать и воевать.

Кирилл угостил гостя чаем и за питьем начал свой рассказ.

Переправляться на Донбасс, понял Артем, придется через Ростов-на-Дону. Но предварительно нужно написать по электронному адресу, чтобы получить контакты координатора, с которым нужно будет там связаться — не будет же он бегать по городу и спрашивать: «Где здесь отправляют на Донбасс?». Как группа соберется, так и поедут на ростовском автотранспорте, и далее — на разные участки фронта, куда требуются бойцы. Главное требование: возраст чтоб был не меньше двадцати одного года (при этом Кирилл пытливо посмотрел на Артема, и тот утвердительно кивнул, ему недавно исполнилось требуемое число лет, он в армию пошел двадцатилетним). И обязательно — отсутствие серьезных болезней и всего, не дающего право на выезд за границу, то бишь судимости, условного срока, нахождения в розыске, штрафов и долгов по кредитам или алиментам, и, наоборот, чтоб наличествовала хорошая физическая форма, выносливость и владение стрелковым оружием. Опять же, срок служения, именно *служения*, сказал Кирилл,— не менее трех месяцев, а лучше больше. Потом он подробно объяснил Артему, какие документы обязательно иметь при себе и что из обмундирования, защитных средств, медикаментов и бытовых принадлежностей с собой брать, так как ополчение испытывает в том нужду. Ну и до Ростова

добираться нужно самостоятельно, остерегаясь мошенников, вовсю обещающих за определенную плату переброску и обустройство на месте. И еще: получить деньги с «большой земли» будет весьма проблематично, потому должен быть при себе запас дензнаков: рублей, гривен и долларов.

— И запомни: нет гарантии,— продолжал Кирилл,— что нынешнее руководство республик или одной из них не продалось с потрохами олигархам, что тот или иной полевой командир не посылает бойцов на задание, спущенное сверху от предателей и врагов народа. Поэтому сегодня в ополчении требуются те, кто умеет критически смотреть на происходящее и думать своей головой... Поэтому, если ты согласен со всем, что я сказал, то можем начать.

— Да, согласен, начнем! — ответил Артем. И Кирилл, включив компьютер, набрал в интернете адрес координатора в Ростове.

Артем добрался до Москвы, на Курском вокзале взял билет до Ростова и, переночевав в зале ожидания, в 7 утра был уже в поезде «Санкт-Петербург — Анапа». В плацкартном купе, кроме него, ехали еще муж с женой, где-то сорока лет, и парень, примерно одного возраста с Артемом. Все они ехали из северной столицы — супруги на отдых «дикарями», а парень — его звали Степан — ответил как-то уклончиво.

За окном моросил нудный осенний дождь, которому, наверное, и самому уже надоело моросить, а непроницаемо серое небо только усиливало тоску. Супруги, позавтракав, спешно убирали со стола, предлагая парням место для еды. Артем перекусил на вокзале, потому вежливо отказался, а Степан с удовольствием уселся на освободившееся место у окна, развернул свой сверток, достал из него хлеб, кусок сала с желтыми круглячками и соленые огурцы и стал аппетитно нарезать это все на матерчатой салфетке. В купе сразу запахло чесноком.

— Сало по-белорусски? — спросил Артем,— у них в городе такое продавалось на рынке, и он несколько раз покупал.

— Нет, украинское! — почему-то с некоторым задором ответил Степан и предложил, обращаясь ко всем соседям по купе: — Угощайтесь!

Все отказались по причине сытости, и Степан, отвернувшись к окну, стал быстро есть.

— А вы с Украины? — спросила женщина.— У меня сестра в Луганской области живет...

— Да, я *из* Украины,— жуя, ответил парень, делая ударение на предлоге.

— А откуда, если не секрет? — спросил муж женщины.

— Из Тернопольской области...

— А-а...

— В России на заработках? — в свою очередь спросил Артем.

— Был. Родители позвонили, что повестка пришла.

— Ну, и проигнорировал бы! Что, охота воевать?

— Охота! — ответил Степан, зло свернув глазами как-то поверх голов собеседников.

В купе наступила тишина. Парень закончил завтрак и, свернув остатки еды в пакет, сел на свое прежнее место у прохода.

Мужчина, которого звали Николаем, долгим и внимательным взглядом посмотрел вначале на жену Светлану, затем на Артема, но ничего не сказал. Артем же тоже понял, кто перед ним, но решил возразить.

— Значит, воевать хочешь? С кем же и за что?

— Как с кем? — С оккупантами, кто отжал наши земли и хочет отжать еще! — дернулся парень и уставился на Артема, сидевшего напротив.

— Ты сам-то не воевал еще?

— Нет.

— Значит, хочешь убивать... А знаешь, сколько ваши поубивали уже на Донбассе? Может, ты видел фотографии или тебе рассказывали?

— Это все пропаганда! Это ваши «гиви» и «моторолы» пришли и превратили восток моей страны в бойню! — Степан был явно не в себе, зрачки глаз его были сужены, плотно сжатые губы сильно побелели, а глаза — ну разве что не испускали молний.

— Ты ври, да не завирайся. Когда вы, прыгая на майдане, начали кричать свои: «москаляку на гиляку» и крушить все, хоть чем-то напоминавшее вам Россию, тогда еще никакой войны на Донбассе даже близко не было. И его в Сомали превратили вы сами! — твердо сказал Артем.

Степан задергался и так плотно сжал кулаки, что костяшки пальцев сильно побелели.

— Ты представь,— спокойно продолжал Артем,— что в твой родной Тернополь приехали вооруженные люди, под страхом расправы запретили тебе говорить на своем языке, запретили голосовать за тех, за кого ты хочешь, и стали во всем устанавливать свой порядок... Тебе это понравилось бы?

— Ты мне своей «ватой» рот не забивай! — парень вскочил и уже хотел было кинуться на оппонента, но тут Николай поднялся со своего места и своим грузным телом мягко встал между ними.

Степан с разбегу уперся в его широкую грудь, отодвинулся и, ожидая, видимо, что мужчина пройдет, продолжал стоять в боевой стойке. Но Николай никуда не шел, и тот, подергавшись, сел.

— Пойдем, выйдем,— обратился Николай к Артему.

Они вышли в тамбур. Дождя за окном поезда уже не было, выглянуло солнце и стало глядеться в капли влаги на стекле, играя в них всеми оттенками радуги.

— Не связывайся с ним, парень, ты же видишь, что он — «фонарь», да к тому же еще и неадекватен.

— Николай, но ведь слушать этот бред невозможно! Хорошо бы он это у себя на родине нес, а то здесь, у нас говорит и не смущается даже. Я бы посмотрел, что они сделают с нашим, говорящим там, у них, за Россию.

— А я в их «сало в шоколаде» вообще не заглядываю, своя психика дороже... Зато много общался с западными украинцами — их у нас много на стройках работает,— вот возле моего дома общага, где строители живут. Так они говорят, что, в отличие от части населения — таких, как этот Степан,— большинство хорошо или просто спокойно относятся к русским и к России. А в СМИ, конечно, только тупая хохлопропаганда, и больше ничего. Удивительно, но ее, во всей красе, допускают на наших телеканалах. Я же на эти телешоу и на их свидомитский бред тратить время не хочу.

— Я уже жалею, что связался с ним — пораженным «укропом головы». Пусть думает и говорит, что хочет.

— А ты куда, Артем, едешь?

— На Донбасс.

— В ополчение?

— Ну да!

— Будь с разговорами поосторожнее, тем более в Ростове — там у *них* рук много. Они ведь знают, что оттуда в основном переправляются ополченцы. Могут все что угодно с тобой сделать.

— Я понял, Николай.

— Вот и хорошо! А таким, как этот Степан, хоть кол на голове теши — свои «ще не вмерла» и «слава Украине» орать будут. Таким помочь может только доктор или сама жизнь. Может, попадет в ситуацию, когда мозги на место встанут...

— Это было бы полезно, и не только ему!

Вернувшись в купе, Артем достал из рюкзака книгу и погрузился в чтение. Так с перерывом на еду прошла оставшаяся часть дня. Ночь набегавшийся по предпоездковым хлопотам парень проспал на своей второй полке как убитый. Разбудил его голос проводника, объявившего о скором прибытии в Ростов.

С администратором группы, занимающейся доставкой добровольцев и грузов в Донбасс, Артем связался еще будучи дома, по Интернету. А прибыв в Ростов, он по телефону взял у него контакт координатора, непосредственно осуществляющего переправку. Тот сообщил, ехать можно уже на следующий день. Чтобы не тратиться, Артем решил переночевать на вокзале, из которого он, собственно, и не выходил.

Утром он проснулся раньше мобильника — звонил координатор, сказал, что необходимо скорее прибыть к парковке гипермаркета «Мега» на Аксайском проспекте. И Артем, пользуясь лучшим путеводителем — языком, быстро добрался до места сбора. Там уже стояли человек пятнадцать парней и мужчин в камуфляжной форме и с рюкзаками. Через несколько минут они погрузились в два автомобиля и, сопровождаемые ополченцем, отправились в сторону границы.

В машине Артема ехал один новгородец, капитан-пехотинец, брат которого 2-го мая сгорел заживо в Одессе в Доме Профсоюзов. А еще один парень, такой же, как и Артем, демобилизованный, отслуживший в ВМФ, рассказал, что на его решение сильно повлиял увиденный по ТВ видеоматериал о том, как в Мариуполе с ветеранов Великой Отечественной сдирали ордена и медали, обещая следующий раз содрать вместе с кожей...

У границы они увидели лагерь беженцев и идущих к нему по дороге людей. Это были уже прошедшие пункт пропуска. А на луганской стороне стояла большая очередь и колонна автомобилей почти на километр. Артем, увидев, что там были не только женщины и дети, но и много мужчин, был поражен. Он подумал: «А ведь вот они, дезертиры! Крепкие мужики, и сваливают. Тьфу!» — сплюнул он в приоткрытое окно. Но тут же вспомнил семью из Краматорска, что жила недалеко от его дома, и сдержал готовые вырваться наружу слова. «Видно, ситуация у всех разная...» — решил он.

Пересекли границу возле российского Донецка и поселка Изварино Луганской республики. Проблем никаких не возникло: беглый досмотр, проверка личных вещей, документов — на все ушло не более часа.

У пропускного пункта на территории ЛНР они получили оружие, но пока временно — для безопасности в пути: автоматы Калашникова, пистолеты, гранаты и бронежилеты. Однако у рядовых ополченцев есть явные проблемы с оружием и снаряжением, рассказывал сопровождающий. Применяются даже самозарядные карабины Симонова (СКС) 1949 года и уж давно, казалось бы, забытые автоматы ППШ. А с техникой еще хуже. И это при том, что украинские части на Донбассе по численности в четыре раза превосходят ополчение. Идет, конечно, и техника, и оружие, но нужно бы гораздо больше.

Группу предупредили: двигаться будем без остановок, при обстреле — выпрыгивать и — в заросли: уж какие попадутся, и они поехали дальше. Путь лежал от Краснодона, через Шахтерск и до Донецка по разбитой дороге, поэтому ехали достаточно медленно. По пути они увидели несколько женщин в форме и с автоматами, и Артем все же с неприязнью подумал о мужчинах в толпе беженцев. Сопровождающий сказал — ввиду действия диверсионных отрядов — по Донецку ходить не менее чем по трое.

На зданиях и даже частных домах висели флаги Новороссии, ДНР и ЛНР, России и даже СССР. Часто попадалась уничтоженная техника, разрушенные здания... Шахтерск, на окраинах которого еще шли бои, выглядел как Сталинград в 1942-м году.

В Донецке, остановившись на одной из баз ополченцев, передали коменданту свои данные для внесения в компьютерную базу. Там же, по согласованию со Стрелковым, началось распределение добровольцев по отрядам. Как потом Артем узнал из разговоров, у каждого подразделения есть своя специфика, определенная самостоятельность и привязка к территории.

Отряд, куда попал Артем 20-го октября, после обороны от атак ВСУ со стороны Песков, хорошо проявил себя в длительной осаде Донецкого аэропорта. Когда она началась, он только собирался пойти к Кириллу, чтобы узнать, как попасть в добровольцы. С погодой ему, не привыкшему жить долгое время в продуваемых всеми ветрами помещениях и на природе, повезло. Стояла осенняя, но не такая, как в средней полосе России, более теплая погода. Однако ночью спасались спальными мешками.

Артем вспоминал на добром слове знакомого с его советом купить ботинки и хорошие носки, а то бы измучился и ноги покалечил в сапогах — портянки он мотать не умел. В отряде был деревенский парнишка, которого отец научил хорошо мотать их. Быть может, если бы он умел, то попробовал и сапоги, но от добра добра не ищут, поэтому с ногами у него все было в порядке. С питанием тоже было нормально для войны — голод не испытывали, несмотря на то, что приходилось пару раз и одними галетами обойтись, после боевых действий можно было и подкупить кое-что. Кухня в отряде работала — был повар с двумя помощниками, на «базе» был водопровод. Сюда же, на терминал — на «боевую» — воду взяли с собой в бидонах, а пищу готовили на перевозной печке (в «поле» же и на костре можно). Только плохо, что на базе не было горячей воды, и мыться было не в удовольствие. А уже была поздняя осень, и зима катила в глаза. Пользовались влажными салфетками, одежду же им стирали местные, за отдельную плату, конечно. А вот с медицинской службой дело было так. Среди ополченцев оказался фельдшер — именно оказался, так как специальной единицы такой не было. Да еще пару санитаров из своей среды выдвинули, как говорится, без отрыва от основной службы, фельдшер их обучил оказанию первой медпомощи и использованию лекарств, которых было достаточно. Индивидуальные пакеты и аптечки — это святое, они были у всех.

(Продолжение следует)

Владислава Васильева
(г. Узловая, Тульская область)

ВЕРОЧКА

Родилась в 1971 году в городе Узловая Тульской области. Победитель конкурса литературной премии «Ясная Поляна» на лучшую рецензию к книге из списка номинации «Иностранная литература» (2017 г). Победитель V областного слета молодых литераторов Тульской области (2017 г) в номинации «Проза».

Верочка решительно надвинула поглубже красную шляпу с большими полями и зашагала волнующей походкой. Получалось хорошо, только спина сразу устала. Идти надо было как по ниточке, при этом покачивать бедрами и чтобы юбка так... р-раз влево, р-раз вправо, а потом завивалась вокруг коленок. Еще и туфли на каблуке с ремешками, это просто йога какая-то после привычных кроссовок. Верочка надеялась, что хотя бы глаза из-под полей шляпы сверкают соблазнительно. Но, после вчерашнего вечера, надежды было не много.

Двадцать три года жизни прожито как попало! Не ставила перед собой цели — раз. Не ухаживала за своей красотой — два. Не пользовалась древней женской магией — три. А все норовила валяться на диване и читать книжки про сыщиков. Только сыщик с седыми висками был красив, богат, умен и в книжке, а она... да, что говорить! Но вчера привычный ход вещей нарушился.

Когда утром на работе она привычно шуршала входящими-исходящими в своем углу, в кабинет проскользнула завхоз Тамара Михайловна, вся в красных пятнах от волнения и, припав к широкой спине начальницы канцелярии, зашептала ей в ухо страшным шепотом, который был отчетливо слышен даже за дальним столом. Ужас, кошмар, у директрисы в кабинете завял последний букет живых цветов, а уборщица, совершенно безответственная дура, не привезла с дачи новый. И теперь надо скидываться на магазинный букет, и быстрее, либо — конец света! — ставить на стол горшок с цветущей фиалкой. Фиалкой! Могучая спина не реагировала, но, дождавшись, когда шепот был уже готов перейти в истерику, наконец-то повернулась. Начальница канцелярии милейшая Валерия Николаевна наслаждалась паникой на корабле. И только дав отчаянию несчастной дойти нужной точки, согласилась взять на себя переговоры с директрисой о размещении — только на один день! — горшка с фиалкой на первом столе учреждения.

— Не знаю, не знаю, Тамара Михайловна, что вы будете делать! Прямо дети малые без меня. И та еще, бестолковая, как можно было букет не привезти! Уж казалось бы не первый год работает... В чем дело, ты куда, Вера? Вера!

С Верой как раз в этот момент и произошло неприятное событие. Ее попросту стошнило, она едва успела добежать до туалета и благо еще, что тот оказался незапертым. Ополаскивая руки и лицо холодной водой, она меланхолично думала, что ей

ведь почти удалось. Почти. Она получила нормальную работу, многие даже и завидовали. Она продержалась целое слишком жаркое лето. Несмотря на запахи котлет и копченых сосисок, лопающихся в микроволновке в обеденный перерыв. Не смотря на духоту и заклеенные скотчем форточки. Несмотря на... в общем, какая разница, что именно она вынесла, если сейчас она стоит с мокрым лицом в туалете и не может заставить себя пойти назад в кабинет.

Но пойти, конечно, пришлось. Коллеги сидели с пытливыми лицами, Тамара Михайловна на всякий случай даже с осуждающим, а Валерия Николаевна, как капитан пиратского судна, встречала Верочку скрестив руки на груди:

— Что это, Вера,— начала она как бы ласково, но с некоторой особой интонацией, сулившей допрос с пристрастием,— что-то съела ты или как? Может кефир несвежий на завтрак попила?

— Нет, все нормально,— пискнула Вера.

— Значит, беременная,— заключила Валерия Николаевна.— И ведь только взяли! Она уже и беременная. Да, точно вам говорю, наверняка, и устраивалась уже в положении. Всех обманула! Понаберут таких-то, а они потом в декрет. Да хорошо еще до декрета бы доработала, а то заляжет на больничный. А я предупреждала! Говорила! А наша мне: «Она не замужем»! Наивная.

«Нашей» Валерия Николаевна называла директрису, близостью с которой чрезвычайно гордилась, и каждый обед с энтузиазмом сервировала стол для совместных обедов в директорской подсобке.

— Чтоб никаких мне больничных! — приказала она Верочке, и тут же повернулась к Тамаре Михайловне: — Что за молодежь, ну лишь бы не работать!

Тамара Михайловна тут же поджала губы, выражая отношение честного работника к «таким-то». Вера хоть и была уверена, что не беременна, но... но вдруг? Вдруг они правы? Вон ведь как все сходится у них. Действительно, и пришла на работу недавно, и тошнило в туалете, и не замужем она. Она посмотрела на Валерию Николаевну почти с испугом:

— А можно мне... за свой счет? День... два. Два можно?

— На учет встать? — догадалась многоопытная начальница,— ну, пиши заявление на два дня. Подпишу сама у нашей. Иди сейчас прямо! Считай, сегодня не приходила. Сегодняшний день тебе и пятница на обход врачей. В понедельник, чтоб как штык на работе. Поняла?

— Да, да, конечно,— слабым голосом отозвалась Верочка, сгребая в сумку ручку, карандаш, блокнот, все, что не хотела оставлять на работе. — До понедельника.

Но ни к какому врачу, она, разумеется, не пошла. Вместо этого она набрала телефон Фаины и коротко рассказала о том, что у нее есть два свободных дня, и два выходных, и большое желание больше никогда-никогда не приходить на работу. А вопрос заключается только в одном — белое или розовое брать.

— Бери обе две! — распорядилась Фаина.— А грейпфруты не бери, у меня есть. Курицу главное не забудь, а я картошку пошла чистить.

Когда лучшая подруга велит взять курицу и сообщает, что уже начала чистить картошку, становится понятно, что парочкой мартини дело не ограничится, и Верочка проявила разумную предусмотрительность, чтоб потом два раза не бегать. Сумки разом потяжелели, зато весело позвякивали, и к Фаине Верочка пришла уже почти выздоровевшая.

— Витюня? — встретила ее Фаина, уперев руки в бока. Сегодня на ней было рекордное количество браслетов, цепочек и еще каких-то штук, название которых Верочка никак не могла запомнить. Практичная Фаина была в своем любимом балахоне, который вообще-то был домашней одеждой, но в случае внезапного приключения (кто знает, как сложится вечер?) мог сойти и за платье.

Верочка только фыркнула. «Витюня»! Тоже, скажет глупость какую-то. Витюня был ее старым любовником. Вообще-то не таким уж старым, всего на пятнадцать лет старше, но вспоминая о нем, она мысленно называла его только так. Это было выражение сродни выражению «старая сумка». Что-то надоевшее, чем пользуешься неохотно, хочешь поменять на новое, но пока ленишься... А вот выражение «старые джинсы» не подошло бы, думала Верочка, старые джинсы вещь любимая. Отношения с Витюней Верочку не то чтобы устраивали, но как-то не мешали. Немного раздражала его манера разговаривать — ласково, до сюсюканья, а так ничего. Она даже притерпелась к его вечным хвастливым рассказам о своих мужских победах, думая обычно в такие моменты о своем. «Тебе от меня только одного и надо!»,— обижался Витюня. «Это уже немало»,— рассеяно отвечала Верочка. Иногда ей казалось, что только ее равнодушие до сих пор держит Витюню рядом с ней, а впрочем, какая разница?

— Эй, очнись! — крикнула из кухни Фаина.— Курицу пожарить или запечь? От чего тебя не тошнит, подруга?

Пришлось объяснять про работу. Что чувствует какое-то совершенно дикое, лесное одиночество. Что ей уже не раз говорили, что она странная. И что сегодня ей от всего этого стало так тоскливо, что вот... Организм выдал такую странную — опять «странную»! — реакцию.

— Ну? И что? Будем искать тебе другую работу? — деловито закусывая грейпфрутом, спросила Фаина.

«Все-то у нее запросто»,— засомневалась Верочка. Проблема была в том, что она и правда ощущала себя странной. А ведь от себя не убежишь. Говорят, твоя проблема пойдет вслед за тобой. Боже, как это все грустно...

— Давай напьемся для начала,— сказала Верочка,— как там картошка, сварилась?

И они напились. И Вере стало хорошо от мартини, и картошки, и курицы, она смеялась, изображая в лицах то завхоза, то широкоспиную Валерию. От работы плавно перешли на мужчин и тут уж совсем хохотали до слез над Витюней и над Фаиниными приятелями. В отличие от Веры Фаина предпочитала молодых. Относилась к ним как к породистым жеребятам, но уж и дрессировала их соответственно. «Иногда думаю,— говорила Фаина,— Не купить ли мне ботфорты по самую попу и хлыст? То-то радости будет. Но с выбраковкой хлопот много. Пока подберешь себе чемпиона...». Вера уже даже смеяться не могла.

— А если серьезно,— сказала Фаина,— тебе надо найти свою судьбу.

Учитывая, что «судьбой» Фаина обычно называла всех своих парней, так и говорила «судьба № 1», «судьба № 2», в воздухе запахло чем-то тоскливым, вроде сайтов знакомств.

— Зачем? — уперлась Вера.— Это что-то из твоих штучек?

— Это реально работает! — горячо заговорила Фаина.— Я теперь так всегда делаю, и во всем! И своего последнего так нашла, и одежду так покупаю. Надо только слушать себя,— и она торжественно положила руку на грудь,— быть готовой ко всему. Жить надо так, чтоб тошнило не от скуки, подруга!

Так и получилось, что сегодня Вера вышла из дома, наряженная в парадные туфли, купленные еще на выпускной, и в Фаинину шляпу. Правда, с тяжелой головой после вчерашнего. Зато в этой тяжелой голове было пусто-пусто, прямо-таки идеальные условия для развития интуиции. И не успела она отойти и нескольких метров от дома, как на ближайшей же помойке ей встретился трехцветный котенок. Он громко мяукал, призывая то ли мамку, то ли ее, Верочку. В растерянности Вера опустилась на корточки и начала его гладить. Тельце у котенка было мелкое, худое, косточки

легко прощупывались, а голос громкий, пронзительный. Неужели надо его взять? Трехцветный, все-таки. Говорят, они счастье приносят. «Это все? — подумала она.— Можно идти домой, судьба уже нашла меня? Это значит, что быть мне старой девой и жить с кошками. Господи, я не готова!»

— Ты, что ль, Верк? — раздался сзади едкий голос.

Вера обернулась. Соседка тетя Тоня стояла с мусорным пакетом и глядела на нее во все глаза.

— Кошек уже подбираешь? А шляпу-то, глянь, нацепила. Будешь, как твоя мать, всю жизнь кошек помоечных кормить! Ох, и странная ты, девка!

И тут Вера разозлилась. Злость она ощутила как прилив адреналина и впервые в жизни поняла до чего ж это приятно. Сузив глаза, она почти пропела:

— Здрасте, теть Тонь! А я никак Настю вашу вчера видела? В гости, наверное, приехала? По родному дому соскучилась? И как только муж отпустил.

Пару дней назад Верочкина мама принесла со двора новость: Тонина дочь, которую с трудом удалось пристроить замуж, и Тоня даже бегала свечку ставить на радостях, вернулась из замужа домой. Муж, хоть и валенок, а терпеть ехидну не захотел и вернул сокровище теще. Настя, привыкшая добиваться всего скандалами, обозлилась почему-то на мать. И Тоне теперь надо было либо дальше лелеять свою принцессу, либо искать другого принца.

— Не твое дело! За собой смотри, кобыла! — плюнула Тоня и, быстро выкинув пакет, заторопилась в сторону магазина.

На душе у Веры запели птички, оказалось, что немного зубастости в жизни не помешает. И как прекрасно тонизирует! Она посмеялась немного над своим только что придуманным каламбуром («Тоня — тонизирует»), и, прибавив шаг, вышла, наконец, на ближайшую улицу. Охота за счастьем началась.

Значит, как там вчера Фаина ее учила? Так... первая встречная машина красная. Надо искать большое красное. Ага. Вот. Большая красная вывеска магазина. Так, и что? Режим работы до двадцати ноль-ноль. Хм... ну, давай, что ли поищем на какой-нибудь машине номерной знак с двадцаткой. И проследим куда она направляется... Как пить хочется! Надо зайти в магазинчик. «Девушка, бутылку воды без газа, маленькую!». А на бейджике-то у нее «Светлана». Я где-то видела магазин с таким названием. Или это была парикмахерская?

К обеду ноги буквально отваливались, Вера чувствовала себя русалочкой, добровольно согласившейся на пытку ради любимого. Из побочных эффектов поиска имелись две пачки чипсов, бутылка пива, свежий маникюр, и пачка сигарет. А судьба все не находилась.

Вера бы и бросила давно это занятие, но воспоминание о работе заставляло ее идти до конца. Нет. Назад пути нет. Иначе, не вылезать ей из служебного туалета до конца дней, хроническая интоксикация организма обеспечена.

Что ж, если нельзя вернуться, можно хотя бы отдохнуть, и Вера свернула в парк. Хорошо как, пусто в парке. Спортсмены, бегающие по дорожкам, уже отзанимались, шумные дети уведены мамками на обед, а молодежь, наверное, еще и не проснулась.

«Я здесь почти одна»,— подумала Вера, блаженно вытягивая ноги, и подставляя лицо холодноватому, августовскому солнцу. Небо сегодня было синее-синее, каким оно бывает исключительно в конце лета, в тени под деревьями уже скапливался за ночь холод и расползался потом по всему парку деревенской свежестью. Пахло уставшей травой, землей и даже опавшими листьями. Вера достала из сумки пиво, шуршащий пакет чипсов, немного повозилась, все это открывая, и принялась обедать. Вкус ее обеда напоминал счастливую пору бестолковой юности, когда они с Фаиной бегали в этот парк тусить. И этот холодок, и яркое небо, и вкус пива и глю-

томатные эти чипсы, ну какое же было тогда счастье! И все казалось еще впереди, надо только дождаться будущего. Кто ж знал тогда, что в будущем ее ждут входящие-исходящие... Нет-нет, эту мысль надо отогнать прочь. Не сегодня. Лучше еще чипсинку. Еще глоточек. М-м-м, блаженство.

Внезапный грохот рядом со скамейкой заставил Веру буквально подпрыгнуть. Молодой человек в белой футболке и черном плаще уронил рядом с ней странный деревянный ящик, с приделанными к нему металлическими ножками. Что за грохот. Ой, да это же мольберт. Вера не знала, что в городе есть художники. Детей с мольбертами видела, а взрослых нет. Она повнимательней присмотрелась к парню. Одет интересно. Наверное, было бы даже стильно, если бы одежда не была такой потрепанной. Старенькие джинсы, футболка немного растянута, плащ, кажется, вообще с чужого плеча. Но все чистое. Она перевела взгляд на его сокрушенное лицо. Он рассматривал отвалившуюся от мольберта ногу...

— Четвертый раз! Скоро уже нельзя будет починить, если я и дальше так буду ронять.— Его по-детски пухлые губы надулись от досады, а на щеках выступил густой румянец. И только кудрявая прядь, упавшая ему на лоб выглядела веселой. «Как у козленка из мультика»,— подумала Вера.— «Ну, совсем ребенок!» — умилилась она, и тут же разозлилась на себя. «Ребенок вполне взрослый, а я скоро паутиной покроюсь, если буду всех молодых людей сравнивать с Витюней. Это он старый, а...».

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Борис.

«...а козленок Борька как раз мне подходит»,— мысленно закончила она и улыбнулась кудрявому художнику. Молодой человек явно приободрился, разглядывая ее шляпу.

— А я Вера, очень приятно познакомиться. Вы писали тут картину?

— Я начал пейзаж,— признался Борис,— но когда я буду его заканчивать, уже вовсю будут жечь листья...

— А это что-то меняет?

— А как же! Я хотел, чтобы глядя на мою картину вы бы прямо чувствовали этот запах костра из осенних листьев. Но как его передать?

Вера задумалась.

— Наверное, дым... и он меняет цвет неба, хм, но не везде, а только местами. Например, тут будет синее-синее, и золотые кроны, а тут костер и дым поднимается и он такого цвета...

— Вот-вот,— обрадовался Борис,— какого? И давай на «ты», да?

— Цвета перца с солью. Давай на «ты».

— М-м-м,— помычал Борис задумчиво,— это как приправа?

— Ну, или как окрас у собак. Или как седина, когда она только начинается.

— Над этим надо подумать,— серьезно сказал Борис,— ну и раз уж я тебя напугал, можно угостить тебя кофе?

— И где мы его будем пить? — засмеялась Вера, или у тебя там, в мольберте, термос есть?

— Зачем же, тут есть прекрасное кафе, разве ты не знала? — и повел Веру в один из домов, прилегающих к парку, где в полуподвальном помещении действительно расположилось маленькое кафе на три столика. Вера с удивлением разглядывала стены, покрашенные серой краской, сколоченные из досок столы и скамейки, покрытые прозрачным лаком. Красиво. В углу было маленькое пространство бара, где скучал за книжкой молодой бармен в черной футболке. Борис молча ткнул пальцем в строчку «кофе» и показал бармену два пальца. Уселись за столик под окном. Из окна были видны кусты, кусочек небо, несколько раз чьи-то кроссовки пробежали мимо окна, потом процокали лодочки и Вера сказала:

— Здесь как в мастерской Мастера, когда он каждый вечер ждал свою Маргариту, а она прибегала и стучала ему туфелькой в окно, помнишь?

Этот вопрос был проверкой. Люди, которые не знали про Мастера и его Маргариту, Веру не интересовали в принципе, такое у нее было правило.

— Мастер это тоже художник? А, нет, здесь глухонемые кафе открыли, для своих. У меня просто сосед друг детства, ну и не возражают, когда я прихожу. Правда, всегда один приходил. Но, думаю, они не против, разве им жалко, когда девушка красивая? — козленок Боря смотрел на нее нежно и с восхищением из под кучерявой челки.

Дзынь! Звякнула кофемашина. Но Вере в этом коротком дзыньканье послышался звук оборвавшейся нити, за которую был привязан воздушный шарик. Голубой воздушный шарик, привязанный к ее макушке и наполненный с правилами, интеллигентностью, самомнением и прочей ерундой. Стало так легко-легко, будто это был не шарик, а пудовая гиря на ноге, и еще почему-то стало смешно... Она сидит в фантастическом месте, о котором ничего раньше не знала, она пьет кофе, напротив сидит красивый юноша, который смотрит ласково и явно хочет более близкого знакомства. Какого черта, а? Какой Мастер? Какая Маргарита? Если не сейчас, если не с этим молодым художником, то где она? Да, может быть, это судьба, права была Фаина.

К вечеру Вера и Борис, веселые и наболтавшиеся вволю, пришли к нему домой. Ему непременно захотелось показать свой дом. И он водил ее по комнатам, прижимая к себе все более ласково и настойчиво. «А вот тут была комната деда. Сначала моя раскладушка стояла рядом с его кроватью, а потом он выделил мне целую отдельную комнату. А тут была наша мастерская. Вот тут стоял дедов мольберт, а у того окна мой, маленький. Дед грунтовал мне холсты, покупал краски, он всерьез готовил меня в великие художники. Что? Нет, он умер прошлой весной. Мать жива, но... мы не видимся, мы не очень интересны друг другу. Вот. Посмотри, это картины деда, а это мои. Не смейся, это я рисовал еще в первом классе. Между прочим, дед сказал, что для первого класса очень неплохо. А вот тут фотографии деда и бабушки, она умерла и потом он больше не женился. А вот тут наш с дедом тайник, хочешь сладкой наливки? Мы делали сами из вишни. Есть еще из смородины и клубники, ты что хочешь? Иди ко мне, какие у тебя сладкие губы, это от клубники. Всегда буду поить тебя клубничной наливкой».

Вера чувствовала себя счастливой, доброй и пьяной. Это было так хорошо! Жаль, что нельзя было прожить так всю жизнь. Ей стало казаться, что Борис превратился в большого ласкового котенка, который мурлычет и трется о ее ноги своей шелковой спинкой. Ах, да у него на самом деле совершенно шелковая кожа, и похоже он на самом деле мурлычет. Иди сюда, я почешу тебя за ушком! Ах, ты ко-о-отичка...

Проснулась она очень рано. Так на нее действовал алкоголь. Проснулась и засмеялась. Что-то вчера случилось важное. Повернув голову, она увидела своего художника, сладко спавшего на пышной пуховой подушке. Наверное, тоже дедушкино наследство. Протянула руку и провела слегка по щеке. Ну, точно, шелковый. За ночь не отросла щетина? Совсем птенец. Она полежала, вглядываясь в незнакомые черты, пока холодок не начал пробираться мурашками по шее. Раньше таких приключений у нее не было и ей чуть было не стало неудобно. Она украдкой глянула в телефон. Несколько непринятых вызовов от Фаины. Вера знала, что сейчас сказала бы Фаина. Как девушка прагматичная, она сказала бы: «Во-первых, успокойся. Ну, случайный секс, с кем не бывает. Во-вторых, руки в ноги и беги, пока не проснулся. Ты понимаешь, что он может оказаться кем угодно? Наркоманом, извращенцем, бандитом, больным, да мало ли кем? Господи, хоть одну на улицу не выпускай. То от Витюни не можем избавиться, то понесло ее по кочкам».

Чтобы дать достойный отпор воображаемой Фаине, Вера перестала ее слушать и встала с постели. «Кто сказал, что секс еще не повод для знакомства? Нет, дорогуша, ты сама отправила меня искать судьбу. Вот и поглядим, что он скажет, когда проснется. О-бя-за-тель-но познакомлюсь!» — Вера даже разозлилась на Фаину в своей голове. Побыстрее накинула футболку своего... ммм... своего... ладно, не важно. Борину футболку она надела и пошла в поисках ванной комнаты и кухни.

Со всеми процедурами уложилась в пятнадцать минут. Как бы она ни храбрилась перед самой собой, но занимать надолго ванную в чужом доме она не рискнула. Умытая и причесанная, Вера уселась возле окна с чашкой крепкого чая и мысли потекли более приятным образом. «А может быть и не ругалась бы Фаина. Ведь мы договорились искать судьбу, значит, готовы к риску, верно? Думаю, она сейчас сказала бы: дорогая, пока он спит, осмотрись как следует, проверь — куда ты попала»,— и Вера улыбнулась заговорщической улыбкой рисковой девчонки. Немного правда царапала мысль, что после двух чашек кофе, стакана клубничной наливочки и обоюдоприятного секса, ее случайный любовник сладко сопит в подушку, а она терпеливо ждет, когда он проснется, чтобы узнать... что? Понравилось ли ему? Будет ли он с ней встречаться? Была ли она достаточно хороша, чтобы он не пожалел о вчерашнем вечере? Почувствовав, что начинает злиться, Вера встала и решительно осмотрелась.

Воздух в доме немного отдавал печкой, интересно, как давно ее топили. Маленькие окна пропускали совсем мало света, под окном разрослись кусты жасмина. Как же он пишет тут картины? И где они, кстати, где его желтый деревянный мольберт с отломанной ногой? Где запах краски? Вера осторожно ступала босыми ногами по крашенным доскам пола, опасаясь, что они заскрипят.

Маленькая дверь, обитая голубой клеенкой, со старой металлической ручкой в виде скобки вдруг привлекла ее внимание. Вроде бы вход в дом с другой стороны, так куда ведет эта дверь? В кино часто показывали дома с задней дверью, ведущей в сад, но это было зарубежное кино. Вера осторожно коснулась стальной ручки... Вибрация телефона заставила ее подпрыгнуть. Сердце заколотилось. «Фаина» высветилось на экране.

— Не мешай мне! — зашипела Вера в трубку.— Что названиваешь? Потом! Я сказала, потом! Да, нормально все, отстань!

Когда Фаина, наконец, удостоверилась, что ее подруга жива-здорова, Вера открыла таинственную дверь, и оказалась на старой, светлой террасе. Большой, выходящей высокими, до потолка, решетчатыми окнами, на запущенный сад и низкий покосившийся забор. А дальше поля и поля, и землисто-желтые кроны тополей в посадках и пруд. Работы Бориса и его деда хранились на террасе. Загрунтованные холсты в углу, готовые картины на стенах и на полках этажерки. Тюбики краски повсюду, россыпи карандашей на столе, кисти в банках с вонючим растворителем, палитры. Вера взяла одну кисть и попробовала, набрав на нее краски из тюбика, нанести на холст. Она думала, что получится сочный золотистый мазок, но на поверхности холста остались лишь какие-то желтые царапины. Везде свои хитрости, так просто не порисуешь. Вера засунула кисть обратно в банку и взяла с подоконника большую грушу. Откусила, приготовясь вытирать с подбородка сок. Но мякоть была плотной, медово-сладкой. Сок тек по зубам, когда она раздавливала ими грушу, аромат заполнял рот, вился вокруг ноздрей, напоминал то ли о рае, то ли о счастливом детсадовском детстве. Кажется, она немного испачкала нос. Вера взяла со стола тряпку, казавшуюся чистой, чтобы вытереть лицо, и обнаружила под нею старенький трогательный акварельный набор. Наверное, еще от дедушки остался. Каждая краска была в отдельном прозрачном кирпичике, а на ветхой голубой коробке золотистые буквы и ярко-красный кружок с таинственным знаком. Краски назывались «Ленинград», ка-

кое милое, забытое слово. Мама иногда так называет нынешний Питер, когда смотрит новости. «Вера, ты только послушай, какая в Ленинграде погода...».

Вера положила надкушенную грушу в большую керамическую миску, стоявшую тут же. Борис, наверное, использовал ее для натюрмортов. Подумав, добавила к груше еще две, целых. В груде всякого хлама на столе нашла кусок белой плотной бумаги подходящего размера. Затем она вернулась к двери и, приоткрыв ее, послушала, не проснулся ли хозяин? Нет, абсолютная тишина. Спит богатырским сном. И, закрыв поплотней дверь, Вера уселась рисовать.

Она задумчиво рассматривала белый лист. И ей начинало казаться, что она видит картину, готовую проступить на листе. Тонкими-тонкими штрихами, с помощью острого карандаша, оставляющего едва заметные серые линии, она рисовала очертания гладкой миски, старой деревянной рамы, далекий пруд. Груши легли толстыми налитыми боками, и стало видно, какие они тяжелые. Потом Вера придвинула к себе корытца ленинградской акварели и палитру. Груши желтые, миска синяя, рама коричневая. Поле зеленое, пруд серебристый, небо синее. Так. Все понятно. Но неожиданно для самой Веры в грушах вдруг проступил нежный розовый румянец, и она послушно нанесла это на бумагу, в синей миске вспыхнули алые блики. Вера удивилась, но и тут не стала спорить. А потом вдруг увидела все разом. Рамы оказались сиреневыми, она так их и рисовала, пруд прикинулся тонкой белой полоской, зелень полей переходила в желтизну, а груши с самого спелого боку вдруг покрылись коричневыми точками, как гречишный мед.

Вера мазала, тыкала, штриховала, щедро зачерпывала и смело мешала цвета. Несколько раз на цыпочках бегала менять воду, молясь, чтоб хозяин не проснулся. Перерыла всю мастерскую в поисках подходящих для палитры обрывков бумаги, они у нее быстро заканчивались. Чем дальше продвигалась работа, тем медленней и осторожней приближалась кисточка к картине. Вера стала отходить к дальней стене и оттуда смотреть, прищурившись. Потом подходила, вдумчиво смешивала на палитре новый оттенок и делала всего одно легкое касание. Одну точку нужного оттенка. И снова отходила смотреть и думать.

Наконец наступил момент, когда она больше не смогла прикоснуться кисточкой к бумаге.

Быстро, почти торопясь, Вера вытащила из груды хлама в углу фанерку нужного размера и приколола к нему кнопками свой рисунок. Немного наклонила фанерку. В одну сторону, в другую. Краска не текла. Тогда Вера вынесла фанерку в коридор, пристроила ее на какой-то стол, торопливо разыскала свою одежду, набрала номер такси. Вернулась, посмотрела на сладко спящего юношу. Борис повернулся во сне на другой бок, вздохнул и зарылся в подушку. Ну, разве он виноват в том, что она не может вести себя как нормальная девушка? Разбудить поцелуем, завтрак в постель, то-се... Вера быстро написала свой номер телефона на бумажке и положила записку на тумбочку рядом с ним. Если захочет, позвонит.

Ждала на улице, обхватив себя руками в утреннем холоде и любуясь, как уличный свет по-новому освещает ее рисунок. Но что-то все равно скребло на душе, что-то было не так. На забор вспрыгнула трехцветная кошка и стала умываться, тщательно терла лапкой заспанную физиономию. Какие же все-таки уютные эти кошки! Они терпят хозяина, иногда дают себя погладить, иногда требуют ласки. Когда такси уже подъехало, Вера аккуратно пристроила картину на заднем сиденье, проверяя, надежно ли, не свалится ли, не дай бог. И, уже садясь в машину, вдруг попросила подождать минуточку. Быстро вернулась в дом. На цыпочках, стараясь не дышать, тихо-тихо вошла в спальню, схватила с тумбочки записку с номером, сунула в карман, и вышла, не оглядываясь.

Когда отъезжали от дома, опять завибрировал телефон. Вера в задумчивости поднесла трубку к уху:

— Да? — ей не хотелось разговаривать.— Да. Что и искала, то и нашла. Не сейчас. Я тебе перезвоню.

И она села вполоборота, чтобы разглядывать то, что жило теперь на бумаге: низенький забор, дальний лес, пруд и тяжелые спелые груши на подоконнике.

В тот же день Веру видели в магазине, покупающей краски, кисти и специальную бумагу для акварели. В понедельник она отнесла на работу заявление об увольнении и позвонила Фаине:

— Привет! Ты знаешь, я решила завести котенка. Здесь у нас во дворе бегал один, трехцветный.

Константин Емельянов
(Александрия, штат Вирджиния, США)

ДОРОЖНАЯ ЯРОСТЬ

Константин Емельянов родился в г. Алматы (тогда еще Алма-Ата), в Казахстане в 1966 году. Окончил факультет журналистики казахского университета, работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году. Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «Бельские просторы», «Северо-Муйские огни», «Новый континент» и других печатных и интернетовских англо- и русскоязычных изданий США, Германии, России, Казахстана и Индии.

— Какого?..

Огромный грузовик, громыхая чем-то железным внутри, вдруг резко вильнул в мою сторону. Игнорируя такие мелочи, как включение поворотника или других традиционных выражений намерений. Водитель грузовика, пожилой, но еще крепкий мужик, выставил «птицу» (вытянутый средний палец) в моем направлении. Потом он исчез в потоке удаляющихся автомобилей, победно просигналив на прощание.

«Ярость — плохой советчик в налаживании диалогов» — вспомнил я фразу из какого-то журнала. С грузовиками, действительно, лучше не связываться. Во-первых, они больше и тяжелее и просто выкинут тебя за линию, если будешь возникать. Во-вторых, грузовик, скорее всего, принадлежит не водителю, а компании. Так что вину за аварию всегда можно спихнуть на кого-нибудь другого.

С трясущимися руками я еще долго сидел, собираясь с духом, на «боковушке» — обочине трассы, соединяющей все Восточное побережье страны.

В сущности, на всех дорогах ежедневно идет война, в которой выживают сильнейшие и наглейшие. В обычной жизни вежливые люди превращаются в кровожадных монстров садясь за баранку. В лучшем случае тебя обматерят, если попался им на пути. В худшем...

Еще была на слуху история, как полицейский, возвращаясь домой со службы, пристрелил водителя, с которым не поделил дорогу. Его действия не были актом самообороны или несчастным случаем. Нет, он специально гнался за обидчиком до ближайшего торгового центра. Где и наказал наглеца, хладнокровно пристрелив того в собственном авто.

Хоть я и не полицейский, но оружие у меня — легально купленное и зарегистрированное. Я живу неподалеку от штаб-квартиры американской Национальной Оружейной Ассоциации. Если чем и знаменит наш штат, так это тем, что здесь практически каждый носит «пушку». А купил «бульдог» — Смит и Вессон, 38 калибра, с укороченным дулом — я года два назад. В тире, куда ходил стрелять по воскресеньям. И цена неплохая, и револьвер на редкость удобный, не тяжелый. Вот только жена наотрез отказалась позволить мне хранить оружие дома. Даже в сейфе. Уперлась и все!

— Стивен, у нас дети,— сказала она, поджав губы.

Из-за чертовой бабы я постоянно таскаю револьвер с собой, оставляя его в бардачке вместе с коробкой патронов. Не скажу, что покупка оружия сделала меня суперменом, хотя и стало как-то спокойнее. В принципе, я человек не кровожадный. Хотя, та же Карен постоянно талдычит, что моя пассивная, «тихая» агрессия во сто раз хуже. Если бы я просто выкричался, швырнул что-нибудь об стену, ей, наверное, было бы легче. Вместо этого я тихо замыкаюсь в себе, перестаю разговаривать и часами стреляю из револьвера в тире. Что поделаешь, характер.

* * *

В свои 58 я езжу со средней скоростью не менее ста миль в час. Изучил все окрестные дороги в радиусе пятидесяти миль от собственного дома. Могу предсказать, где случится пробка на дороге и как из нее выбраться. Сдержанные манеры нередко позволяли мне выглядеть в более выгодном свете на фоне дерущихся оппонентов. В моей «коллекции» есть неподвижные (в виде пистолета) и дрожащие от ярости «птицы». Или «я не смотрю на тебя, чувак, но ты очень действуешь мне на нервы» — знаки внимания. Не то чтобы я искал себе приключений, когда за рулем. Скорее, они меня находят. Я уже молчу о плевках или попытках выплеснуть горячий кофе на лобовое стекло или голову. Большинство «сражений» произошло именно в летнее время и не по моей вине. Я серьезно допускаю, что на поведение людей на дорогах влияют погода, атмосфера и прочие природные факторы. За несколько лет я уступил считанные разы, да и то явным психам. Как тому, что ждал, не выключая мотор, когда же я выйду из Макдональдса.

Как-то ночью я возвращался по опустевшей трассе. Попались на пути какие-то балбесы, лет шестнадцати. Наверное, просто взяли родительскую машину без разрешения. Ну и катались бы себе, да только задумали они ослеплять проезжающие машины чем-то вроде лазерного прицела, что может вызвать шок, замешательство и привести к аварии. Когда вдруг по глазам пробежал красный луч, ощущение было как будто оказался на «мушке» лазерного пистолета. Я сначала не понял, а потом увидел юных дураков в идущей впереди машине. Времени в тот вечер было достаточно. Бензина тоже хватало, вот я и решил немножко поучить уму-разуму. В течение часа я висел у них на «хвосте», преследуя и ослепляя огнями дальнего видения. Согнал с шоссе в город, потом опять на шоссе и на какую-то сельскую дорогу. Хотя и без особой злости. Просто было смешно представлять, как они вопят и плачут от страха. В полицию уж точно обращаться не рискнули бы, так как у самих рыльце было в пушку.

* * *

Когда я устаю от машин и водителей, то просто открываю бардачок и поглаживаю пальцем холодную стальную поверхность «бульдога». А возить его в бардачке я начал после того, как попал в ситуацию на одной из небольших дорог. Навстречу на огромной скорости мчался видавший виды пикап. И ослеплял даже в сумерках мощными, флуоресцентными фарами дальнего видения. Вообще-то, «бимеры», как их еще называют, включают только при очень плохой погоде, когда видимость нулевая. В обычное же время, из-за их ошеломляющего воздействия, нормальный водитель такие фары не включит. О чем я незамедлительно сообщил хозяину пикапа, направив на него на секунду свои включенные «бимеры». Видимо, он принял сообщение близко к сердцу, так как тут же развернулся на 180 градусов и чуть не оторвал мне задний бампер. Не прошло и пяти минут, как мы почти прижались металлическими корпусами друг к другу так, что мою дверцу невозможно открыть. Причем, пикап наполо-

вину едет по встречной полосе со скоростью не менее шестидесяти. Когда кабина пикапа поравнялась, из опущенного окна высунулась небритая рожа в бейсболке. С его колен на меня равнодушно глянуло тупое дуло обреза.

—Хочешь потанцевать, чувак? — спросила рожа и сплюнула коричневым сгустком жеванного табака на мою дверцу.

Резко притормозив, я пропустил «реднека» вперед и развернулся. Машину качнуло, завизжали тормоза, но на этом все закончилось. Могло бы закончиться и хуже, будь пикап попроворнее. С тех пор на всякий случай я и вожу с собой в бардачке «бульдог» 38-го калибра.

* * *

На этот раз раздражителем на дороге оказалась молодая девица лет тридцати в желтом платье. То ли выпила лишку накануне, то ли еще была под кайфом, но вела она большой и черный джип-внедорожник очень нервно. Рядом на пассажирском месте сидел бугай, одетый в голубую рубашку поло. Все внимание девица уделяла компаньону, оживленно что-то рассказывающему. Судя по гулкому уханью из кабины, радио тоже играло вовсю. По частоте, с которой они меняли линии, пугая всех остальных, я почувствовал исходящую опасность. Иногда просто чувствуешь от кого нужно держаться подальше. Мне и девица, и бугай были без разницы, если бы их джип не находился на линии, куда нужно было попасть, чтобы вовремя покинуть шоссе. Лимит ограничения скорости — шестьдесят миль в час. Эти двое «мчались» едва ли под сорок пять. Им наплевать и на лимит, на хвост из других машин и на все остальное.

— Ну-ка дай проехать! — сказал я и включил поворотник.

Если бы девица замедлила ход, я мог бы аккуратно вклиниться. Однако она тоже увеличила скорость. Я сбросил скорость до пятидесяти, пытаясь попасть на линию позади джипа. Девица сделала то же самое и опять перекрыла мне путь.

До поворота, между тем, оставалось совсем ничего.

— Эй! — заорал я и просигналил.

Не думаю, что она услышала из-за динамиков в кабине. Я посигналил подольше. Спустя секунду девка повернула голову, а потом сама засигналила, по-прежнему не давая мне протиснуться в линию. Раздраженный, я помахал ей рукой: какого черта? Вместо ответа внедорожник рванул как злобный пес, поворачиваясь ко мне тупой мордой и вынуждая меня вывернуть на соседнюю линию, чтобы избежать столкновения. Хорошо там никого не оказалось. Мне стало страшно.

— Ты что, сдурела?! — крикнул я, перекрывая сигнал своей машины.

Потом вдавил до отказа педаль газа в пол. Мотор минивэна взревел, но внедорожник я обошел. С трудом выровнял машину, что на скорости было не просто. Позади раздался яростный гудок внедорожника. В зеркальце заднего вида увидел, как девица кричит, а ее попутчик выставил в лобовое стекло «птицы» на обеих руках. Дорога была пуста. Прочие машины благоразумно отстали, ожидая, кого же первым столкнут с дороги. Девица продолжала бесноваться, почти наполовину высунувшись из окна и делая мне рукой знаки, чтобы я остановился. Я еще подумал, как же она достает до педалей в такой позе. Тем не менее, они начали отставать.

— Да пошли вы! — крикнул я и, выставив локоть высоко в открытое окно, продемонстрировал им свою «птицу».

Адреналин метался по моим сосудам. Горячий ветер теребил волосы и обдувал лицо. Дав по газам, я рванул через открывшийся «рукав» в город.

Было около восьми утра, а солнце уже палило вовсю. Через секунду машина за спиной растворилась в пленке из густого воздуха. А вскоре вся картина в зеркале заднего вида — небо, машины, шоссе — превратилась в пестрое, колышущееся и местами расплывчатое желе.

* * *

Свернув на небольшую дорогу, я притормозил на красный цвет светофора. Рабочий день в разгаре и машин немного. Только несколько опаздывающих. Неподалеку гудели электропоезда у станции метро. Поскольку зеленый светофор длился меньше минуты, проскочить я не успел. Пришлось, чертыхаясь, остаться на том же перекрестке. Хотя моя машина была теперь вторая, а соседняя линия вообще пустовала. Не успел смениться зеленый, как я услышал знакомое гудение. Со стороны шоссе, сигналя, ко мне мчался «внедорожник». Так как путь был открыт, и впереди идущий автомобиль уже проскочил, я дал полный вперед. Ну их! Еще не хватало выяснять отношения! Внедорожник, не придавая значения таким мелочам как светофор, с ревом проскочил на красный. Недовольно и встревоженно загудели машины, замедлив движение на перекрестке. Впрочем, мне было не до них. Ситуация ухудшалась, и преследователи находились в паре сотен метров позади. Чуть придавливая педаль тормоза, я судорожно посмотрел по сторонам и рванул на красный. Проскочил таким же образом еще один. Джип тоже пер на красный свет, но не притормаживал. Расстояние быстро сокращалось.

Вот впереди еще горит зеленый, но отсчет на пешеходной дорожке уже показывает: 3... 2... 1... и, наконец, ноль. Сейчас загорится красный! В этот момент джип слегка пихнул мой задний бампер и торжествующе засигналил. Радостно сверкали в разгаре солнечного утра его раскаленные, мощные «бимеры».

«Сейчас протаранит насквозь»,— подумал я.

Но вместо этого внедорожник резко вильнул вправо. Промелькнуло оскаленное лицо девки. Обогнув, она направила машину по крутой диагонали и ударила по тормозам, почти припечатав меня к обочине. Завизжали тормоза и меня бросило на руль. Будь скорость побольше, мог бы раскрыться аварийный мешок. Теперь убраться можно только задним ходом. Времени на это не осталось. Передние двери джипа открылись, и девица с бугаем почти одновременно спрыгнули на асфальт.

* * *

Закрывшись изнутри, я поднял стекло. Капля пота упала за воротник рубашки. Я почувствовал жжение на груди. Вспотели лоб и ладони, а пальцы рук слегка подрагивали. Враги приближались. Через стекла визг не затихал ни на минуту. Слов я не разбирал. Кроме «Мазер-факер», повторяющегося чаще других. За девицей с решительным видом следовал бугай. Не доходя пяти шагов до машины, она сделала нетерпеливый жест рукой.

— Ну! Выходи!

Народу на улице стало меньше. На нас никто не обращал внимания.

— Выходи! Давай же!

Еще немного и начнет дергать за водительскую дверцу. Я нажал на кнопку и чуть приспустил окно.

— В чем проблема? — спросил я, стараясь казаться спокойным. Хотя пот уже лился по груди, а молотки в висках гудели как церковные колокола.— Если есть претензии, звоните в полицию.

— Проблема в том, что у тебя проблема! — завизжала девка.

Лет тридцать пять, а то и больше, а не двадцать, как я думал раньше. Одетая в летнее облегающее платье ярко-желтого цвета, с массивными серьгами в ушах и зеленоватой косынке на голове. С натяжкой ее можно было даже назвать миловидной, благодаря светло-шоколадному оттенку щек и большим карим глазам. Если бы не ее довольно большой и непропорциональный носу и глазам рот и хищные высокие скулы. А может быть потому, что она визжала, не умолкая.

— У тебя с головой непорядок, да? — верещала она.— А права ты в Макдональдсе нашел, да?

Эта идиотская привычка «дакать» после вопроса взбесила меня больше, чем все остальное:

— Какие права? Какой Макдональдс? — А у тебя с головой все в порядке? — почти закричал я из окна, приоткрыв чуть пошире.— Кто мне проехать не давал? Это тебе права неизвестно кто подарил!

Зря я про голову вспомнил. От жары или нервов мою голову пронзила острая боль. А солнце пекло по-особенному невыносимо уже с утра.

— Ну, выходи! — продолжала верещать за окном девица. И потянула дверцу с моей стороны.

Бугай в голубой рубашке, мной позабытый, вдруг рванул на себя боковое зеркальце на пассажирской двери минивэна. Жалобно хрястнул «металл», на поверку оказавшийся обычной пластмассой.

— Бардачок! — искра боли в голове.— Залезь в бардачок!

Виски налились свинцом и пульсировали. Секунда, чтобы открыть его, и другая, чтобы достать револьвер. Еще секунда, чтобы убедиться, что барабан полон. Держа револьвер дулом вниз, я отстегнул ремень безопасности свободной рукой. Взгляд девицы замер. Ее темно-карие зрачки расширились, а тонкие брови взметнулись вверх. Застыл и большущий рот.

— Ой, Джейсон, у него пистолет! — заверещала она испуганно, и, развернувшись к своему «внедорожнику», чуть не упала, запутавшись в свое длинное, желтое платье. В таких нарядах не побегаешь.

— А то! — удовлетворенно сказал я, вылезая из машины и направляя в ее спину ствол «бульдога».

Она не завизжала как обычно. Что совсем не характерно. А потом я нажал на курок. И еще. И еще.

Поп-поп-поп! — хлопнули выстрелы. Как газы выхлопные. Или попкорн в микроволновке. Даже уши прочистило. Не знаю попал или нет. Она просто исчезла за своим джипом. Но визжать перестала. Не став преследовать, я залез в машину и полностью опустил окна. Послышались визги людей или тормозов.

— Джейсон,— позвал я.

Высунувшись из водительского окна, «всадил» еще две пули в дверцу, за которой спрятался здоровяк. Поп-поп! — дружно хлопнули выстрелы. Зазвенело стекло. Посыпалось вниз как хрустальный водопад.

— Ребята! — я выстрелил в последний раз куда-то в глубину салона джипа. Застегнул ремень безопасности. Больше патронов в барабане не было.

Опять завизжали тормоза. Развернувшись, я поехал по направлению к шоссе. Может быть смотрели на меня в тот момент через дорогу. А может и нет. Может быть улица была совершенно пуста. Сейчас и не вспомнишь.

* * *

По радио сообщили через час. Про минивэн белого цвета.

Еще через час полицейский сказал, что поиск на вертолете ничего не дал. Стрелок уже покинул границы штата. Всех просят звонить. Ехать домой не было смысла. Полицейские уже начали останавливать белые минивэны. Завернул в городок в стороне от трассы. Зашел в Макдональдс и купил кофе и Биг-Мак. Вспомнив, как девка в желтом платье спрашивала, нашел ли я права в Макдональдсе. Детям решил не звонить. Набрал номер жены.

— Стивен? — напряженно спросила в трубку она. Неужели знает? Или просто чувствует? — Ты где?

— Карен,— глухо ответил я.— Сегодня работы не было...

— Стивен!

— Подожди! — начал раздражаться я.

Переборов четыре таблетки аспирина, головная боль возвращалась. Внутри помещения я говорить не решился. Присел в скверике. Хотя было уже по-настоящему жарко.

— Слушай,— начал я,— у меня неприятности. На меня напали. Я защищался.

— О, Стивен! — всхлипнула Карен.— Я слышала... О, боже! Тебе же почти шестьдесят!

— Я знаю сколько мне лет, черт возьми! — рявкнул я.— Можешь ли ты дать мне закончить?!

— Стивен! — опять всхлипнуло в трубке.

— Прости, Карен! — пожалел я жену — Давай позвоню позже, ок?

— Где ты? — булькнула трубка.

Вместо ответа я отключился. «Вот курица! — вместе с яростью возвращалась головная боль.— Я обязательно что-нибудь придумаю! — Надо было либо идти внутрь, либо в минивэн, либо еще куда. Жара и духота становились просто невыносимыми.— Я обязательно что-нибудь придумаю!» — повторял я, сидя на скамейке и обхватив голову руками.

* * *

Из сообщений местных газет, радио и СМИ: «Полиция штата сообщила вчера, что стрельба между водителями произошла на углу трасс I-495 и проспекта Свободы, неподалеку от моста, разделяющего штаты М и В. Водитель-женщина с очевидным ранением в шею и пассажир «внедорожника» без очевидных ранений доставлены в местный госпиталь. Женщина находится в стабильном состоянии. Стало также известно, что подозреваемый житель города Н., что в штате М., добровольно сдался властям через несколько часов после перестрелки. Причина инцидента до сих пор неизвестна, но уточняется властями. Полицейские и административные органы штата выразили озабоченность участившихся случаев подобной «дорожной ярости» и призывают всех водителей более внимательно относится к друг другу и сообщать обо всех проявлениях насилия на дорогах».

Вячеслав Алтунин*
(г. Тула)

ВИНО СВОБОДЫ

Фрагмент романа «Контора».
Повесть о газете и газетчиках

«Мы дышали воздухом свободы, мы пили ее вино и были счастливы. И пусть это продолжалось лишь несколько мгновений. Зато как сладко!»

Вильгельм Кюхельбекер

— Ну, коллеги! — главный редактор Александр Теодорович, полноватый, с короткой и густой, под Хемингуэя, черной бородой, откинулся на спинку кресла и хрустнул костяшками пальцев.— Ну, коллеги! Исторический момент. Планируем первый новогодний номер в истории нашей газеты, нашей Конторы. Потом таких номеров будет, надо надеяться, немало, но этот навсегда останется единственным и неповторимым. Прошу проникнуться важностью момента и высказать ваши предложения о смысле и содержании будущего новогоднего номера. Нет нужды вам говорить, что, поскольку он первый, то должен стать событием, стать чем-то особенным. Еще неделю назад я попросил вас продумать предложения. Итак, что имеем в результате? Прошу, прошу поактивней! Особенно необходима нам та общая идея, тот сюжетный ход, тот стержень, который объединил бы все разрозненные материалы в одно стройное общее целое. Это не должен быть винегрет даже из блестящих материалов. Нет, нет и нет! Это должно быть единое целое и в то же время многообразие и разнообразие. Прошу высказываться!

Первым высказался корреспондент по спорту, которого все в Конторе не называли иначе, как просто Витек. Бывший футболист, худощавый, с круглым, вечно веселым и чаще всего пьяным лицом, рыжеватыми густыми волосами, он постоянно источал веселье и оптимизм. Никто никогда не видел его расстроенным и раздраженным или удрученным чем-либо. Его энергии хватило бы на пятерых. На велосипеде, на попутном транспорте, а то и пешком он проехал и прошел вдоль и поперек всю область. Он, кажется, знал всех, все знали его: от рядовых граждан до самых высоких начальников. И все к нему хорошо относились. За его простодушие и неистребимую веселость, а также за то, что никто не знал столько занимательнейших историй, сколько знал их он. Ему прощались многие его недостатки: и то, что он занимал то и дело деньги, никогда не отдавая занятых сумм, и то, что он мог запить или увлечься очередным любовным романом и исчезнуть недели на две, и многое другое. Сердиться на него было положительно невозможно. На него смотрели как на «птичку Божию», которая не знает ни заботы, ни труда; как на необходимый атрибут Конторы и — на многое в его поведении закрывали глаза. Потому что без него скучно стало

* Наш постоянный автор.

бы в Конторе! Кроме того, он всегда привозил кучу интересных репортерских материалов, написанных четко, живо, ясно и, что особенно ценится в Конторе, коротко: не более полутора-двух страниц, то есть от восьмидесяти до ста двадцати газетных строк. Самый ходовой и востребованный объем! Так вот Витек выступил первым.

— Вы знаете, что я хочу сказать-то? А вот что. А зачем нам уж слишком-то корячиться над этим новогодним номером? В праздники, тем более в новогодние, народ у нас что делает? Правильно: водку пьет и другими подобными делами занимается. И плевать ему на наши умные и яркие материалы. Кто в праздник читает газеты? Сумасшедший. Разве не так?

— Витек, ты, словом, предлагаешь вообще новогодний номер не делать? Ценное предложение! Может, и газету тогда не выпускать? — возмутилась респектабельная, безупречно одетая, русоволосая и темноглазая Тамара, первый зам главного редактора. Ее за глаза называли «Железная леди Конторы», и это было верно и точно. Воля и хватка у нее были мужские, самообладание поистине как у разведчика. Спорить и толковать с нею было бесполезно: чего стоит тот или иной материал, она видела сразу и безошибочно отделяла зерна от плевел. Часто это делалось жестко, пожалуй, иногда и жестоко, но что делать? Такова газета и такова редакционная жизнь. Она не для кисейных барышень и маменькиных сынков. Дышать разреженным, суровым воздухом Конторы могут далеко не все: многих он просто убивает. Тамару боялись и уважали в редакции все: от уборщицы до главного редактора включительно. Никто не заблуждался относительно того, кто настоящий хозяин в Конторе, и когда надо было решить какой-то важный вопрос, шли непременно к ней. Если она скажет «да», вопрос непременно решится, ну уж а если «нет», то значит — нет! К главному и идти бесполезно.

— Итак, ты предлагаешь новогодний номер не делать. Так, что ли?

— Да нет, Тамара. Мое предложение вот какое: сделать что-нибудь веселенькое, пестренькое этакое. Чтобы развлекать людей.

— Ну да! Произошли такие события: рухнул Союз, рухнула коммунистическая система, рождается новая Россия, входим в рыночную экономику, утверждаются новые формы хозяйственной деятельности: фермерство, предпринимательские структуры, а мы все это не замечаем! Да о чем с тобой говорить?! Ты вообще живешь вне мира сего.

— Ну вот и пишите обо всем этом в будничных номерах, а в Новый год дайте людям попраздновать!

— У тебя, Витек, что конкретно есть в новогодний номер?

— Много чего. Вот, например, знаю человека и могу написать о нем, который под Новый год второй раз на свет родился, и отмечает теперь первое января как второй день своего рождения.

— Любопытно,— одобрил Александр Теодорович,— у кого еще что? — Только если кто скажет, что у него репортаж из лесопитомника, где выращивают новогодние елки, того я задушу.

— А я тебе помогу! — поддержала Тамара.

— Тогда душите меня. Я хотел предложить такой репортаж,— отозвался Сергей.

В Конторе он был репортером, то есть журналистом, который не вел какое-то конкретное направление или тему, а занимался «свободной охотой», то бишь поиском наиболее интересных, а если возможно, то и сенсационных материалов.

— Сереж! Ну уж от тебя такой обыденности и трафаретности никак не ожидали! — накинулись на него все начальники.

— Да погодите! — отбивался он.— Вы ж не знаете сути дела. Этот питомник создал лишь год назад фермер из пригородного района. Разводит несколько разно-

видностей хвойных пород деревьев, создает центр по оформлению новогоднего праздника, утверждает, что у деревьев есть свой язык. Во как!

— Ну-у-у! Старик! Ты как всегда, чем-то выстрелишь. Это — может быть бенц! — восторженно загудел главный, у которого словечко «бенц» означало материал высшего качества.— Конечно, проходит!

— Сереж, ты — гений! — восхитилась Тамара.— Вот ведь умеешь в самой, казалось бы, трафаретной теме, избитой-перебитой найти что-то свежее!

— Ну вот,— удовлетворенно сказал Сергей.— А хотели душить и бить. Вы сначала выслушайте.

Сергею в начале девяностых, когда верстался первый номер новой областной газеты, было сорок три года. Темный лицом, которое все было изрезано глубокими морщинами, говорящими о бурной и трудной жизни, плотный по телосложению, непредсказуемый по характеру, он был, по отзывам многих, «журналист милостью Божией». И если бы слишком часто не заглядывал в стакан с вином или водкой, то, конечно, достиг бы высоких ступеней и должностей в Конторе. Трезв он бывал не более трех дней в неделю, но этих дней ему хватало в лучшие его годы, чтобы создавать статьи, очерки и корреспонденции, удивлявшие и восхищавшие многих. Он одно время работал в Казани собственным корреспондентом «Комсомолки», но вскоре затосковал, запил и был уволен. Эти приступы необъяснимой тоски нападали на него, как припадки на эпилептика, регулярно, и тогда он пил вглухую, становился раздражительным и неуправляемым. Все об этом знали и мирились с этим за его могучий талант, который выражался не только в статьях и очерках, но и в стихах. Он прекрасно знал нашу и зарубежную поэзию, играл на гитаре, и даже сам сочинял песни, очень талантливые. Издал один поэтический сборник, а стихов у него было на целых пять. Относился он к ним, как и его поэтический тезка Сергей Есенин, с поразительной небрежностью, разбрасывая где попало. Память у него была чудовищная. Он, например, знал наизусть «Евгения Онегина», «Гамлета», «Демона», мог страницами цитировать Булгакова, особенно «Мастера и Маргариту», знал наизусть и священные тексты Евангелия, Ветхого Завета, Псалтири, многих духовных песнопений и молитв.

Где и с кем он жил, о том никто не ведал. Сам же себя он именовал «бомжем» и говорил, что меняет сожительниц как перчатки.

— Сережа всегда чем-нибудь удивит,— одобрила Людмила Николаевна.

О ней, этой поистине замечательной женщине, просто необходимо сказать особо. Она стройна, черноволоса, элегантна, выше среднего роста, неизменно спокойна. Ее лучистые карие глаза удивительно выразительны, а лицо с тонкими, изящными чертами напоминает одухотворенностью своею облики, запечатленные на полотнах лучших мастеров нашей и зарубежной портретной живописи. В девятнадцатом веке она, несомненно, была бы знатной светской дамой, окруженной поклонниками. В ее честь слагали бы элегии Пушкин, Баратынский и Жуковский. А в конце двадцатого века она работала в Конторе и формально вела проблемы школьного и вузовского образования. А фактически она писала обо всем и как писала! Безупречность стиля сочеталась в ней с остроумием и глубоким знанием проблемы. С какой бы стати, например, ей писать о проблемах водоснабжения провинциального городка? А она раскопала в музее, что водопровод тут был еще в семнадцатом веке и действовал прекрасно, что вода подавалась из реки в центр города по деревянным (дубовым) трубам, и что эта система до сих пор сохранилась! А вот потомки, имея передовую технику и технологии, оставили город чуть ли не без воды! После публикации ее материала под заголовком «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» главе района и главе города было объявлено губернатором по строгому выговору, принято специ-

альное постановление о реконструкции системы водоснабжения и выделены на это средства. И это в то время, когда денег не было, казалось бы, в областной казне, когда все чиновники плевать хотели на выступления газеты, даже областной! Но на нее плюнуть не получилось. Людмила Николаевна — классик, она не просто журналистка, она подлинное лицо Конторы, ее живой символ. Весьма, надо сказать, симпатичный символ. В свои сорок пять она выглядела не старше тридцати, а то и моложе. С мужем она рассталась и жила со взрослой дочерью.

— Ну а вы-то, Людмила Николаевна, вы-то чем порадуете?

— Да есть мысли. Вот один наш студент международную престижную премию как раз на днях получил. И вы знаете, за что? Предлагает, ни много ни мало, новый источник энергии: брать ее прямо из окружающей среды по особой методике, не сжигая ни уголь, ни газ, ни нефть.

— Идея Николая Теслы! — блеснул эрудицией Борис, отвечавший в конторе за контакты с органами власти. Полный, пожалуй, даже толстый, круглолицый, с коротко остриженной круглой головой, подчеркнуто небрежный в одежде. Сейчас он был в старом закатанном свитере и потертых голубых джинсах. Борис брался за самые, казалось бы, скучные темы (выплата задолженностей, ЖКХ, освоение выделенных под те или иные программы бюджетных средств, проблемы инвестиций, развития бизнеса — в общем, за все, за что и под расстрелом не заставишь взяться журналистскую братию, которой непременно подавай что-нибудь «вкусненькое»), и он делал на этом тяжелом материале прекрасные, остроумные статьи. Чиновники, правда, читая его отчеты или аналитические материалы, морщились и дергались, но в Конторе его стиль и подходы в целом одобряли, тем более, что к фактуре относился он бережно и аккуратно. Он один воспитывал десятилетнюю дочку, имел украинский паспорт и не имел российского и за глаза его в Конторе называли «Кот Матроскин», он об этом знал и не обижался, скорее, наоборот был польщен сравнением со знаменитым персонажем мультфильма.— Идея Теслы! — повторил он.— Нет, мне думается, это супер! Особенно если учесть, как это может сделать Людмила Николаевна.

— А у тебя-то, Борис, что?

— Ну что у меня, что у меня... Долги вот оборонным предприятиям скорее всего в новом году спишут. Есть еще вот мужик один, путешественник, наш земляк, будет встречать новый год на экваторе.

— Делай и то, и другое... Что промышленный блок скажет? Юрий... Списание долгов оборонке ты должен был отследить. Ну да ладно. Что предлагаешь?

Юрий, худощавый, высокий, с маленькой головой и острым, с горбинкой, носом, столь же острыми, колючими глазами, пользовался в Конторе репутацией скандалиста и правдоискателя. Таковы же были и его статьи, неизменно разоблачительные, с большой долей злости и едкой иронии. Его не любили и побаивались все: и коллеги, и чиновники с депутатами, и хозяйственники. Однако без его желчного и резкого ума, жестких оценок газета была бы пресной и скучной. При встречах с начальством он высказывал без обиняков все то, о чем другие и подумать боялись. Никто не знал, что этот худой, жесткий и желчный человек втайне ото всех пишет тонкие лирические стихи, любит Бетховена и художников-импрессионистов.

— Ну насчет списания долгов коллега поторопился, так сказать, забежал впереди паровозного дыма, еще рано об этом говорить.

— А о чем можно говорить?

— Да о чем говорить, Александр Теодорович, оборонка на боку лежит, заказа нет. О чем говорить? Не знаю даже.

— Какие-то товары народного потребления-то они ведь делают?

— Да делают! Делают вот у нас на машзаводе утюги электрические и бытовые инкубаторы.

— Кошмар! Элитное предприятие! — Тамара покачала головой.— Ну ты можешь вот об этом сделать материал?

— Не знаю, наверно, смогу. Надо с Дроновым, с генеральным согласовывать, а он ведь нашего брата не очень...

— Нет, ну ты сделай, сделай... А что наш аграрный журналист молчит? Лунин! Владислав! Как у нас село-то? Живо хоть?

— Едва! — усмехнулся Лунин.— По всем показателям снижение. Даже не знаю, что делать.

— Ну ты можешь найти интересного фермера и нестандартного руководителя хозяйства?

— Нет проблем! Найду.

— Вот найди и пусть они выступят, расскажут правду, как им живется-можется в новой российской действительности.

— Так. Тамара, кого мы еще не опросили? Социальный блок! Вы что думаете? Надо бы со священником интересным побеседовать. А? Марин, сделаешь?

— Сделаю. Посоветуюсь в епархии.

Марина вела в Конторе дела духовные и культуру. В свои тридцать лет она была красива, одевалась по последней моде и жестко держала дистанцию со всеми коллегами за редкими исключениями. Ее называли «белокурой бестией», в нее многие были влюблены, но безответно, поскольку она, похоже, дала себе слово не связываться с коллегами по журналистскому цеху. Между тем поклонники и любовники у нее были, но среди бизнесменов и научно-технической интеллигенции. Последний из ее трех мужей был профессором, и она без сожаления рассталась с ним, хотя он души в ней не чаял: во-первых, потому, что он был слишком стар для нее, а во-вторых, и едва ли не в главных, из-за его пристрастия к спиртному.

— Так! Что наш отдел иллюстраций скажет? Виталий Петрович? Снимки какие будут?

Виталий, высокий, широкоплечий, легкий на ногу, как и положено фотокорреспондентам, сын известного корреспондента ТАСС, сделал неопределенный жест.

— Да что я? Пусть журналисты заказывают снимки. За мной, за моим отделом задержки не будет.

— Ну а ты-то разве не журналист? Еще какой! Фотожурналист. У тебя должны быть свои темы, идеи...

— Да есть кое-что...

— Ну поделись, поделись.

— В одном старинном нашем городе реставрация монастырского комплекса закончилась, будет освящение. Вот если фоторепортаж оттуда...

— Что ж, пожалуй, пойдет.

— А вот у меня идея,— вступила Татьяна, которая занималась в газете социальными проблемами в самом широком их спектре. Она была высока ростом, молода, имела пышные светлые волосы, великолепные плечи и огромные с зеленоватым оттенком «колдовские» глаза, которые многие влюбленные в нее мужчины, а таковых было без числа, называли «бездонными» и говорили, что долго смотреть в них ну никак невозможно! Она тоже предпочитала не заводить романов с журналистами, тем более коллегами по Конторе, отдавая предпочтение военным. Она была хищница. Охотница. За мужчинами. В этом, а вовсе не в работе был смысл и содержание ее жизни, что она и сама признавала. Перерывы между романами были для нее мучительны. Она настойчиво искала и находила — при своих-то данных! — новую жертву. Особое удовольствие ей доставляло влюбить в себя женатого мужчину, и чтобы он ради нее наделал разных безумств и глупостей, даже оставил семью. Много, много

разбитых судеб и сердец было среди ее жертв, длинен был список ее побед и мало тех, кто мог бы устоять против ее чар, если уж она задумала их использовать. Ее сексуальная притягательность была не просто велика, пожалуй, огромна.

— Вот у меня идея,— сказала она,— на кондитерской фабрике освоили новые виды сладкой продукции. Таких вообще и в России вроде бы нет. Сделать?

— Тань,— отреагировала Тамара,— делай, но попробуй договориться: может, они заплатят? Ведь это же реклама.

— Ну, само собой, я поговорю.

Разговор подходил к концу. Но в нем приняли участие не все главные лица Конторы. Молчал и вообще-то молчаливый, бородач и философ, ответственный секретарь Ксан Ксаныч, которого называли «Вулканом» за то, что его молчание периодически прерывалось довольно нестандартными словами и поступками, в чем читатель еще будет иметь возможность убедиться. И это было действительно похоже на извержение вулкана. Правда, как и настоящее извержение, случалось нечасто. А признак скорого извержения был один: Ксаныч начинал усиленно дымить своей трубкой и становился мрачен и особенно неразговорчив.

Здесь был Николай, пришедший из заводской газеты. Его называли за фантастическую работоспособность «Машиной». Не проходило номера без его материала, а во многих номерах их было по два и даже по три. Когда он все это успевал, для всех было тайной. Его костерили за сухость, холодноватость стиля и обилие словесных штампов, но начальство в нем души не чаяло, называя «палочкой-выручалочкой». Здесь был Леонид, писавший обзоры федеральных газет и еженедельников, которые публиковались в самом ходовом — пятничном — номере газеты и имели успех. Поскольку умел он выделить, перерыв кипу изданий, самое интересное, необычное, поучительное, характеризующее нашу тогдашнюю съехавшую в очередной раз с основ российскую жизнь.

Здесь был Вячеслав, пришедший из прекратившей свое существование областной партийной газеты. Бывший моряк, капитан первого ранга, красавец и утонченный стилист. Конечно, прозвище у него было «Капитан». Его рассказами о морской службе и разных ее происшествиях можно было заслушаться, тем более, что рассказывал он мастерски, в лицах представляя все происходящее, показывая характер каждого действующего лица. Он служил на Дальнем Востоке на крейсере, ходил на подводной лодке, погружался на значительную глубину в водолазном костюме, совершил два кругосветных плавания, а выйдя в запас, решил вернуться в родной областной город, расположенный далеко от всех морей, и стать журналистом.

Здесь была роковая женщина красавица Алла — наполовину татарка, а наполовину русская. Разрез огромных черных глаз и густые длинные тоже черные волосы, которые она любила носить распущенными, а также взрывной характер, страстность и чувственность — это у нее, конечно, было от татарских предков, а вот манера одеваться по моде, увлечение всеми благами современной цивилизации — это, конечно, уже шло в большей степени от русских. Она писала об истории, краеведении, по военно-патриотической тематике. Ну и что Бог пошлет, и главный редактор прикажет!

И еще о двух лицах Конторы необходимо сказать. Ольга — высокая, светлая, какая-то нездешняя, стремительная. Автор удивительных стихов. В Конторе появлялась нечасто, но когда появлялась, приносила статьи и очерки, столь же пронзительные, как и ее стихи. И на такие темы, которые только она одна во всей Конторе и умела находить. Например, о том, как упала и умерла лошадь на улице города. Или как внучка выгнала бабушку из ее квартиры на улицу, так что той некуда было и идти. Или о другой старушке из старинного города, у которой в одночасье сгорело все, осталась она одна с кошкой Маруськой. Люди читали ее материалы и плакали, а по-

том писали письма в редакцию: «А вот у нас аналогичная история. Пусть Ольга приедет и напишет». По многим письмам она ездила и писала.

Андрей — литературный редактор. Странная это была личность. Сама внешность его была, мягко говоря, нестандартной: темное лицо, одно плечо заметно ниже другого. Глаза какого-то непонятного, тоже темного цвета и — вроде провала: смотришь в них, словно в бездонный омут. Друзей у него не было, а характер был крайне неудобный, сложный, скрытный. Материалы многие он сокращал безжалостно более чем наполовину, многие заворачивал вовсе с убийственными резолюциями. Лунин до сих пор помнит их. Например: «Владислав Васильевич! Если у вас по старости лет проблемы с памятью, то редакция в этом не виновата». Или: «Вы уже не раз писали об этом. Сколько же можно повторять одно и то же, к тому же сумбурно, без всякой логики?» И так далее в том же духе и роде. Его боялись и не любили. Но справедливости ради надо сказать, что многие его замечания были совершенно справедливы.

— Ну что, господа! Завершаем,— подвел итог Александр Теодорович.— Что хочу сказать? «Мясо» вроде бы есть. А вот на что его нанизывать — этого нет, а значит, образно говоря, «шашлык» мы не сжарим. Того стержня будущего номера, о необходимости которого я говорил и говорю, нет. Нет общей идеи. Ладно, будем думать. Сейчас прошу всех переместиться в другой кабинет. У одной из сотрудниц, а конкретно у очаровательной нашей Татьяны, в которую, я не сомневаюсь, влюблены едва ли не все мужчины редакции, сегодня день рождения. В общем, она просит нас всех к столу. Там и продолжим.

Планерка перетекла в неформальную обстановку. Там-то, за «Портвейном» и нехитрой закуской, и родилась в спорах и столкновениях мнений общая, направляющая идея новогоднего номера. Кто уж был ее автором, теперь за давностью времени и не установить. Но главному и даже Тамаре идея понравилась. Решено было накрыть на страницах газеты символический новогодний стол. И собрать за ним всех наиболее интересных людей области. И вот так, в застольной, непринужденной беседе, и порассказать интересные истории, поговорить и о серьезном, о проблемах, пошутить и так далее. В общем, недурная идея! Да, кажись, сам главный ее и высказал, он имел дар на нестандартные решения.

— Ну что ж, коллеги,— сказал он, поднимая пластиковый стаканчик с портвейном,— выпьем за успех номера и нашей газеты вообще. Я что хочу сказать? В замечательное, интересное время мы с вами живем! Правда! Нам будут наши потомки завидовать. Они скажут, что мы были свидетелями рождения новой России — демократической, свободной, исповедующей не какие-то выморочные коммунистические идеи, а общечеловеческие ценности! Ведь еще лет пять-шесть назад разве мы могли бы себе представить, что будем писать на такие темы, на которые мы свободно пишем сейчас? Да нет, конечно! О них и думать было нельзя. Какие священники? Какие фермеры? Какое предпринимательство? А сейчас? Как все поменялось! Мы — одна команда, можно сказать, одна семья, соединенная общностью интересов и стремлений, главное из которых — сделать яркую, талантливую, народную газету, подобной которой не было до нас и не будет после нас. Такова, коллеги, сверхзадача. Итак, мы присутствуем при рождении новой России и новой газеты, воплощающей родовые черты нового общества. Вот за это давайте все выпьем!

— Ур-ра! — раздалось со всех сторон.

— За газету! За Россию! За всех нас и за наши творческие успехи!

— Н-да,— задумчиво произнес Ксан Ксаныч,— мы присутствуем при рождении России. Или при ее гибели...

— Что ты сказал, Ксаныч?

— Да нет, это я так, про себя...

— Господа! — обратился ко всем Сергей, уже изрядно выпивший.— Господа! У меня экспромт на тему, о которой так проникновенно сказал Александр Теодорович. Можно?

— Давай! Давай! Давай!

— Гм! Дайте промочить горло. Что-то пересохло. Ну, слушайте.

Мятутся страны и народы,
Режимы рушатся во тьму.
А мы? Мы пьем вино свободы.
Не пристраститься бы к нему!

— Позволь, старик,— после аплодисментов и восторженных криков сказал Теодорович,— мне что-то непонятна последняя строчка. Что значит: «Не пристраститься бы»?.. Разве плохо всегда пить вино свободы, то есть быть свободными людьми?

— Теодорыч! Ты правда не понимаешь или придуриваешься? По-моему придуриваешься. Потому нельзя привыкать к вину свободы, что оно скоро кончается, его мало. И потом тяжко будет похмелье. Ты же по образованию историк. Разве не знаешь, что у нас в России свобода долго не продолжается, быстро сменяясь чем? Правильно! Новым витком деспотизма! Вот чем.

— Старик, ты не совсем прав. И вот в данном случае...

— Да пошел ты! Ты, как и все мы, просто употребил сверх меры этого самого вина свободы. Вот и кажется тебе, что этот праздник демократии, когда и из нашего «белого дома» особенно не жмут, и вроде в кои-то веки обо всем писать можно,— что все это будет продолжаться чуть ли не вечно. Ну, хотя бы достаточно долго! Нет, старина, оно скоро закончится, как вот этот замечательный портвешок у нас на столе! Праздник не может продолжаться долго. Иначе это уже не праздник.

— Пока не закончилось, наша задача его пить.

— А вот это ты замечательно сказал! Так выпьем, Теодорыч! Кстати, ты почему Теодорыч? А? У тебя что, отец иностранец был, да?

— Да нет. Русский. Но его назвали Теодором в честь известного дипкурьера Теодора Нетте. Ну, помнишь у Маяковского: «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»?

— Теперь ясно. Ну, пьем!

— Сергей! Сережа! Что вы там с Теодорычем уединились? Дамы требуют песен и музыки. Гитара есть. Спел бы.

— Не вопрос! — Сергей отбросил со лба длинные пряди черных густых волос.— Сейчас вот выпьем еще один тост и — вперед.

Вдруг он насторожился и весь напрягся.

— Ты что?

— Теодорыч! Контора закрыта изнутри?

— Да. Я сам и закрывал.

— Но в ней кто-то есть посторонний.

— Да брось ты. Кому быть? Все закрыто. Я проверял.

— Нет. И все же мне кажется, я четко чувствую, а я в этих делах не ошибаюсь: кто-то посторонний есть. Пойду посмотрю.

Он вышел в полутемный, гулкий и длинный коридор, походил, посмотрел. Вернулся в кабинет.

— Ну что?

— Да вроде никого. Но запах какой-то неприятный. Вроде сероводорода. Резкий такой. Выйди, принюхайся.

— Да ладно тебе. Наверно, наши соседи в лаборатории на пятом этаже что-то делают.

— Не знаю, не знаю. Ну, давай еще выпьем. Да надо заявку дам исполнить.

— Вот это лучше!

Выпили. Сергей взял гитару и стал перебирать струны и песни. Не допевая до конца одну, начинал другу. Такое вот попурри.

Что происходит на свете?
Всего лишь зима.
Только зима, полагаете?
Да, полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома...
Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши снег, а кроме
Крыш и снега никого!..
Виноградную косточку в теплую землю зарою
И лозу поцелую, и спелую гроздь я сорву.
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Ему подпевали:

После дождика небеса просторней.
Голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь!..
Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом подернулись алые угли костра.
Вот и закончилось все, расставаться пора.

Напелись, наговорились досыта. Разговоры были разные. Обсуждалась, например, наделавшая шуму неожиданная смерть главного редактора местного издательства, а в недавнем прошлом журналиста, известного всем Алексея Ивановича. Он умер один, в своей квартире. О причинах смерти говорили разное. В последнее время он очень много пил. Ходили упорные слухи, что он покончил с собой в состоянии тяжелой депрессии. В общем, история была темная. И невозможно было отделить в ней правду от вымысла, сплетен, которых всегда хватает вокруг каждой более или менее известной личности. А Алексей Иванович был личностью в области известной. Красавец-мужчина, писатель, главный редактор, делегат двух комсомольских съездов, член Союза писателей, автор четырех книг рассказов и повестей. Он был родом из глубокой провинции и сам сделал свою карьеру, которая в советское время развивалась по восходящей и обещала ему все более заманчивые перспективы. Сперва главный редактор молодежной газеты, потом заведующий сектором печати, радио и телевидения обкома партии. Нет сомнения, что он пошел бы и выше. Но коммунистов свергли, и карьера закончилась, а жизнь дала сильную трещину. Он вынужден был

искать себе новую работу, став главным редактором книжного издательства. С тех пор что-то в его жизни, в душе сломалось и пошло вразнос. Он стал сильно пить. Запои длились неделями. Расстался с женой. Какими-то непонятными и, как говорили, не очень чистыми делами занялся его сын. В минуты просветления немногим оставшимся у него друзьям Алексей Иванович говорил, что не видит для себя никакой перспективы в этой новой, так круто изменившейся жизни, где все те идеалы, которым он поклонялся и служил, и та система, в которой он устраивал свою карьеру, были отброшены, отвергнуты, подвергались осмеянию и даже преследованию. А в новой реальности он, хоть был еще далеко не старым человеком в свои сорок три года, найти себя так и не смог. Да и только ли он не смог? Кто их считал, эти сломанные судьбы? Кто думал и кто думает о них? У нас в России государственный корабль по воле его капитанов зачастую так резко меняет курс, что миллионы людей летят за борт и гибнут в пучине бушующего моря. И никому нет до них никакого дела!

А пока в Конторе за столом идут тихие разговоры об этой непонятной смерти талантливого и красивого человека, которого знали и уважали многие, о том, что завтра его хоронят и надо бы, конечно, сходить, проводить. А за окнами метель кружится под фонарями, мчится поземкой по уже пустынным улицам. Окна замурованы морозом. Страна, пережившая великий распад, с трудом приходит в себя. Люди еще пьяны от свалившейся вдруг, как снег на голову, свободы и демократии, от изобилия в магазинах, от возможности, пусть виртуальной, теоретической, каждому основать свое дело, свой бизнес и стать, если уж не богатым, то весьма обеспеченным. И при этом пока не думается о тех непростых временах и проблемах, которые навалятся вскоре. Все — господа, госпожи, все уверены, что стоит открыть свое дело и деньги потекут рекой. Все наголодались, насиделись без денег и полны решимости становиться предпринимателями, а значит, богатыми людьми. Как в Западной Европе, в Америке. Америка, Европа — наши друзья и партнеры. Конец «холодной войне», всем этим надоевшим, как горькая редька в постный день, советским стереотипам и запретам, чтоб они провалились подальше! Пресса — четвертая власть! Куда там!.. Рынок, новые технологии. Заграница нам поможет, а то и накормит, в случае чего. Ну и так далее. Полный набор мифов, иллюзий и миражей нового времени, пришедших на смену советской мифологии.

Отрезвление — горькое! — придет позже, придет понимание того, что все далеко не так просто и замечательно, и сломаются многие жизни и судьбы, а прежде всего — и главное — жизнь и судьба всей страны, некогда великой и уважаемой во всем мире, а теперь жалкой, униженно выпрашивающей подачки в виде кредитов и не получающей их; страны, подбирающей устаревшие технологии и технику, ориентирующейся на западноевропейские и американские образцы, причем, образцы худшие, неудачные, потерявшей свою историю, свою культуру, свои традиции, а стало быть, свою душу; дезориентированной ее новыми правителями, не знающей, куда идти, что делать, страны, в которой нет народа, а есть безликое «население» или того еще хуже — «электорат»! Пушкин как-то сказал, услышав первые главы «Мертвых душ» Гоголя: «Боже, как грустна Россия!» Ныне к этому можно добавить: и как она жалка и унижена!

Но все это придет позже. А пока — как это там у Кюхельбекера? — «мы пили вино свободы и были счастливы». И не знали, что нашим надеждам, во всяком случае многим из них, не суждено сбыться. И если бы перед нами поставили волшебное зеркало, благодаря которому мы могли бы заглянуть в наше будущее, увидеть себя лет через двадцать-тридцать, то с ужасом и омерзением отшатнулись бы мы от этих жутких видений и сказали: «Нет! Уберите! Это неправда! Это глупая, мерзкая шутка! Этого не может быть и не будет!» Но это все будет. Просто не знают о том люди,

собравшиеся в Конторе за столом, поющие, рассуждающие, смеющиеся и грустящие, и пьющие вино, а знает один только всеведущий Господь!

Примеч. авт.: *«Контора». Повесть о газете и газетчиках» — первая из пяти книг прозы — своеобразной пенталогии авторского проекта о современной российской «провинции»,— подготовленных к изданию. Все пять книг — «Контора». Повесть о газете и газетчиках», «Провинциалы», «Бездомные» «Хлебный дед» (роман «Хлебный дед» представляет собой дилогию: первая часть — «Хлебный дед», вторая — «Бой в окружении». Обе части взаимосвязаны и дополняют друг друга, являясь вместе единым целым),— повествующие о жизни и людях нестоличных городов и сельской «глубинки», основаны на реальных событиях, фактах и явлениях. В них нашел отражение многолетний опыт работы автора в региональных СМИ. Однако ошибочно воспринимать их как документальные, поскольку они являются писательским литературно-художественным вымыслом и все совпадения — случайность.*

«Контора» — это редакция. «Повесть о газете и газетчиках», как определяет жанр своей новой книги сам автор. Герои повести — журналисты, остро переживающие свои духовно-нравственные и творческие взлеты и падения, как и Конторы в целом, в нелегкий период отечественной новейшей истории — на пике лихих 90-х годов прошлого столетия. И каждый по-своему выходит из жизненных тупиков и ловушек, духовных и творческих кризисов, нередко и трагически...

Бахытжан Канапьянов
(г. Алматы, Казахстан)

КУРАНТЫ НЕБЕС

Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг, вышедших во многих странах. Лауреат ряда литературных премий. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Казахстану.

Ожидание прихода Нового года, ощущение приближения праздника всегда дороже самого праздника, когда шестеренки снежинок, плавно плывущие из бездны небес, вращают колеса времени, все безвозвратно ускоряя, и после хрустального звона фужеров вдруг осознаешь и понимаешь, что снежинки так же падают, как и полчаса назад, но это уже снежинки нового года, а не вчерашние, имя которым — прошлогодние снежинки, осевшие рыхлым снежным настом над нашим прошлым, да и сами они уже олицетворяют некое прошлое наше существование. И вновь у нас — только память о прошлом и мечты о будущем, а самого настоящего нет и в помине, ибо оно, настоящее, ежесекундно переходит в прошлое. Это все в буднях незаметно и незначительно, это все объемно, осязаемо и выпукло только в последние часы и минуты уходящего года.

I

Я ехал в электричке до аэропорта Домодедово, чтобы встретить вечерний рейс из Алма-Аты. Где-то в районе Чертаново возникли подобного рода мысли. И я понимал, глядя на сумрачное подмосковное небо с легким полетом снежинок, что завтра будет все так же зябко и монотонно, несмотря на то, что к дате от Рождества Христова прибавится еще одна единица.

Тем не менее, ехал в электричке, экономя свои кровные на обратное такси, ибо прилетает Она, и я еду встречать Ее.

Я уже почти месяц нахожусь в белокаменной. Моя рукопись каким-то образом попала в план издательства «Молодая гвардия», и я сейчас вместе с редактором завершаю последнюю правку перед сдачей в производство. Это моя первая книга в Москве. Потому здесь так долго я и нахожусь. Постоянные посиделки в Центральном доме литераторов, и с редактором, и без него, в кругу друзей по Лит-институту достаточно подточили мой финансовый ресурс в виде аванса от гонорара будущей книги. Но кое-что осталось и на встречу Нового года, и на новогодний подарок для моей Музы, которая кратко сообщила по телефону: «Буду 31-го, вечером, встречай. Рейс 505, Алма-Ата — Москва». Вот и еду встречать, заблаговременно сняв на неделю однокомнатную квартиру на ВДНХ, загрузив холодильник всякой всячиной из Елисеевского и бутербродами из Пестрого зала ЦДЛ. Вина — «Мурфатлар», «Гурджаа-

ни», коньяк «Плиска», водка «Сибирская». И все это венчают две бутылки «Советского шампанского» — брют.

Для неженатого молодого писателя, разумеется, соблазнов много в столице, на то она и столица нашей Родины — Москва. Но есть такое понятие, такой образ и символ, характерный и для поэта, и для прозаика,— Муза. Я, конечно, помню расхожий анекдот: у поэта — Муза, а у поэтессы — Музык. Но у меня Муза, и только Она, одна-единственная. Ондатровая шапка, купленная через два телефонных звонка друзей-москвичей в ателье Литфонда, и есть новогодний подарок моей Музе. Да чтобы эта шапка не была пуста, в нее вложен флакон французских духов «Шанель», не помню какого номера, но прекрасно помню, что приобрел его по протекции корректора моей рукописи по чекам «Внешторга» в «Березке», разумеется, по тройному курсу так называемой твердой валюты.

Вот такие чисто прозаические мысли с надеждой на поэтические последствия вперемежку с псевдофилософскими воззрениями переполняли меня, когда электричка плавно подошла к конечному пункту следования.

Самолет прибыл с небольшим опозданием. И я встал у стойки выхода прилетевших пассажиров, вглядываясь в мелькающие лица, на которых была видна печать единой радости — прилетели до прихода Нового года; а значит, будем встречать здесь, на семи холмах, а не там, в небе, среди холодных звезд и неизвестных светил.

А вот и она! Стройной козочкой, нет, грациозной ланью, в распахнутой короткой дубленке, с японским цветным платком на шее (без шапки, видимо, женская интуиция подсказала, что будет ей шапка, не мерзнуть же на заснеженных проспектах Москвы), в туго обтянутых джинсах, обозначающих приятные контуры всего того, что ниже пояса, и в легких сапожках на меху с невысоким каблучком...

Что таится за всем этим одеянием, я не стал домысливать, ибо все это улетучилось среди снежинок небытия, когда она повисла на моей молодой писательской шее, которая уже привыкла носить на себе незаурядную голову, наполненную сонмом образов, сюжетных линий, начальных интриг и завершающих развязок, одним словом, всем тем, что именуется художественным произведением, то бишь сутью писательского вымысла.

Обдав меня приятными благовониями района Тулебайки и Абая, она взглянула в мои глаза и, слегка смущаясь, шепнула:

— Вот и я...

— Здравствуй, Муза, здравствуй, душа моя!

— Сколько на твоих?

— Двадцать девятого.

— Ой, надо позвонить в Алма-Ату. Там же Новый год через сорок минут.

Мы быстро разыскали переговорный пункт и, звеня пятнашками, стали набирать код родного для нас южного города.

Через пять минут, поймав зеленоглазого коня под незабываемый предновогодний московский ветерок в снежинках, я сказал таксисту:

— С Новым годом, шеф! На ВДНХ!

— Пятерка сверху.

— Идет, шеф.

(Это значило, что пятнадцать по счетчику и пять рублей в довесок).

II

В салоне такси тепло и уютно. За боковым окном мелькали снежинки, а в лобовом было видно, как неслась вдоль дороги московская поземка.

На фоне кружащихся снежинок я видел ее отражение: упрямый лоб, правильный нос и чуть вздернутая верхняя губка над нежным подбородком.

— Жарко,— сказала она и расстегнула верхнюю пуговку синей кофточки, за легкой тканью которой чувствовалось и легкое дыхание ожидания.

Мало ли чего можно ожидать в предновогоднюю ночь, подумал я, когда машина вырвалась на Калужскую. И вблизи церкви на Коломенском она внезапно попросила таксиста остановиться:

— Все, у нас там Новый год,— показывая на свои часики, воскликнула она.

— Шеф, не торопись, мы выйдем на минутку.

— Под Новый год все торопятся,— пробурчал таксист.— Что ж, подожду. Мой дом на Рижской, так что после вас заеду к своим и встречу с ними, а потом опять до утра.

— Ничего, шеф, зато завтра по полной программе — и за Новый, и за Старый. Отгуляешь свое.

Мы вышли из машины и отошли в сторонку.

— С нашим, алма-атинским Новым годом!

Я прижал к себе свою Музу, утонул в запахе ее густых волос, на которые падали едва видимые узоры снежинок и в одно мгновение превращались в капельки пара, сливаясь с нашим дыханием.

— А с чем встречаете? Без стопки вроде не того,— улыбнулся таксист, глядя на нас, чуть приоткрыв переднюю дверцу.— У меня лично «нз» всегда при себе.

Таксист показал бутылку белоголовой.

— У нас тоже при себе,— весело ответила Муза и достала из дорожной сумки бутылку коньяка «Казахстан», а также кусок казы и баурсаки.

— Саркыт* с алма-атинского стола,— пояснила она.

Коньяк на легком морозе прогрел все мое писательское нутро. Было легко и весело, ведь тебе едва только тридцать, и жизнь полна приятных ожиданий, а рядом с тобой, и только с тобой — вот она, твоя Муза.

— Не пей много,— потребовала она.— У нас еще вся ночь впереди.

Да, вся ночь, и не просто ночь, а ночь новогодняя, в отдельной московской квартире на двенадцатом этаже.

Когда подъехали к высотке, что напротив скульптуры Мухиной «Рабочий и Колхозница», я щедро расплатился с таксистом.

— Это вам,— сказала она, передавая початую бутылку коньяка.— Завтра выпьете и вспомните нас. С Новым годом!

— Ну что ж, спасибо. И вам хорошо провести Новый год.

«Волга» в клубах морозного пара мигнула красными огнями стоп-сигналов и оставила нас одних посреди площади на проспекте Мира.

III

Только женщина может накрыть изысканный стол из всех тех холостяцких припасов, что были в холодильнике.

Пока я протирал бутыли с минералкой и открывал соки, она ловко и умело расставила приборы, из двух-трех банок консервов печени трески и скумбрии или горбуши в масле соорудила салаты, добавив к ним квашеной капусты, а знаменитую русскую закуску — сельдь под луком в сочетании с вареной картошкой, оставила на потом, пока сварится эта самая картошка.

---

* Гостинцы с застолья.

В довершение — национальные казы, карта и баурсаки придали нашему московскому новогоднему столу чисто восточный, алма-атинский шарм.

Я, уловив момент, надел ей на голову ондатровую шапку и галантно вручил флакон с духами.

— В Москве морозы, и надо держать голову в тепле,— уклончиво промолвил я.

— А я и не подумала, что холодно,— рассмеялась она, довольная подарком.

Затем брызнула духами на колпачок и вдохнула:

— Да, фирма.

Надев чуть набекрень шапку-ушанку, она, «дыша духами и туманами», взглянула на свое отражение в темном московском окне:

— Ну, как?!

— Слов нет, Кыз Жибек в ожидании своего Тулегена,— в тон ее интонации ответил я.

— Ну, ладно, Тулеген,— отпарировала она.— Я пошла... в ванну. А ты...— она погрозила пальчиком,— не пей раньше времени. И включи телевизор.

Дверь в ванну захлопнулась, послышался гулкий шум и всплеск воды.

Я остался один в комнате, в некотором недоумении...

А до Нового года оставалось меньше часа, а если точней — сорок три минуты.

А за дверью ванны был слышен шум воды и нежный, воркующий голосок моей Музы.

Я машинально стал размышлять, что выпить — водки или коньяка. И причем для поднятия тонуса две рюмки подряд, как говаривал классик русской литературы Антоша Чехонте.

Я подошел к темному проему окна. «Москву люблю в любое время года»,— пропел я чью-то песенную строку.

«Не пей — козленочком станешь»,— молвило мне мое же отражение.

«Не козленочком, а козлом отпущения этой новогодней ночи»,— отвечало ему мое мрачное реальное «я». До Нового года без малого почти ничего, а она вздумала принять ванну. Что — только для ванны летела сюда почти пять часов из далекой Алма-Аты?

А из ванны уже доносилась плавная гармония женского напева и водяных струй.

Я выпил две рюмки подряд «Сибирской» и, продолжая «выдавливать из себя раба» этой самой новогодней ночи, стал прислушиваться к синтезу своего внутреннего «я» с действием паров открытия Менделеева.

Водка медленно, но верно и незаменимо вносила свои коррективы в состояние моей мятущейся души.

«В Москве не будет больше снега, не будет снега никогда»,— вспомнил я строку Межирова, глядя на пляску снежинок за московским окном. Почему не будет? — будет и всегда свежий и всегда неповторимый московский снег. Целая книга стихов поэта Сергея Мнацаканяна посвящена этому снегу. Она так и названа — «Снежная книга».

Странно, что у Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина, Абая, Ауэзова есть свои вечные образы снега, метели и зимы, думал я, а у Гоголя вроде бы нет. Как нет? А «Шинель»? В ней, может быть, и прячется образ петербургского снега. А «Вечера на хуторе»?..

Какие-то неясные силы загудели во мне. Как там, у Олжаса: «Перемещаются во мне шары блаженства, подкатывает к горлу ком — знак совершенства». Но до совершенства моей души было еще ой как далеко, а до встречи Нового года всего ничего. Я тупо уставился в громаду лиц «Рабочего и Колхозницы», в серп и молот, взлетевшие над их головами.

Во мне гудел такой молот страсти, что без наковальни никакому серпу ее не скосить. И вообще, все, что мы пытаемся познать в женщине, разумеется, естественным путем своей страсти, давным-давно уже описано и в фольклоре, и у многих писателей и поэтов.

Я имею в виду настоящих творцов человеческих характеров и страстей, а не тех, у которых после заштампованной фразы о том, что она открыла ему душу и дверь или он взломал ее дверь и открыл свою душу, остается элементарный фиговый лист в виде многоточия. А что там скрыто за этими самыми тремя точками, меня всегда занимало и как читателя, и как обывателя.

Образы и картины роем кружились в моей голове. Как там, у еще молодого Набокова:

Как дочка мельника меньшая
Шла из воды, вся золотая,
С бородкой мокрой между ног.

А как там в нашем, исконно казахском фольклоре, в знаменитом эпосе «Кыз Жибек»:

Случилось то, что быть должно,
Что в юности нам суждено
Впервые в жизни испытать
И что не надо объяснять.
Наш Тулеген, наш ер-джигит,
Весь в пламени любви горит.
Девичий расколов орех,
Он сном возлюбленного спит.
Тут не охотник ли сайгу
На полном подстрелил скаку
И так разделывал добычу,
Что пятна крови на снегу?!

А как там у запрещенного Магжана:

И — моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И — в слезах купаюсь я.
Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.

За дверью ванны стояла томительная тишина. Она настораживала, возбуждала и угнетала.

Из телеящика плыли заключительные кадры фильма «Ирония судьбы». Актер Мягков в образе хирурга Жени Лукашина шел, а затем летел понуро из Ленинграда в Москву.

С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них...

«Что она мне может дать — нового и необычайного? — рассуждал я с долей мужского эгоизма, вновь наливая себе русский национальный напиток.— Не пора ли ставить многоточие этой ночи?»

— Тебе хватит пяти минут? — спросила она, наконец приоткрыв вспотевшую изнутри дверь ванны.

Из ванны вышла не она, а что-то из хрестоматии новейшей литературы:

Изгиб спины ее мне был предсказан,
И линия бедра давно обещана,
По лестнице сходила боком женщина,
Как плавный насталик арабских сказок.
Она спускалась (выступало тело),
Плечами наливалась, грудью зрела,
Лавиной плоти на меня плыла,
Шатая валунов колокола.

— Смотря для чего,— с видом жизнерадостного кретина ответил я, продолжая любоваться метаморфозой происходящего.

— Оставь водку и прими душ,— повелела она, кутаясь в мой халат.

— А ты что? Так, прямо в халате, собираешься встречать всенародный праздник Нового года?

— За меня не волнуйся. Халат будет висеть снаружи за дверью. Да и тебе он ни к чему.

— Это как так ни к чему? Оч-чень даже к чему,— продолжал дурачиться я, скрываясь в ванне.

— Иди, да побыстрей, пожалуйста. Через пять минут будет выступать Генсек.

— Кто-о?

— Леонид Ильич. Поздравит нас с Новым годом.

— А Алма-Ату он уже поздравил?

— Да, и Дальний Восток еще раньше, днем до обеда.

В ванне, стоя под душем, я продолжал вспоминать фривольные строки разных поэтов, стихи которых бродили в списках по этажам Литинститута, по горизонтальным колодцам студенческой свободы слова. Почему-то пришли мало кому известные строки Павла Васильева:

Лебяжьей шеей выгнута рука,
И алый след от скинутых подвязок...
Ты тяжела, как золото, легка,
Как легкий пух полузабытых сказок.
Жеманница! Ты туфель не сняла.
Как высоки они! Как высоко взлетели!
Нет ничего. Нет берега и цели.
Лишь радостные, хриплые тела
По безразличной мечутся постели.
Пускай узнает старая кровать
Двух счастий вес. Пусть принимает милость.
Таить, молчать и до поры скрывать,

Ведь этому она не разучилась.
Ага, кричишь? Я научу забыть,
Идти, бежать, перегонять и мчаться,
Ты не имеешь права равной быть,
Но ты имеешь право задыхаться.
Ты падаешь. Ты стынешь. Падай, стынь,
Для нас, для окаянных, обреченных.
Да здравствуют наездники пустынь,
Взнуздавшие коней неукрощенных!

В дверь ванны настойчиво постучали.

— Это ты, Муза моя?

— Нет, это Дед Мороз. Давай выходи, Генсек уже читает.

— Что-то очень важное?

— Хватит дурачиться, выходи.

— С вещами на выход. А рюмку дадите?

— Дам.

— А еще что...

— Выходи.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я вышел из ванны и окунулся в полумрак комнаты, которую освещал экран телевизора.

Весь экран занимало породистое лицо Генсека. Он поверх своих больших очков подымал знаменитые густые брови и изрекал, что экономика должна быть экономной, и мы переходим в очень развитой сосисками социализм...

— Иди ко мне,— послышалось из глубин широко раскрытой тахты.

Я сомнамбулой двинулся на зов моей Музы.

— Давай сделаем так, чтобы это самое, начавшись в этом году, завершилось в новом.

— Что это самое? — продолжая ее ласкать, с притворным непониманием переспросил я.

— Ну, это...

— Самое?

— Да, самое.

— Чтобы не было настоящего, а было прошлое и будущее?

— Да.

— Ты сказала «Да», и это слово уже в прошлом.

— Да.

— Я целую тебя, и мой поцелуй уже в прошлом.

Я отбрасывал свое многоточие все дальше и дальше, куда-то за темнеющее московское окно, где на черном фоне кружились в своем безумном танце сонмы снежинок и затем замедляли неистовое круженье ниже нашего двенадцатого этажа.

Да что там какая-то Билитис, жившая до нашей эры на острове Кипр, да что там самые поэтические страницы Ветхого Завета «Песнь песней», да что там сам первородный фольклор, к которому я с детства неравнодушен?! Все ничто по сравнению и по восприятию самого совершенного существа на этом свете, реального существа, плоть из плоти реального, имя которому — Женщина.

Я нежно ее целовал, чуть касаясь губами бьющейся прожилки на шее, которая вела мои губы в ложбинку меж ее маленьких грудей, я нежно касался губами нижней, скрытой их части, а затем пупок и линию бедра, возвышающуюся крутым изги-

бом над тахтой, прикасался и слегка гладил рукой ее чуть выпуклый мысок, покрытый мягкими волосами каштанового цвета.

Я нашел самую малую родинку с внутренней стороны бедра, и эта родинка, словно маковое зернышко, лишала меня рассудка.

Хрустальный звон наших фужеров перемежался звоном наших сердец. Потянувшись к икрам ее стройных ножек, я переломил ножку фужера, шампанское, шипя и пенясь, разлилось по ее упругому животу.

— На счастье! — смеялась моя несравненная Муза и, легко увернувшись от моих объятий, грациозно воссела надо мной.

В ней все гудело, раскрепощая ее южную плоть. В ее возгласах и всхлипах слышен был занебесный гул турбин рейса 505 «Алма-Ата — Москва», все турбулентные зоны на пути его следования покрывали нас своей бездной, где музыка звезд манила и влекла нас. И — в одно мгновение рождала в нас совсем другие, ранее неизведанные зоны.

Генсек с удивлением поднял свои породистые, мохнатые брови и с изумлением разинул рот, глядя на мою Музу, которая мчала «атласной кобылицей» по бездонной московской заснеженной ночи, мчала, втаптывая меня в сугробы навзничь раскинутой тахты, очумелого и покорного ее и своей страсти. Она даже превосходила и предвосхищала «атласную кобылицу» Лорки, ибо она раскрепостила свою страсть в реальности, мчала навстречу своему счастью и к вершинам неописуемого доныне и непознанного, и безотчетного восторга, сидя на мне, таком же живом и также стремящемся к тем же самым вершинам, а у испанского поэта было только прекрасное и талантливое описание всего того, что сейчас происходило с нами.

А с экрана вещал Генсек. Он был единственным свидетелем нашей ночи любви, и он не мешал нам, ибо мы знали, что сейчас, после его слов, прозвучат куранты.

Генсек, не опуская своих удивленных бровей, лукаво промычал:

— С Новым годом!

Когда куранты Кремля начали свой перезвон и четко произвели свой первый удар, в нас уже рождались совсем другие куранты — куранты небес, заглушая все в свете нашего сознания, лишая нас чувства пустой реальности, погружая в бездну безумия и отчаянной, никогда не познанной радости и счастья.

А снег за темным окном, рассыпаясь на множество снежинок-шестеренок, разъял небеса, плавно опуская на вечную землю блестки чего-то неземного, которые уже были в прошлом, но им все равно — в каком времени они были. Самое главное, что они есть и рождают своим безудержном взлетом и падением близкую сердцу и духу и всегда такую неповторимую, внезапную московскую метель.

Наша ночь любви продолжалась, но уже вне времени и пространства. Я был на высоте творческого блаженства.

От критического реализма до реализма социалистического, рассуждал я, охваченный хмельными парами любви и страсти, мы были просто одурачены вехами мнимой литературы. И все эти «измы» ничего не значат по сравнению с самым первородным и естественным по своей природе, который так напрашивается на конец из óргана к оргáну.

Я теперь все могу, я знаю, как завершить свою первую повесть жизни. Что там вчера мне говорил редактор? Что конец моей повести какой-то вялый. Это у меня, у мужика, вялый конец?! Я такой конец покажу, что всем концам будет конец.

Теперь я все могу и все умею.

Я и раньше и не раз знавал и познавал прекрасных женщин в прямой реальности и в переносном смысле своего писательского бытия. Но там был все-таки спортивный азарт, писательский интерес да элементарное удовлетворение мужского тщесла-

вия и самолюбия. И это все было как бы так, как бы между прочим, ибо не было пиршества души и плоти, которое только где-то сейчас подступало своим неизвестным началом и никак не собиралось меня выпускать из своего неизбежного плена. Там, в прошлом, не было музыкальных нот и гармонии души и плоти, не было нот моей Музы, которым, чтобы выстроиться в эту жизнеутверждающуюся гармонию, необходим был ключ.

Скрипичный ключ новогодней ночи.

IV

А утром я повел ее на Красную площадь.

— Это те самые? — по женской логике спросила она, взглянув на Спасскую башню.

— Нет, наши где-то там, в небе,— уверенно ответил я, глядя на бездонную серую высь, до головокружения в глазах сплошь покрытую плывущими снежинками из далеких небесных сфер.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Корнилов
(г. Братск Иркутской обл.)

PERSONALIA

«БЕРЕГ ДЕТСТВА»

Корнилов Владимир Васильевич — православный русский поэт. Родился 10 января 1947 г. в селе Октябрьское Челябинской области. С 1967 по 1969 гг. служил в рядах Советской Армии. В Сибири живет с 1972 года... В 1987 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1994 г. и по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества. Постоянный автор журнала «Приокские зори».

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
...И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог.
...В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой — кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Светлой памяти мамы

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.
Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова,—
Все вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй, вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас теплым тулупом,
Вожжи в руки — и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль —
На деляну родить понесло?!»
Недороды да бедность по селам.
Даже песни не пелись без слез...
Дед же въехал в деревню веселым:
«Мужики! Пополненье привез!»

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..
Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный.
Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари черным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово Родина...
В словах учительницы гнев
И боль, и гордость затаенная.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокоренная...

А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами...
Но Русь по-прежнему стоит,—
В озера смотрится березами.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны веселым звонарем
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарей,
Наполнить вешней музыкой сегодня.
...Я нынче встал еще до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелетной стаей.
И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.
...А я подумал: «Скоро сеять хлеб.
В такую пору нелегко крестьянам...»

* * *

Я деревню из детства
Через годы пронес.
Мне достались в наследство
Просо вызревших звезд,
Баня черная, веник,
Горечь листьев берез
И клубника без денег,
А не рубль за горсть.
...Детство то, озорное,
Как мираж, далеко.
Там дымится парное
По утрам молоко.
Там босые дороги
Под мычанье и гул
За лесные отроги
Убегают в июль.

УСТЬ-КОДА

Как столетья назад,
Здесь все избы покрытые тесом.
И у женщин в глазах —
Та же синь, отраженная плесом.
...На задворках судьбы,
В этом тихом таежном местечке,—
Незатейливый быт
С телевизором... с баней у речки...
От столиц вдалеке
И от их суматошного грома.
С миром связь по Оке —
Да и то лишь паромом.

...Сыновья-города
Пусть деревню за это не судят.
Усть-Кода, Усть-Кода! —
Островок человеческих судеб.

СЕНОСТАВ

Здравствуй, лето мое Падунское! —
Смех и песни под щебет птах —
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.
Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сеностав.
Косари, как ватага Стенькина,—
В этом буйном разгуле трав...
Небо светится синим донышком,
Распогодилось — знай, коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сеностав Руси.

В СТРАДУ

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода.
...И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнет пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...
А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...
А мужики поглощены работой,
Но жен своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.
...И, отобедав там с домашним пивом,
Глядят на жен уже повеселей.
Иной косец щипнет свою шутливо,
А та ему: «Да ну вас, кобелей!»
И мужики, стряхнув с себя усталость,
Уйдут вершить зароды дотемна.
В деревне только немощная старость
От жарких дел в страду отстранена.
...Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохнет прохладой сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки...
И мужики, уж затемно шагая

Тропинкою меж зреющих овсов,
Несут устало дрему иван-чая,
Да на руках уснувших сорванцов.

ЛЕСЯ

Задремало село в ночи.
День в заботах померк давно.
Даже в клубе гармонь молчит:
Нынче Федор устал, должно...
Из седла не окинешь степь.
Хуторок тот и впрямь пропал.
Он всего-то на восемь стен
И полынью насквозь пропах.
Тридцать верст до него езды.
Мнут копыта седой ковыль.
Следом луч от степной звезды
Серебрит голубую пыль.
...Вот мигнул огонек в степи,
Свет в окошках всю ночь не мерк.
Это Леся моя не спит —
Обещал: «Прискачу в четверг...»

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Еще звезды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслом
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночница-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрет...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.
В час такой на озерах слышно —
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит —
Подступает зари огонь.
Встрепенется, взлетит на крышу
И — растянет свою гармонь.

ГОРОЖАНКИ

В дни страды на празднике земном,—
Свято чтя его обычай древний,—
На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне.
Не привычен им крестьянский труд.
Тяжелы шершавые лопаты.
Только от мозолей не ревут —
Уж такие русские девчата...

Соберутся в клубе вечерком.
День в степи погаснет за стогами.
Выйдет в пляс иная с пареньком,—
Брызнет дробь под звонким каблуком,
Дрогнут половицы под ногами...
Сколько страсти в танцем озорном?!
На Руси танцуют так издревле.
...На току, заваленном зерном,
Горожанки трудятся в деревне.

В АВГУСТЕ

Какое согласье в Природе —
Умиротворения дух?!
Недаром у нас в огороде
Расцвел в эту пору лопух.
...Отшельник, отвергнутый всеми,
Познал он и тяпку, и плуг...
Но в августе гордое семя —
Лазоревым вспыхнуло вдруг.
И эту улыбку Природы
Случайно увидел поэт,
В заросшем углу огорода
Заметив лазоревый цвет.
И он восхитился растеньем,—
Хоть с виду лопух неказист,
Но нежное в бликах цветенье
Стихами просилось на лист...
И пасынок жизни суровой —
Земли горемычная соль —
Восславлен был праведным словом
За все его муки и боль.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река...
Барышня, нам не до осени:
Мы вас не ждали пока.
Что же вы лету перечите,—
Если еще зелены
Сопки на всем междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей...
Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных вьюг.
Ими еще не налетаны
Первые стежки на юг.
Это приснился Вам давнишний

В золоте весь окоем...
Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своем?

В СЕНТЯБРЕ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день
С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября,
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя,—
Свой восторг дарил я небесам.
...Храм осенний светел и велик —
Благодатью Вышней сотворен.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церквей
В ярко-желтом пламени берез —
Это образ Родины моей —
Дорог мне и памятен до слез.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Грусть вселенская разлита,
В душу въелась тишиной.
Сеет в меленькое сито
Серый морок ледяной...
Неуютно, зябко, сыро
После теплых летних дней.
Прохудилась крыша мира —
Заненастило под ней...
Выткан день из ткани ветхой,
Незаштопанной давно...
Осень яблоневой веткой
Грустно тенькает в окно.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Душа томилась у меня,
Рвалась наружу:
Ей скучны скорбный морок дня,
Седые лужи.
...Как будто кто-то на Руси
Вдруг умер тихо.
Все утро дождик моросил —
Без передыха...
На небе сером, как зола,
Померкли краски...
Душа же с трепетом ждала
Осенней сказки.

Валерий Савостьянов
(г.Тула)

РОЩА ПАМЯТИ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

РОЩА ПАМЯТИ

В Польше сносят памятники
Великой отечественной войны.
Информация из СМИ

На вопрос мальчишки, совсем простой,
Непростой ответ у фронтовика:
«Почему рукав пиджака пустой?» —
«Потому что в Польше рука!»

И мальчишка замер, изумлен:
«Деда, расскажи про бои!» —

«Там погиб гвардейский батальон,
Боевые братья мои!

Там, под переправою через Буг,
Кровью пропиталась земля!
Там лежат герои —
И столько рук!!!
Вот бы их сложить в тополя —
Чтобы встала роща над рекой,
Там, где берег бомбами взрыт!

В ней —
Друзьям, навеки нашедшим покой,
Соловьи бы пели навзрыд,
В ней —
Цвели б медалями на сукне
Кителей
Тюльпаны ее полян,
В ней —

Сажали б саженцы по весне
Внуки ветеранов спасенных стран...

Не разрушить варварам, не снести б
Эту Рощу Памяти, что на века,
Где зеленой веточкой
Зашелестит
Правая моя рука...»

ПРАГА И ДРЕЗДЕН

Справка: в стихотворении упоминается фамилия Конев. Маршал И. С. Конев — это главнокомандующий 1-м Украинским фронтом, бравшим Прагу в мае 1945 года. Остальные фамилии — великих художников: они общеизвестны. Кроме, пожалуй, одной: Муха — это фамилия выдающегося чешского художника.

Я был в них недолго, почти что проездом.
Невольно я сравнивал Прагу и Дрезден,
Порой столбенея от недоуменья,
Что нету, увы, никакого сравненья!

Да, Дрезден хорош: в нем Собор, Галерея —
Но все-таки сколько же в нем новодела!
А древняя Прага казалась мудрее:
Глазами веков прямо в душу глядела!

Я в Прагу влюбился — скажу без утайки!
И то, что спасли ее русские танки
И русские «Илы» ее не бомбили,
Лишь веские плюсы в любви этой были!

Представьте же: май, купола, базилики —
И павших солдат светоносные лики,
Такие, что впору писать на иконах!
Одну я назвал бы «Святые и Конев»...

А Дрезден? Про это вы знаете сами —
А Дрезден в руинах, сожжен небесами:
Союзное войско, пехоту жалея,
Сожгло, разбомбило его Галерею.

И тысячи жителей мирных сгорели —
А с ними Веласкесы и Рафаэли.
И тысячи беженцев, чаще невинных —
И сам Леонардо? — погибли в руинах.

И тысячи пали от бомб равнодушных —
Конечно, врагов, — но, считай, безоружных,
Желающих плена, как манны небесной.
А вдруг среди них Тициан неизвестный?

А вдруг среди тех, что решили сдаваться,
Ван Дейк, Веронезе, Ватто, Караваджо?
Но в плен их не взяли — теперь «на иконах»
В аду они пишут «крылатых драконов»!

А летчик, сгубивший Сандро Боттичелли,
Черней всех чертей там
И дьявольской черни! —

Любой его хает, и всяк его судит,
Что прежнего Дрездена больше не будет,
И в нем не бывать — в силу высших законов —
Иконы, подобной «Святые и Конев»...

Из мертвых колодцев — воды не напиться:
Дай Чехия Дрездену иконописцев,
Дай Прага Германии нового Муху —
Утешить, утишить немецкую муку!

Поскольку иконы, вы знаете сами,
Не пишутся горем одним и слезами,
Не пишутся душ, даже быта уродством —
А пишутся мудростью и благородством,

А пишутся мужеством, великодушьем,
И верой! И братством — славянским оружьем —
Как в Праге в конце боевого похода
Победной весной 45-го года...

МОРАВСКО-ОСТРАВСКИЙ ОРЕШЕК

Верю я, что общую Победу
Чтить наш общий мир не перестал!
И на Праздник в Чехию поеду:
В личный тур — по дедовским местам.

Посещу Моравию, Судеты,
Одру и Карпатский перевал —
Передам поклоны и приветы
Тем краям, где дед мой воевал.

Здесь, в горах, я думаю, пореже
Спесь гремит в победный барабан —
Здесь Моравско-Остравский орешек:
Долго нам он был не по зубам.

Спросят: «Что ты вспомнил это? Кто ты?» —
Тот я, в чьем роду фронтовики,
Знающий, как остравские доты
Здесь косили русские полки.

И не свитки сталинских приказов
Положить хочу я на весы,
А дороги дедовских рассказов,
Вздохов, умолчаний и слезы.

Наших мертвых не вернуть обратно:
Что им наша спесь и наша лесть?
У весны победной — были пятна!
Что же? — И на солнце пятна есть!..

И когда помянем и отплачем,
То, последний выплеснув елей,
Поблагодарим и неудачи —
Завтрашних побед учителей.

И не попеняем генералам,
Чтя их путь и нимбы их седин, —
Хоть порой, увы, не гениальным! —
Все же дед вернулся — невредим...

ПРАЖСКИЙ ХЛЕБ

Не знаю, для чего мне продиктован
Такой сюжет — уж слишком он нелеп
Тем, что так прост —
Как в Праге в продуктовом
Я покупал обычный пражский хлеб.

Добавить нужно, что, дешевый самый,
Так вкусен был он, что по вечерам
Мой поздний ужин: с ним, с домашним салом
И с крепким чаем — равен был пирам!

Вы спросите: а что же в рестораны
Ходил я редко? Кроны, что ль, берег?
Все просто: реагировали странно
Там иногда на русский говорок.

И навсегда запомнилось, как жарко
Сказала что-то в сторону мою
Официантка, старая пражанка,
На просьбу лишь расшифровать меню...

Но пан седой —
У Св*о*боды солдатом

Он воевал —
Был вежливым со мной:
«Прости: они забыли сорок пятый,
А только помнят шестьдесят восьмой...»

Да ладно, брат: плевать мне на интриги,
Коль по сердцу мне Праги купола
И хлеб ее, похожий на ковриги,
Какие в детстве бабушка пекла!

Есть чай пока и даже сала малость —
Все остальное, право, «се ля ви»...
И долго-долго мне не засыпалось,
И я писал о Праге и любви.

В САЛАСПИЛСЕ

Во время оккупации Латвии в фашистском концлагере Саласпилс у советских детей насильственно брали кровь. Ребенку, ослабевшему и не способному ее давать, чтобы не прерывался зловещий, но остродефицитный конвейер крови,— под видом каши предлагали ложку отравы...

Из объяснений экскурсовода

...И прозрачны, трепетны и тонки,
Как весной картофеля ростки,
Забелели детские ручонки,
Детские возникли хохолки.

Закричали рты,— и в каждом слове,
В шелесте срывающихся фраз
Слышалось:
«Верните кровь нам. Крови,
Той, что доктор выкачал из нас!..»

Доктор, и заботливый, и ловкий,
За троих работать успевал:
Шприц вонзая, гладил по головке,
Слабым — кашу ложечкой давал.

Шли в барак отведавшие кашки,
И потом на глиняном полу
Янисы, Володьки и Наташки —
Умирали, скорчившись в углу.

И опять, огромны и бездонны,
В лагерь приходя порожняком,

Отъезжали, булькая, бидоны
С кровью детской, будто с молоком.

Спецкорабль отчаливал от пирса,
Самолет груженый вылетал...
Детские могилы Саласпилса,
Сколько вас? Никто не сосчитал.

Встану молча —
Будто к изголовью,
Чувствуя с жестокой простотой:
Кровь детей —
Не смоешь даже кровью,
Даже карой, страшной и святой!

* * *

Там, под Бежецком, живет
Одинокая береза —
Тетя Тоня, счетовод
Прежде славного колхоза.

Все сосчитаны года —
Их четырежды по двадцать.
И не хочет никуда
Тетя Тоня перебраться.

У нее ведь огород
И родные на погосте,
У нее два раза в год
Из Москвы бывают гости.

Не спеши же, ангелок,
В добрый дом ее явиться,
Где на фото, словно Бог,
Мальчик с ромбами в петлицах...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рожден во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит как о суровых,
Где правил злобный вурдалак.
Не знаю: врут иль было так —
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Сережка в очередь встает,
А мы, пока он достоится —
За стол!
И солюшки щепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В стране пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает все и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной, —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

Людмила Козлова
(г. Бийск)

Автор более 30 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге и за границей (Канада, Онтарио, Виннипег). Лауреат многих краевых литературных премий, в том числе им. В. М. Шукшина, лауреат Международной литературной премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии Алтайского края в области литературы. Стихи и проза публиковались в центральной, региональной и местной печати и в Зарубежье (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга... года» — 2014 и 2017 (Германия, Берлин-Франкфурт). Победитель Краевого издательского губернаторского конкурса — 2009 и 2015 г. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

СВЕРЧОК

Сверчок на скрипочке сверчит,
и пусть себе сверчит!
Светло, серебряно в ночи
от скрипочки ночной.
Льняной волною лунный свет качает небосвод,
Роняя звезды в глубину качающихся вод.
Сверчок сверчит который год, и где-то за окном
Река-молчальница идет, исполненная сном.
Куда она идет, река?
Туда, где у костра
Звезды Полярной*
Ждет сестра
по имени Катунь,
Туда, где встретиться пора!
Сверчок на скрипочке сверчит —
Июнь, июнь,
Июнь...

* Реки Бия и Катунь текут с юга на север — на Полярную Звезду, и сливаются, образуя Обь.

НЕ СБЫЛОСЬ

Солнце низкое крадется — то крадется, то бежит.
День декабрьской белой птицей по-над крышами кружúт.
Глядь, а птица улетела — ночь стоит за поворотом.
Вышел месяц круторогий — поднебесный юный лось!
День волшебный, день жемчужный,
                день трагически короткий —
Совершилось, что не нужно.
А что нужно —
Не сбылось!

ОСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

В день равноденствия осеннего,
Когда рассвет прохладно-мглист,
Вишневым солнцем воскресение
Встает, а в нем кружится лист.
Теплом последним приголубленный,
Огнем рубиновым горя,
Стоит мальчишкой недолюбленным
Шиповник в дебрях янтаря.
И поцелуйно-серебристая —
И не слышна, и не видна —
Сквозит меж огненными листьями
Лесная Мавка — тишина.
Она шиповником любуется —
Мальчишка очень уж хорош!
Она целуется, целуется
И пропадает — ни за грош!

ДУША И ЧИТАЮЩИЙ АНГЕЛ*

Они сидели молча. Листопад
Листву листал — минута за минутой.
И каждый почему-то
Верил в Ад.
Но листопад
Вносил живую смуту —
Смещались и кружились времена!
Она и Ангел взглядами столкнулись —
И строчки разбежались, улыбнулись,
И терпкий звук — осенний шорох сна
Объединил сердца. Она осталась —
Под ангельским крылом всегда тепло!
Теперь же к ним дороги замело —
Кругом сугробы огненной листвы

* Читающий Ангел — скульптура в Измайловском саду в Санкт-Петербурге.

И горький дым, и злые привиденья.
Хранят растенья
След от волчьих стай,
Но не найти уже тропинки в осень!
И кто-то шепчет,
Жалобно так просит:
— Мой добрый Ангел,
Мне
Меня
Отдай!

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Что-то забытое-непозабытое где-то внутри болит.
Дворник скребет лопатой, а снег все вал*и*т, вал*и*т,
Не оставляя надежды, призрачного следа.
Что-то не так, наверное, товарищи-господа.
Что-то не так, ребята. Мир изнутри болит.
Холодно. Безнадежно.
А снег все вал*и*т, вал*и*т!

Элина Рудая
(г. Симферополь, Республика Крым)

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Печаталась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г).

СЕВАСТОПОЛЬ. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

В солнечных бликах манящее море,
Парусник чей-то белеет вдали...
Я устремляюсь по водным просторам
В прошлое этой сакральной земли.

Май величав! Он для города, флота
Месяц рожденья и славных побед!
В русскую летопись вписан без срока
Наш Севастополь, как белый корвет.

В светлые ризы однажды одетый —
Крест осененный застыл в небесах —
Город, приняв православья обеты,
Встал на защиту России в веках.

В плеске волны и в мелодии вальса
Слышится времени полный разбег...
Чтоб не случилось, без признака фальши,
Город у моря — страны оберег!

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Листаю старые страницы
Я пожелтевших «уголков»,
И между строк — родные лица
В войне оставшихся дедов.

Все также молоды, красивы,
Как будто не было тех лет,

Когда страна из тьмы руинной
Зажгла Победный яркий свет.

Они опять в строю, как прежде.
Сердца их греет огонек,
И впереди любовь, надежда,
Что жизнь отмерит нужный срок.

Что все вернутся, дай лишь время,
С чужих далеких берегов,
Их принесет лихое стремя
Летящих белых скакунов.

Вновь в облаках летает «рама»,
И фриц ползучий начеку —
«Я жив, здоров, не бойся, мама!..
Попить бы с вами мне чайку».
Нет! Не вернулись, как хотелось...
А нам завещано одно —
Их помнить всех, чья песнь не спелась,
И пить полынное вино.

ОПОЛЧЕНЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Где-то звонко играла гармошка,
Вишня в пенном кружилась цвету,
Май от фронта расправил дорожку —
Наш солдат отмерял в ней версту.
В сорок пятом из ратного боя,
До рейхстага коснувшись рукой,
Забывая о ранах и боли,
Возвращался с победой домой...

Нет, не верилось, что в двадцать первом
Веке снова оглушит война,
Полоснет по натянутым нервам,
И зацепит осколком она.
Что разделит страну безвозвратно
Куликового поля Хатынь,
Под прицельным огнем автомата
Кровью вскормлена будет полынь.

Вновь рядами встает ополченье,
Память дедов диктует приказ —
Из семнадцати прошлых мгновений
Соткан ген, поселившийся в нас.

Александр Конопля
(Украина, Харьковская область, поселок Буды)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Окончил физико-технический факультет Харьковского государственного политехнического университета. Работает инженером-конструктором в ПАО «Турбоатом». Публиковался в литературных журналах Украины, России, Беларуси. Автор шести поэтических сборников. Лауреат литературных премий имени Владимира Сосюры и Михаила Матусовского. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина», а также Международного клуба православных литераторов «Омилия».

* * *

Милая женщина шла по дороге.
Встретила в парке знакомом весну.
И позабыла печаль и тревоги.
День сероглазый лучами блеснул.

Следом ручей беспризорным котенком
Тихо бежал по асфальтной тропе.
Ели стояли в зеленых дубленках.
Хор воробьиный восторженно пел.

Милая женщина шла, улыбаясь.
Нежно касался волос ветерок.
Мир оживал, будто снова рождаясь,
И отцветал потускневший снежок.

* * *

Солнце светит днем весенним.
Птицы весело поют.
И незримо кто-то сеет
Средь седой травы уют.

Вновь гудят деревьев кроны.
Родничок журчит родной.
На лету слова уронит
Ветер юный, озорной.

И подхватит их землица,
Встрепенется, оживет.
На пруду вода искрится,
Побеждая серый лед!

* * *

Поселку Буды

Не насмотрюсь, поля родные,
На разноцветье ваших трав,
На ваши линии простые,
На ваш покорный, тихий нрав.

И не наслушаюсь деревьев,
Что тянут руки в небеса.
И знаю, боль мою согреют,
Заставив верить в чудеса.

Не надышусь прозрачной манной,
Что дарит родина моя,
И синью той, что утром ранним
Струится песней соловья!

* * *

Серое утро мне глянуло в душу
Серым киоском, аптекою серой.
Ветер куда-то бежал непослушный
Серыми крышами, брошенным сеном.

Серые капли в плену притяженья
Падали тихо на серую землю.
Серый автобус стрелою движенья
Мчал, опозданий в пути не приемля.

Серые ветки, глотнув вдохновенья,
Чуть колыхались у серых окошек.
И, восхищаясь весенним броженьем,
Чья-то мурлыкала серая кошка.

* * *

Расцелую весну, расцелую.
Дымный воздух мне слаще, чем мед.
Теплый ветер округу родную
От бомбежек и бед стережет.

И поют, словно Ангелы, птицы,
И блестит в небесах синева.
Повезло на Руси мне родиться,
Где полей понимаю слова,

Где любуюсь травинкою каждой,
И деревья мне словно родня.
И собаки здесь лают отважно,
Всех котов без разбора виня.

Лучик солнца сидит на ладони.
Вновь куда-то бежит ребятня.
Русь Святая и край ты мой добрый,
Вы навек покорили меня!

* * *

Я вашей не ищу любви.
Вы суждены, увы, другому.
Поют хмельные соловьи
На ветках яблони у дома.

Так светел взгляд Ваш озорной!
Чисты улыбки очертанья.
И не одною мы тропой
Идем сквозь тайны мирозданья.

Пусть Ангел Вас хранит от бед.
Могло все статься по-иному.
Но Вы одна из тех комет,
Что мчит к созвездию другому.

* * *

Пахнет в городе пылью весна.
Стаял снег, не успев попрощаться.
Ночь упрямой несушкой снесла
Очертанье ушедшего счастья.

Бормотал угловатый трамвай
По дороге, петляющей сонно.
Мы разбили стеклянный январь
И посыпали прошлое солью.

Город в гриме сквозь окна мелькал.
Контролерша, как рыба, зевала.
Ждал меня одинокий вокзал
С суетою помпезного зала.

Брошу гривню бедняге-бомжу
И спущусь по ступенькам на площадь.
Провели мы с тобою межу:
Город твой, а мои — луг и роща.

ПРЕДПАСХАЛЬНОЕ

Льется Божья благодать
На родную землю.

Радость в сердце не унять.
Мир певуч и зелен.

Скоро встретим мы Христа!
Скоро Воскресенье!
Русь Святая, непроста
Тропка ко спасенью.

А пока в плену Поста
Приумолкнут страсти.
И у первого листа
Сладкий привкус счастья.

ПАСХА

Диптих

1

Разбудит мир краса небес
Воскресным утром.
Христос воскрес, Христос воскрес!
Прочь смерти путы!

Поют луга, поля и лес
На всю округу:
Христос воскрес, Христос воскрес,
Несут хоругви!

Притихло зло, низвержен бес,
Ликует правда!
Христос воскрес, Христос воскрес
Вселенной править!

2

Звонкий колокол принес
Весть с утра святую:
К нам идет, идет Христос!
Ангелы ликуют!

Куличи несет с Собой —
Освятить со всеми.
И народ за Ним гурьбой
Семенит к спасенью.

Храм наш радостно стоит.
Светятся корзины.
И луна звездой парит
В небе синем-синем!

Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

Серебряное Перо Руси Международного конкурса «Национальная литературная Премия Золотое Перо Руси — 2016», лауреат 5-го Международного конкурса детской литературы «Пегасик — 2013» (1 место в номинации «Разные жанры»), лауреат поэтической премии им. Алексея Маресьева. Член Союза брянских литераторов, Русского литературного клуба и Футурсобрания.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

«Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия»

И. С. Тургенев

ОБРУЧАЛЬНОЕ СКЕРЦО

(Рондо)

Пойдет ли в рост побег в раскрытом сердце? —
Во сне ли, наяву ли... Мне поверьте:
Какая прелесть тоненький росток —
Обживший сокровенный уголок
Мгновений, не подвластных страху смерти!

А черный ворон спрятался за дверцей,
Надежды урывая номерок.
Какой для счастья низкий потолок...

Пойдет ли в рост?

Подобно чуду в звездной круговерти
Живая страсть растопит свечи в церкви.
Смотрите! — В свой заоблачный чертог

Клубок несчастий ворон уволок...
Я подарю тебе мелодий нежных персик! —

Пойдет ли в рост?

АПРЕЛЬ

(Диагональный акростих)

Апрель — проказник и обманщик,
оПрава марта, пропуск в май,
миРов сиреневых шарманщик,
кудЕсник, страстный шалопай,
оскоЛком льда прирос к рассвету,
метелЬю странной канув в лету.

ЖЕМЧУЖНЫЕ ПОДСНЕЖНИКИ

Пробьются сквозь валежники
Росточками мечты
Жемчужные подснежники —
Молочные цветы.
Бутоны белоснежные
Домой не унесу! —
Не собирай подснежники:
Пускай растут в лесу!

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Трепетность вокала
Повторить нельзя! —
Свежестью ласкала
Музыка дождя.

В быстром темпе звонких
Луж сомкнулся круг!
Ветер, вырвав зонтик,
Кружит по двору.

Сонных капель танцы
Замедляют ритм.
Томное анданте
На душе царит.

...Гром с Олимпа грянул,
Солнцу дав сигнал! —
Даже дождик рьяный
Капать перестал...

ОСЕННИЙ КАПРИЗ

О/пять с утра дождит палитра,
о/К/ошко в осень приоткрыто,
ле/Т/ит, как в сказке, желтый лист.
нар/Я/д с деревьев снял магнитом
скор/Б/ящий ветреный каприз.
дождя /Р/асстроил безмятежность
октябр/Ь/ский гром — к зиме бесснежной!

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Я в крещенский вечерок
Буду беспристрастен:
Переступит кот порог
Левой лапкой — к счастью!

ПОЙ, МЕТЕЛЬ-МЕТЕЛИЦА

Колыбель отшельницы — нежный ореол.
Пой, Метель-Метелица, снежный произвол.
Каруселью — мельница. Видно, хмель прошел:
За Метель-Метелицей мчится Белый Волк...

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Наш постоянный автор.

150-летию великого русского писателя
Максима Горького посвящается

ИЗ КНИГИ «ПОД НЕБОМ УРАЛА»

* * *

На стыке Азии с Европой
Лежит седой Урал.
Не Одиссея Пенелопой
В веках он просиял.

Он был и есть могуч и светел,
В веках свой нрав ковал.
И, как давно Бажов заметил,
Он сказом, сказкой стал!

Народ здесь крепкий, словно горы,
Суровый, как зима,
И изумрудом светят взоры,
И горы — закрома!

Он стал опорой всей державы,
Опорой и стеной...
Урал великий, Урал бравый,
Урал мастеровой!

* * *

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Поля, хлеба и мокрое жнивье!
Мы столько трав в лугах ее косили,
Мы сердцем приросли к лесам ее!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Морей и рек великих караван.
Здесь горы — кладези, и здесь вития
Не гнет пред барами свой гордый стан!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
История безмерной глубины...
Здесь наши души тают в небе синем,
Здесь наши пращуры погребены!

* * *

По дороге Военно-грузинской
прошагали мы путь свой неблизкий.
Мы Казбек и Мцхету* видали,
Там душа поэта витала!

* * *

Тбилиси — теплая вода,
Тбилиси, ты со мной всегда,
как в годы юные мои,
когда певали соловьи;
когда ложился рдяный цвет
на храм из прошлых, давних лет,
когда читая «Мцыри»,
молилась дерзкой лире!

* * *

Вот и Арпачай! Арпачай!
Наша граница! Это стоило Арарата.
А. Пушкин «Путешествие в Арзрум»

Я шла на зов — в далекие края,
Пересекая горы, степи, скалы.
Рассыпала цветы кругом заря,
И Арарат звал. Этого не мало!

На трассе оставались корабли —
Бегущие фургоны, КрАЗы, фуры.
Арагви говорила: «Не юли!
Ползи наверх и все рисуй с натуры!

Ползи наверх к могучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарей на небе!»
Кура кричала: «Я свое воздам!
Придет жара — забудешь ты о хлебе!»

Но вот мелькнул стрелою Арпачай**,
Глаза покрылись тонкой пеленою...
Встречай меня, мой друг, встречай, встречай!
За нашу встречу выпью я с тобою!

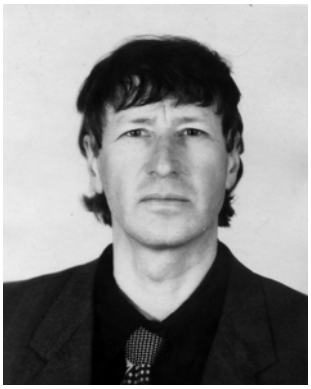
---

* Мцхета — древняя столица Грузии. В этих краях побывал великий поэт М. Ю. Лермонтов, написавший поэму «Мцыри». Действие поэмы разворачивается в храмах Мцхеты.

** Арпачай — приток реки Аракс. Протекает недалеко от горы Арарат.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

У Вечного огня, как на погосте,
Стоял старик, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: « Пройдены все версты,
Но не вернулся ты домой, Мифтах!
Как много близких здесь друзей, челнинцев,
Однополчан, которых я искал.
В войну нам небо становились низким,
И гул снарядов битву предвещал.
И рвались в небо жаркие «Катюши»,
Пехота шла дорогою любой
За пядь родимой несравненной суши,
И не забыть мне тот кошмарный бой.
И вот я — здесь! Я — Виктор из Покрова,
Солдат Отчизны, взводный твой, Мифтах,
Которого прикрыл ты там, у Пскова,
В российских окровавленных снегах».
У Вечного огня, как на погосте,
Стоял старик, пиджак был в орденах.
Шептал он тихо: « Пройдены все версты,
Но память в сердце не умрет, Мифтах!
С тобою мы недаром защищали
Родимый дом и честь большой страны,
Чтобы потом здесь нашими сынами
Построен был наш Автоград — Челны!»



Евгений Асташкин
(г. Омск)

Автор пятнадцати книг, в числе которых: «Стробоскоп», «Ждут меня тополя», «Смертельное сновидение», «Ненареченная», «Вне подозрений», «Заговор тиннов», «Солнечный зайчик», «Малолетка», «Пол-Коли». Дипломант областного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века» (2006).

ВЕТКА АКАЦИИ

Сорвали веточку акации,
Потусовались с ней часок
И обронили — нет в ней грации! —
На тротуарный солнцепек.
Уныло под шагами гулкими
Ветвь умирала. Но она
Стреляла сохлыми «свистульками» —
Разбрасывала семена...

«ВОСКРЕСНЫЙ» ПАПА

Полузабытая площадка.
Бордюров тонкий поясок
Ее кольцует для порядка.
Копает детвора песок —
Свое богатство рассыпное.
И там, на предвечернем зное
Мой пятилетний колобок —
Моя дочурка... В отдаленье
Свою милашку огляжу
И поскорее ухожу
За дом — еще не воскресенье!..
Боюсь: дочурка разберет
Мои неслышимые речи
И кинется ко мне навстречу,
И под машину попадет...

ДУРМАН

Дурман уже расцвел у низкого окошка
И как-то озорно за стекла заглянул.
И увидал меня: был удивлен немножко,
Что нет на мне листвы,— наверное, стряхнул...

Он словно говорил: «Во мне не много толку.
Тобою пощажен, пока еще живу
Среди других цветов, предчувствуя прополку.
Я разве виноват, что сорняком слыву?..»

Дурман улыбкою дарил мне полдень летний,
И стало в комнате янтарно и светло.
Он стебель протянул к моей руке приветной.
Его я не пожал — мешало нам стекло...

«ИГРОК»

И я когда-то
Играл в футбол.
И виновато
Кричал я: «Гол!..»
В свои ворота...
Смеялся кто-то,
А наш вожак
Бежал за мною,
Вручал, не скрою,
«Медаль» — тумак...

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Калеки-города в пыли и саже.
На стенах — тени испаренных душ.
Разноголосья странная пропажа —
Во все концы безжизненная глушь.
В оврагах — поезда и электрички.
Леса — полуобугленные спички.
Поверженные кряжи горных глыб.
Качаются на волнах сонмы рыб.
Пропыленный нещадно воздух рваный.
Безмолвия навек застывший миг.
И эти рукотворные туманы
Ползут с материка на материк...

* * *

Проповедник непрошенных истин,
Кто поверит, что ты бескорыстен?
Излечить своих ближних хотел —

Стал ваятелем призрачных дел.
Ни один твой совет не приложен
К прозе жизни. Ты был слишком сложен
В простоте своей без воровства.
В невесомость ронял ты слова.
Что за дело другим до раздумий?
Не пристало нам жить среди мумий.
И на каждую мудрость веков
От любого ответ уж готов:
«Сбрось ярмо этих вечных вопросов,
Предавайся веселью, философ!..»
Боже мой, если б кто-нибудь знал,
Сколько бисера ты разметал!..

* * *

Разгар обычной вечеринки —
День ангела справляет мать.
И старомодные пластинки
Уже мы устаем менять.
Тасуют гости юмор черный,
Рассевшись чинно по углам.
Сосед вальсирует проворный
С женой дородной, как и сам.
Потом зайдутся в пляске бурной.
А молодежь карикатурно
Изобразит кордебалет —
Смешны ведь ритмы прежних лет!..
Хозяйка лишь сидит печально,
Омонументив край стола,
И слушает мотив страдальный.
Всю жизнь надеялась, ждала
Она красивой, дивной доли.
Не повезло. Судьба в юдоли
Швырнула горстку светлых дней,
Чтоб тут же позабыть о ней.
И мать по жизни шла несмело,
Одна растила дочерей.
...Опять Шульженко вальс запела,
Сбивались пары между тем.
Лишь мать задумчиво сидела
Не приглашенная никем...

СИРЕНЬ

Цвети, моя сирень,—
Пусть ветер изменяет
И не тебя ласкает,
Пусть на тебя бросает

Забор густую тень.
Пусть птицы не щебечут
С твоих ветвей о встречах,—
Цвети, моя сирень!..

Цвети, моя сирень,—
Пусть утренник гнетуще
Тебя нахохлит пуще.
Хочу тебя цветущей
Я видеть каждый день
Как утром звезды-точки,
Поблекнут эти строчки,
А ты цвети, сирень!..

ЯМБ

Возвышенная дивная тональность,
Плен откровенья, мудрости гранит.
Иль — в кружевах оскомная банальность,
Помпезности игривость и овальность.
О, пятистопный ямб, что всех манит!..
За лакмус признает тебя пиит:
Тобою подчеркнет он гениальность
Иль невзначай бездарность обнажит...

Елена Гусева
(г. Рязань)

Родилась в городке Касимов Рязанской области в 1976 г. Окончила факультет иностранных языков РГУ им. С. А. Есенина в 1998 г. Долгое время жила в г. Ухта республики Коми. Сейчас живу и работаю в Рязани, преподаю инъяз в РязГМУ. Писать стихи начала в отрочестве. В разное время посещала поэтические клубы Касимова и Ухты, пробовала печататься в местных газетах.

ВОКЗАЛ

Не изменив привычке старой,
Куплю заранее билет —
В субботу после третьей пары
Меня не жди, простыл мой след.

Сойду с троллейбусной подножки,
Поправлю сумку на плече
И затеряюсь в заполошной
Вокзальной пестрой толчее,

Где люди, словно в униформу,
Одеты в спешку, суету,
Где над заплеванной платформой
Снег вьется, тая на лету.

Где в обогнавшем четкий график
Ночном автобусе, увы,
Нет ни имен, ни биографий —
Лишь параллельные миры,

Лишь тел случайное соседство,
Что память вряд ли сохранит.
Лишь номер транспортного средства,
И тот под слоем грязи скрыт.

АВТОБУС

Как врезалось в память: моя остановка — и вот он,
Автобусный улей, рязанский центральный вокзал.
Стареющий хит «It’s my life» в сотый раз перемотан
И рвется в мороз из палатки торговой. И в зал,

От грузных баулов скривившись, бредут пассажиры
И маются, бедные, на деревянной скамье...
Но — объявление рейса, посадка, и цепкие шины
Печатают ромбы на тоненькой снежной кайме.

И вот уж сливается с ночью последний автобус,
Как чахлый декабрьский день устремляется вдаль.
Так было до нас и так будет: вращается глобус,
И оживают в душе древнерусская лень и печаль.

Дрожим от мороза — дождемся и таянья снега,
И грязных обочин, и брызг на стекле лобовом.
Ведь альфа — начало, конечная точка — омега,
Учи алфавит и не думай, что будет потом.

Ксеноновый конус — уверенный, ровный — фатально
Бежит впереди по асфальтовой ленте, и свет —
Он словно живой — дальнозорко включается дальний,
Когда путь свободен, и встречного транспорта нет.

Водитель-флегматик в дорогу припас пачку «Явы».
Одна сигарета, другая — сжимается срок
И этого рейса. Нет в мире сильнее отравы,
Чем знать: есть конец у любой, у любой из дорог.

С блестящей подножки безвольно шагну в непогоду,
И, отвернувшись от ветра, скупой подниму воротник,
Забуду шальную, наивную птицу-свободу
В салоне автобуса: слишком уж мал золотник.

Лишь чуткому сердцу сквозь мерно плывущие звуки
Откроется скрытый от гордого глаза подвох:
В потертом салоне, свидетеле горькой разлуки,
Иные в ловушке, а кто-то свободен, как бог.

ИДТИ

Когда слова, как струи дождевые,
Упруго хлещут в темя и виски,
Глазные склеры — донья жестяные —
Вибрируют и стонут от тоски.

Когда, влипая в сплетни и уловки,
Душа летит в отчаянном пике,
То хочется идти без остановки.
Без спутников. Без мыслей. Налегке.

Идти куда-то, пряча под одеждой
От словоизлияний оберег,
Идти и слушать ветер — без надежды
На быстрый исцеляющий эффект.

Идти, меняя долгий шаг на дробный,
Подхваченный в сезонной суете,
К такой желанной, неправдоподобной,
Увы, недостижимой простоте.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Шторы призрачная жуть —
Не забыться, не заснуть.
Странная затея это —
Белой ночью ждать рассвета.
Резкости дневной лишен
Переход из тона в тон.
Этот мир в полночной встрече
Так наивен и доверчив.
Откровение для глаз —
Видеть, словно в первый раз,
Как в парной белесой пене
Ночь раскладывает тени.
Вот бы сквозь капрона муть
Выпытать у мира суть
Мудрых черно-белых масок
В час триумфа серых красок.
Знаем точно только днем,
Кто мы и зачем живем,
И заснуть стремимся рано —
Прочь из вязкого тумана!
Почему ж всегда готов
Дух из сумеречных снов
Наслаждаться сладкой болью
От неясности цветов?..

ЖЕНСКОЕ

Память пальцам освежу —
Шарфик милому свяжу.
Склеится, не склеится —
Пусть мой милый греется.

За излишком не гонюсь:
Там, где голо, подстелюсь.
Разве я не умница?
Стерпится да слюбится.

Не брильянтов я хочу,
А того, что по плечу:
Редкой бабьей радости
Да уютной старости.

Только глупо чуда ждать:
Не свое — не удержать.
Склеилось? Не склеилось.
Незаметно и легко
Размотавшимся клубком
По ветру развеялось.

Игорь Егоров
(г. Омск)

Игорь Владимирович Егоров родился в 1951г. в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию управления. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Публиковался в коллективных сборниках и журналах.

«ПРИРОДЫ ГЛУБИННЫЙ СВЕТ...»

* * *

Нас еще встретят ветвями сосны
И рассветы травами росными.
По тропинке придем мы туда,
Где совсем не слышны поезда.
И вдохнем тишину с тихим лесом
Под искристым сосен навесом,
И услышим пичугу лесную,
И увидим в кустах косулю,
И проймет, излечит от бед
Нас природы глубинный свет...

* * *

Чайки взмывают, кружатся,
На ветер с воплем ложатся
Над вычерненной водой.
Как волны раскачивают
Их отраженье!
Как волны укачивают
Их отраженье!
Будто тревогу души самой!..

* * *

Солнце... Золото озерное.
И над золотом — камыш...
На приколе лодка сонная
Прорастает мачтой в тишь...

* * *

Глядишь — и осень на носу.
И чайки криком на мысу
Торопят непогоду.
И время, точно на весу,—
Сорвалось каплей в воду!..

* * *

С утра ветрюга, ненастье,
И чьи-то рыбачьи снасти
Грустнеют на берегу,
И памятью волны бегут...

* * *

День — отраженье неба —
Задумчив и высок...
Снежок, летящий слепо
На воду и песок...

И в одинокой дымке,
Над синью ивняка,
Лишь чайка-невидимка
Мелькнет издалека...

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

* * *

Осень, хмурая осень настала.
Отшумели густые леса.
По заголью листву разметало,
Смолкли с холодом птиц голоса.

Над лощиной, где легкая просинь,
Паутина, как луч на стекле,
Дышит блеском под пение сосен,
Словно памятью о тепле...

* * *

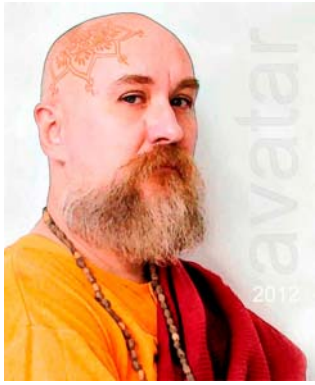
Редеет лес, омытый тишиной.
Не дрогнет ветка, не прольется звук.
Лист потемнел, лежалый и сырой,
И дерн под ним, как зимний наст, упруг...

Уходит осень. Зреют холода.
Равнинам снится снежная печаль.
И неба синь сгорает без следа,
Но теплый свет еще тревожит даль!..

* * *

Вот и холод недвижный, осенний,
Точно воздух, безветрен и пуст.
Все в природе намеком течений,
Отголоском — шаги или хруст...

И ложится листва на прощанье
На уже прибывающий снег,
И природа щедра на молчанье,
Как постигший себя человек...



Игорь Мальцев
(г. Нижний Новгород)

Нижегородский художник, поэт, дизайнер. Родился в поселке Амзя в 1964 г. Публикации — в журналах «Дирижабль» (Н. Новгород, С-Петербург, Москва), «Surrealist magazine» (США), «Spectrum» (Швейцария), альманахе «Золотой век» (Москва), газетах «Спекулятор», «Биржа», «Курс», «Губерния», постоянный ведущий авторской полосы «Подземка» в газете «Ленинская смена» (1994/1996 г.). Идеолог и один из создателей нижегородского культурного портала «НИС-Ревю» (2001 г.), далее — ведущий раздела литературы и поэзии.

* * *

Нарисуй мне слова
На песке, уходящем в прибой,—
Пусть прибрежные волны
Нам станут с тобой почтальоном.
Буду жадно я ждать
Твоих писем прогоркло-соленых,—
Их прилив и отлив,—
Как короткая встреча с тобой...
Между нами теперь
Эта пропасть потерянных слез,
Затаясь, как живая — ты слышишь?!
Размеренно дышит...
Напиши мне слова...
И доверь их доставку волне,—
Адресуй мне любовь...
Кроме моря, никто не услышит.

* * *

Вот ты ушла... и пусто без тебя.
Мой дом затих с печальным тихим стоном.
Он стал другим, каким-то незнакомым.
Набитым пылью, гулким, будто Высь...
Кем ты была?! мы не разобрались...
Да, в общем, разобраться не пытались,—
Мы днем одним сегодняшним питались,
Его в любом склоняя падеже...
Ну вот и все, и кончилось уже...

А я брожу по комнатам пустым,
Ищу тебя, не находя, повсюду.
Я не могу понять или простить...
И не пойму, и никогда не буду
Мириться с тем, что так произошло.
Хотя, наверно, не могло иначе...
Что было, то и было... и прошло.
И непонятно, отчего я плачу?

* * *

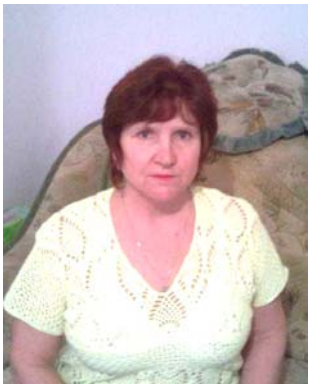
Неутолима нить,
И сотни вариантов Бытия, —
Нанизаны, как счеты
Случайностей...
Слепых, по сути,
Которым безмятежность Судей
Дала названье Судеб.

Олег Пантюхин
(г. Щекино, Тульская область)

ВМЕСТЕ ТЫ И Я

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

День прекрасный, день весенний,
В комнате цветы.
После зимних сновидений
Вновь проснулась ты.
Улыбнулась и очнулась
От холодных снов.
И с души как-будто снежный
Скинула покров.
Я всем сердцем ощущаю
Нежное тепло.
Растопило все печали
И меня спасло.
Это сердце чаще бьется.
Из-под ног земля.
В небе снова светит солнце:
«Вместе ты и я...»
Тает снег и льда осколки.
Взгляд не отводи.
Все не важно. Важно только
Вместе нам идти.
Смотрит в окна марта вечер.
В комнате цветы.
Мы идем весне навстречу,
Вместе я и ты!



Ольга Заева
(г. Бийск)

Родилась в г. Карши (Узбекистан). Закончила три курса ТАШГУ. Стихи и проза публиковались в краевых периодических изданиях и за рубежом — журнал «Звезда Востока» (Узбекистан), «Современная литература мира» — Нью-Йорк. Автор пяти поэтических книг и книги прозы. Имеет краевые награды и Правления СПР за литературную деятельность, награждена Дипломом Берлинского литературного института за активное участие в совместных проектах. Лауреат Международного конкурса «Лучшая книга года» — 2014 (Германия). Лауреат журнала «Огни над Бией» — 2014 года. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

* * *

Защита
От ненужных
Потрясений —
Сон разума.
Весьма удобен он.
Наркозу долгосрочному
Подобен,
Но не всегда бывает
«Во спасенье».
Когда фатальны
Пуля или плеть,
Во сне от них
Не страшно умереть.

* * *

Перемешался
Снег целомудренный
С грязной и грешной
Земною распутицей.
Осуетился,
Размяк и устал.
Холод настал,
Чтобы заставить
Любить горячей.
Чтоб проявилась
Сила живая
Шагов и речей.
Снова пойму:

Под крылом снегопада:
Не застывают
Проталинки взглядов,
Не пропадают
Встреч полыньи.
Снегом осыплет
Еловая лапа.
Смейся, живи!..

* * *

Накрыло город снегопадом.
Трепещем, пойманные в сеть.
Куда ни глянь — снега парадом.
Не одолеть.

От тихой белой суеты
Легко рождается дремота.
И, цепенея, неохота
Свои отстаивать мечты.

Все распадается во взвеси.
День воедино не собрать.
Печали ничего не весят.
И я легка, могу летать.

Летят события и вести.
Я пропадаю с ними вместе.

* * *

Дыханье сбилось, и время — мимо,
Как поезд, что без меня стучит.
Кроваво небо и так ранимо.
Но терпеливо — всегда молчит.

И жить я в спешке не успеваю.
Отходят люди, отходят дни.
И снова я остаюсь, живая,
И зажигаю свои огни.

Я для родных и чужих их теплю
И не кончается ритуал.
Теплом приманиваю не тех ли,
Кто сотни раз уже предавал?..

Забьется ветер, звезду качая.
А после бросит легко в траву.
И голос птицы ночной отчаян,
Как будто ночь не переживу.

Уже я смыслы искать устала,
Дыханье сбилось, в глазах темно…
И время — мимо. И жизни — мало.
Но неизменно горит окно.

Святослав Егельский
(г. Киев, Украина)

Егельский Святослав Дмитриевич родился в 1995 г. в Макеевке Донецкой области. Работал пианистом в ресторанах, концертмейстером в музыкальной школе и академии танца. В настоящее время — студент композиторского факультета Национальной музыкальной академии Украины. Ранее не публиковался. Живет в Киеве.

* * *

Клубится мгла над пальцами ветвей,
И не понять, какое время года,
И ни октябрь не теплится в листве,
Ни март не нарушает сна природы.

И все пути направлены в туман,
И все пути исходят из тумана,
И в серости смешались свет и тьма,
И красок в мире так ничтожно мало...

В следах — вода. И мокнут фонари,
Рассеянные в зернышках асфальта.
Полоске света из моей двери
Лишь на порог и достает охвата.

А во дворе ворочается клен,
И ветви по ночам стучатся в окна,
Мир пуст. Лишь деревами населен,
Но и они в тумане одиноки.

* * *

К полуночи я вник в язык костра:
Сначала к звездам, а потом к рассвету
Возносится, собравшись в дым, кора,
Которой старая сосна была одета.

Рассеется, став воздухом, и вновь
С дождем вечерним ниспадет на землю:
Здесь все по кругу, будто в жилах кровь,
И кто исчез — тот просто станет всеми.

Сергей Спиридонов
(г. Тула, Россия)

Родился в 1965 г. в г. Кондрово Калужской области. Окончил в 1987 г. Полтавское высшее зенитное ракетное командное Краснознаменное училище. Служил в Вооруженных силах СССР на территории Украины. После увольнения с военной службы в 1992 г. переехал на родину и поступил служить в милицию. Работал в УВД Калужской и Тульской областей. В 1998 г. окончил Московский юридический институт МВД России. С 2011 г. полковник милиции в отставке. Председатель Совета ветеранов управления Госавтоинспекции Тульской области. Награжден государственными, правительственными, ведомственными и общественными наградами. Стихи пишет с юношеских лет. Член правления Тульского отделения Российского союза писателей, Член Интернационального Союза писателей. Автор четырех книг стихов.

* * *

Родиться нам позволено лишь раз,
И, к счастью, не бывает повторений.
Не тратьте время зря, оно для нас
Представило лишь лучшие мгновения.

Не красьте дни вы в серые тона,
Есть в радуге палитра ярких красок!
Жизнь, как гора,— дорога вверх трудна,
Посмотришь вниз — там все вокруг прекрасно!

РОССИЯ

Россия, милая Россия,
Сквозь занавес багряных зорь
Клин журавлей на небе синем
Излечит и печаль, и хворь.
Весною песней соловьиной
Окрасится прибрежный луг.
Березок танец, гроздь рябины
Вам скрасят будни и досуг.
Дожди бурлящим хороводом
Омоют кудри тех дубов,
Чей профиль, созданный природой,
Как русский дух — всегда суров!
Нарядной брошью за оконцем
В ночи — огромная луна,
А утром, лишь проглянет солнце,

Уйдет за горы спать она!
Как много странностей в природе:
Здесь каждый звук неповторим!
Веками при любой погоде
Мы Русь свою боготворим!
Слезами выпадают росы
И поят землю поутру,
Внезапные ночные грозы
Сменяют душную жару.
Янтарной медовухой льются
Сквозь толщу облаков — лучи!
И люди радостно смеются,
Тепло в подарок получив!
Поет трехрядная гармошка
Под балалайки перезвон.
Гостей развеселит матрешка,
Ее наряд не превзойден.
А в кабаках в извечной драке
Дымит вопрос: «Я прав, не прав?»
Бредут бездомные собаки,
Горн — морду на луну задрав.
Неистовой лимонной дрожью
Зальются в августе поля...
Идешь пешком по бездорожью
И мыслишь: «Родина моя!
Как хорошо, что ты такая,
Безбрежная, как океан!
Не хватит жизни, дорогая,
Пройти тебя из края к краю,
Ни вскачь, ни с табором цыган!
Ни слов не хватит, ни метафор,
Изобразить твою красу,
Твои чудесные ландшафты,
И Волгу — девичью косу!»
И где бы ни был на чужбине,
Куда б меня не занесло,—
Всегда со мной моя Россия,
Ее духовное тепло!
Ее священное богатство —
Народ, велик и многолик!
Здесь многолетнее славянство!
Не прост могучий наш язык!
Не переманит нас Европа
И полосатый дядя Сэм!
Не понимают остолопы,
Не лучше нас они,— ничем!
Ни на какие их богатства
Не променяю купола!
Пусть не люблю я государство,
(В нем много врак и
разгильдяйства...)
Мне нравится моя страна!

А МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ К ТЕБЕ

Пусть ты исчезла в никуда,
Но мне ты видишься ночами,
Вся неприступна и горда
С едва прикрытыми плечами.
Веселых глаз весенний свет
Тебе дорогу освещает!
И может быть другой поэт
Тебя ночами посещает!
Ведь ты еще так молода,
А твой характер бесшабашен,
И без особого стыда
Ты осушаешь жизни чашу!
Моя душа сильней болит,
В сознанье ветер, воет вьюга.
И с отзвуком седых молитв,
Мы погибаем друг без друга!
А мне так хочется к тебе,
Упасть листочком на колени,
Всегда быть рядышком в судьбе,
И ждать твоих прикосновений!

К 500 — ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

Пятьсот страниц в истории, как в книге,
Пятьсот картин размещены в веках.
Он пережил и войны, и интриги
Храня былое в каменных мешках!
Набег татар, Болотников в опале,
Петра шаги, Демидовская старь,
Лжедмитрий...
Самовар и Тульский пряник.
Страны дитя, но иногда бунтарь!
Его не мяли ноги иноземцев,
Не сокрушен, не сдался тихо в плен!
Он гордость и величье
В Тульском сердце,
Герой баллад и множества легенд.
Все козни времени,
Он выдержал достойно,
И вновь сияют златом купола,
На стройной возрожденной колокольне,
Играют гимн его колокола!
Ты с каждым годом и ценней, и краше,
Для Туляков тебя роднее нет!
Гордимся красотой Кремлевских башен!
Живи наш Кремль десятки сотен лет!

Юлия Юмакс
(г. Тула)

ВЕРА

Родилась в Туле. Два высших образования, выпускница ТГУ и РПА при Минюсте РФ. В 2017 году награждена дипломом лауреата 1 степени в V областном слете молодых литераторов, г. Тула. Член литературного объединения «Муза».

ЦВЕТОК МАРИИ

Я беременна воздухом, словно любила Бога.
И течет кислород в сердцевину мою с небес.
Я себя ощущаю приютом, святым острогом
Чистоты, что пока не коснулся земной прогресс.

Пропускает материя сонмы частиц нейтрино —
Неразгаданных писем вселенной густой поток.
Бог хотел подарить снова людям родного сына,
Говорил, что планете так нужен опять пророк.

Прикрывает глаза эмбрион пресвятой Марии
Сквозь порог оглушительных вспышек неясных мук.
Ослепляют прожекторы до́ктора в хирургии
И черти́т монитор, как взбесившийся, тонкий круг.

Электрический ток, острый скальпель и крепость спирта —
Утешение горестей и забытье грехов.
В нашем веке гуманном венцы мастерят из мирта
И терновые — больше не ранят святых голов.

На Голгофе давно нет крестов: объективы праздных
И паломников веры, которым она — как соль.
С миротворческой миссией гибнут богообразно
И в числе ветеранов проходят в раю контроль.

В барокамере спит недоношенная малютка.
Я — не в силах стерпеть, чтобы только скорей возмочь,
Уплотнив кислород, разгоняя его по трубкам,
Белой лилией встретить рожденную Анной дочь.

ПРОСТИ МНЕ, ГОСПОДИ...

Прости мне, Господи, мои обиды
И прегрешенья юности моей.

За то, что не на тех имела виды,
Не берегла отпущенных мне дней.

Прости мои печали и тревоги.
За то, что шла не к тем и не туда.
И то, что выбирала я дороги
Кривые по ошибке иногда.

О, Господи, яви Свою мне милость —
Прости за то, что вряд ли изменюсь.
За то, что крайне редко я постилась
И что молитв не знаю наизусть.

Прости меня всем сердцем благосклонно
За то, что я прощения ищу,
Когда почти не верила иконам,
Священникам... и сына не крещу.

Я НЕСМЫШЛЕНОЕ ДИТЯ У БОГА...

Я несмышленое дитя у Бога.
Я трудный ученик его словес.
Но, знаю, освящается дорога
Заботливым посланником небес.

Отводит в сотый раз меня от края
Мой ласковый заплечный филантроп.
Ступает следом, в бедах не бросая,
Не избегая узких топких троп.

Незримый спутник, верный и усердный,
Не зная дней воскресных, выходных,
Уводит реки, укрепляет тверди,
От волосков хранит меня седых.

Большая удивительная птица —
Спокойна и таинственно мудрá.
Не уставая о душе молиться,
Впускает свет надежды и добра.

Сон разума рождает, как у Гойи,
Чудовищ, но, давая окорот,
Мое существование земное
Спасает белых крыльев разворот.

ПУСТЬ ТОТ, КТО УШЕЛ — УПОКОИТСЯ С МИРОМ...

Пусть тот, кто ушел — упокоится с миром.
Душа устремилась в расщелины сна,
Где ангел встречает ее легкокрылый
В одеждах из светлого мягкого льна.

Молитвы прольются, и свечи заплачут,
В последней дороге коснувшись небес.

Корабль обретет свою новую мачту,
Бемоль зазвучит как высокий диез.

Пусть тот, кто уходит, и кто остается —
Покой повстречают на трудном пути.
Подарит надежду луч яркого солнца,
И свет воскрешения боль утолит.

Отчаянье горькое тает незримо,
Где вечность раскрыла объятья для всех.
Душа на Земле беззащитно ранима,
Но сильною станет, поднявшись наверх.

Пусть память, как Библия — мудрая книга,
Хранит на страницах, что дóлжно хранить.
И сердце, отчаявшись, греется мигом,
В котором завещано жить и любить.

И ДНЕСЬ Я СПЛЮ

Сплетают руки вечность и конечность.
И берега вздыхают о воде.
И днесь я сплю: глубóко, бессердечно.
А рядом Он — похожий на людей.

Темно, как в склепе, ничего не вижу.
Ни молока, ни хлеба не прошу.
В шкафах желтеют кружевные брызжи.
Тускнеет непроложенный маршрут.

Вздыхает неродившийся ребенок,
Сиротство осознавший до поры.
Мироточи́т газета, как икона,
Где некролог, зачитанный навзрыд.

Парит орел над полем бледно-серым,
И крылья бьют высокие ветра.
А рядом Он — незримый — шепчет: веруй...
И отворяет присные врата.

Я БЫЛ РАСПЯТ

Я был распят. Сегодня я воскрес.
Но боль моя уменьшилась едва ли.
Вы, равно как и я, несли свой крест.
И, как и я, до срока умирали.

Растлили землю войны и содом,
И ненависть в сердцах к чужим и близким.
Чем брат был одержим, куда ведом,
Раз судьбы взмыли в небо обелиском?

Кто всходы вечной жизни истреблял
И идеалы возводил до веры? —
Молчит, похолодев, мемориал
Героям чьих-то воли и химеры.

Секреты павших — доблестно хранят
Бескрайние поля, резные горы.
Я ныне пахарь. Вот моя стерня
И светлый плуг мой — на работу скорый.

Не для того сегодня я воскрес,
Чтоб снова на Голгофе быть распятым.
Но, как и прежде, я иду вразрез
Со всем, что губит дух и тело брата.

В ЧАС СИРОСТИ

В час сирости, похожей на недуг,
Ступай к реке, всмотрись в ее теченье.
И растворится целый мир вокруг,
Даря больной душе отдохновенье.

Сложи тревог не греющий доспех,
Откинь обид пылающие латы,
Отдай воде свой первородный грех
И слез окаменевшие караты.

Отринь себя былого и прими,
Не отделяя от всего живого.
И в единенье с Богом и людьми,
Не прерываясь, начинайся снова.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Когда б на свете не было чудес,
Мы б жили скучно и неинтересно.
И не встречали б принцев и принцесс
В местах давно исхоженных, известных.
Когда б на свете не было любви,
Ее мы никогда бы не искали.
И не будили б песней соловьи
В сердцах томящей сладостной печали.

Когда б на свете не было чудес,
Так никогда б на Пасху не звучало:
«Христос Воскрес!» — «Воистину Воскрес!»
И Жизнь не получила бы начала.

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ

Александр Субетто
(г. Санкт-Петербург)

«КАК НЕ ЛОМАЛАСЬ СТАЛЬ»
(автобиографическая исповедь настоящего коммуниста)

Доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, Лауреат литературной премии им. Лескова «Левша», президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, полковник Космических войск СССР в отставке, строитель Космодрома Плесецк (1959—1969).

Лев Александрович Зеленов, глава большой «нижегородской философской школы», выросшей на «почве» им же созданного в 1969 году в городе Горьком (Нижнем Новгороде) Философского клуба, на базе которого уже вот 48 лет организуются под его руководством ежегодные философские Симпозиумы, в моей оценке — выдающийся русский и советский философ, мыслитель, думаю — гений философской мысли, адекватная оценка которого — дело будущего, энциклопедист нашего времени, написал научно-философское автобиографическое эссе «Как не ломалась сталь», изданное в виде отдельной книги недавно, в этом — 2017-ом году в Нижнем Новгороде, к сожалению — небольшим тиражом.

«Как не ломалась сталь» — своеобразное продолжение главной мысли — названия известного романа Николая Островского «Как закалялась сталь», герой которого — Павел («Павка») Корчагин — своим примером самоотверженной борьбы за советскую власть, самоотверженного труда в Общем Деле созидания первого в мире государства рабочих и крестьян — СССР — вдохновлял многих советских людей на подвиг — и трудовой, и военный — во время Великой Отечественной войны, и в годы первой послевоенной пятилетки по восстановлению народного хозяйства.

Лев Александрович Зеленов — не только мой друг, но, что самое главное, духовный сподвижник вот уже более 30 лет, особенно в нашу эпоху рыночно-капиталистической контрреволюции (начиная с 1991 года), которая де-факто предстает продолжением войны глобального империализма, в первую очередь — США и Великобритании, против СССР — войны до полного уничтожения России, как цивилизации, и русского народа, как ее исторического созидателя и «руководящего народа» (в оцен-

ке И. В. Сталина в его знаменитом тосте «За русский народ», произнесенном 24 июня 1941 года во время встречи с «маршалами и генералами Победы»). Он так определяет главную мысль своего эссе: «Если Н. Островскому приходилось писать о том «Как закалялась сталь» в 20—30-е годы развития страны, то моему поколению, воспитанному на ценностях Павки Корчагина, приходилось доказывать «Как не ломалась сталь» в 40—80-е годы и в лихолетье 1990—2000-ых годов».

Лев Александрович Зеленов, каким он предстает на страницах новой научно-философско-автобиографической его книги, *является не только смелым ученым, философом, духовным воином, но и тем настоящим коммунистом, каким был и Павка Корчагин из романа «Как закалялась сталь», и летчик-истребитель Алексей Маресьев — реальный Герой Советского Союза,* защищавший в небе великую Страну Советов от пытавшейся ее покорить и раздавить гитлеровской орды, не знающей жалости, нацеленной на физическое уничтожение советского народа, подвиг которого был описан *в повести «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого.*

Он замечает по поводу своего замысла:

«Более всего хотелось освободиться от традиционного мемориального стиля с описанием жизненного пути молодого, а потом взрослого человека. Все это, конечно, интересно психологическим, как «Юлия, или Новая Элоиза», «Детские годы Багрова-внука», «Детство. Отрочество. Юность», «В людях» и пр. многих известных авторов. И интерес к их работам в основном связан не с характеристикой ОБЩЕСТВЕННЫХ событий их времени, а значительностью авторов: Руссо, Аксаков, Толстой, Горький и т.д. Личность поедала эпоху. А мне хотелось рассказать об эпохе, в которой происходило мое становление как ребенка, подростка, юноши, специалиста, потому что ЭПОХА была своеобразной: я родился в 1933 году, а пишу в 2014 г. *Это период не только трагических и радостных событий, но и время торжества тех идеалов и ценностей, достижений и побед, которые сегодня оплевываются, извращаются большинством людей, которые жили в это время: ЖИЛИ, а значит, видели все это.* Поражает эгоистическая, субъективная озверелость многих из них, которые с радостью оплевывают время своего детства, юности, молодости, становления, учебы, работы, защиты диссертаций, периода исследований, борьбы с дрянью во всех ее видах...

Я уже со студенческих лет само понятие НАРОДА связывал только с людьми ТРУДА, теми, кто СОЗДАВАЛ духовные и материальные ценности общества: рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Это до сих пор не понимают почти ВСЕ — 99 % обществоведов, и не только они, ибо отождествляют народ с Населением. Так у нас и олигархи, и Романовы, и князья, и банкиры, и купчики и пр. становятся «народом», а демократия — это ИХ власть! И люди верят во все это» (курсивом выдел. мною, С.А.).

Это зеленовское трудовое определение народа (следует вспомнить, что во время Гражданской войны формула «служить трудовому народу» — входила в тексте воинской присяги красноармейцев) находится в смысловом резонансе с определением «правды истории», которую дал ленинградский советский философ-марксист Владимир Георгиевич Комаров. Он в монографии «Правда: онтологическое основание социального разума» (2001), к сожалению изданной уже, благодаря усилиям В. Я. Ельмеева, после его кончины, так охарактеризовал «правду истории»:

«*...правда истории есть очищенный от внеродовых человеческих частностей и сопровождающих их многочисленных и субъективных видимостей всемирно-исторический аспект жизнедеятельности негосподствующих трудящихся народных «низов», которые есть основа основ и главная движущая сила космо-био-антропо-социо-ноосферогенеза.* В сопоставлении с ней *прославленные властители, полководцы, финансовые и промышленные воротилы,* гении науки, техники, литературы, ис-

кусства, лидеры бизнеса, политики, спорта, герои великосветской и криминальной хроники и других подмостков всемирного театра жизни, *хотя они могли казаться себе в миру звездами первой величины, на самом деле всего лишь отдельные вспышки либо темные пятна единственного земного солнца живого материального производительного труда так называемых простых людей»* (с. 142; курсивом выдел., С.А.).

В своей новой работе Лев Александрович Зеленов, показывая трудности и барьеры в своем становлении как личности, советского человека, ученого, коммуниста, философа, которые в том числе несли на себе «печать» тех серьезных недостатков в становлении и развитии советского общества, а затем мерзостей «эпохи процветающих мерзавцев», как охарактеризовал будущий капитализм в России М. Е. Салтыков-Щедрин, на протяжении своей жизни, с 1933 года по 2014 год, подводит внимательного читателя к своему итоговому кредо — кредо гордости советского человека за сложившуюся историю советского социализма и за свой вклад в эту историю. *«Я горжусь своим СОВЕТСКИМ прошлым, я положительно его оцениваю при всех моих переживаниях и барьерах на пути становления как личности, как человека, как ученого, как педагога, как коммуниста,*— заявляет с гордостью он.— Да, у меня тоже были преследования, и стукачи, и выговора, и угрозы 58 статьей, и увольнения с работы, и отказ в профессии, и волокиты с защитами и утверждениями, и голодно, и безработица, и вызовы на «ковер», и расстрелянный в 1937 году дед, и подлые и тщедушные коллеги и т.д. Да, я знал о «сталинских» репрессиях из разговоров жертв и из чтения в архивах записей осужденных, из воспоминаний профессоров К. П. Ярошевского (личного секретаря Постышева, секретаря ЦК ВКПб), Ф. М. Васяева, просидевшего 19 лет в лагерях, из книг Дьякова, Б. Ясенского, из бесед заключенных в лагере под Кемерово в декабре 1958 г. и т.д. *Но я знал и о том, во имя чего все это делалось: во имя строительства государства НАРОДА, ТРУДЯЩИХСЯ. А это торжество принципов гуманизма, в конечном счете «Через тернии к звездам».*

Вспоминая с горечью гибель своего деда, труженика, главного земледельца Дальне-Константиновского района Горьковской области, расстрелянного 25 ноября 1937 года через 3 месяца после ареста, по ложному обвинению в заговоре по статье 58 — «враг народа», Лев Александрович, *исходя из той «правды истории»,* о которой писал В. Г. Комаров, *а она,* и пора это запомнить всем врагам социализма и коммунизма и одновременно апологетам строя капиталократии, грабежа, воровства, эксплуатации, насилия, паразитического образа жизни,— *на стороне социализма и коммунизма, замечает:*

«Но он был не один такой в аморфной стае истинных врагов народа, которых заслуженно карали, и которые в период горбачевской «перестройки» возродились и бросились уничтожать «государство трудящихся»: все эти Гайдары, Яковлевы, Захаровы, Чубайсы, Злобины, Сванидзе, Ясины и примазавшиеся к ним Бурбулисы, Ельцины, Нисневичи и другие — несть им числа: «выползли тараканы из щелей социализма», как сказал мне один рабочий (все эти собственники, бизнесмены, предприниматели, брокеры, менеджеры, банкиры, омбудсмены, и прочая, и прочая буржуазная шушера)».

Эссе Л. А. Зеленова состоит, кроме «Введения» и «Заключения», из 12 очерков: «Старт», «Отец», «Мать», «Дом Герарда», «Школа», «Поиск», «Стихи», «Дневники», «Выбор», «Барьеры», «Странички былого», «Вхождение в жизнь».

Главная идея всей смысловой логики прожитой жизни, такой, как она встает в рефлексии Льва Александровича,— это верность идее, своему предназначению, «приход» к которым нашего героя был не случайным, а выражением того советского, коммунистического воспитания, которое и позволило советской школе, советскому учителю создать такого советского человека за недолгий период с 1917 по 1941 годы, который защитил социалистическое отечество в лице СССР во время Великой Отечественной войны и спас весь мир от «чумы» гитлеровского фашизма!

Герой зеленовского эссе, а этим героем является сам автор (но одновременно за этим героем стоит и собирательный образ настоящего советского человека и настоящего коммуниста), заслуженно, уже с высоты своего 80-летнего возраста, заявляет:

«Не надо свои индивидуальные обиды и страдания превращать в основание ненависти к стране, Родине, Партии, Марксизму, Коммунизму, то есть Великому, Главному, Общему. Именно эти индивидуальные обиды и сделали антисоветчиками и антикоммунистами А. Солженицина, А. Яковлева, А. Чубайса, Г. Бурбулиса, Д. Волкогонова, А. Ципко, А. Козырева, Б. Ельцина и многих других так же, как эта личная обида сделала врагами трудящихся Деникина, Колчака, Бунина, Бердяева, Гиппиус и всех белогвардейцев. *Стоило преодолеть этот эгоизм больного сознания, и человек вставал на позиции народа, гуманизма, социальной справедливости и социализма, как это мы видели на примере Г. Жукова, К. Тимирязева, И. Павлова, А. Толстого, В. Маяковского и т.д. С позиции 80-летнего возраста мне многое становится яснее и социально четче, потому что я жил все это время не своей индивидуальной жизнью, а жизнью страны... Я сознательно и осмысленно шел к марксизму и коммунизму, о чем красноречиво говорят дневниковые записи с мая по август 1956 года. Надо было идеологически (не психологически, и не морально!) созреть до столь высокого звания — Коммунист, то есть борец за преодоление всех видов отчуждения человека-труженика от собственности, от власти, от культуры, от образования, от творчества и т.д.»* (курсивом выдел. мною, С.А.).

Содержание новой работы Л. А. Зеленова — это показ на примере перипетий собственной прожитой жизни, проникнутой как философско-исследовательским пафосом, пафосом развития теории и философии марксизма-ленинизма, «почвой» для которого являлась сама историческая практика становления социализма в СССР и соответственно человека новой, социалистической формации, настоящего альтруиста, противостоящего звериному эгоизму буржуазного человека, а также пафосом преодоления тех «барьеров», которые ставила сама жизнь, мещанство, мелкобуржуазное сознание, *величия советского человека и величия той советской эпохи, которая по отношению к современной России, ставшей экономической колонией глобального империализма США и его сателлитов — стран Западной Европы, предстает не Прошлым, а ее Будущим, более того — важнейшим ориентиром борьбы за это Будущее.*

Из повествования 80-летнего Леонида Александровича Зеленова, ставшего к своему 80-летнему рубежу известным не только в России, но и в международном плане ученым и философом, предстает *удивительная романтика становления советского человека в человеке — романтика преодоления всего того в человеке, что как «тяжелые гири» тянут его в «инферно» — «пучину зла»* (если прибегнуть к этому образу известного ученого и писателя-фантаста, советского и русского космиста Ивана Антоновича Ефремова): эгоизма, стремления к наживе, к власти, к наслаждениям, к «жизни только для себя», рождающей черствость души, ее «окаменение», несправедливость, и в конечном итоге — «расчеловечивание» человека (что и является главным итогом рыночно-капиталистической системы как строя эксплуатации и безудержного обогащения).

Обращаясь к своим очеркам, Лев Александрович, гордясь прожитой жизнью и советской эпохой, прямо адресуется к будущему читателю: «Короче, есть что рассказать поучительного из истории собственной жизни, потому что моя «сталь», мои убеждения, мое мировоззрение не сломались, а укрепились, и я рад встрече с такими же, как я, людьми. А их немало и становится все больше».

Из повествования Зеленова о своей жизни предстает *судьба простого советского парня (каким он был и каким остался) родом из «глубин» того трудового русского народа, который творил историю России* на протяжении более чем тысячелетия,

если взять за точку отсчета появление русского государства со столицей в Великом Новгороде в 1862 году,— *и который первым совершил прорыв человечества к социализму — РУССКИЙ ПРОРЫВ, создав первое социалистическое государство в истории человечества на Земле — Союз Советских Социалистических Республик (СССР).* Он с бережностью к деталям, к фактам из жизни родителей и дедов, с любовью и гордостью описывает образы матери, отца, дедов по материнской и отцовской линии, бабушки. И читатель незаметно, и это, несомненно, есть выражение писательского искусства автора эссе, погружается в планы народной жизни, во внутренний мир русского человека-труженика, устремленного к «свету знаний». «Старт моего жизненного пути задавался, конечно, прежде всего, ГЕНОФОНДОМ моих родных и родственников, и сейчас на девятом десятке жизни я нахожу в себе отголоски тех или иных качеств моих предков или близких родичей»,— замечает автор. И здесь эта осмысленная позиция Л. А. Зеленова — позиция глубокого уважения к генеалогии своего происхождения — делает его своеобразным продолжателем концепции «корневого человека» Павла Александровича Флоренского. Лев Александрович — несомненно, корневой русский человек, и это его качество, хорошо раскрытое через «генофонд» его родины и родственников, делает его оценки, суждения, выводы по особому весомыми и вызывающими уже на эмоциональном уровне доверие к читателю. Он с гордостью вспоминает: «...во время приезда с матерью в Сарлей в 1949 году я долго возился в амбаре напротив дедова дома: там было много книг и журналов. Там же я видел и большую фотографию деда среди бородатых крестьян и с Лениным в центре: ходоки у Ленина (когда это было?)».

С какой любовью описана Львом Александровичем школа в городе Муроме (под номером 17), в которой учился и которую он закончил. Со страниц книги предстают образы великого (подчеркну: именно великого!) советского учительства, которое прививало ученикам «чувства патриотизма, гуманизма, тягу к знаниям, интерес к искусству, взаимопомощь, трудолюбие». «В школе я начал писать стихи с 5 класса и учителя поддерживали меня. Работал театральный кружок, и я участвовал в постановке двух пьес — «На дне» и французского автора, в которых я играл Медведя и Люсьена. На вечерах читал всегда свои стихи, участвовал в карнавалах и маскарадах, научился танцевать и отличался с Юрой Зайцевым на городских танцплощадках, а потом на конкурсах в Ленинграде. Занятия в школьных спортивных секциях дали и спортивные разряды 2 и 3 категории по гимнастике, лыжам, стрельбе, боксу, плаванию (это все 7—10 кл). По прыжкам в высоту (175 см) я занял второе место в городе»,— вспоминает наш герой. А ведь это были 40-е послевоенные годы, когда вся страна, совершив небывалый военный подвиг, одержав Великую Победу над фашистской Германией в мае 1945 года, совершила не менее великий трудовой подвиг, восстановив народное хозяйство, разрушенное на европейской части СССР почти на 90 %, всего за 5 лет (с 1946 по 1950 годы), в то время как американские «эксперты» со злорадством предрекали, что СССР на восстановление своей экономики, промышленности, с учетом понесенных людских и материальных потерь, потребуется время в 50—60 лет. Вот где надо искать пример для подражания нашим «горе-реформаторам» образовательной системы в современной России — ни в США, ни в Западной Европе, а в истории СССР, особенно в послевоенной сталинской эпохе, ярко раскрывшей достоинства советской системы образования, обеспечившей такое раскрытие научного и технического гения советского народа, что это обеспечило два космических прорыва СССР в XX веке — первый полет первого советского спутника вокруг Земля 4 октября 1957 года и первый полет вокруг Земли на орбитальном космическом аппарате первого человека — советского летчика-космонавта Юрия Алексеевича Гагарина 12 апреля 1961 года.

Подводя итоги своему советскому детству и юношеству, Лев Александрович пишет:

«Повезло мне в жизни с ДОМОМ, где я жил, со ШКОЛОЙ, в которой я учился, и с УНИВЕРСИТЕТОМ, который я закончил. А это 20 лет жизни...

...нельзя не сказать и о такой стороне нашей школьной жизни как внеучебные дела и занятия, потому что все это сплачивало ребят. Я имею в виду октябрятское и пионерское детство с тимуровскими отрядами, сбором макулатуры, бутылок для фронта с горючим составом, теплых вещей для посылок фронтовикам, шефство над госпиталями с ранеными военными, переписки с солдатами. Все это запомнилось и надолго осталось в памяти. Я даже стихотворение на эту тему сочинил и читал его ветеранам войны:

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

За столом присядьте, непоседы,
И вспомните про День Победы,
Про наших дедов и отцов,
Про наших братьев-молодцов:
Они усталости не знали,
На фронте жизнь нам отстояли...
Но был еще в то время тыл,
Я в том тылу мальчишкой жил.
Хотел на фронт, как сын полка,
Бутылки собирал пока:
Они с горючим, как гранаты,
Благодарили нас солдаты.
Еще им варежки из шерсти,
Чтоб наши руки как бы вместе
Не мерзли на стальном стволе,
Носки, чтоб ноги по земле
Смогли дойти до вражьей точки.
И благодарные две строчки:
«Спасибо, дети. Бьем фашизм
За вас, за Родину, за жизнь».
В госпиталях им песни пели,
Несли в палату им цветы
И завороженно смотрели
На их кровавые бинты.
Мы как солдаты подрастали
В стране, где люди как из стали».

Из книги предстает непростая «одиссея» нашего автора в «пространствах» науки и философии, которая началась с учебы на философском факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. И здесь проявились упрямство и крутой норов нашего героя. «До 90 % советских философов,— комментирует Лев Александрович свой научно-философский поиск того времени,— примитивно понимали сущность материализма и диалектики, и я стал искать среди них тех, кто адекватно понимал марксизм. Таких оказалось немного, но они стали для меня примером: П. В. Копнин, Э. В. Ильенков, Ф. А. Селиванов, Л. В. Алякринский, А. А. Квасов, В. П. Тугаринов».

Зеленов ратует за открытую научно-философскую дискуссию по поводу проблем развития диалектического материализма, в целом теоретических основ марксизма-ленинизма. Это было не простое время, когда «хрущевизм», спустя двадцать лет, породил «горбачевизм», т.е. предательство всего дела социалистической революции и социалистического развития СССР.

Он замечает:

«...МЫ СОЦИАЛИЗМ СТРОИЛИ и все произошло как у Маяковского:

Шел я верхом, шел я низом,
Строил мост в социализм.
Не достроил и устал, и уселся у моста...

Не трудно было показать, что у нас было «строительство социализма», ибо основные базовые проблемы еще не были решены: жилищная, продовольственная, технологическая, качество продукции, всеобщее высшее образование, оплата за Качество труда, разностороннее развитие личности, преодоление нищеты и обездоленности и пр. Нужны были ЦЕЛЕВЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОГРАММЫ строительства социализма по ВСЕМ сферам общественной жизни».

Лев Александрович напоминает о споре Ленина с Плехановым о «цели социализма и коммунизма». Указывая в 1903 году Плеханову на неполноту формулировки такой цели как «обеспечение благосостояния», В. И. Ленин определял цель социализма и коммунизма как «обеспечение ПОЛНОГО благосостояния и Свободного Всестороннего Развития Каждого члена общества за Счет общества» (В. И. Ленин, ПСС, т.6., с. 232).

Далее он обращает внимание, что строительство социализма предполагает «поголовную кооперацию страны с цивилизационными кооператорами» (Ленин). «Значит,— замечает Зеленов,— не частная собственность, не государственная собственность, а КООПЕРАТИВНАЯ: все Труженики и все Собственники». Он подчеркивает важность *введения в категориальный аппарат марксистско-ленинской философии понятия «мера человеческого рода».* В этом понятии отражен, по Зеленову, «секрет принципа Гуманизма, секрет Прекрасного, секрет Творчества по законам красоты, секрет движения к мере природы с ее единством с мерой человека в Экологии или ноосфере».

Эссе Л. А. Зеленова насыщенно смыслами и пафосом развития философии XXI века, критикой сложившего антинародного строя в России, с его духом наживы, коррупции, колониальной формы сознания «верхов» с их подражанием Западу во всем. Это привело к тому, что у нас сложилась «власть без мозгов» (книга Ж. И. Алферова, лауреата Нобелевской премии, физика с мировым именем, изданная в 2012 году, так и была названа: «Власть без мозгов. Отделение науки от государства»), т.е. сложилась ситуация полного отсутствия управления развитием страны. Лев Александрович, печалясь по этому поводу и вспоминая слова Н. А. Некрасова «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей», замечает: «Не может страна развиваться или даже существовать долго при таком хаотическом, аморфном «управлении» ею. Тем более, что все либералы требуют от власти, от государства отказаться от мысли об управлении экономикой, наукой, образованием, медициной, искусством, экологией, спортом, самим управлением и министры начинают подбираться соответствующие этой либеральной модели».

В очерке «Барьеры» автор раскрывает логику появления и преодоления «барьеров», которых к 80-летнему рубежу накопилось у него немало. *И погружаясь в этот пожизненный процесс преодоления «барьеров», которые возникали постоянно в этом процессе восхождения Льва Александровича Зеленова, как человека, ученого,*

философа, педагога, коммуниста, начинаешь понимать «метафору», поставленную в заглавие книги,— «Как не ломалась сталь».

Отметим следующие факты из истории жизни нашего героя, которые характеризуют его, уже начиная с его жизненного старта, как мыслящего человека-исследователя, неуемного и темпераментного познавателя мира, и в первую очередь «мира человека»:

Факт № 1: Закончил в 1956 году философский факультет Ленинградского университета, защитив сразу две дипломные работы «с признанием их на уровне кандидатских диссертаций»;

Факт № 2: закончил заочно аспирантуру по философии в Томском университете на «блестящей кафедре» (по выражению Л. А. Зеленова), которой руководил К. П. Ярошевский, в прошлом секретарь у известного большевика-ленинца, секретаря ЦК ВКПб Постышева, а до него — «великий» П. В. Копнин, ставший впоследствии академиком, директором Института философии АН СССР);

Факт № 3: 5 марта 1965 года — защита кандидатской диссертации по философии на тему «Эстетическая объективация». Защита шла 5 часов: разгорелась дискуссия вокруг определения партийности в науке. Известный крупный философ В. И. Мишин сказал так в дискуссии: «Я напомню, как Маркс и Энгельс понимали сущность партийности в философии: как материалистическое объяснение социальных явлений (несколько цитат!). Дает Зеленов материалистическое понимание искусства? Дает. Какая еще вам партийность нужна?».

Факт № 4: защита докторской диссертации по эстетике в 1972 году в Уральском университете. Пятичасовая защита снова, 15 положительных отзывов из всех университетов СССР, затем долгий, растянувшийся на 4 года, процесс утверждения диссертации в ВАКе. «За эти 4 года я организовал,— пишет Лев Александрович,— 4 академических симпозиума Философского клуба по Законам эстетики, Эстетическому развитию личности, теории и практике дизайна и Всестороннему развитию личности с изданием материалов. В итоге опять говорю: ВЫСТОЯЛ, НЕ СЛОМАЛСЯ, ПРЕОДОЛЕЛ!»;

Факт № 5: организация Философского клуба, действующего с 1969 года по настоящее время, с ежегодным проведением академических симпозиумов всесоюзного и международного масштабов, в атмосфере дискуссий которых прошло становление более 3-х десятков докторов философии, в том числе и я, автор этой работы (начиная с 1985 года). И здесь не обошлось без нападок со стороны философских «противников»: появляется разгромная статья в газете «Советская Россия» за подписью доктора философских наук, профессора, декана философского факультета Уральского государственного университета К. Н. Любутина, который обвинял Зеленова в идеологической некорректности дискуссий на заседаниях Философского клуба. Нашему герою пришлось выдержать «накат» целой серии всяких комиссий и доказать свою правоту. По этому поводу Зеленов заключает: «...мы продолжаем работать, проводим заседания еженедельно, организуем симпозиумы ежегодно, издаем материалы, празднуем годовщину работы... НЕ СЛОМАЛИ, ВЫСТОЯЛИ...»;

Факт № 6: это сам Лев Александрович Зеленов, как итог собственной жизни и логики преодолений, стояния за большую идею, правду, истину. Его научный итог: более 900 научных и публицистических работ, более трех десятков воспитанных им лично докторов и кандидатов наук по философии, руководство Диссертационным советом, на котором защитили свои докторские и кандидатские диссертации более 210 человек, в том числе и автор этой работы, несколько десятков великолепных монографий по философии, антропологии, теории ценностей, эстетике и этике, теории деятельности, теории потребностей и способностей, теории гармоничного развития человека, методологии философского и научного исследования и др. направлениям.

Вот несколько из его очерка «Вхождение в жизнь» цитат, которые отражают определенное зеленовское кредо, обращенное к молодежи:

— «Отрывочные знания — это не знания»;

— «...сделать счастливыми как можно большее количество людей» — вот в чем смысл жизни (на которое указал еще молодой Карл Маркс в гимназическом сочинении). За этим скрываются «альтруизм и подвижничество» человека;

— «Не «или личное, или общественное», а слияние личного и общественного — вот идеал».

В «Заключении», подводя определенный итог своим размышлениям о перипетиях своей жизни в единстве с жизнью советской страны, а затем в единстве с жизнью современной России, возникшей вместе с другими странами СНГ на месте СССР, Зеленов, как и положено мужественному философу, а настоящая, действительная философия всегда требует от исследователя мужества — мужества служения правде — и только правде, констатирует, глядя на мир с «вершины» своего 80-летия (книга писалась в 2014 году!):

«Основные барьеры на индивидуальном жизненном пути, кажется, закончены, ибо на первое место вышли барьеры биофизического характера, связанные со «стесненной в своей свободе жизнью» (Ф. Энгельс).

А в общественном универсальном плане вместо социальных барьеров, которые доступны для преодоления отдельному человеку, личности, *в начале 90х годов XX в. в России воздвигнута капиталистическая стена из блоков антигуманных антиценностей. Этот изощренный барьер-идол Левиафана может быть преодолен не усилиями одного индивида, каким бы «стальным» он ни был, а прозревшим Разумом и закаленным Мужеством трудового народа.* А для рождения такой социальной зрелости нужны, по словам А. И. Герцена, поколения людей, да еще скрепленные межпоколенной трансляцией по каналам социализации адекватного гуманистического социального опыта человечества» (курсивом выдел. мною, С.А.).

19 июля этого, 2017-го года, нашему герою и моему другу Льву Александровичу Зеленову исполнилось 84 года. Он стал старше на 4 года того Зеленова, который в 2014 году, в год своего 80-летия, написал это эссе «Как не ломалась сталь». А я, автор этого очерка, в этом году только вступил в когорту 80-летних.

Когда я читал эту работу моего друга, меня не покидало чувство, что это как будто написано и о моем детстве, о моей юности, о моих «барьерах» в становлении во мне ученого, философа, коммуниста: столько много схожестей, аналогий в нашей жизненной и творческой судьбе.

И тут я подумал: «А как же может быть иначе?» Ведь мы — и я, и Л. А. Зеленов, и многие другие наши знакомые, близкие нам по возрасту и по судьбе,— из одного поколения — поколения «детей и подростков войны», поколения, родившегося в 30-х — и в начале 40-х годов. Мы — поколение, достойно принявшее эстафету от двух поколений советских людей:

— во-первых, от того поколения, кто осуществил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, 100-летие которой мы отмечаем в октябре-ноябре этого, 2017-го, года, и одержал победу в Гражданской войне;

— во вторых, от поколения, родившегося в 20-х годах, которое понесло наибольшие потери, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны.

Прав Л. А. Зеленов, не раз повторяя, что будущее — за социализмом и коммунизмом. На их стороне, т.е. на стороне социализма и коммунизма,— вся логика истории человечества, вся логика всех сражений за справедливость и человечность на Земле, за равенство, свободу и братства.

Но на рубеже XX и XXI веков в эту логику развития человечества вмешалась Природа в лице Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов, имеющих собст-

венные гомеостатические механизмы,— вмешалась в форме предъявления человечеству своеобразного «природного ультиматума» на языке уже состоявшейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

В чем суть этого «ультиматума»? — В предъявлении человечеству императива экологического выживания, имеющего единственную форму своей реализации — Ноосферный Экологический Духовный Социализм, как социального базиса управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Речь идет о Родах Действительного Разума и, следовательно, Действительного Человечества, которые смогут взять на себя ответственность за Управление социоприродной эволюцией, а это означает одновременно — и Прорыв человечества к Социализму и Коммунизму,— но теперь уже в новом, ноосферном содержании их миссии. По моим взглядам, на рыночно-капиталистическом пути развития человечество ждет экологическая гибель уже в XXI веке.

Трагедии бывают оптимистическими и пессимистическими, в зависимости от того, в какой исторической логике они происходят: в логике социального прогресса, как это было в истории СССР, или в логике социального регресса, как это происходит в современной истории России, когда виден рыночно-капиталистической геноцид всех основ ее жизнедеятельности и безопасности.

Но есть еще и общепланетарная трагедия всего человечества, обреченного на экологическую гибель в «капкане-ловушке» мирового капитализма в форме строя мировой финансовой капиталократии и глобального империализма.

Поэтому Ноосферно-Социалистический Прорыв и Роды Действительного Разума, которые есть один из моментов такого Прорыва,— это и есть императив выживаемости в XXI веке и России, и всего человечества.

И времени для вызревания «основ» такого Прорыва практически не осталось.

Наступает эпоха Духовного Подвига всех мыслящих людей на планете Земля!

И «духовный зов», который скрыт в содержании эссе Льва Александровича Зеленова «Как не ломалась сталь»,— это «зов», обращенный к каждому Человеку (с большой буквы) и в России, и на Земле, «зов», обращенный к Науке, Культуре и к Образованию! И в реализации этого «Зова» коммунисты XXI века еще должны сказать свое Слово!

Я поздравляю моего друга Льва Александровича Зеленова, настоящего великого русского философа и советского коммуниста, с выходом в свет его новой работы, которую он определил как «социальную автобиографию» под названием «Как не ломалась сталь».

Она есть достойная форма принятия «эстафеты» от героев Гражданской войны и строительства социализма СССР, так великолепно раскрытых Николаем Островским в романе «Как закалялась сталь».

Связь времен в истории битвы за социализм на Земле, и в нашем Отечестве — в России, не прервана.

Великая Октябрьская социалистическая революция, которую я предложил назвать Великой Русской Социалистической Революцией, 100 лет которой мы отмечаем в этом, проживаемом нами — человечеством, 2017-ом году, продолжается!

И на этом пути к Светлому Будущему Человечества, я верю, эта книга Л. А. Зеленова окажется в ряду «борцов» за Будущее!

Литература:

1. *Зеленов Л. А.* Как не ломалась сталь: социальная автобиография.— Дзержинск: ОАЧ, НФК, Изд-во «Конкорд», 2017.— 105 с.

ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск Мурманской области)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕХ, КТО «ЗА КАДРОМ»

(заметки о творчестве Александра Воронина и Вениамина Слепкова)

Член Союза писателей России, завотделом критики и литературоведения журнала «Приокские зори».

Казалось бы, ну как можно оставаться «за кадром» в литературе? Согласен, условность заголовка налицо, однако же... Однако же все с ним в порядке. Правильный заголовок, и вот почему. В любой отрасли человеческой жизнедеятельности (б-р-р... ну и сказанул... канцелярией пахнуло...), тем паче в творчестве любого рода, а значит, и в литературе, полным полно пылких, а скорее дымных, и весьма деятельных представителей, пребывающих постоянно у всех на виду, оттого весьма громко, с пристрастием, обсуждаемых, восхваляемых или осуждаемых, что, собственно, не важно, ибо антиреклама — лучшая реклама, и в итоге создающих иллюзию собственной художественной или, если угодно, творческой значимости, весомости и актуальности. Однако же... Однако же ближайшее рассмотрение подобной «личности» и всего того, что произвел на свет сей деятель от литературы, рождает ощущение мыльного пузыря. Точнее сказать, стойкую убежденность, что очередная провозглашенная «гора» произвела на свет очередную, хоть и объявленную выдающейся, но «мышь». (И речь-то вовсе не о записных графоманах, люди, упомянутые выше, обладают явным дарованием, однако расходуют означенное... увы... то наболтав черте чего, аж яичница божьим даром кажется, то сюжет сколотив,— нарочно, извините, с похмелья лютого, не придумаешь, то вдруг озарив читателя блестящей, с псевдопатриотическими инспирациями, аналитикой, явленной на основе разброда и шатаний обезличенных и лишенных права мыслить героев). Впрочем, мы сами же и виновны более всего в подобных кунштюках. Не надо объявлять каждого второго гением, а каждое третье изданное шедевром. Ведь есть абсолютно добротная, отлично написанная литература. Не гениальная, но свою задачу выполняющая. Например задачу постепенного формирования у начинающего читателя хорошего вкуса, способности мыслить и анализировать, понимать подтекст, да мало ли что еще. А тут... Гений! Ура! Новый Чехов! Откровение! Так еще никто не пи...). И самое печальное, что сие явление абсолютно, порой, не зависит от всяческих там званий, рейтингов и прочих лавров. Ни-

чего не попишешь (да что же такое, то штампом согрешил, а теперь вот каламбур выскочил), все на продажу, все теперь «шоубиз» и его окрестности. Однако же...

Ладно, порезвились и будет. Кстати говоря, я вовсе не бездумно тут эквилибром согрешил, цель моя чуть позже и вам станет вполне ясна. А будет, граждане, вот что: есть в нашей сказочной стране прекрасный город Петрозаводск, столица неповторимой Карелии. В Петрозаводске вот уже без малого восемь десятков лет выходит литературно — художественный журнал «Север» — безусловный флагман литературной периодики Северо-Запада России, и вообще, один из самых заслуженных и маститых толстых литературных журналов страны. Опубликовать свои произведения на страницах такого издания весьма почетно, и, на мой взгляд, просто необходимо любому серьезному и профессионально относящемуся к творчеству северному литератору. Но журнал это не только его авторы. Журнал — это прежде всего люди, его создающие и выпускающие, его редколлегия. И мне очень приятно заявить со всей ответственностью, что «северяне» — люди глубоко профессиональные, одаренные и дело свое любящие. «Северяне» отнюдь не фамильярность с моей стороны, я действительно хорошо знаю эту команду, возглавляемую очень сильной поэтессой Еленой Евгеньевной Пиетиляйнен, мы неоднократно бывали в совместных творческих поездках, выступали на одних сценах, и к тому же мне посчастливилось войти в круг постоянных авторов журнала... Что? Вот я и попался? Каждый кулик свое болото... Протексион... Мол, похвалишь лишний раз, авось еще что-нибудь опубликуют, вирши там або статейку... Ну-ну, можете, кому охота есть, сколь угодно злобствовать. Я лишь замечу, и меня поддержат мои коллеги — земляки, что в «Севере» никого «познакомству» не печатают. Публикация на его страницах тем и дорога, что абы кому и ни по какой протекции не достается, да и вообще творчески очень непроста, ибо желающих напечатать свои «труды» очень много, а место в журнале, естественно, ограничено. И хватит об этом. А «северяне» требовательны прежде всего к самим себе. Оттого и «планка» в журнале установлена высоко, и репутация у него соответствующая. Кроме того, большинство представителей редколлегии — активно пишущие поэты, прозаики, публицисты. Именно они и относятся к частенько остающимся «за кадром», поскольку в силу профессиональной этики не могут «себя любимых» выставлять напоказ, в ущерб прочим авторам журнала. Время от времени, если сие оправдано нуждами составления очередного номера, произведения их появляются на страницах «Севера», но... Порой и читателям, и в особенности начинающим авторам, удостоенным в силу объективных причин публикации в маститом издании, неплохо бы иметь представление о «творческом лице» тех, кто остался в тени, «за кадром», как кому угодно...

Итак, знакомьтесь: Александр Воронин, поэт, заведующий в «Севере» понятно каким отделом.

В этой жизни я мало умел,
Презирая любую науку,
Лишь доспехами праздно гремел
И тревожил ночами округу
В этой жизни я мало успел,
Только в старом заброшенном доме
Пару песен непрошенных спел
И, счастливый, уснул на соломе.

Александр Воронин по рождению почти петербуржец, ибо его родная Гатчина ныне уже ближний пригород северной столицы, однако школьные его годы прошли в

Краснодаре. А далее — Ставропольское высшее военное инженерное училище связи и служба в РВСН... и вдруг резкий поворот: на шестом году офицерства увольнение в запас и через год поступление в Литинститут им. А. М. Горького в мастерскую Николая Старшинова. И вновь... «Может быть, до сих пор еще числится студентом второго курса...»,— так говорится о завершении этого периода жизни поэта в небольшом послесловии его второй книги стихов «Круговорот», вышедшей в 2000 г. в петрозаводском издательстве «Периодика». Отставной офицер и вечный студент... Завидные ипостаси? Не спешите ответить категорично, чтобы узнать, каковы они, нужно, как минимум, попробовать в оных оказаться.

Ежеминутно белкой в колесе
кручу турбину однотипных дней...
Достойны счастья все, судьбы — не все.
Но если есть она, что делать с ней?

Счастливцы, не владевшие судьбой,
поладившие с миром и с собой,
смирившие в душе свое желанье
своим законом мерить каждый час.
Им избежать растленья и закланья,
депрессии нейронов, слов и глаз.

В результате судьба привела Александра в Петрозаводск, где в 1997 г. вышел первый его сборник «Метаморфей». Кстати, именно с этого стихотворения, а точнее с одноименной песни, музыку к которой написал известный бард Александр Софронов, и началось мое знакомство с поэзией Воронина. Песни на его стихи пишет и воронежский автор-исполнитель Андрей Букреев. Причем, напевность стихов Воронина можно услышать и оценить далеко не сразу. Думаю, что бардам, пишущим музыку на его стихи, изначально все-таки больше импонирует их содержание, настойчивая, но ненавязчивая рефлексия, философские обобщения, а уж потом метрика и ритмика строк.

Стихи рождаются на свет
без повитух и акушерок
при свете свечек и торшеров
и если вовсе света нет.
Стихи рождаются как знак
потустороннего начала.
Поэтов Муза назначала,
но до рождения. Вот так!

Я довольно близко знаком с Александром Ворониным, но все-таки нас объединяет не близкая дружба, а творческое доброе товарищество. Внешне он не производит впечатление человека нараспашку, напротив, он в меру сдержан и в меру открыт, при безусловной доброжелательности и корректности. На мой взгляд, Воронин очень похож на свои стихи. Или они на него... И вопреки моему, высказанному здесь несколько выше, мнению, порой строки Александра удивительно музыкальны.

Невозможно свою переспорить судьбу,
Не вообще и не в частности, если не фарт,

Будь, хоть трижды герой, хоть семь пядей во лбу,
Хоть чудак, презирающий магию карт.

Можешь верить — не верить в скрижали и рок,
Можешь злиться — смеяться, но коль не дано,
В этот миг, в этот день, в эту жизнь, в этот срок,
И не тщись, испокон без тебя решено...

Кажущаяся внешняя фатальность для Воронина, по-моему, лишь антураж, подтекст его стихотворений гораздо глубже. Я воспринимаю Александра как человека, устремленного в себя, нет, не глухого интроверта или мизантропа, но постоянно соразмеряющего мир окружающий со своим внутренним. И в этих соразмерениях мой петрозаводский коллега порой чересчур строг именно к себе. Да и к своей поэзии тоже.

А ведь он не хладнокровный ментор, не «архитектор» стиха, он человек, страдающий, мечущийся, любящий...

Так щемило в груди, так болело,
Что словами не высказать как.
Может сердце за светом летело,
Может быть, погружалось во мрак —
Захлебнулся в глазах ее серых,
И душа понеслась к небесам.
Но прибегнул к спасительным мерам
Может ангел, а может я сам.
Вновь живу, вновь пьянею от воли,
Вновь в глазах ее серых тону.
И не то чтобы спасся от боли,
Просто больше не тянет ко дну.

Годами работая с присылаемыми в журнал рукописями, отклоняя или рекомендуя их к публикации, он совершенно не стремится ни печатать самого себя, ни попытаться издать новую книгу. А ведь со времени выхода «Круговорота» семнадцатый год пошел. Исписался? Нет, не думаю. Уверен, что тут сказывается требовательность Воронина к собственному творчеству, и что в «загашнике» у него накопилось порядком очень сильных стихотворений. Вот, как ни крути, и получается, что поэт Воронин есть, и даже неподалеку, но «за кадром». Вот эта «закадровость» может сыграть с любым из нас злую шутку: поэту необходимо видеть свои стихи напечатанными. Не ради удовлетворения своего «тщеславия», дескать «...нашелся такой Шекспир», помните у В. П. Аксенова в «Бумажном пейзаже»? Нет. Воронин — поэт состоявшийся, крепко на ногах утвержденный, он не нуждается ни в поощрении, ни в покровительстве, как некоторые, даже из молодых, да ранние. Взгляд на печатные свои произведения помогает несколько отстранится от авторства и некоторым образом взглянуть и оценить их со стороны. Это, безусловно, полезно и, на мой взгляд, просто необходимо. Вдобавок, ежели заметят, то тебя не преминут изругать и другие. Очень хорошо. Сие полезно не менее. Терпи, кряхти, держи удар, извлекай из брани рациональные зерна, совершенствуйся духовно, расти. Как поэт. Что же это, Александра Сергеевича костерили на чем свет стоит, а вашу милость жалеть прикажете? Смех смехом, но в моих словах только «доля шутки». Ведь, например, такой потрясающий поэтище, как Леонид Губанов, всю жизнь лишенный публикаций, попросту не имел

стимула для окончательной доводки своих уже великолепных стихотворений, для превращения оных в окончательно шедевральные, сваливая рукописи в ящик письменного стола. Это не мое «открытие», я лишь несколько переосмыслил тезис Юрия Кублановского, что лучшие стихи рождаются на спайке вдохновения с ремеслом. А «ремесло» как раз и стимулируется публикациями. И аз грешный был бы очень рад, если бы время от времени читал хоть опубликованные в периодике стихи прекрасного поэта Александра Воронина, в жизни коего поэзия присутствует во всех смыслах круглосуточно.

В глухую деревню меня отвозило метро,
Стуча метрономом на стыках. На древнем разъезде
На куртку я выменял порченых вишен ведро
С намереньем высидеть их на плацкартном насесте.
А мне б надлежало стоять впереди на путях,
Слепя своим взором горящим глаза машинисту.
Но поезд железною рыбой забился в сетях
Железнодорожного атласа тысяча триста
Десятого года пространства не наших кровей,
И запах миндальный смешался с модальным мажором,
Когда, тормозя на остатках роскошных когтей,
Состав притворился, что путь перекрыт семафором...

Вот уже почти семь лет прошло со времени публикации моей рецензии на дебютный сборник стихов заведующего отделом очерка и публицистики журнала «Север» Вениамина Слепкова. Впрочем, это был уже «ответный ход» с моей стороны, поскольку он несколько ранее почтил вниманием мою первую книгу. Ко времени нашего знакомства Слепков уже почти два десятка лет успешно трудился на ниве журналистики, в области коей стал глубоким профессионалом, успев поработать главным редактором городской газеты «Петрозаводск» и замом главного редактора республиканского «Курьера Карелии», стать автором-составителем справочника «Кто есть кто в Петрозаводске.1995 г.», а также одним из соавторов «Истории строительства Карелии». И с каждым годом тяга возвращения к литературному труду давала о себе знать все более и более. Вениамин и начинал еще в 80-е годы прошлого столетия именно с литературных опытов и публикаций. Ему и принадлежит утверждение, что журналисты уходят в литературу, и размышления по этому поводу в статье «Почему журналисты уходят из профессии», посвященной книге петрозаводского писателя Валерия Верхоглядова «Соло для одного».

Тем не менее, сам Слепков пока журналистику не оставил, успешно совмещая с ней и поэзию, и публицистику, и прозу. Безусловно, по одной дебютной книге сложно говорить об авторе, как о поэте окончательно состоявшемся, цельном и самодостаточном, тем паче, что многие стихотворения можно бы и доработать, сделать их отчетливее, конкретнее, выразительнее. Но ведь очевидно, что и сам автор относится к себе с очевидной самоиронией, а к поэтической составляющей собственного творчества весьма критично и не суетливо. И стихотворный сборник «Старый лешак» скорее можно рассматривать как результат очередного витка самореализации одаренного литератора, выраженный на сей раз поэтически, что ничуть не умаляет достоинств этой небольшой книги.

Ей — омары, мне — Хайяма,
Ей — брильянты, мне — стихи,

Ей — наряд из Амстердама,
Мне — замаливать грехи,

Ей — квартиру, мне — дорогу,
Ей — машину, мне — рюкзак,
Ей — всегда всего помногу,
Мне — копейку, мне — пустяк.

Ей — победы и удачи
Под фанфары и там-там.
Мне — Канатчикова дача,
Мне — Матросы, мне — бедлам.

Делим, делим, не поделим,
Разрываем — не порвем.
Расставаться не умеем,
Да и в мире не живем.

Для автора, в одном из стихотворений не без кокетства олицетворяющего себя именно со «старым лешаком», характерна добрая ирония и подтрунивание прежде всего над собой. А вообще, стихотворный сборник явился для автора этапным, в нем отразилась вполне конкретная жизненная коллизия, когда сорокалетний, вполне состоявшийся мужчина, пришедший на промежуточный финиш, подводит некоторые итоги пройденного пути, с чем-то прощается, открывая для себя новые горизонты, ставя иные задачи и цели. Не зря же в одном из стихотворений есть такие строки:

В тишине своего одиночества
Я укутаюсь в воздух, как в плед.
Прочь из памяти имя и отчество
И количество прожитых лет!

Позабуду награды и звания,
И победы. В плену пустоты
Я еще позабуду признания,
Что когда — то дарила мне ты.

Те, что были победою главною,
Что дороже любых орденов...
Я закроюсь от памяти ставнями
И покрепче прилажу засов...

Конечно, тут сразу можно ополчиться на Слепкова за пропитанную постмодерном, не вполне удачную, строчку «укутаюсь в воздух, как в плед», за пребывание в клишированном многократно «плену пустоты», но я считаю, что важнее технических огрехов здесь точность изложения авторского желания и причин «его одиночства». И несколько театральная реплика, но очень удачная «Прочь из памяти имя и отчество,//И количество прожитых лет» звучит искренне, не натужно, без излишнего трагизма. Лирический герой сборника, а он там есть, не сомневайтесь, избегая фальши, старается говорить спокойно, даже раздумчиво.

Не пью неделю, третий день не ем,
И не срываю на шумливых чадах
Придавленное тяжестью проблем
Больное зло, что накормило ядом

До кадыка. И просветлился взгляд —
На суету сует смотрю с улыбкой
И жду, покуда, ссохшись во сто крат,
Могучий корень превратится в липку.

Очистил все, во что когда-то влип,
Читаю только в древние поверья.
Теперь сижу, отращиваю нимб,
А меж лопаток тихо лезут перья.

Вот опять есть над чем поработать и в лексике, и стилистически, но общее впечатление от стихотворения вполне отрадное, так как оно, стихотворение, есть! В наличии имеется, можно сказать, вновь сползая в трясину канцелярщины. Герой искренен, ироничен и самоироничен, да и добряк он, по всему видать. Вениамин Слепков, надо вам сказать, и в жизни такой, изначально очень искренний, доброжелательный и расположенный даже к незнакомым людям человек. Он старается избегать категоричности в суждениях и оценках, но лишь для того, чтобы достичь большей объективности, чтобы «с водой не выплеснуть ребенка». Он вообще предпочитает, по его же признанию, если и бороться, то не «против», а «за». А это уже жизненная позиция, весьма о многом говорящая.Однажды, в беседе со мной, Вениамин обмолвился, что нам не хватает любви, что в мире людей любви вообще очень мало; он трактовал в данном контексте любовь очень широко, начиная со стремления к взаимопониманию и взаимопомощи, без которой нет человека как явления в природе. И вышедшая в 2011 г. книга его публицистики «Жить в эпоху перемен» пронизана этим утверждением. В нее вошли интервью, статьи, рецензии Вениамина Слепкова, посвященные современной литературной жизни, ее проблемам и достижениям, конкретным произведениям, увидевшим свет в первое десятилетие нового века. Разнонаправленность творчества можно приветствовать или, напротив, относится к ней с изрядной долей скепсиса, но для Слепкова это данность, хотя, конечно, создавать одинаково удачные произведения во всех жанрах сложно. И Вениамин, на мой взгляд, все — таки более силен в прозе и публицистике. (Второй его сборник стихотворений «Меняется ветер» — прямое продолжение «Старого лешака», со всеми плюсами и минусами. На мой взгляд, как поэту, Слепкову не всегда удается точность и отточенность формы, да и в поэтике встречается некоторая «хлябь»). И вот, кстати, о прозе.

Несколько лет назад, а точнее, буквально на рубеже 2012 и 2013 гг., петрозаводское издательство «Форевер» выпустило одну за другой две повести Слепкова: «Верная Наташка» и «Посланец вселенной». «Прорывными» или «гениальными» их назвать нельзя, «откровениями» тоже. Да и не ставил наверняка автор задачи выпустить таковые из-под пера. И вообще, будет нам уже по каждому поводу и без оного, что чаще случается, орать благим матом, мол, гениально, неповторимо, свежо... Вот и у Вениамина Слепкова, слава Создателю, случай иной. Обе повести — очень серьезная, содержательно сбалансированная, вызывающая живые отклики и споры, проза, посвященная главному герою русской литературы — человеку, обыкновенному человеку, с его метаниями, маетой, сомнениями, надеждами, чаяниями, малодушием и сердечностью, с его тоской и одиночеством, стремлением к счастью и поиском оного,

порой вне четких представлений о цели такого поиска. Есть и к чему претензии предъявить, что, знаете ли, тоже неплохо, ведь когда придраться не к чему, это само по себе настораживает, не правда ли? Повести одновременно и похожи, и существенно разнятся, имея между тем в главных героях очень плохо устроенных, одиноких и весьма недовольных собой людей. И ведь нельзя сказать, что цель автора — так называемая «комедия характеров» или «масок», портреты героев, напротив, до известной степени схематичны, написаны довольно широкими мазками, даже несколько грубовато, они массовы и не исключительны, но это то, что нужно, ибо дело тут не в конкретных персоналиях. Точнее, автора интересует поведение своих героев в «комедии положений». Слепков, не в прямую конечно, завуалировано и довольно тактично, но все же твердо и внятно, ставит вопрос об извечном нашем одиночестве, о поиске истинного человеческого счастья, о кажущейся эффективности утилитарного подхода к решению проблем в масштабе одной человеческой жизни, об элементарном благородстве, и о том, как же на деле это непросто, быть элементарно честным и порядочным, прежде всего с самим собой... Вы не пробовали? Правда, сложновато как-то все, потому, что врать самому себе не получается ни при каких обстоятельствах... Даже когда вроде бы и получается.

Выросшая в заштатном поселке девушка Наташа, не знавшая нормальной семьи и материнской ласки от сбежавшей в город за легкой жизнью родительницы, тычется в поисках тепла и элементарного взаимопонимания, точно слепой котенок, в первые подставленные ладони, но, вот беда, поиск абстрактного, хоть и нехитрого, счастья, вера в то, что она найдет того человека, с кем может создать семью и кого будет любить, кому будет верна до смертного часа, этот поиск не приносит ничего, кроме очередных ошибок и разочарований. Отчего бы? Да оттого, что героиня повести, при желании и возможности любить и быть верной, абсолютно не знает и не понимает, как это сделать, а точнее, каким образом этого достичь. Ей пока невдомек, что значит для нее самой эти самые любовь и верность. И во имя чего они, непонятно. И совсем не зря жизнь сталкивает ее с разочарованным и лишившимся семьи мужчиной, журналистом, человеком широкого кругозора, едва ли негодяем, имеющего свои представления о порядочности, но растерявшего однако веру — надежду — любовь, измотанного одиночеством и неизбежным оправданием ежедневного своего малодушия, когда понимание, что далее так жить не стоит, что нужно многое поменять в своей биографии, не находит воплощения в конкретных действиях. Такой вот неприкаянный, стареющий, мужчина, публицист Сергей Алешин, многое в своей жизни считающий отгоревшим безвозвратно, и вчерашняя девчонка, женщина, можно сказать, по недоразумению, не обнаружившая толком настоящих своих чаяний и потребностей. И тянутся они друг к другу наверное от того, что более на данный момент не к кому приткнуться. Одной нужен ночлег, другому... понятно, что в первую очередь. И откровенный цинизм создавшегося положения в контексте повести не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Отчего это? Привычка к отсутствию положительных героев? Наверное. Даже очевидно. С нелегкой руки У. Теккерея сие вот уже скоро два века, как практикуется. Но повесть Вениамина Слепкова на сатиру уж никак не тянет, да и едва ли автор к этому стремился. И казалось бы, ну что тут такого ужасного, ведь в конце концов Алешин хорошо относится к Наташке, и она принимает такие отношения, и постель воспринимается ею не только как оплата «добрых дел» Сергея, постель несет надежду, что, возможно, когда-нибудь... Ей ведь не нужно замуж за первого встречного, абы за кого, она умеет выбирать, отвергая своего воздыхателя из приезжих строителей, ставшего первым ее мужчиной... Алешин во всех отношениях для нее предпочтительнее остальных, но он ни в какую не хочет новых брачных уз, то ли дело партнер на ночь. Не то чтобы постоянный, но регуляр-

ный, время от времени. Здоровый, нормальный цинизм, этакая физиологическая меркантильность, и ведь никого не тошнит от подобных житейских конструкций, в том числе, смею предположить, ни автора, ни, вполне возможно, читателя. Автор, хоть повествование и ведется от первого лица, предпочитает находиться над схваткой. Его позиция не совсем ясна, по-моему, он сам не вполне определился с отношением к своим героям, чем-то все-таки ему симпатичными, поскольку их жутковатое в целом сосуществование ничуть не отменяет проявления отношений человеческих, настоящих, то и дело пробивающихся сквозь патину постельной деловитости со стороны одного и суетливых хозяйственных потуг и матримониальных надежд другой. Ведь не может Сергей, вышедший на прогулку, пройти мимо случайно им обнаруженной, спящей на уличной скамейке, хмельной Наташки. И одному Господу известно, что их впереди ожидает?

Словом, одна стремится к любви и счастью, но не понимает и знать толком не знает, в чем они состоят, что они вообще такое, а второй, вроде бы и знает, и понимает, но боится поверить, вновь обжечься, боится новой боли, ибо старая еще, пусть и дремлет где-то втуне, но памятна. Да и вообще, кто же против счастья, но ведь «что такое счастье, это каждый понимал по-своему...». Вот такая повесть, без тени дидактики, без вообще какой-либо нравоучительности, о том, что порой, и весьма часто, «...человек звучит горько...», как поется в песне замечательного барда Григория Данского, что по-настоящему помочь ближнему не столь уж просто, если не умеешь вовремя помочь самому себе, что милосердию и состраданию нужно не только учиться, но прежде всего следует еще и заслужить право на оные. И наверное нечто подобное героям повести еще только предстоит. Справятся они или нет, неизвестно. Задача не из простых, ибо «...человечность это серьезно». И трудно не согласится с утверждением братьев Стругацких.

Вторая повесть — «Посланец вселенной» — на мой взгляд несколько слабее «Верной Наташки». Чем? Пожалуй она «прямее» по замыслу, еще более схематизирована по фабуле, и дидактики, хоть и опосредованно поданной, в ней хватает. Вдобавок, мне кажется, что прием введения в повествование некоего учителя — посланца вселенной, уже неоднократно эксплуатировался в литературе, и пусть «наставник» из «Града обреченного» уже упоминавшихся братьев Стругацких мало похож на «посланца вселенной», но присутствие последнего не кажется столь уж обязательным для того, чтобы донести до главного героя мысль о том, что «каждый человек — кузнец своего счастья». Вообще это очень интересный прием, когда главный герой априори лишается автором способности свободно мыслить и проявлять элементарную «волю к победе», когда ему нужны некие наставления со стороны, дабы как-то изменить свою жизнь к лучшему. (И не один Вениамин Слепков им согрешил. Таков, на мой взгляд, главный герой нашумевшего в свое время опуса Захара Прилепина «Санькя» — «рядовой радикал», молодой экстремист, не умеющий думать, оттого не имеющий собственной линии поведения, лишенный собственной воли, предельно реактивный... кибер какой-то, андроид... И насколько же все в итоге просто и «трагично» заканчивается!). Повесть бы только выиграла от отсутствия ненужного мистицизма, вдобавок оставляющего довольно комичное впечатление, как будто непонятно, что на самом-то деле в главном герое просыпается доселе дремавшее в латентном состоянии альтер эго! Повесть можно было сделать более убедительной, запоминающейся, контрастной. Конечно, в основе все тот же поиск, выраженный в песенной строке: «Много ль нужно, чтобы стать счастливым?», тема вполне оправданная и достойная, и несмотря на все мои претензии, мне очень по душе общая интонация повести, весьма схожая с интонациями прозы Вадима Шефнера, прозы по-настоящему человечной и доброй, ныне почти забытой к великому сожалению, а вот Вениамину Слепкову уда-

лось, безо всякого на то умысла, практически воссоздать эту интонацию, даже атмосферу, где всем усилиям главного героя волей-неволей начинаешь сочувствовать, и даже привыкаешь «болеть» за него. Мне кажется, что проза подобного рода имеет свою целевую аудиторию и может быть весьма полезна молодым людям, начинающим свой читательский и жизненный путь, ибо посвящается она светлым мыслям и благородным чувствам, достигнуть коих в повседневной рутине зачастую довольно сложно, а утратить, в угоду сиюминутным выгодам и меркантильным резонам, проще простого. Впрочем, хорошей литературе тоже «все возрасты покорны». Поэтому, друзья мои, читайте книги Вениамина Слепкова, не пожалеете. Он пишет и для детей, его перу принадлежит сборник «Первый соловецкий инок. Рассказы для детей о преподобном Савватии» (издательство Соловецкого монастыря), книга-сказка «Древняя легенда Шоколадной страны про мальчика, который не любил шоколад», переведенная на финский язык, роман-фэнтэзи «Принц Хостинпура»... Казалось бы, приличная результативность... Но ведь провинциальные авторы в большинстве своем попрежнему лишены возможности распространять свои произведения далее своего региона, да и служебная журнальная текучка отнимает уйму времени, тут никуда не денешься, бросить все, конечно, можно, но... получается, что нельзя, точнее, очень не просто, особенно, когда этому делу отданы годы жизни и уйма сил.

Оттого редакционная стезя порой чаще, чем нужно, оставляет «за кадром» не только героев моей статьи, но и многочисленных их коллег, служащих в наше сложнейшее для серьезной и профессиональной печатной литературной периодики время, благородной цели — развитию и процветанию отечественной литературы, сохранению и преумножению ее традиций, традиций гуманизма и патриотизма, формирования человеческих идеалов, основанных на любви, честности, доброте и благородстве. Что? Многовато высоких слов? Извините, господа, такие слова и предназначены для высоких целей, и давайте не будем их стесняться.

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

«Я ТВЕРДО ВСЕ РЕШИЛ...»

Стихи политика Е. М. Примакова (1929—2015)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

26 июня 2015 года скончался Евгений Максимович Примаков... Три года прошло. Надо помянуть. Нельзя не вспомнить. Нельзя забыть, поскольку уход таких людей, как Примаков, как доктор Лиза, как Владимир Маканин, как А. А. Зализняк, как многие и многие другие заставляет понять: есть незаменимые. И память о них, незаменимых, камертоном звенит каждому из нас (правда, слышит, как ни жаль, не каждый): «А ты что смог сделать для страны, для людей? А ты как живешь? А тебя чем помянут?»

Биография и послужной список Е. М. Примакова достойны отдельной главы в истории нашего Отечества. Академик, дипломат, шеф разведки, депутат, министр иностранных дел, глава Правительства... А еще — поэт. Многие стихи яркого политика, посвятившего жизнь работе на благо Родины, напрямую касались вопросов государственного строительства. Поэтому вполне закономерно, что в свое время Примаков предложил собственный вариант текста Гимна России. Как мы знаем, в конкурсе на создание Гимна победил другой автор — С. В. Михалков. Но то, каким видел один из символов нашего государства такой выдающийся россиянин, каковым являлся Е. М. Примаков, чрезвычайно интересно. Предлагаем читателям ознакомиться с текстом Е. М. Примакова на всем известную музыку А. В. Александрова.

I

Россия прошла череду испытаний —
Теперь судьбы Родины в наших руках.
Поднимемся все, как один, россияне,
Чтобы сделать счастливой страну на века.

Припев:

Славься, Отечество наше единое,
Мира достоинство, честь и оплот!
Знамя Российское непобедимое
К новым свершениям нас приведет!

II

Отеческим домом для многих народов
Стала Святая великая Русь.
Овеяна духом добра и свободы,
Тебя я люблю и тобою горжусь.

Припев.

III

Кто честно стремится сотрудничать с нами,
В России надежного друга найдет,
А тот, кто готовит враждебные планы,
Пусть знает: его поражение ждет.

Припев:

Славься, Отечество наше единое,
Мира достоинство, честь и оплот!
Знамя Российское непобедимое
К новым свершениям нас приведет!

За строками варианта гимна страны возникает образ их автора — настоящего государственного мужа, мудрого политика и убежденного патриота. Один из самых уважаемых политиков России за последнюю четверть века, Евгений Максимович Примаков никогда не искал личной выгоды, не слыл карьеристом или стяжателем. Зато он был надежным и добросовестным работником, настоящим командным игроком, который никогда не сдастся, не отступит. И даже когда приходилось действовать в одиночку, Примаков и один бывал в поле воином. Жизненное кредо этого человека раскрывает еще одно стихотворение:

Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжко,
То и тогда с дороги не сойду.

Я твердо все решил: мне ничего не надо —
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыханье друга рядом,
Лишь не поймать косой, недобрый взгляд.

Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.

Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.

Свою работу в МИД Евгений Максимович Примаков расценивал как «государеву службу», и эта служба постепенно стала служением, призванием, заключавшимся в непревзойденном умении последовательно и уверенно отстаивать интересы России. Став главой Министерства иностранных дел РФ, Е. М. Примаков поставил перед собой и подчиненными фантастическую, как казалось тогда, задачу — преобразовать «однополярный мир», в котором доминировали США, в многополярную систему равноправных государств. Сегодня замыслы Примакова успешно осуществляются руководством страны и внешнеполитического ведомства, но в середине 90-х годов для отстаивания такой позиции требовалось мужество подлинного патриота. А Примаков и был именно таким! Своим знаменитым разворотом над Атлантикой он показал всему миру, что Россия имеет собственную точку зрения на глобальные пробле-

мы и готова их отстаивать в честной конкурентной борьбе, дипломатическими средствами, но не с помощью оружия, как это вошло в моду у дяди Сэма. Возможно, один из подобных решительных шагов на тернистом пути истинного дипломата стал для Е. М. Примакова толчком к написанию этих стихотворных строк:

Опять труба зовет в дорогу,
Но, как всегда, трублю я сам.
Не для меня сидеть в берлоге
Или вымаливать у Бога
Сонливых радостей мещан.
Цыганский дух вселился в тело,
Хотя плясать и не горазд.
Под звук гитары надоело,
Под дудку не согнуть колени,
А на ходу в кибитку — враз.
Вдогонку не бросайте камни,
Ведь все равно не долетят.
А если уж кого и ранит,
То бумерангом в наказанье,
А кони вдаль кибитку мчат.

Непросто складывалась жизнь Е. М. Примакова. О том, как много и напряженно он работал, о том, сколь велика цена ошибки политика, о том, насколько важно сочетать в работе дипломата предельную осторожность и неудержимую решительность, свидетельствует красноречивое название, данное Е. М. Примаковым книге мемуаров,— «Минное поле политики». Видимо, автору, действительно, каждый шаг на жизненном пути давался с трудом. Приходилось собирать в кулак волю, однако он неудержимо шел к победе, в которую безоговорочно верил. Но ведь именно такие люди добиваются успеха в жизни. И такие люди становятся по-настоящему мудрыми. Не только политическая, но и житейская мудрость отразились в стихотворении «Стежки-дорожки»:

Стежки-дорожки
Прошел и проехал.
Мелкие сошки
Приветствуют сверху.
Стежки-дорожки
Прямо иль креном.
Все время на дрожках,
Устланных сеном.
А думают, вроде
Лечу на ракете.
Неужто в народе
Так верят газете?
Стежки-дорожки,
Доколе вас хватит,
На весны помножим,
По зимам разгладим.

На первый взгляд стихотворение не слишком глубокое: кому из нас не приходилось (меланхолически, но не без оттенка самолюбования) вздыхать о пройденных житейских путях-дорогах! Тут, однако, дело в том, где те стежки-дорожки пролегают. Один по ним добирается от места работы до ближайшей пивной, другой — от дома до

районной поликлиники. А иных кривая вывозит в такие места, что лучше и упоминать. Редким людям удается построить свой жизненный маршрут так, чтобы его освещали в газете, путь даже намеренно неточно. Примакову удалось. И не комфорт во время пути был его задачей, а достижение результата, добиваться которого мешали не только легковерные «глотатели газет», но и мелкие сошки, забравшиеся на самый верх.

Стоит в глазах телевизионная картинка из «лихих девяностых»: двое на экране — занявшая высший государственный пост мелкая сошка, а рядом — Примаков. Сошка, справедливо опасаясь конкуренции на политическом поле, заставляет его, «Примуса» (т.е. «первого»), человека трезвого ума, филигранных решений и огромного опыта, на телекамеры заявить об отсутствии президентских амбиций. И Примаков, на уровне рефлекса выработавший внутреннюю дисциплину, априори уважающий субординацию как единственный способ существования государственного аппарата, вынужден, сдерживая справедливый гнев и природную брезгливость, подтверждать: да, выставлять свою кандидатуру не собирался... Возможно, кому-то в тот момент и могло показаться: сдался Примаков, и этому выкрутили руки... Но те, кто знаком со стихами политика, помнят строку: «Я твердо все решил: мне ничего не надо — Ни высших должностей, ни славы, ни наград». И эта ставшая жизненным девизом Примакова строка неожиданно много объяснит в новейшей российской политике.

А тот давний телевизионный репортаж... Он вызывал гадкое чувство, как и все разыгранные нечистоплотным политиканом фарсы. Как дирижирование немецким военным оркестром; или паясничание для увеселения «друга Билла»; или неуклюжие, напоминающие па дрессированного медведя, прыжки под любимую электоратом «попсу»; или оглоушивший циничной беспринципностью финал выступления в заокеанском Конгрессе: «Боже, храни Америку!» Такие были времена... Но Примаков никогда не ныл, мол, время такое, не мы такие. «Примус» твердо знал: только от нас и зависит, каким назовут наш век — ужасным, великим, героическим, подлым... Знал и не ныл. Разве что позволял себе иногда капельку лирики — в стихах.

Евгений Максимович Примаков никогда не стремился к славе стихотворца. Его поэтические строки были возможностью наедине с собой осмыслить происходящее в художественных образах, соотнести этические проблемы с живущим в глубине души эстетическим идеалом. Лирика Примакова задушевна, она — «для себя», для близких, для старых верных друзей. Но дело в том, что у человека крупного масштаба и высокого полета даже интимные переживания резонируют с глобальными проблемами. Пример — стихотворение «Родная Грузия стала не той...» Как известно, детство и ранняя юность родившегося в Киеве Е. М. Примакова прошли в Тбилиси. Поэтому распад Советского Союза стал для него не только политической катастрофой, но и личной трагедией. Вот как боль политика, не смеющего забывать в себе человеческое, звучит в лирике:

Родная Грузия стала не той,
Страну захлестнуло мутной волной,
Задергалась в пляске святого Витта
Вся многослойная палитра
Центральных, местных властей и партий.
Хоть кто-нибудь, подойдите к карте
Или к дому с заросшим порогом,
В конце концов, спросите у Бога,
Как быть с бедой, чьи корни все глубже,
Сняли с ковров кинжалы и ружья,
В пятнах крови белые скатерти,
Черное горе в глазах у матери.

Беда прорастает в ткани быта.
Непостижимо, что будут забыты
Многоязычье тбилисских дворов,
Сомкнутых в радость и горе столов.
Соседи в Сухуми — не рядом, а вместе,
Не изменяя ни дружбе, ни чести.
Не все, очевидно, прошли эту «школу»,
Иначе сочли бы страшной крамолой
Вершить от традиций крутой поворот,
Одних возвышать, другим — от ворот.
Река все равно в свое русло вернется,
Вода, опрокинув преграды, прорвется.
Нет аналогий в истории старой:
Давид Строитель, царица Тамара,
Чудится мне, что слышу их стоны —
При них страна не знала погромов.

Говорят, что Е. М. Примаков в московской уже своей юности был вхож в литературный кружок, к которому имел отношение сам Б. Ш. Окуджава. В любом случае влияние «бардовской поэзии» на творчество Примакова очевидно: это проявляется и в нарочитой простоте формы стиха, и в присущем «шестидесятникам» романтизме, и в тематике произведений. А одной из важнейших тем тогда была (да и поныне для нас остается) священная память о Великой Отечественной войне, о жертвенном подвиге народа. Ведь, не будь у нас Великой Победы, никому не нужны были бы ни космос, ни грандиозные стройки, ни балет, ни мирные победы дипломатические. Примаков понимал это с особой остротой, умел с предельной честностью соотносить взлеты своего Отечества с повседневным и, казалось бы, рутинным, далеким от героики трудом каждого из нас. Тема войны не оставляла, была актуальной для Примакова даже спустя полвека после окончания боев:

Война остается в песнях,
В выпитом в память погибших,
В мыслях, которым тесно,
В воспоминаньях о бывшем.
Война остается в вере,
Что дальше все будет лучше,
Что не напрасны жертвы —
Свое все равно получим.
Война остается в соли,
Что сыплем себе на раны.
Для некоторых — жажда крови,
Для некоторых — жажда правды.
Война остается в играх
Детей в войну против немцев,
В просветах стай журавлиных,
В людях с непрожитым детством.
Война неотступно с нами,
Хотя без нее уж полвека.
Трудно рубцуются раны
Те, что в душе человека.

Въедливый критик, разбирая стихи Е. М. Примакова, обратит внимание на неточность рифмы, на несоблюдение стихотворного размера... Как сказано выше, поли-

тик оставался политиком, никому не навязывал свое стихотворное творчество в качестве примера. Но вот чему, безусловно, можно поучиться у Примакова-поэта, так это искренности, умению просто и точно выражать мысль (пусть она кому-то из надменно эстетствующих версификаторов и покажется банальной), экспрессии письма, смелости и даже дерзости оценок. А это все признаки подлинного искусства. То, что Примаков знал и понимал искусство, не требует доказательств. Но как неожиданно, как по-новому высвечиваются эстетические принципы нашего рифмующего дипломата при сопряжении с художественным методом французского художника Жоржа Сера, основоположника неоимпрессионизма!

НА ВЫСТАВКЕ СЕРА

Проще простого: находился в Париже,
Зашел на выставку Сера,
И все другое стало жиже и ниже.
В душу вонзились, как стрела,
Безмолвные дали и одиночество
Людей, погруженных в вечность.
Ни с кем не сравнимый рисунок точечный
Высвечен светом свечки.
Во многих картинах предчувствие смерти?
С версией спорить не буду.
Непостижимо, но — верьте не верьте —
Сера рисовал оттуда.

Лирика всегда остается лирикой — способом рассказать о себе, о своем внутреннем мире, о своих чувствах. А раз о чувствах — то, прежде всего, о своей любви. Стихи Е. М. Примакова дают нам уникальную возможность «подсмотреть», как любит человек высокопоставленный, «подсмотреть» и лишний раз убедиться, что ничто человеческое ему не чуждо. Оказывается, хранитель государственных секретов, точно так же, как все мы, простые смертные, хранит и свой личный секретик — симпатию, влюбленность, любовь. Личная жизнь Е. М. Примакова складывалась нелегко, точно так же, как и его служба, его карьера. Но у нашего «политического тяжеловеса» всегда был надежный «тыл». Выходя на международную арену, он чувствовал за спиной мощь (может быть, не всем явную) своей страны. В поединке с иностранными спецслужбами неизменной поддержкой были соратники, друзья, которые в любой ситуации прикроют, подставят плечо. А в судьбе в целом «тыл» обеспечивала семья. И эта защита оказалась самой надежной, самой «глубокоэшелонированной». Казалось бы, от чего могут уберечь дипломата жена, дети? Они порой даже не очень детально представляют, чем занят глава семьи. Но вот — уберегают. Любовь, сколь бы эфемерным не представлялось отдельным личностям это чувство, оберегает от всего, дает силы бороться и побеждать. Скажете, наивно-романтическое утверждение? Скажете, наивнее только гадать на ромашке? А вот вам в ответ стихи искушенного, далекого от наивности государственного мужа, в которых предстает он отнюдь не государственным, а сугубо частным, походящим, скорее, не на многоопытного мужа, но на пылкого юношу:

Любит — не любит...
Сказала ромашка,
Что приголубит.
Родился в рубашке.
Любит — не любит...
На гуще кофейной

Слились в поцелуе.
Попробуй не верить.
Любит — не любит...
Пасьянс однозначный:
Вовек не забудет.
Цыганке — без сдачи.
Было — не было —
Спросил напрямую.
Как отрубила:
Любите другую.

Выше уже отмечена изначальная нацеленность Примакова-поэта на звучащее слово, на песенную манеру лирики. На данное обстоятельство давно уже обратили внимание не только мы, но и люди, владеющие композиторским ремеслом, поэтому стихи Е.М. Примакова легли на музыку, составив небольшой, состоящий всего из шести песен, диск. Как нам представляется, сам Е. М. Примаков вряд ли стал бы заниматься изданием пластинки, скорее всего, это подарок кого-нибудь из его многочисленных друзей к очередному юбилею. Примаковский миньон получил немудреное название «Что на душе» и расценивался бы, наверное, в качестве всего лишь экзотического сувенира, который могут себе позволить преподнести другу состоятельные (притом, интеллигентные) люди со связями. Но то обстоятельство, что две песни на диске исполняют И. Кобзон и В. Кикабидзе, свидетельствует о неизменном уважении к Примакову со стороны представителей различных общественных групп, граждан различных стран. В самом деле, трудно не испытывать симпатию (даже сейчас, по прошествии трех лет со дня его смерти) к незаурядному человеку, умудренному опытом, но не изверившемуся, не озлобившемуся, не предавшему идеалов юности.

Идеалы юности... Они кажутся нам наивными, простоватыми. Но есть ли что-нибудь сложнее, чем прожить жизнь в соответствии с идеалами юности? Кто из нас, положа руку на сердце, сможет сказать, что во всех обстоятельствах соответствовал нравственным критериям молодости? А Примаков, наверняка, мог бы позволить себе роскошь такого утверждения. И он менялся, но не изменял. И он заблуждался, но не блуждал. И он обманывался, но не обманывал. А в конце жизни, как бы ободряюще подмигнув на прощание, оставил нам дружеское наставление:

ПРЕИМУЩЕСТВО ЛЕТ

Когда годов отстукало немало,
То любишь или рубишь не сплеча,
Идешь «на вы» не с поднятым забралом.
Давно уже не дружишь с кем попало
И не осудишь сгоряча...
Смириться можно с возрастом любым,
Коль ощущаешь каждое «мгновенье»,
А не плывешь от юбилея к юбилею
И только вниз, и «по теченью спин».

Избитая фраза: талантливый человек талантлив во всем. Но в случае с Евгением Максимовичем Примаковым эта много раз повторенная истина звучит по-новому, открывается новыми гранями, как и сама фигура одного из известнейших политиков современности.

Александр Сахаров
(пос. Белоозерский, Московская обл.)

Инженер, писатель. Закончил Московский физико-технический институт.

Автор ряда статей об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, по истории России, опубликованных в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», научных сборниках. Участник российских и международных пушкинских и лермонтовских конференций, Багратионовских чтений. Член Союза писателей России (МГО).

Один из основателей Московского Лермонтовского общества. Заместитель главного редактора «Коломенского альманаха». За книгу «Путь к Лермонтову: исследования, версии, находки» (Коломна, 2014) удостоен «Золотого диплома» лауреата VI славянского литературного форума «Золотой витязь» (г. Ставрополь, 2015) и 2-й премии литературного конкурса им. С. Н. Дурылина (г. Королев, 2015) в номинации «Научно-популярная литература».

ДВА ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТА

К 235-летию со дня рождения В. А. Жуковского

«В нем не было ни лжи, ни раздвоенья...»
Пролог

Личность, судьба и творчество Василия Андреевича Жуковского и сейчас, спустя 235 лет со дня рождения и 165 лет со дня кончины, не перестают волновать нас. Кем же предстает перед нами Жуковский?

Без сомнения, великим поэтом, одним из создателей современного русского языка. Романтиком, автором поэтических баллад, сказок, прекрасной тонкой лирики, великолепным переводчиком...

Другом и учителем великого Пушкина, братом, товарищем, порой наставником многим литераторам пушкинской плеяды: Вяземскому, Давыдову, Батюшкову, Боратынскому, братьям Тургеневым, Козлову, Гоголю, Лермонтову...

Выдающимся педагогом, деятельность которого на посту воспитателя наследника престола и других лиц царской фамилии была направлена на развитие и укрепление в них любви к Отечеству, к русской культуре, высоких личных нравственных качеств, коими наставник их обладал в полной мере. О педагогике Жуковского следовало бы сказать особо.

Именно Василий Андреевич Жуковский был рядом с Пушкиным в последние часы его жизни и поведал о них в своем письме отцу поэта. Он сохранил рукописи Пушкина и подготовил издание собрания его сочинений в пользу вдовы и детей Пушкина.

Пользуясь близостью к монарху и царской семье, он был постоянным заступником и просителем за обиженных, сосланных, бедных, по выражению А. С. Пушкина — «милость к падшим призывал». Он пишет письма в защиту Н. И. Тургенева, о смягчении участи декабристов, хлопочет об освобождении из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко, просит о высылке денег Н. В. Гоголю, о прощении Е. А. Боратынского, вступается за честь погибшего А. С. Пушкина и его семьи, к нему с просьбой о заступничестве обращается бабушка М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньева... Василий Андреевич Жуковский по праву может быть назван «Совестью русского общества XIX столетия».

А еще — он был хорошим художником, автором многих пейзажей и зарисовок, которые неустанно заносил он в свой альбом во время поездок. И если пейзажные его рисунки выполнены в классической академической манере, с подчеркнутым соблюдением правил линейной перспективы (что, впрочем, не лишает их очарования), то несколько дошедших до нас портретных рисунков, выполненных рукой поэта, представляют для нас особый интерес, так как являются важными свидетельствами трагической судьбы поэта.

Известно множество женских образов в поэзии и графике А. С. Пушкина. Графика Василия Андреевича Жуковского более скромна. Из немногих, дошедших до нас портретных рисунков, можно, пожалуй, выделить два женских портрета, выполненных поэтом с любовью к изображенным.

«МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ МАТУШКА...»

Перед нами изображение сидящей на скрещенных ногах женщины. Ее поза и одежда выдают в ней женщину восточную. Кажется, что могло заинтересовать в ней поэта? Чтобы понять это, нам придется вернуться к его рождению.

Итак... «Село Мишенское, одно из многих поместий, принадлежавших Афанасию Ивановичу Бунину, находится в Тульской губернии, в 3-х верстах от уездного города Белева. Благодаря живописным окрестностям этого имения и близости его к городу, владелец избрал его постоянным местопребыванием для своего семейства и, по тогдашним обычаям, обустроил и украсил его роскошно. Огромный дом с флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садками, парком и садом придавал особую прелесть этой усадьбе, а обстановка — дубовая роща, ручеек в долине, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село с церковью, настраивали чувства обывателей к мирному наслаждению красотой природы» (из воспоминаний К.К. Зейдлица (1798—1885), известного врача, друга В. А. Жуковского). Именно здесь и появился на свет будущий поэт и педагог. Эти места полюбил он на всю жизнь, они были связаны с дорогими для него воспоминаниями. Он позже неоднократно возвращался сюда, делал зарисовки.

Однако, продолжим наш рассказ, также опираясь на воспоминания современников поэта. «В царствование императрицы Екатерины II, когда были ведены Россией такие счастливые войны против Турции, мещане города Белева и многие крестьяне, казенные и помещичьи, повадились ездить за нашею армией маркитантами и торговали с большой выгодой. Один крестьянин села Мишенского..., пришед проститься с своим господином, спросил: «Батюшка, Афанасий Иванович, какой мне привезти тебе гостинец, если посчастливится торг мой?». Дедушка отвечал ему шутя: «Привези мне, брат, хорошенькую турчаночку,— видишь, жена моя совсем состарилась!» Но крестьянин не за шутку принял эти слова. Он торговал очень счастливо и после первого взятия Бендер, кажется, в 1774 году, возвратился и привез с собой двух турчанок, родных сестер: 16-летнюю Сальху, уже вдову,— муж ее был убит под стенами Бендер,— и 11-тилет-

нюю Фатьму, которая скоро и умерла» (из воспоминаний А. П. Зонтаг, дочери Варвары Афанасьевны Юшковой, внучки А. И. Бунина. А. П. Зонтаг приходилась Жуковскому племянницей, она была тремя годами младше, но в детстве они воспитывались вместе).

Сальха, отличавшаяся приветливостью, добротой и смирением, осталась покорна своей судьбе и жила в семье Буниных, сначала при младших дочерях Варваре и Екатерине, которые учили ее говорить и читать по-русски, затем ей было поручено все хозяйство.

Ее молодость и красота, расторопность в хозяйстве и умение готовить привлекли к ней внимание Афанасия Ивановича. «Сальха, как невольница, по своим магометанским понятиям, покорилась ему во всем, но все так же была предана душою Марье Григорьевне, которая, заметя связь мужа своего с турчанкой, не делала ему ни упреков, ни выговоров, а только удалила от Сальхи дочерей своих... Она считала себя второю женою, но всегда оставалась покорною первой жене, как госпоже своей, от которой не слыхала никогда неприятного слова. Бабушка не винила ее, зная ее магометанские понятия» *(из воспоминаний А. П. Зонтаг).*

Пристрастившись к чтению, она много читала, и, наконец, решила принять православие. «Во святом крещении она была наречена Елизаветою, а по крестному отцу, дедушкиному управляющему, отчество ее было Дементьевна» *(А. П. Зонтаг)*, фамилия же ей была дана по происхождению — Турчанинова. 29 января 1783 года Елизавета Дементьевна родила сына. Восприемниками при крещении стали бедный киевский дворянин Андрей Григорьевич Жуковский и, с согласия матери, Варвара Афанасьевна Бунина. Тут же, получив при крещении имя Василий, мальчик был усыновлен А. Г. Жуковским, а потому получил его фамилию и отчество Андреевич. Как вспоминает со слов бабушки и Сальхи А. П. Зонтаг: «Марья Григорьевна подошла посмотреть на прекрасного мальчика и со слезами благословила его. Она думала о своем единственном сыне, умершем за два года перед тем, в совершенных летах... Сердце ее, неспособное к зависти и ни к какому неприятному чувству, кажется с этой минуты усыновило новорожденного.

После сорока дней Елизавета Дементьевна пошла с сыном в церковь, чтобы взять молитву. Возвращаясь домой, она вошла с младенцем своим в гостиную, где сидела бабушка, стала перед нею на колени и с горькими слезами положила к ее ногам малютку. Бабушка взяла его на руки, целовала, крестила и также плакала».

С этой минуты у Васи стало две матери, которые любили и помогали ему до самой своей смерти. «Он вырастал прекрасным, милым, добрым ребенком. Все любили его без памяти. Для старших он был любимым сыном, а для младших — любимым братом».

Еще в 1785 году отец записал Василия сержантом в Астраханский гусарский полк. В шесть лет он получил первый офицерский чин прапорщика, дававший право на личное дворянство, и был внесен в дворянскую книгу Тульской губернии. И когда получившему домашнее образование Жуковскому надо было продолжать учение, сосед по имению предложил ему поступить в полк. Однако устройство в военную службу не состоялось, вступивший на престол император Павел I запретил брать на действительную службу несовершеннолетних офицеров. Однако, пока юный прапорщик жил в Нарвском полку, стоявшем в крепости Кексгольм на берегу Ладожско-

го озера, произошло событие, о котором он написал матери: «Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна! Имею честь вас поздравить с праздником *(Рождеством — А.С.)*... О себе имею честь донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечной пальбою со всех бастионов крепости».

Часовня Николая Чудотворца. Белев. Рис. В. А. Жуковского

По возвращении в Тулу Василия Жуковского ждала еще одна важная для него встреча, о которой сам он впоследствии написал так: «Из посторонних лиц этого времени самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова... Он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своей многосторонностью». Разносторонне образованный, много ездивший по России, он увлек юного Жуковского рассказами о создании природных парков, о птицах и животных, он знал наизусть оды Ломоносова, Хераскова и Державина. Именно Андрей Тимофеевич Болотов посоветовал родным Жуковского определить его в Московский университетский благородный пансион.

После окончания пансиона Жуковский служит некоторое время в Соляной конторе. Однако, эта служба ему не по нраву, и, воспользовавшись первым же предлогом, он оставляет ее, занявшись литературным трудом.

Жуковский осознает двойственность своего положения: хотя он и принят ласково, как сын и брат, в доме Буниных, он не носит фамилию отца и не считается его наследником. «Одиночество, совершенный недостаток в приятных связях, отдаление тех людей, которые бы могли меня оживить и ободрить в искании всего хорошего, совершенное бессилие души, ненадеянность на самого себя — вот что меня теперь мучит.

Я один; в самом себе не нахожу довольно прибежища; ...мне недостает ободренья. ...Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними вырощен, но не видел родных, мне принадлежащих по праву... Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любови; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности...»,— записывает Жуковский в дневнике 26 августа 1805 г. Впрочем, в следующей записи (16 ноября) он признается: «Это было писано в худом расположении духа»,— однако видно, что эти мысли мучают его постоянно, хотя порой он и преувеличивает свое одиночество: многие, и друзья и родные, искренне любят его.

Двойственность положения в семье сказалась на характере Жуковского: он научился сострадать обойденным судьбой и принимать чужую боль как собственную.

У него появилась новая мечта — перестроить подаренный ему теткой Авдотьей Афанасьевной Алымовой дом в Белеве, на самом берегу Оки, и поселиться в нем с матерью. Идея не вызвала возражений у его матерей, а Мария Григорьевна даже обещала дать своих плотников. Хотя Мария Григорьевна ни в чем не упрекала Елизавету Дементьевну, а та, в свою очередь, чувствовала к ней привязанность, все же и сын, и мать мечтали жить вдвоем, независимо от Буниных. «Желания твои о моем щастии чрезвычайно меня тронули. Конечно, мой друг, я с тобою надеюсь быть щастлива и спокойна; любовь твоя и почтение, право, одни могут сделать меня благополучной. А во мне ты напрасно сумневаешься, я очень чувствую, какого имею сына... А когда даст Бог мы будем жить в своем домике, то ты можешь быть уверен в моем снисхождении и доверенности; увидишь, что у тебя есть добрая мать, которая только твоего щастия и желает», — писала сыну Елизавета Дементьевна.

Однако, когда дом был построен, Елизавета Дементьевна жила в нем только во время приездов сына, когда же он уезжал, она переселялась в ставший для нее привычным и родным дом Буниных, к Марии Григорьевне.

Тула. Рис. В. А. Жуковского

В 1808—1810 гг. В. А. Жуковский занят редактированием «Вестника Европы», он задумал собрать и издать многотомную хрестоматию русской поэзии. «Вот расположение моего «Собрания»,— пишет он Александру Тургеневу в сентябре 1809 года,— оно должно состоять из пяти, если не из шести полновесных томов; в первых двух или трех *лирическая поэзия*; в следующих по порядку: *басни, сказки, элегии* и прочее и прочее до *дистиха*... Все уже списано и приведено в порядок».

Живя в Москве, наезжал он в Мишенское и в орловское имение сводной сестры Екатерины Афанасьевны Протасовой Муратово, доставшееся ей в наследство от отца. Он взялся быть архитектором и распорядителем работ по устройству имения, в котором не было еще господского дома: Е. А. Протасова с дочерьми Сашей и Машей поселились пока в крестьянской избе. В 1810 году Мария Григорьевна Бунина и Елизавета Дементьевна, сложившись, купили Жуковскому небольшую деревеньку Холх в окрестностях Белева с 17-ю крепостными — через реку от полюбившегося ему Муратова.

Жизнь начала налаживаться. Жуковский оборудовал себе кабинет в перевезенном через речку из Муратова старом доме Протасовых, через речку был построен мост. Однако, литературные дела требовали почти постоянного присутствия Василия

Андреевича в Москве, назревал конфликт между двумя редакторами «Вестника Европы» Жуковским и Каченовским.

Белёв. Рис. В. А. Жуковского

В это время и произошла трагедия — 13 мая в Мишенском скончалась Мария Григорьевна, в солидном, впрочем, для того времени возрасте восьмидесяти трех лет. Елизавета Дементьевна, приехавшая в Москву к сыну с этой грустной вестью, умерла спустя десять дней после своей бывшей хозяйки. Василия Андреевича глубоко потрясла эта утрата, похоронив мать на кладбище Новодевичьего монастыря, он сожалел о том, что совсем мало виделся с ней и практически не знал ее. Поклонился он и праху Марии Григорьевны Буниной. Лишившись сразу двух своих матерей, он стал еще более одинок.

О Елизавете Дементьевне Турчаниновой — турчанке Сальхе и ее трагической судьбе и напомнил нам карандашный рисунок поэта.

«ТИХИЙ АНГЕЛ»

Не оправившись от этой трагедии, Жуковский отправился в Холх, в свой пустующий домик. Теперь рядом с ним жило семейство Протасовых: Екатерина Афанасьевна с дочерьми Машей и Сашей.

В муратовском доме Жуковский затевал разнообразные игры, выпускал шуточные газеты. В это веселье вовлекались соседи и близкие Протасовых. Разыгрывались комедии, в том числе — специально для этих случаев сочиненные Жуковским.

Осенью Жуковский поселяется в Холхе, вновь начинает работать: «Мое время разделено на две половины: одна посвящена ученью, другая авторству... Ученье: философия и история, и языки... Сочинения и переводы... Живу я очень уединенно»,— пишет он в Санкт-Петербург Дмитрию Блудову.

Друзья зовут Жуковского в столицу, но Жуковский не в силах покинуть Холх и близкое Муратово. Целью и смыслом его жизни давно и надолго стала Маша Протасова.

Но вернемся немного назад. Одна из сводных сестер поэта, Екатерина Афанасьевна Бунина, вышла замуж за Андрея Ивановича Протасова. В 1805 году он умер, оставив жене двух дочерей: Машу (род. в 1793 г.) и Сашу (род. в 1795 г.), и большие долги. Расплатившись с долгами, Екатерина Афанасьевна поселилась в Белеве, недалеко от Мишенского. Видя стесненное положение Протасовой и трудность при ее средствах нанять хорошего учителя, Жуковский предложил заниматься с девочками. Протасова

согласилась. Жуковский горячо увлекся этим делом, составил обширный план занятий, имеющий целью не только сообщить ученицам знания, но и развить их нравственные качества. Основой обучения и нравственного воспитания стала литература. Василий Андреевич сам подбирал и переводил произведения для своих воспитанниц.

М. А. Мойер (Протасова)
Рис. В. А. Жуковского (1820)

Жуковский горячо привязался к девочкам, особенно к старшей, Марии. Вскоре он понял, что полюбил ее. Жуковский думал сформировать из неразвитой еще духовно и умственно девочки жену, такую, как она рисовалась в его воззрениях. «Я был бы с нею счастлив, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности»,— записывает он в дневник. Жуковский поверил в возможность своей мечты, тем более что Маша отвечала ему взаимностью.

Свои размышления Жуковский поверял дневнику. По дневникам можно составить себе ясное представление о душевном облике, настроении и взглядах Жуковского в эту эпоху. Как отмечает литературовед И. М. Семенко, «поэт с величайшим вниманием анализирует свое душевное настроение, стремится этим путем выработать в себе твердые нравственные принципы, осмыслить свое отношение к жизни, религии, выработать свое этическое credo». Вот, например, запись в дневнике от 3 января 1806 года:

«Будущая жизнь

1) Что я должен и могу из себя сделать со стороны морального образования.
2) Какова теперь М<аша> и какою я желаю ей быть.
3) Какая цель моей жизни и как до нее достигнуть.
4) В чем должен положить свое счастие.
5) Чего искать в свете и от чего отказаться.
6) Как пользоваться самим собою, чем заниматься и чем доставлять другим пользу.
7) Как себя образовать и какой методе следовать в чтении.
8) План моей жизни: семейственной; авторской; общественной.
9) Что я должен иметь необходимо для своего счастия.
10) Как вояжировать и что делать, если не поеду вояжировать.

Моральная система

В отношении к Богу; к ближнему; к себе самому.

К Богу. 1) Понятие о религии натуральной и откровенной: на них основывать свои поступки. 2) Понятия о творении. 3) Молитва. 4) Провидение.

К ближнему. 1) Человеколюбие. 2) Общество. 3) Любовь к отечеству. 4) Учтивость, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодеяния. 8) Светские знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхождение. 12) Разговор. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушие. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнение. 19) Великодушие. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.

К самому себе. 1) Спокойствие души. 2) Душа. 3) Характер. 4) Ум. 5) Тело. 6) Добродетель. 7) Ревность. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономия. 11) Умеренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злоречие. 15) Целомудрен-

ность. 16) Уважение самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнение. 23) Честность. 24) Совесть. 25) Смерть. 26) Состояние. 27) Порядок. 28) Образ жизни. 29) Счастие. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтение. 35) Лень, медлительность».

М. А. Протасова
Рис. В. А. Жуковского (1811)

В. А. Жуковский в юности

В 1808—1811 гг. Жуковский редактирует «Вестник Европы». В это время он сближается с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, часто общается с Александром Тургеневым, знакомится с К. Н. Батюшковым. Несколько экземпляров первого своего выпуска он послал в Белев. Но его собственное творчество пронизано мыслями о Маше. Две сказки его, напечатанные в «Вестнике Европы»: «Три сестры» и «Три пояса» — о ней, героини их Минвана и Людмила — она, Маша. Всем им по пятнадцать лет, эти сказки — подарок к пятнадцатилетию Маши.

Маша пишет ему письма: «Вестник разлучит нас по крайней мере на год! Очень грустно об этом думать! Пожалуйста, пиши ко мне почаще... Помнишь ли, мой милый друг, как было весело, как ты меня учил рисовать. Когда-то опять это будет. Милый мой Базиль, когда приедешь ты к нам...», усердно занимается образованием, переводит повесть М. Эджворт «Прусская ваза» (этот перевод Жуковский позже напечатает в «Вестнике Европы»)...

Но Жуковский уже знает, что Екатерина Афанасьевна, которой он открыл свою любовь к Маше, не одобряет его. Причины — Маша еще ребенок, а главное, они состоят в близком родстве (хотя Жуковский был сводным, а не родным братом Екатерине Афанасьевне). Возможно, Екатерина Афанасьевна, отказывая Жуковскому, имела в виду (хотя и не говорила ему) и еще одно препятствие — его происхождение. Он мог быть другом семьи, воспитателем ее дочерей, но мужем одной из них... об этом она не хотела и думать. Жуковский понимал, что Маша не пойдет против воли матери, он и сам воспитывал ее в таком духе.

1812 год. Жуковский заканчивает «Светлану». Первоисточником «Светланы», как и более ранней «Людмилы», также явилась «Ленора» Бюргера, но у Жуковского получились произведения настолько самостоятельные, настолько не похожие на свой прообраз, как и друг на друга:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги бросали...

Вскоре и навсегда «Светлана» сделается знаменитой, и часто у современных читателей имя Жуковского сразу же и прочно ассоциируется с этим именно произведением.

Однако, Отечество в опасности! Французские войска, предводительствуемые опытнейшими полководцами, вторглись в пределы России. И Жуковский решает вступить в народное ополчение. Он отправляется из Холха в Москву, так как на Орловщине ополчение еще не создавалось. Жуковский был зачислен в Первый пехотный полк Московского ополчения, который 19 августа отправился из Москвы: «Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда навстречу неприятелю»,— писал 20 числа Карамзин И. И. Дмитриеву. Вместе с Московскими ополченцами Жуковский был участником Бородинского сражения — хотя их полк простоял весь день в резерве, но подвергался пушечному обстрелу: было много убитых и раненых. Так же ополченцем был в Бородинском бою и Вяземский.

Вскоре Жуковский был прикомандирован к штабу Кутузова, и здесь-то он смог применить против врага свое главное оружие, единственное, которым он владел в совершенстве — Слово.

В сентябре 1812 года он приезжает в Орел. Маша Протасова записывает в дневнике (10 сентября): «Вдруг наш добрый Жуковский явился из армии курьером к губернатору в 7 часов вечера. Этот бесподобный вечер никогда не забудется... Было очень много гостей, все приходили его смотреть, он нас успокоил много насчет дурных слухов... Он приехал к губернатору, чтобы ему рассказать, что сюда, в Орел, привезут пять тысяч человек раненых; тридцать будет стоять у Плещеевых в доме, и мне готовить для них корпию и бандажи».

Целый месяц Жуковский занимался в Орле устройством госпиталей, делал закупки для армии. 10 октября Екатерина Афанасьевна сама записывает в Машином дневнике: «День памятный в наших горестях: Жуковский, добрый наш Жуковский опять поехал в армию». День знаменательный — в этот день русская армия вступила в Москву, оставленную неприятелем. Вернувшись в штаб армии, Жуковский начинает большую элегию, принесшую ему поэтическую славу, «Певец во стане русских воинов». Эта торжественная песнь есть и воззвание на битву, восхваление героев, скорбь о погибших, воспоминание об исторических корнях России.

И. И. Лажечников, также участник событий 1812 года, записал в «Походных записках» (20 декабря): «Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских», новейшее произведение г. Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пьесу наизусть. Какая поэзия! Каков неизъяснимый дар увлекать за собою душу воинов!..». А Николай Коншин писал: «Эта поэма, по моему мнению, достойная Георгия 1-й степени, делала со мной лихорадку».

Писал Жуковский и штабные документы. Написанное им стихотворение «К старцу Кутузову» («Вождю победителей») было напечатано в походной типографии и листовкой распространялось по армии.

Однако, Жуковский заболел, был перевезен в госпиталь в Вильно, а затем получил бессрочный отпуск и в январе 1813 года приехал в Муратово. В это время неоднократно издается отдельными брошюрами и в журналах его «Певец во стане русских воинов» и Жуковский начинает подумывать о собрании сочинений. Он собирается целиком посвятить себя «авторству».

Жуковский вновь пытается определить свои отношения с Екатериной Афанась-

евной, заручившись поддержкой влиятельных знакомых и родных, сочувствовавших ему. Здоровье же Маши, и без того слабое, ухудшалось от невыносимых страданий. В марте 1814 года состоялся решительный разговор Василия Андреевича с матерью Маши, но получил решительный же и непреклонный отказ.

Жуковский и Маша потратили долгие годы на борьбу и десять лет не теряли надежды, пытаясь добиться согласия матери Маши на их брак. Между тем Е.А. Протасова ссылалась на родство и религиозные запреты и была непоколебима в своем отказе. Эти годы двое близких людей не могли видеться, кроме как на людях, переписывались.

Эти годы ознаменовались и многими событиями, как в стране, так и в жизни Жуковского. Он познакомился и сблизился с молодым еще Пушкиным и оценил его чудный дар. Было создано литературное товарищество «Арзамас», в котором Жуковский принял самое живейшее участие...

1817 год. 14 января Маша Протасова обвенчалась с профессором Дерптского университета, хирургом И. Ф. Мойером (впоследствии ставшим учителем выдающегося хирурга, героя Севастопольской обороны Н. И. Пирогова). Она решилась на этот брак потому, что Мойер, как и Жуковский, не мог без нее жить, и потому, что в нем она нашла подобие Жуковского.

Жуковский нашел в себе силы приветствовать брак М. А. Протасовой, он был на свадьбе. Друзья не понимали, как мог он решиться дать Маше согласие на замужество. «Минута, в которую я решился,— отвечал он на упреки А. И. Тургенева,— сделала из меня другого человека... Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастию, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь,— столь не опасная, как первая, и почти похожая на смерть... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть» (письмо от 25 апреля 1817 года).

В это же время Жуковский получает предложение о службе — быть учителем русского языка при молодой супруге Великого Князя Николая Александре Федоровне (прусской принцессе Фредерике-Луизе-Шарлотте-Вильгельмине). Это назначение послужило началом долгой педагогической деятельности Жуковского при императорском дворе.

Когда он может вырваться, он приезжает к Мойерам в Дерпт. Вот как записывает Маша в своем дневнике об очередном приезде Василия Андреевича: «Я стала еще счастливее с тех пор, как он еще раз благословил мое счастие... Его пребывание здесь много сделало мне добра: оно подкрепило все хорошее в сердце и дало снова сил на будущее». В 1821 году у Мойеров родилась дочь Катя: «Милый ангел! — пишет Маша Жуковскому,— какая у меня дочь! Что бы дала я за то, чтоб положить ее на твои руки». Саша Воейкова, приехавшая навестить сестру, дописывает: «На Машу весело глядеть...».

В день своего рождения, 29 января 1822 г., Жуковский приехал к Мойерам. «Душа, ты можешь вообразить, каково было увидеть его и подать ему Катьку! Ах, я люблю его без памяти и в минуту свидания чувствовала всю силу любви этой святой», — писала Маша после отъезда Жуковского (1 февраля) А. П. Елагиной.

Летом Маша с Мойером приехали из Дерпта в Муратово. По дороге она навестила бывший дом Жуковского в Белеве. В Муратове ждало ее письмо от Жуковского. «Ангел мой милый, старый мой Жуковский!.. Твое письмо возвратило мне все! И прошедшее, и потерянное в настоящем, и всю прелесть надежды... Теперь нет для меня горя! И в Муратове я теперь счастлива!.. Твоя комната, с письмом твоим в руках, есть мой рай земной!..» — отвечала она. Ее привезли в Муратово уже опасно больной.

В конце февраля 1823 года Саша Воейкова собралась в Дерпт, чтобы находиться с сестрой при ее родах. Жуковский поехал с ней. У него был лишь недельный отпуск и 8 марта он решил возвращаться. Вот как описывает он в письме А. П. Елагиной свое прощание с Машей: «Долго ждал лошадей, всех клонил сон. Я сказал им, чтобы разошлись, что я засну сам. Маша пошла наверх с мужем. Сашу я проводил до ее дома... Возвратясь, проводил Машу до ее горницы; они взяли с меня слово разбудить их в минуту отъезда. И я заснул. Через полчаса все готово к отъезду. Встаю, подхожу к ее лестнице, думаю — идти ли, хотел даже не идти, но пошел. Она спала, но мой приход ее разбудил; хотела встать, но я ее удержал. Мы простились; она просила, чтоб я ее перекрестил, и спрятала лицо в подушку...».

Не прошло и двух дней с момента приезда Жуковского в Петербург, как пришло известие о смерти Маши. Жуковский пишет А. П. Елагиной: «Я опять на той же дороге, по которой мы вместе с Сашей ехали на свидание радостное... Ее могила — наш алтарь веры, недалеко от дороги, и ее первую посетил я. Покой божественный, но непостижимый и повергающий в отчаяние. Ничто не изменяется при моем приближении: вот встреча Маши! Но, право, в небе, которое было ясно, было что-то живое. Я смотрел на небо другими глазами; это было милое, утешительное, Машино небо». Рядом с Машей был похоронен и ее родившийся мертвым сын.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взор унылый
Был полон чувства,
Он мне напомнил
О милом прошлом;
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила
Как рай спокойна,
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звезды небес!
Тихая ночь!..

Перед смертью Маша написала Жуковскому письмо, которое и прочитал он на ее могиле: «Друг мой! Это письмо получишь ты когда меня подле вас не будет, но когда я еще ближе буду к вам душою. Тебе обязана я самым наиживейшим счастьем, которое только ощущала!.. Жизнь моя была наисчастливейшая... И все, что ни было хорошего,— все было твоя работа...».

А вот строки из письма Жуковского к Маше, написанное в 1817 году, когда уже становилось ясно, что препятствия их соединению непреодолимы: «Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты давала лучшие намерения, что все лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе,— что, наконец, тебе же я обязан самым прекрасным движением сердца,— которое ре-

шилось на пожертвование тобой... В мыслях и чувствах постараюсь быть тебя достойным! Все в жизни — к прекрасному средство!..»

По воспоминаниям всех, знавших М. А. Протасову, она была необыкновенно обаятельна, хотя и не отличалась красотой, — живая, остроумная, простая, сочетающая ум с воображением, доброту с образованностью. «Когда вчитываешься в письма М. А. Протасовой-Мойер, как-то сам собою выплывает в памяти образ пушкинской Татьяны»,— отмечал П. Н. Сакулин. «Разбирая черты ее, я находил даже, что она более дурна, но во всем существе ее, в голосе, во взгляде было нечто неизъяснимо-обворожительное. В ее улыбке не было ничего ни радостного, ни грустного, а что-то покорное. С большим умом и сведениями соединяла она необыкновенную скромность и смирение. Начиная с ее имени, все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно. Других женщин, которые нравятся, кажется, так взял бы да и расцеловал, а находясь с такими, как она, в сердечном умилении все хочется пасть к ногам их. Ну, точно она была как будто не от мира сего» *(Ф. Ф. Вигель)*.

Такой предстает она и на рисунках Жуковского.

ЭПИЛОГ

По сути дела, Василий Андреевич Жуковский был всю жизнь очень одиноким человеком. Друзья уходили из жизни раньше него: Андрей Тургенев, Пушкин, Козлов... Ушла из жизни Маша Протасова-Мойер, через некоторое время не стало и ее сестры Саши — «Светланы», как ее называли близкие, по имени героини одноименной поэмы Жуковского.

Годы после смерти Маши были заполнены творчеством, общением с литераторами (он сблизился с Аксаковым, Гоголем, познакомился с Лермонтовым, Тютчевым), службой при дворе (он был учителем наследника престола), путешествовал. До конца жизни заботился он о дочери Маши и Сашиных детях.

Свою семью Жуковский обрел лишь 21 мая 1841 году, обвенчавшись в русской и лютеранской церквях Штутгарта с Елизаветой Рейтерн, дочерью своего друга художника Г. Рейтерна. Там же, в Германии, в 1842 г. рождается дочь Александра, в 1845 — сын Павел.

12 августа 1852 года сердце Жуковского перестало биться. Последний год своей жизни он, полуослепший, затворившись в темной комнате своего дома в Баден-Бадене, работал над поэмой «Вечный Жид», писал последние свои стихи, и все еще надеялся вернуться в Россию. И он вернулся: 29 августа он был похоронен в Санкт-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с Н. М. Карамзиным и И. И. Козловым. Гроб несли на плечах студенты Университета. Проводить его в последний путь пришли Ф. И. Тютчев, П. А. Плетнев, А. И. Козлова (дочь поэта), Е. П. Ростопчина, А. П. Елагина.

Кирилл Карлов
(г. Москва)

УРСУЛА ЛЕ ГУИН. ВОЛШЕБНИК ЗЕМНОМОРЬЯ

Кирилл Карлов — представитель той части нашей молодежи, которая строит свою деятельность на началах рациональных и творческих. По образованию востоковед, синолог. Выпускник Дипломатической академии МИД РФ. Проходил стажировку в китайском Институте международных отношений (Пекин). В настоящее время работает специалистом-экспертом по международным связям.

Срочную службу проходил в одном из подразделений ВКС России. Младший сержант запаса.

Предоставляя в нашем журнале площадку для дебюта начинающего автора-переводчика, мы верим, что активная жизненная позиция Кирилла, многогранность его личности станут залогом будущих успехов.

Почему путешественник во времени не обнаружит нас летящими на другие планеты? Хотя бы уже потому, что мы не изобретем способ путешествия во времени.

Первое, что надо понимать, проза Урсулы Ле Гуин это нечто мощное и каноничное — как и все, сделанное в 60-ых. Видишь, что добротно и круто, но не сразу понимаешь, как устроено, для чего вообще нужны некоторые детали. Однако все встанет на свои места, когда мы вспомним, что в год первой публикации «Волшебника Земноморья» на прачечных висели таблички «для белых» и «для цветных». И речь вовсе не о типах тканей.

Никогда не любил фантастику как жанр, но к книгам Ле Гуин это, конечно, не относится. В силу, во-первых, высокого качества прозы, что отсылает нас ко временам, когда это не было чем-то из ряда вон выходящим, поскольку планка была установлена очень высоко, как у литераторов в целом, так и у коллег по цеху в частности. Во-вторых, как формулировала свой взгляд на жанр сама писательница, история про единорогов может быть вполне правдивой, несмотря на тот факт, что основной предмет описания строго говоря — ложь. Это фантастика для гуманитариев. Ле Гуин интересует не способ перемещения в космическом пространстве, не технология создания жидкости, в которой невозможно захлебнуться, а облик человека в грядущем. Ведь как бы мы ни саботировали процесс, будущее непременно наступит, и неважно, что летающих машин у нас не появится. Как и герои ее произведений, мы, если признаться себе, уже прилетели, уже все изобрели, нам предстоит долгое постижение.

У Земноморья нет очерченных границ, нет фэнтезийных рас. Земноморье не является непролазным средневековьем, утопающим в вечной слякоти, герои книги не умирают на каждой странице. Собственно говоря, и волшебник-то условный. Литературная фантастика хороша в том случае, если ее невозможно экранизировать. Вместе с тем, этот удивительный текст, ускользающий от всех форм, которые так или

иначе заставят его работать для получения прибыли, пожалуй, один из самых лучших материалов для постижения эстетики литературного произведения. Это пластилиновый океан, недоступный грубым рукам, но податливый для фантазии. Мы можем представить карту Земноморья при взгляде на островки облупившейся со стен муниципального учреждения краски, мы можем так отчетливо представить лица героев книги, будто нам показали их фотографии. Земноморье — это некоторое пространство, где расстояние нужно не пересечь, а прожить, где нельзя сделать прививку, но можно отсечь руку. Главные герои будут снова и снова пытаться разглядеть своего упрямого Бога, который снова и снова будет вглядывается в них.

Интересно познакомиться с образом, которым обозначено зло на страницах «Волшебника Земноморья». Что может стать таким абстрактным символом? Тридцатилетний детина, который порывается поучать жизни все свое окружение, пусть даже это автобусная остановка. Ну еще, может быть, Рональд Рейган — все остальное не дотягивает до категории абсолютного зла. На самом же деле злом становится все, что человек способен понять до конца. Сложно сказать, намеренно ли уродуются и искажаются те или иные понятия, либо это происходит по каким-то независящим от человеческой природы законам. Возьмем даже самую благородную и правильную идею, например, учить детей. Переведем взгляд с этой абстрактной мотивации на систему детского и юношеского образования в любой стране мира и постараемся не ужаснуться от того абсурда, в который изначальная чистая и понятная мысль превратилась. Более того, этот абсурд, это зло начинает преследовать человека, стоит тому возомнить, что его воле все подчиняется, что все ему доступно. Чтобы избавиться от такой погони, надо поставить себя на самый край той экзистенциальной пропасти, в которую превращается существование загнанного злом человека, на самый край той бездны, в которую провалилась страдающая душа. Потому-то человек и не летит на другую планету, что он до конца не познал и открыл эту. Как бы ни было обидно это осознавать, смеяться можно далеко не над всем. Да, это не ошеломляющая мудрость, но за нее очень многим пришлось дорого заплатить.

Из произведений Урсулы Ле Гуин становится ясно, что это интересный и глубокий философ-феминист, анархист, внимательный антрополог и социолог. Но можем ли сказать, что это религиозный человек? «Нет правильных ответов на неправильные вопросы» — это ее цитата, которая как нельзя лучше подойдет в данном контексте. Научная фантастика — сам по себе религиозный жанр, более того, принадлежащий к типу религиозности с высоким содержанием неофитского фанатизма. Как удивительно: люди становятся готовы до смерти отстаивать религиозные постулаты, стоит намекнуть, будто это секулярная тема и основа научного прогресса. Приходится признать — фантасты те еще плуты — эльфы эльфами, а проводят нас раз за разом.

Итак, что позволяет нам возвести писательницу в чертог культовых авторов? Она талантливый человек, она принадлежит к пантеону шестидесятников, пусть и отмечена в основном регионально значимыми наградами, наконец, как любой культурный деятель, которому за восемьдесят (родилась писательница в 1929 году), она имеет право на культовый статус. Но что еще? Урсула Ле Гуин трудится над созданием нового мифологического полотна для человечества. И вот здесь стоит искать истоки ее странных образов, неподдающихся воплощению, но мгновенно воспринимаемых нашим сознанием. Что-то древнее, неочевидное, словно бы пришедшее из бесписьменной культуры. Пытается донести суть явлений, предметов и понятий, что-то важное показать и объяснить. Драмы сюда также добавляет тот факт, что человек крайне мало изменился с тех далеких времен. Открытие электричества не повлияло на то, что такие понятия как жизнь и смерть, добро и зло потеряли для нас ореол тайны. Мы такие же перепуганные и сомневающиеся. Нас все еще вгоняют в оцепенение гром и

молния. И когда мы полетим на космических кораблях, ничего опять же не переменится. И в этом свете научная фантастика по выражению самой Ле Гуин — это «трагичный» миф.

Мифотворчество можно назвать отличительной чертой многих авторов, чьи произведения (основные, во всяком случае) были написаны в двадцатом веке. Толкин, Платонов, Джойс, Маркес, Буццати, Воннегут — самые, пожалуй, яркие, но, разумеется, не единственные. Возможно, это такой опознавательный жест: бросить флаг, найти своих. Возможно, это своего рода осознанная необходимость, пропуск в мир литературы, закон, по которому стоило создавать художественные произведения. Романтика нового эпоса: книги перечисленных авторов можно открыть на любой странице — кардинально ничего не изменится, так же, как ни на что не повлияет выбор книги, с которой мы начнем знакомиться с творчеством. Вероятно, для современной литературы также уместно (или хотя бы возможно) выработать некий этикет, если угодно. По всей видимости, осмысление этого вопроса нам еще предстоит, но на инстинктивном уровне мы можем сказать, что, вероятно, современная литература — это очень сложный, перегруженный непрямым цитированием и отсылками текст, в котором, чтобы выразить даже простейшую мысль, требуется проделать очень большой путь, схематично отражающий массивный культурный пласт, повлиявший на формирование личности автора, а также исторически и социально значимые события. Буквально все от изобретения дымного пороха до Бури в пустыне и от стремления средневековых авторов уменьшить яркость собственной личности до коленопреклоненной Марлен Дитрих, целующей руку Паустовскому.

Фантаст — это тот писатель, который умеет точно определить все случайные моменты нашего бытия и заменить их на что-то нетривиальное — магию или здоровый феминизм — подумалось мне, когда я закрыл книгу Ле Гуин. Кстати говоря, эту винтажную штуку достать не так-то просто: пока дождетесь доставки букинистического издания начала двухтысячных годов из Штатов, запросто можно перечитать все фэнтези, от которого начинается конъюнктивит и ломятся полки наших книжных вот уже лет двадцать. Счастье — это найти «какой-то свой путь в мудрые книги».

ЖИЗНЬ И ТРУД

(отклики авторов и читателей «Приокских зорь» на прошедший съезд Союза писателей России)

Медленно, но верно (хотя, конечно, не так и медленно в силу высоких скоростей обработки информации, свойственных современности) приближается середина XXI века. Казалось бы, все сферы человеческой жизни — от удовлетворения элементарных потребностей до самовыражения, в том числе и через творчество, подлежат эволюции, продиктованной нано, техно, генно и прочими технологиями. И если в области обеспечения себя самым необходимым все ясно, хотя и не все просто, в области творческого (писательского) самовыражения все... (трудно подобрать нужное высказывание, так как времена такие — демократические, приходится осторожничать).

Ожидание XV съезда Союза писателей России сопровождалось слухами, мнениями, позитивными и негативными высказываниями, без чего, конечно, не может обойтись любое, причем такое масштабное, современное мероприятие, тем более что и назревшие обстоятельства — смена председателя, мягко сказать, волновали и тревожили писательскую интеллигенцию.

Будучи в Союзе писателей человеком новым (вступление состоялось в 2013 году), тем более — человеком, пишущим стихотворения преимущественно не на политические темы и, кроме того, что еще больше усугубляет ситуацию,— женщиной, мне пришлось долго думать, прежде чем заняться сего рода публицистикой (хотя это вовсе не трудно, а даже увлекательно, так как по роду научной деятельности приходится регулярно сталкиваться с написанием статей и рецензий — работаю доцентом в Тульском государственном университете). Дело в другом — принять всерьез умозаключения девушки (женщиной всегда успею назвать себя) может не каждый уважающий себя маститый писатель или мыслитель, если угодно. Часто слышу в свой адрес: «Пишет о цветочках и ягодках», но не обижаюсь, а мысленно улыбаюсь: «Кому-то нравится собирать цветочки и ягодки»... Придет время — придет и мысль — другая, зрелая, мощная, возможно, политизированная, но другая — писательская, крепкая. А пока — цветочки и ягодки, да и не они одни — судьба, по которой никак не пройдешь мимо цветочков и ягодок...

Но это — отдельная тема, хотя она и касается настоящих моих рассуждений.

Выборы — дело ответственное, серьезное, особенно, если есть за кого голосовать, в том смысле, что, если есть такой человек, который вызывает доверие, показывая своим трудом пример того, что есть сегодня (и была всегда) настоящая писательская деятельность. Самое важное в писательской деятельности — это предыстория, это тот фундамент, который закладывает писательское направление, формирует мышление, идеологию и ценности, в рамках которых (не строго, конечно, творчество — это процесс, не имеющий границ) будет совершено творческое деяние. Завидую (в хорошем смысле этого слова) людям, жившим в СССР (хотя не коммунист не по партийной принадлежности, не по сути — росла и воспитывалась в 90-ые): мораль, нравственность, светлая мысль, формируемые способности и самое главное — трудолюбие руководили этими людьми. Трудолюбие — вот принцип оттачивания творческой мысли.

Не хочу называть никаких фамилий, хочу сказать следующее: при всей любви к литературе, не могу позволить себе творить более сорока стихотворений в год (при большем количестве проявляется глупость и пустота). Помимо этого, могу только видеть (пока только видеть!) замыслы своих будущих прозаических произведений. Нет времени на это у доцента — беготня, куча документации, профориентация, внеучебная работа и прочее, прочее, прочее, не считая основного своего доцентского предназначения — сеять разумное и светлое (здесь просится отвлечение на другую

тему, но об этом как-нибудь в другой раз). Возникает вопрос — быть депутатом Государственной думы для некоторых проще? Лучше? Денежнее? Интереснее? — Остается время на написание невечных романов, которые расхваливают самые именитые (и талантливые, не без этого) российские и зарубежные авторы. Или мысли о народе пробуждают бурное неисчерпаемое вдохновение, писательский энтузиазм и, кроме того, высвобождают уйму времени для реализации и воплощения в жизнь этого писательского энтузиазма? И это только вершина пирамиды, которая, несомненно, имеет и подземные коммуникации.

Как никто иной — писатель должен знать, что за всем творчеством должна стоять жизнь — настоящая, грубая, порой жестокая. Жизнь и труд — не гламур, не медийность, не написанные по дружбе и прошению рецензии. Жизнь и труд.

Никого не осуждаю и здесь (в случае раскрученности и популярности), не завидую, так как не видится мне та основательная подоплека, которая сделала бы произведения особенными — приводящими человечество в чувство — чувство ответственности и серьезности за проделанные поступки.

И наоборот — незабытый Афганистан (этого забыть нельзя) и знание изнутри писательской организации дает понимание того, что... труд будет виден. Надежды — надеждами, а гладко все не будет, но — труд будет виден, и думаю, будет по достоинству оценен достойными потомками.

Съезд состоялся. Писатели сделали выбор.

Кандидат технических наук, доцент,
член Союза писателей России
Баранова (Весина) Елизавета

СОХРАНИТЬ ЛИТЕРАТУРНУЮ РОССИЮ

С учетом накопившихся в нашем Союзе проблем, я ожидал, что упор в работе съезда будет больше посвящен именно им, тем более, что предпочтение в прениях отдавалось региональным руководителям. Давайте будем честными! При всех огромных заслугах Валерия Ганичева, как руководителя Союза, Союз-то существовал больше формально. Роль Москвы в основном свелась к утверждению (или не утверждению) принятых в регионах, да выписке членских билетов. Мы в разных изданиях больше читали о каких-то темных делах с писательскими дачами, до которых писателю из Южно-Сахалинска или Хабаровска нет абсолютно никакого дела, потому что, если ему и дадут возможность пожить месяц в Переделкино, много дешевле, с учетом стоимости билетов до Москвы, обойдется отдых в Китае или Малайзии. Да и кто остался в Литфонде, о котором нет информации о вступлении, о выборах, о текущих делах.

Мы много читали об усилиях руководства сохранить здание на Московском, но когда сохранение здания становится главной темой, это похоже на то, чтобы собрать в Великую Отечественную войну все силы на защиту Кремля, бросив на произвол всю остальную страну. Да, должно быть у Союза свое здание! Они есть у многих региональных писательских организаций. Имеющих долги по ЖКХ на сотни тысяч рублей и никаких вариантов с этими долгами рассчитаться. У нас, например, здание отобрали десяток лет назад, у отделения нет своего угла, но при этом работа организации продолжается.

Еще мы читали, что состоялось заседание Пленума в Якутии, еще в каких-то городах, где удалось убедить местные власти выделить деньги на это мероприятие, которое сочтут имиджевым. А что решали, и что решили, ни в прессе, ни на своем сайте, ни в рассылке региональным руководителям не говорилось.

Еще из информации на сайте «Российский писатель» мы знали, что кто-то из руководителей побывал в Дагестане, в Донецке, в Сирии, посетил Вологду или Белгород... А региональные организации жили своими заботами, каждая решая по сути общие для всех проблемы в зависимости от приоритетов губернатора. Читает книги, значит, как в Курске, писательская организация будет иметь деньги на мероприятия и даже на фонд заработной платы, увлекается спортом, значит деньги идут на биатлон, хоккей, бассейны, но не на издание книг и проведение литературных мероприятий. Это я уже про нас. В Тюменской области департамент культуры в 2017 году не выделил на наши нужды ни рубля. Ни рубля! Два года мы писательские десанты в отстоящие от Тюмени за 400 и более километров районы проводили на общественных началах, за свой счет и на личной машине.

Да, у нас издается литературный альманах, печатаются книги. Но альманах с конца 90-х не самых тучных в плане экономики годов «похудел» на треть и вдвое сократил периодичность, на книги ежегодно выделяется от 12 до 14 миллионов, но только один из них предусмотрен целевым назначением на книгоиздание, остальное выпрашивается из депутатского фонда народных избранников, которые поддерживают издание книг. Но и тут требуется уточнение. Из всего объема на бюджетные деньги художественных книг печатается в год три-четыре, остальное — дорогие альбомы, корпоративные издания, краеведческие.

Общаясь с коллегами из других регионов, знаю, что в большинстве ситуация точно такая же или похожая. Поэтому и ждал, что разговор пойдет более острый о том, как Союзу сплотить силы для изменения отношения к литературе и писателям на правительственном уровне. Дважды я был участником книжной выставки на Красной площади, слышал на проходивших там форумах из уст Сергея Степашина и Михаила Сеславинского правильные слова и радужные отчеты, которые подготовили им их подчиненные, не желающие ударить в грязь лицом. Нам рассказывают о принятых президентом страны и ведомствами десятилетии детства, которое не может не учитывать детскую литературу, о федеральных программах развития чтения и прочих других программах, но тут же оговариваются, что финансирование их предусмотрено за счет региональных бюджетов. А это значит, что решать будет губернатор, дать ли деньги на поездки писателей по области или на подвоз из карьеров снега на подтаявшую лыжню накануне какого-нибудь чемпионата.

Но я рад, что хоть эти вопросы и поднимались недостаточно остро, изменения наметились. И это почувствовалось сразу же. На сайте появилась подробная информация о работе секретариата: что рассматривалось, какие решения приняты. Сделана рассылка документов, в том числе — Распоряжение Президента, для руководителей регионов, почувствовалось оживление среди писателей, воспрявших духом в надежде на позитивные изменения.

Наша организация работает активно, но все делается исключительно на голом энтузиазме. В этом году областной писательской организации исполняется 55 лет, но пока не решен вопрос о финансировании хотя бы одного из задуманных нами многочисленных мероприятий. Потому и ждем мы, что новое руководство сможет решить на высшем уровне те проблемы, решения которых писатели ждут уже много лет.

Леонид Иванов,
ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России, делегат 15 съезда

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

На данный момент времени я не состою ни в одной чисто писательской организации (только в Крымском союзе журналистов — это СМИ), хотя есть свои две книги (сборник очерков и стихов) и публикации в различных изданиях. Причина? Скорее всего, та «мышиная возня», которая присутствует между творческими союзами — кто важнее? Кто должен обладать имуществом бывшего СП СССР? И т.д. Это все очень неприятно! А главное, не имеет никакого отношения к настоящей литературе и ее роли в обществе. Тем не менее, я слежу за процессами, происходящими в писательской среде и в Крыму, и в целом по России. А как литобъединение - отдаю предпочтение Союзу писателей России.

Спасибо сайту СПР «Российский писатель»! Они выложили полную стенограмму февральского съезда, которая позволяет оценить это важное событие. Понятно, что у собравшихся было много наболевших вопросов и желания выступить, но решались только основные — выбор председателя Союза и членов отчетных комиссий.

Если б я была на съезде, то поддержала бы кандидатуру Н. Иванова как председателя. С. Шаргунов, думаю, и так принесет большую пользу Союзу в качестве сопредседателя СПР и депутата ГосДумы.

Затронуты были серьезные вопросы и обновления членских билетов, и изменения условий приема новых авторов. Решения по этим вопросам, думаю, появятся позже.

Что касается общего состояния литературы и роли писателя на данном этапе в нашей стране. Конечно, государство должно плодотворно взаимодействовать с писательским сообществом, если хочет видеть своих молодых граждан образованными и культурно развитыми, достойной сменой, способной отстоять страну в любых испытаниях истории. Вот только «обществу потребления», установка на которое была дана лет 10—15 назад, писатели не нужны вообще. Литература, если она настоящая, качественная, будит сознание, заставляет размышлять, а бизнес-сообщество ждет только от граждан постоянного потребления каких-либо товаров (еда, одежда, гаджеты и т.д.) и взятых кабальных кредитов. Отсюда следует и пониженный образовательный стандарт в школах (а потом удивляемся, что молодежь не читает, не знает истории и т.д.), и отсутствие профессии «писатель» (зачем акцентировать внимание общества, что такие «чудаки» есть? Пишут себе, и пусть пишут...), поэтому-то и «порублена связь между писателем и властью» (В. Бояринов — Московское отделение СПР). У кого-то из выступающих на съезде прозвучало, что основной вызов современности — это «революционная смена мировоззрений, что и используется творцами «цветных революций». На мой взгляд, очень верный вывод. На опережение кризисных ситуаций могли бы и работать писатели...

Приятно было прочитать, а собравшимся на съезде услышать о достижениях Курского отделения СПР, о тесной их связи с губернатором, городскими властями, о результатах их совместной работы. Но таких примеров — пока единицы. Хочется верить, что идет все-таки процесс осознания, движения нашей страны вверх по спирали истории. И именно качественная литература в состоянии помочь в этом.

Да, 3 марта был Всемирный День писателя. Об этом можно было прочитать только в литгазете, да еще в нашем издании «Крымские известия». Возможно, где-то на региональном уровне тоже вспомнили. И все!

21 марта — День Поэзии, объявленный ЮНЕСКО. Может, услышим с телеэкранов?

Всего доброго.

С уважением, Элина Рудая,
Республика Крым

«ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ И ВОДА НЕ ТЕЧЕТ»

Читаешь доклады руководителей СПР и публикации, посвященные 15-му съезду писателей России, и поражаешься. Неужели эти люди, обеленные сединами, выступающие на съезде и пишущие о нем, ослепли и не видят, что писатели сегодня не нужны никому, кроме себя любимых?

Даже на проведение съезда, как пишет А. Бобров в статье «На волне единодушия», не было выделено ни одной государственной копейки! Это говорит о многом.

С помощью средств массовой информации, и прежде всего телевидения, в нашей стране происходит очевидная дебилизация общества, сведение на нет роли писателей, культурной интеллигенции. А ведь еще совсем недавно писатели у нас считались «инженерами человеческих душ».

Неужели не понятно, что без государственной политической и финансовой поддержки Союз писателей России в дееспособном виде существовать просто не может, а руководство организации не способно вывести его из глубочайшей кризисной ситуации. Среди писателей постоянно идет грызня, ссоры по пустякам, столкновение уязвленных самолюбий. И движет этим гордыня, зависть и жадность.

При этом наболевшие проблемы литературы на протяжении десятилетий замалчиваются на всех уровнях.

Какова цель существования союза, если он практически не влияет на деятельность своих региональных отделений, не имеет своих издательств, постоянных источников дохода, средств массовой информации? В результате сегодня нет национально значимых писателей. Все местечковые. А могут ли талантливые и гениальные авторы сегодня пробиться на общероссийский уровень? К сожалению, нет. Литература становится «профессией в себе», страшно далекой от читателя.

На протяжении последних двух десятков лет писатели остро ощущают информационную блокаду, как в регионах, так и в центре. Возникает естественный вопрос, а кому это надо и зачем? Ответа нет. Глухие не слышат, а слепые не видят. Впрочем, они просто скорее всего имитируют глухоту и слепоту.

Странно слышать всхлипы о профессиональном союзе, когда произведения абсолютного большинства писателей издаются за их собственный счет и мизерными тиражами, а профессия писателя отсутствует в тарифно-квалификационном справочнике. На этом фоне, конечно же, мы великие профессионалы!!! Было бы смешно, если бы не было так грустно.

И в этой ситуации делегатами съезда поручено правлению произвести «обмен билетов и очищение рядов». Опять надвигается склока, взаимные претензии и раздоры. Вместо решения практических вопросов — «борьба с ведьмами». А судьи-то кто? По каким показателям будут оценивать прозаиков, поэтов и публицистов?

«Если из всех инструментов у тебя есть только молоток, то в каждой проблеме ты увидишь гвоздь», — говорил Марк Твен. Поэтому литературные гиены уже зашевелились и готовы рвать в клочья неугодных им конкурентов - писателей. А ведь Михаил Булгаков уже объяснял нам, что разруха живет не в сортирах, а в головах людей. Нужно работать и с уважением относиться друг к другу. А на вражде ничего хорошего не создашь. Считаю, что судьей писателю может быть только время и читатель.

Жизненный опыт подсказывает мне, что в сложившейся ситуации ждать каких — то серьезных изменений в лучшую сторону в деятельности нашего союза не приходится. Может быть я ошибаюсь — время покажет.

Евгений Трещев,
член Союза писателей России

ЗАМЕТКИ О МНОГОМ

В последние годы

«Из банка времени Вселенной
на жизнь мне ссуду дал банкир»
Г. З.

Хорошо себя цитировать, не нужно спрашивать ни у кого разрешения.

В последние годы ученые бьют тревогу, дескать, интеллект у населения планеты понижается и память ослабевает. Ничего нет в том удивительного, и даже аргументов для опровержения очевидного не находится. Такова плата за прогресс. Впрочем, статистика тоже не всесильна и не всегда дает всеобъемлющие данные, а только типа того: умный плюс дурак, в среднем полудурок. Но даже, если и так, то становится как-то неуютно от мысли, что человечество деградирует. Вирус равнодушия стирает программу главных человеческих ценностей. Как-то незаметно за недолгий срок знакомые тебе много лет люди вдруг превратились из добрых и отзывчивых в злых и завистливых. А всему виной:

Вирус равнодушия

Люди порой не сознают того, что во всех стихийных бедствиях они виноваты сами, так как позволили заразить свой ум и душу вирусом равнодушия и безразличия. С каждым годом этот вирус, противный природе человеческой, подвергается мутации силами зла. И если не остановить процесс разрушения нейронов и обезличивания, то в скором времени homo-sapiens превратится в зомби.

Забывая о том, что мы гости на планете Земля, большинство из нас ведут себя поскотски, разрушая и загрязняя вокруг себя все и вся. А потом еще удивляются и негодуют на то, что природа мстит обидчикам за насилие над ней.

Вместо того, чтобы покаяться и изменить свое отношение к природе, нашей матушке-кормилице, люди начинают искать виноватых везде и всюду. Это же проще, обвинять кого-то и что-то, чем в своих мозгах копаться, все ли там на месте. А там уже, увы, и ах! Материальные и нравственные ценности поменялись местами. А у некоторых уже получеловеков понятие о нравственности практически отсутствует. Поэтому основной принцип жизни такой особи — что хочу, то и ворочу, и никто мне не указ!

Деньги выше закона

Ничего нет удивительного в том, что когда есть деньги, то закон не страшен. А если денег огромное количество, то уже закон на службе у денежного мешка. Жаль мне российскую Фемиду. Над входом в здание Верховного суда РФ стоит она без повязки и меча. Когда согласовывали проект реконструкции здания, то в суде сказали главному архитектору проекта, что «**наша Фемида не может быть с закрытыми глазами, поскольку она все видит и все знает**». То есть древнегреческих канонов было решено не придерживаться. И на изумленный вопрос: а как же, собственно, беспристрастие? — архитектор невозмутимо пояснял вопрошающим: «**Если вы заметили, наша Фемида без меча, то есть никого не режет и не бьет**».

В свете последних судебных решений в деле «Оборонсервиса» мы воочию смогли убедиться в том, что в наших судебных органах слова не расходятся с делом.

Цена таланта

Бедное затрепанное и затасканное слово! Оно было в начале, ему и суждено завершить развитие человеческого общества. Слово — самое мощное оружие на Земле! Им можно убить и можно исцелить! Все зависит от того, в чьих руках (разрушителя или созидателя) находятся СМИ, министерства культуры и образования. Не следует сбрасывать со счетов и писательские союзы всех уровней. Литературные конкурсы, которые проводят собратья по перу с целью выявить в своей среде гения, всегда заканчиваются по заранее написанному сценарию. И призеры конкурсов, в основном, «свои люди», посторонние участники конкурсов в лучшем случае могут рассчитывать на дипломчик в электронном виде. Но бывают редкие случаи, когда пришлют и в бумажном виде.

Несколько лет назад я тоже принимала активное участие в различных литературных конкурсах. Но со временем поняла, что занятие это бесперспективное, так только, нервы пощекотать. Малоизвестному литератору тягаться с писателями и поэтами, награжденными за литературную деятельность орденами и медалями разного достоинства, конечно же, не по силам. Шансов 0,5 %. А приобрести эти медальки по цене моей ежемесячной пенсии, нет желания. Не настолько я тщеславна, чтобы жертвовать своим здоровьем ради мимолетного успеха. У вечности свои критерии в оценке таланта.

Остается только ждать и наблюдать. «Плетью обуха не перешибешь!»

О нынешних лауреатах

* * *

Память отлита в бронзе,
из чугуна пьедестал.
А не почил бы в бозе.
вряд ли бессмертным стал.

* * *

С утра сегодня на коне,
побыв вчера на муле.
Собой доволен он вполне
при нынешней культуре.

Ей на таланты наплевать —
коль есть пиар и бренды.
И графомановская рать
приносит дивиленды.

* * *

Бежит по склону лет
чужое вдохновение.
Чем ниже интеллект,
тем выше самомнение.

Поклонниц верных рать
с чужим воюет мнением,
«писаку», чтоб считать
непризнанным, но гением.

Галина Зеленкина,
г. Кодинск, Красноярский край

ИВАН, НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА...

«Электорату» — «профицит»
Строкой отдельной прописали.
«Трансферт» с «секвестром»,
Как санскрит,
В «медийном поле» заплутали...

Иван, наивная душа,
Мечтая быть к народу ближе,
Косноязычием греша,
Сам опускается все ниже...

Заморский слог без перевода
Заимствуя на русский лад,
Великий русский, Квазимодо,
Задушит...
И распнет, Пилат!

Александр Савостьянов

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

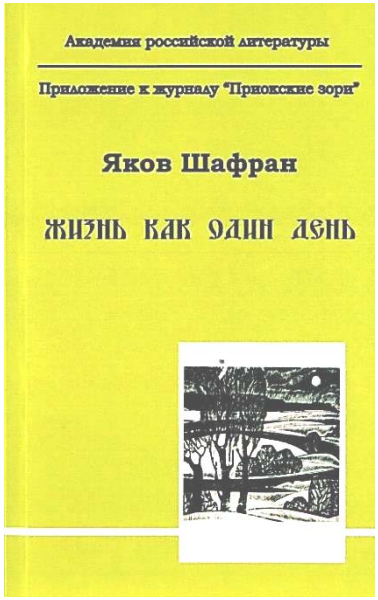
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

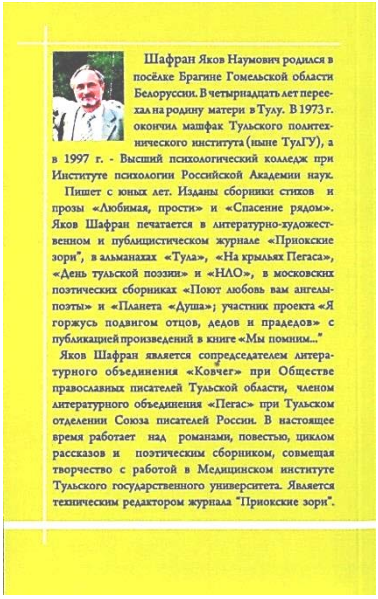
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2018.— № 2 (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

2. *Общеписательская* литературная газета.— 2018.— № 1—4.

3. *Северо-Муйские огни*.— 2017.— №№ 5(63), 6(64) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2017.— № 6 (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

5. *Огни над Биеи*.— 2018.— № 45 (опубликованы произведения Якова Шафрана и очерк Александра Субетто о творчестве Алексея Яшина).

6. *Север*.— 2018.— № 3+4 (опубликованы произведения Алексея Яшина).

7. *Тула*: Литературный альманах.— Тула: Аквариус, 2017.— 312 с.

8. *Алла Соколова*. Как жить среди людей?: рассказы (сатира, юмор).— Бийск: ИП В. Ф. Платонов, 2017.— 35 с.

9. *Тульское слово*. Сб. произв. тульских писателей.— Тула: Аквариус, 2017.— 340 с.

10. *На крыльях «Пегаса»*: Литературно-художественный альманах. Вып. 13.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2017.— 362 с.

11. *Николай Макаров*. Одной строкою козыряя (Кн. 2).— Тула: Изд-во «Промпилот», 2018.— 224 с.

12. *Николай Макаров*. Гвардейцы 51-го парашютно-десантного.— Тула: Изд.-во «Промпилот», 2018.— 259 с.

13. *Николай Макаров*. Афганцы Тулы. Книга вторая.— Тула: Изд.-во «Промпилот», 2018.— 364 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Сказки* пряничного города: Сб. произв. молодых авторов / Под ред. А. А. Яшина; составитель О. В. Чмыр.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.— 170 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 343 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Валерий Демидов*. Один час до Неба (религиозно-философская поэзия). В 2-х тт./ Предисл. А. Яшина.— Тула: «Полиграфинвест», 2017; Т. 1.— 336 с.; Т. 2.— 347 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Яков Шафран*. Ностальгия: стихотворения / Предисл. Е. И. Трещева.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 272 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *На лирической волне:* Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Вып. 2.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 108 с., ноты (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин*. Женщина в человейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори») — в печати.

7. *Николай Лесков.* Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе.— Тула: ООО «Аквариус», 2018.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Подарочное нумерованное издание, вручаемое лауреатам всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное специальное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2018-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

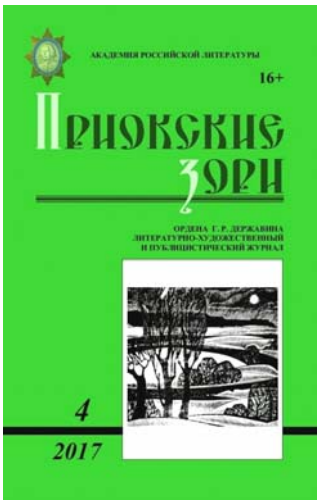
В добрый путь!

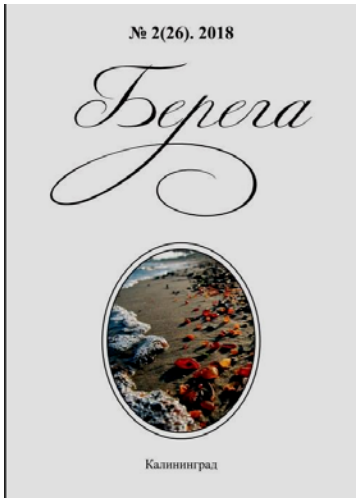
ФЭЙСБУК
Союз писателей России.
Официальная страница

https://www.facebook.com/groups/soyuzpisateleyros/

Григорий Шувалов

3 апреля на расширенном секретариате рассмотрены учредительные документы и просьбы издателей и редакций журналов «Приокские зори» (Тула) и «Берега» (Калининград) о сопричастности Союзу писателей России. Решением секретариата этим журналам разрешено в выходных данных указывать на то, что журналы выходят при содействии Союза писателей России. Соответствующие документы будут направлены главным редакторам изданий.





Григорий Шувалов

24 апреля состоялось очередное заседание секретариата Союза писателей России. Накануне пришло приятное известие от Минэкономразвития: ООО «Союз писателей России» признан социально ориентированной некоммерческой организацией и внесен в реестр министерства. Это позволяет в том числе нашим региональным организациям при участии в борьбе за гранты любых уровней указывать в документах эту принадлежность к СОНКО.

Кроме текущих решались вопросы представительства СП России на майской Книжной ярмарке в Санкт-Петербурге, на 100-летнем юбилее М. Н. Алексеева в Саратове, на торжествах в честь Б. Романова на Новгородчине. И. Т. Янин избран представителем Союза на предстоящее общее собрание МСПС.

Прозвучала информация о Четвертом совещании военных писателей, о поездке председателя СП России Н. Иванова в Курск. Определен состав делегации и сроки поездки Совета молодых литераторов на Саур-Могилу (ДНР) и в Краснодон (ЛНР) в рамках фестиваля «Донбасс — земля героев» для встреч со студентами этих республик. Участвовавший в работе секретариата главный редактор журнала «Москва» В. Артемов пригласил на летнее совещание молодых писателей Южного федерального округа, которое проводит его журнал в Вешенской. В ближайшее время он свяжется с руководителями наших региональных организаций ЮФО, чтобы определить количество семинаристов.

В адрес Союза писателей России пришел ответ начальника Департамента культуры и туризма Вологодской области В. Осиповского по поводу аренды помещения для Вологодской писательской организации, а также приглашение к писателям России участвовать в V Всероссийских Беловских чтениях «Белов. Вологда. Россия», которые состоятся в октябре 2018 года. Ответственный за программу участия — Г. В. Иванов.

На этой неделе в Посольстве РФ в Эстонской республике по инициативе секретаря СП России В. Илляшевича прошла встреча посла с членами эстонского отделения Союза. Результатом диалога стало приглашение Н. Ф. Иванова и С. А. Шаргунова на встречу с русскоязычными литераторами Эстонии.

Председатель правления Н. Иванов обратил внимание писателей, пишущих всевозможные запросы от имени как не существующих советов, так и самого Союза писателей России. Любые подобные обращения в любые инстанции, направленные в личном порядке без согласования с руководством Союза, не будут приниматься во внимание, какие бы ответы на них не приходили на адрес правления СП России.

Пресс-служба СП России

ПРЕСС-РЕЛИЗ
общего собрания Тульского отделения Союза писателей России

17 марта 2018 года состоялось очередное общее собрание Тульского отделения Союза писателей России. Оно было посвящено, в основном, итогам состоявшегося в Москве 15-го съезда Союза писателей России, на котором присутствовали делегаты от Тульского отделения Н. Жуков и В. Маслов, и отчетам о проделанной за год работе.

На собрании присутствовали и выступили Министр культуры Тульской области Т. В. Рыбкина и впервые приехавший на встречу с местными писателями со времен основания Тульского отделения Председатель правления СП России Н. Ф. Иванов, за что тульские писатели выразили ему искреннюю признательность.

С подробными отчетами о проделанной за год

работе выступили председатель отделения Н. Жуков, заместитель В. Маслов, ревизионная комиссия и члены правления отделения.

В свете новых требований при приеме в Союз писателей, когда три публикации в литературно-художественных журналах, относящихся к СП России или региональному отделению, приравниваются к одной книге, редакция журнала «Приокские зори» изъявила желание видеть в соучредителях эти организации. Был поднят вопрос о возрастном составе организации — Тульское отделение, при наличии нескольких ЛИТО, не имеет в своих рядах писателей моложе 35 лет. При этом намечены на ближайшее время мероприятия, которые позволят говорить о писателях-туляках в полный голос, порой в прямом и переносном смысле: в течение лета по средам в городских парках будет работать «Поэтический микрофон», готовится поэтический цикл, который будет прочитан авторами при прохождении «Бессмертного полка» 9 мая по центральной улице города, и т. д.

Председатель правления СП России Николай Иванов и министр культуры области Татьяна Рыбкина в рамках подготовки празднования 200-летия И. Тургенева обсудили возможность учреждения литературного конкурса «Бежин луг» и «Засечная черта».

Информация с сайта ТО СПР http://tro-spr.ru/page/3/

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ Н. Ф. ИВАНОВА НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СПР 17 марта 2018 года

В первых словах своего выступления Николай Федорович Иванов поблагодарил делегатов тульского писательского сообщества на съезде Союза писателей России, который прошел 15-го февраля в Москве, в Большом зале Центрального Дома литераторов. «Не будем кривить душой, съезд был достаточно сложным в морально психологическом плане,— сказал далее он.— Кандидатуры возникали одни, потом за ночь менялись, за сутки, когда делегаты уже ехали на съезд, возникала третья кандидатура... До последней секунды напряжение чувствовалось и в зале. Были призывы и действия, направленные на то, чтобы не признавать съезд. В частности, было письмо, где наряду с реальными подписями, стояли подписи людей, не дававших свое согласие...» Но литературная провинция России сказала: «Нет!», отметил выступающий, и с этим мнением осталась.

Затем Председатель правления СПР остановился на том, что в писательских организациях есть несколько общих вопросов и что сейчас предпринимаются шаги по их решению, по упорядочению работы. В связи с этим он выразил признательность своим предшественникам за многое, сделанное ранее, что позволило новому руководству начинать не с чистого листа. «Но, исходя из новых реалий, новых законов, мы обязаны продвигаться дальше и решать вновь назревшие задачи»,— сказал Николай Иванов.

Что это за задачи?

Преодоление раскола в ряде писательских организаций, когда создаются параллельные *региональные* структуры. Это не то же, что создание городских, поселковых писательских организаций в рамках одной региональной. Решение позволит установить четкую вертикаль управления, чтобы не потерять структуру. «Мы все люди разные, люди творческие, но мы не должны этого позволить и, несмотря ни на что, находить точки соприкосновения и вместе делать наше дело»,— сказал Николай Федорович.

Малое количество молодых членов СПР, всего 4 %. «Членство в Союзе — это, в первую очередь, показатель мастерства, показатель творческой личности!» — сказал Н. Ф. Иванов. Он отметил, что на съезд приехало 70 молодых писателей, заинтересованных в СПР, тянущихся к нему. Поэтому в рамках съезда был организован молодежный фестиваль, было проведено всероссийское Совещание молодых писателей. На данный момент создан Совет молодых литераторов России, и уже в 31-й региональной организации страны работают такие Советы. И у Тульской организации, исходя из такого количества имеющихся местных литературных объединений, есть силы создать такой Совет, собрать молодых, чтобы они всегда были рядом, чтобы они учились, перенимали творческий, административный и хозяйственный опыт, умение коллективной работы.

Смена членских билетов. Это необходимо опять же для упорядочения работы. Ибо в некоторых организациях стали выпускать билеты своего образца, вступать в Союз в других городах — не по месту проживания, или, выйдя из СПР, использовать билет для своих личных корыстных целей.

Разрешение правлению СПР рекомендовать региональным организациям принимать в свои члены местных молодых писателей без одобрения общего собрания членов РО, если они одобрены для приема в СПР на всероссийском Совещании молодых писателей России, на котором присутствовало не менее 3-х секретарей правления СПР.

Далее Николай Иванов рассказал о грядущих мероприятиях. Так, 2—5 мая в Москве, на Красной площади СПР даст возможность каждой региональной организации представить свою работу и книги своих членов. Также в начале сентября писатели приглашены участвовать в книжной ярмарке-выставке на ВДНХ.

«6 декабря 2018 года исполнится 60 лет Союзу писателей России. И я прошу руководство области,— обратился Председатель правления СПР к министру культуры Тульской области Рыбкиной Татьяне Вячеславовне, присутствующей на собрании,— отметить своих писателей-ветеранов в этот праздник. Мы, писатели России, в первую очередь со страной и своим народом! И мы ждем от тульских писателей хороших книг, произведений, хороших строчек во славу нашей малой родины и во славу нашего большого Отечества. Как сказал поэт Николай Дмитриев: «Мало ведь оставить детям отчество,— / Надо им оставить и Отечество». Дай Бог нам сил и возможностей!»

(Слова выступления переложены на бумагу с любительской аудиозаписи)

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В Туле 24 и 25 апреля 2018 года прошел Первый культурный форум Центрального федерального округа «ИмПульс культуры»

В ПРОГРАММЕ:

24 апреля, вторник

19.00—21.00	—	**Гала-спектакль «Князь Владимир. Красно Солнышко. Искание о князе Владимире» с участием И. Лиепы**

25 апреля, среда

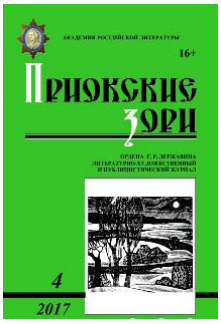
10.00—11.00	—	**Торжественное открытие форума «Роль культуры в современном мире»** **Пленарное заседание** *(Колонный зал Дворянского собрания, г. Тула, проспект Ленина, д. 44)*
11.00—13.30		**<u>Работа секций</u>**
Отв. Граб Е. В., Козлова Л. А.		**Секция 1. «Музей и его современный посетитель»** **Модератор:** *Трегулова З. И. — генеральный директор Государственной Третьяковской галереи*
Головина С. Н.		**Секция 2. «Танец и духовно-патриотическое воспитание молодежи»** Модератор: И. М. Лиепа, Народная артистка России Мастер-класс
Тимошенкова Т. В.		**Секция 3. «Современный кинематограф. Проблемы. Перспективы развития»** Модератор: Мерзликин А. И. — российский актер театра и кино, кинорежиссер, телеведущий
Козлова Л. А.		**Секция 4. «Современная проза и поэзия: имена, направления, тенденции»** Модератор: Бурляев Н. П., народный артист России
Тимошенкова Т. В.		**Секция 5: «Культурно-досуговые учреждения будущего»** *Модератор: Мельвиль Е. Х. руководитель ГАУК города Москвы «Культурный центр ЗИЛ».* *Дукачева Л. В. — заместитель директора ФГБУК «Государственный российский дом народного творчества им. В. Д. Поленова»*
Головина С. Н.		**Секция 6. «Классика — это класс!»** Модератор: Лаврик В. Е. — лауреат премии Президента России для молодых деятелей культуры
Головина С. Н.		**Секция 7. «Современная музыка. Попса и духовность»** Модератор: Кормухина О. Б. — заслуженная артистка России

Информация с сайта ТО СПР http://tro-spr.ru/page/3/

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Страница АРЛ на Фэйсбуке опубликовала информацию редакции всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов».

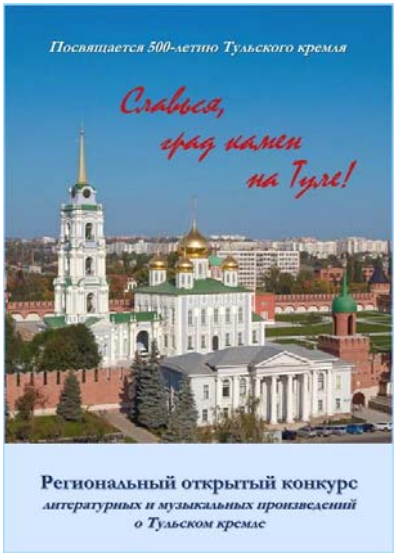
https://www.facebook.com/groups/1669434796653420/permalink/2029944153935814/



ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ "СЛАВЬСЯ ГРАД КАМЕН НА ТУЛЕ!"

Открытый региональный конкурс литературных и музыкальных произведений, посвященный 500-летию Тульского кремля (1520—2020)

ПОЛОЖЕНИЕ



Эмблема регионального конкурса «Славься, град камен на Туле!»:

http://a-v-belousov.narod.ru/

1.Общие положения

1.1. Региональный открытый конкурс «Славься, град камен на Туле!», посвященный 500-летию Тульского кремля (далее — Конкурс), проводится с целью издания сборника литературных и музыкальных произведений о Тульском кремле.

1.2. Конкурс имеет следующие основные цели и задачи:

— выявление и популяризация оригинальных художественных произведений о Тульском кремле;

— воспитание гражданственности, патриотизма, нравственности, любви к своей малой родине;

— обогащение репертуара профессиональных и самодеятельных коллективов и исполнителей.

1.3. Учредителями Конкурса являются:

редакция всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного публицистического журнала «Приокские зори» (главный редактор А. А. Яшин);

региональная общественная организация «Объединение тульских композиторов» (председатель А. В. Белоусов).

2. Порядок проведения конкурса

2.1. В Конкурсе принимают участие российские и зарубежные авторы не моложе 18 лет.

2.2. Конкурс проводится по следующим номинациям:

«Поэзия» (малые формы);

«Проза» (малые формы);

«Вокальная музыка» (песни, романсы);

«Инструментальная музыка» (пьесы для фортепиано, баяна (аккордеона), других музыкальных инструментов соло или в сопровождении фортепиано).

2.3. На Конкурс могут быть представлены как новые, так и опубликованные ранее оригинальные художественные произведения на русском языке, посвященные Тульскому кремлю и историческим событиям, связанным с ним.

2.4. Одним автором может быть представлено несколько произведений в разных номинациях.

2.5. Высылая материалы для участия в Конкурсе, автор дает согласие на обработку персональных данных, публикацию произведений на безвозмездной основе (без выплаты авторского гонорара), а также на размещение данных произведений в сети Интернет.

2.6. Требования к произведениям по номинациям.

«Поэзия»:

— стихотворения в формате MS Word, поля 2 см, шрифт «Times New Roman», кегль 12, интервал 1,15 — общий объем не более 6 страниц А4;

— краткая информация об авторе в формате MS Word.

«Проза»:

— произведения малой формы (рассказ, очерк, эссе и др.) в формате MS Word, поля 2 см, шрифт «Times New Roman», кегль 12, интервал 1,15 — каждое произведение объемом не более 4 страниц А4;

— краткая информация об авторе в формате MS Word.

«Вокальная музыка»:

— песни и романсы в сопровождении фортепиано (или баяна) в форматах PDF или TIFF, каждое произведение объемом не более 6 страниц;

— полный текст песни с указанием Ф.И.О. авторов и краткой информацией о них в формате MS Word;

— аудиозапись в формате mp3.

«Инструментальная музыка»:

— пьесы для фортепиано, баяна (аккордеона), других музыкальных инструментов соло или в сопровождении фортепиано, каждое произведение объемом не более 6 страниц;

— краткая информация об авторе в формате MS Word;

— аудиозапись в формате mp3.

2.7. Материалы для участия в Конкурсе принимаются с 15.03.2018 по 15.11.2019 по адресу:

tulstoronka@yandex.ru с пометкой «Конкурс».

Контактный телефон +7(910) 164 10 21.

2.8. Произведения, участвующие в Конкурсе, не рецензируются и не возвращаются.

3. Подведение итогов

3.1. Для подведения итогов Конкурса формируется Оргкомитет, в состав которого входят члены Союза писателей России, члены Союза композиторов России и региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов».

3.2. Произведения, поступившие на конкурс, по решению Оргкомитета могут быть рекомендованы для публикации в периодических изданиях: в журнале «Приокские зори», литературном альманахе «Ковчег», в музыкально-литературных альманахах «Тульская сторонка» и «На лирической волне».

3.3. Итоги Конкурса будут подведены не позднее декабря 2019 года и опубликованы на сайтах журнала «Приокские зори» и РОО «Объединение тульских композиторов».

3.4. Произведения, признанные лучшими в каждой номинации, будут опубликованы в итоговом литературно-музыкальном сборнике. Авторы данных произведений будут награждены дипломами и благодарственными письмами Оргкомитета Конкурса.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

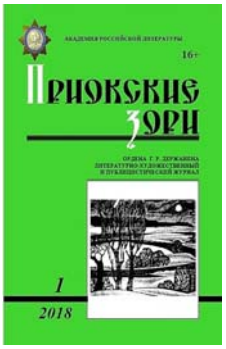
Предлагаем вашему вниманию обзор № 1/2018 Литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» (г. Тула). Главный редактор — Алексей ЯШИН. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь журнала — Яков ШАФРАН.

Напоминаем, что электронная версия журнала размещена на сайте «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» http://www.pz.tula.ru/

Правление Академии поздравляет коллектив журнала и авторов с новым изданием и желает дальнейших творческих успехов!

****

Информационная группа Академии РЛ



(Далее следуют 28 фотографий заглавных страниц публикаций авторов)

https://www.facebook.com/groups/1669434796653420/

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Страница АРЛ на Фэйсбуке опубликовала информацию о поздравлении Президентом АРЛ И. М. Нехамесом Алексея Афанасьевича Яшина — гл. редактора «Приокских зорь» с 70-летием и о награждении его Почетным знаком «За успехи в развитии многонациональной российской литературы» (см. ниже).

https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2051121228549050&set=pcb.2054695464794016&type=3&theater&ifg=1

«НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ» и «ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА»

21 апреля 2018 года в центральной городской библиотеке Тулы с успехом прошел музыкально-поэтический вечер, посвященный изданию альманахов «Тульская сторонка» и «На лирической волне». Исполнялись песни, романсы и стихи авторов, произведения которых опубликованы в последних выпусках этих периодических изданий. Учредители альманахов — всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» и Объединение тульских композиторов. На вечере присутствовал главный редактор журнала «Приокские зори», член Союза писателей России и Правления Академии российской литературы Алексей Афанасьевич Яшин.

Свои песни, романсы и стихи представили тульские композиторы и поэты И. Агибалова, Т. Крючкова, С. Седова, Н. Галыгин, И. Мацнева, Е. Карамушко, Д. Рыбников, А. Козлов, В. Смирнов, В. Буталова, Т. Медведева, О. Пантюхин, Г. Лялина, Л. Лебедева, В. Пинаевская, Л. Самойленко, О. Маматкулова, О. Нацаренус и др.

С электронной версией альманаха можно ознакомиться по адресу:
https://yadi.sk/d/2WWnWVZx3UWYwj

Формирование следующих выпусков альманахов завершится в июне, а их издание по плану в сентябре (альманах «Тульская сторонка» № 2) и в ноябре (альманах «На лирической волне» № 3). Авторы могут присылать свои произведения по электронным адресам: tulstoronka@yandex.ru lirvolna@yandex.ru

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
The Academy of Russian literature

121069 Российская Федерация Москва, Поварская ул. 52, оф. 24
тел. (495) 691 - 6341 e-mail: id_vg@mail.ru

Главному редактору журнала «Приокские Зори»
ЯШИНУ А.А.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Многоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Сердечно поздравляем Вас с 70-летием со дня рождения. Пусть в этот радостный день 6 мая у Вас будет не только прекрасное настроение, но и творческий запал, который будет совершенствовать Ваши организационные и литературные возможности по улучшению вашего детища – журнала «Приокские Зори».

За более чем 10 лет своего существования журнал стал заметным событием в литературной жизни не только Российской Федерации: его знают во всем мире – от библиотеки Конгресса США на Капитолийском холме до Национальной библиотеки Австралийского Союза. Я уже не говорю о том, что все выпуски журнала направляются в Государственную библиотеку Российской Федерации (Ленинка).

Мы в Академии российской литературы знаем Вас как плодовитого талантливого автора, который на ниве публицистики создал новый жанр литературы: опираясь на известные факты, творчески их осмысливая, пишет публицистические произведения высокой духовной направленности.

От себя лично и от имени членов правления Академии российской литературы и участников независимого литературного агентства «Московский Парнас» желаю Вам крепкого здоровья, неуспокоенности, творческого оптимизма и, самое главное, поддержки коллег по литературному ремеслу! Это продлит Ваш творческий интерес к жизни и будет способствовать реализации уже существующих замыслов на ниве литературы.

За многолетнюю творческую, подвижническую и организационную деятельность правление Академии российской литературы приняло решение наградить Вас Почетным знаком

«За успехи в развитии многонациональной российской литературы».

Вы первым из наших коллег-литераторов удостаиваетесь этой новой награды Академии российской литературы.

Нам радостно разделить с Вами это событие!

Президент Академии российской литературы И.М.Нехамес

24 апреля 2018 г.

К пожеланиям Президента АРЛ присоединяются члены редакции и редколлегии журнала «Приокские зори», а также многочисленные авторы и читатели журнала, поздравившие нашего главного редактора Алексея Афанасьевича Яшина, в том числе: Анатолий Аврутин, Валерий Демидов, Николай Тютюнник, Александр Сахаров, Вадимир Трусов, Владимир Корнилов, Виктор Буланичев, Любовь Самойленко, Валерий Акимов, Анатолий Коновалов, Евгений Трещев, Евгений Асташкин, Эд Побужанский, Игорь Карлов, Олег Сейко, Ольга и Наталья Артемовы, Галина Лялина, Федор Ошевнев, Валентина Пинаевская, Юрий Клеванец, Юрий Черняков, Леонид Иванов, Владимир Болдин, Елена Гаденова, Александр Конопля, Сергей Прохоров, Лариса Яшина, Николай Тимохин, Валерий Богушев, Ольга Борисова, Виталий Кузнецов, Татьяна Логинова, Людмила и Геннадий Авдеевы.

* * *

Алексей Афанасьевич к своему юбилею награжден Московской городской организацией СПР орденом Г. Р. Державина.

* * *

По итогам Самарского Регионального Литературного конкурса «Волжское слово» Ваш покорный слуга награжден Дипломом в номинации «Лучшая книга (поэзия)» за книгу «Легенды. Поэмы», изданную при поддержке Министерства культуры РФ. А также грамотой за публикацию «Революция. Октябрь. Есенин» в журнале «Приокские зори».

Слева направо: член жюри конкурса «Волжское слово» писатель, член СПР В. И. Плотников; председатель жюри конкурса «Волжское слово» председатель Самарской ГО РСПЛ, кандидат филолгических наук, дипломант Российского Фонда культуры, член РСПЛ А. В. Молько; дипломант конкурса, член РСПЛ С. А. Лебедев

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

♦ ***В издательстве Брестского Национального технического университета отдельной книгой вышла в свет монография профессора М. П. Жигаловой «Спешите медленнее жить... А. Ю. Аврутин: жизнь и творчество».*** Как сказано в аннотации, в монографии сделана попытка осмыслить жизненный и творческий путь А. Аврутина, раскрыть литературные связи и тематику, а через интерпретацию и анализ отдельных произведений показать национальный и международный колорит творчества, отметив его роль в консолидации мультикультурного социума и формировании философии жизни читателя.

В дидактическом разделе книги предложены методы и формы использования отдельных материалов на уроках и курсы факультативных занятий, сделан акцент на способах формирования и значимости духовных ценностей в современном образовательном социуме. Даны фрагменты результатов исследования по восприятию, осмыслению и переводу прочитанных произведений А. Аврутина учащимися, студентами и учителями.

В качестве рецензентов работы выступили известные ученые-профессора из Беларуси и Польши.

Выход в свет монографии профессора Марии Жигаловой — еще одно свидетельство значимости роли замечательного русского поэта Анатолия Аврутина в современном литературном процессе.

♦ ***В январе к 140-летию известного поэта, «духовного отца» нынешнего Пакистана Мухаммада Икбала в издательстве «У Никитских ворот» была издана моя вторая книга трилогии «Всевидящее око Поэта»*** (первая «Четки памяти», третья в печати, ее приурочат к 70-летию дипотношений). Презентации прошли в посольстве, Институте стран Азии и Африки, институте Востоковедения, библиотеке Некрасова… Частично перевели уже на английский и теперь на пушту (а в книге около ста стихотворений, десяток поэм и сборник лирики «Родники» с эпиграфами из произведений Икбала). Потом на Тайване прошла Международная конференция, на которой Геннадий был награжден хрустальным именным знаком за свою международную деятельность по гуманитарному сотрудничеству, а я отмечена главой китайского общества инноваций и изобретений доктором Ву Ку-Ченом за вторую книгу стихов и рассказов о Тайване «Страна, согретая любовью». Он финансировал дополнительный тираж, так как у тайванцев всплеск интереса к русской литературе. Очень любят Чехова. Даже издательство в Тайбее названо «Вишневый сад». Его организовал Цю Гуан, который

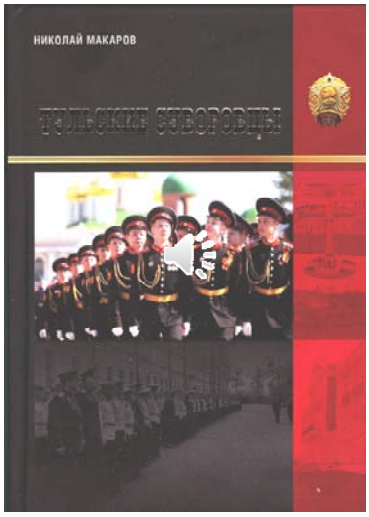
учился у нас в России и проводит лекции «Читаем Чехова вслух». Работает «Русский клуб», где отмечаются все наши праздники, в том числе и день Победы. Активно работают факультеты славянских языков и в первую очередь русского. Вот и мою книгу стала переводить молодая переводчица Чан Шин-Чие, окончившая аспирантуру. Она пишет рассказы и стихи, причем, на русском (присылает мне на правку очень трогательные рассказы о бездомных животных, о детях, которые многое видят глубже взрослых).

Прикладываю к письму несколько фото.

С уважением и добрыми пожеланиями,
Людмила Авдеева, 10 марта 2018 г.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ТУЛЬСКИЕ СУВОРОВЦЫ»

15.03.2018 в Тульской областной научной библиотеке и 22.04.2018 в Тульском суворовском военном училище прошла презентация книги «Тульские суворовцы» члена Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори» Макарова Николая Алексеевича.



НАМ ПИШУТ

ПЕСЧИНКА К ПЕСЧИНКЕ

Предлагаем читателям «ПЗ» первый материал из серии заметок постоянного автора журнала, члена нашей редколлегии, заведующего отделом международных связей Игоря Карлова, в настоящее время проживающего в городе Эль-Кувейт (Государство Кувейт). *Заметки Игоря Карлова не претендуют на всеохватность, стройность и последовательность изложения, они написаны человеком частным и отражают его субъективное мнение. Но, возможно, собранные вместе, они помогут читателю сформировать свое представление о Кувейте, как — песчинка к песчинке — из разрозненных крупинок складывается пустынный бархан.*

Кувейт

О Государстве Кувейт известно в нашей стране мало, поэтому непосредственные живые впечатления соотечественника, своими глазами увидевшего дальний берег Персидского залива, представляют несомненный интерес. Эмират Кувейт невелик по территории, но его роль в экономике, в международных делах, в событиях на Ближнем Востоке заметна. Достаточно прочны связи Кувейта с нашей страной. Эмир Кувейта был одним из первых зарубежных руководителей, поздравивших В. В. Путина с избранием на пост Президента России, действует межправительственная комиссия Россия-Кувейт, рассматривающая вопросы инвестирования зарубежных партнеров в экономику Российской Федерации, поддерживаются определенные связи между нашими странами в военной и культурной сферах. Однако, будем надеяться, пока мы лишь в начале пути. Давайте же внимательнее присмотримся к партнеру, с которым предстоит двигаться вместе. У него свой взгляд на мир, своеобразный характер, обоснованные амбиции, которые следует понимать и брать в расчет в любом деле — от заключения крупных международных контрактов до частной деловой поездки.

Иноверцы

Пасхальная служба

На Пасху 2018 года мы отправились в принадлежащий Антиохийскому патриархату православный храм, что в районе Сальва Эль-Кувейта.

Надо сказать, что вопросам религии в эмирате уделяется много внимания, но, конечно, эта религия — ислам. Трудно подсчитать, сколько мечетей в городе (и построенных в традиционном стиле, и демонстрирующих ультрасо-

временные тенденции в архитектуре); на городской набережной — одном из излюбленных мест прогулок кувейтян — небольшие кубические постройки с минаретом наверху встречаются чуть ли не через каждые пятьсот метров; любое общественное здание непременно оборудовано изрядным количеством молельных комнат. Таким образом, в каком бы месте не застал правоверного в Кувейте призыв муэдзина (а он, усиленный динамиками, доносится в XXI веке не только с устремленных в небо минаретов, но и из радиоприемников) совершить намаз, любой мусульманин сможет беспрепятственно. Однако велико количество верующих, которые предпочитают воссылать молитвы Всевышнему прямо под открытым небом, обратившись лицом в сторону Мекки и расстелив специальный коврик прямо на земле. В любом гостиничном номере найдется молельный коврик, приготовленный для постояльца, для него же заботливая администрация обязательно укажет стрелочкой на потолке, в какой стороне расположены мусульманские святыни.

Русская икона и арабская вязь

Итак, для исповедующих ислам в Кувейте созданы все условия, но вот находится в стране место, где и православный человек может преклонить колени, прикоснуться к своим святыням. И это, безусловно, вызывает признательность и уважение по отношению к проявляющим веротерпимость хозяевам, понимающим, сколь важно для каждого отправление религиозных обрядов, даже если они не похожи на обряды большинства населения.

А храм Антиохийского патриархата в районе Сальва действует в Кувейте не менее двух десятков лет и окормляет работающих здесь русских, белорусов, украинцев, сербов. Но основана и содержится церковь, конечно, не славянами, не столь уж многочисленными, а выходцами из арабских стран, где исповедуется христианство,— Сирии, Ливана, Египта... Именно представители диаспор из этих государств в основном и стали прихожанами небольшого храма, который, впрочем, за последние годы получил вместительную пристройку, соединив два земельных участка в тихом микрорайоне, застроенном исключительно виллами. Дело в том, что оба строения внешне никак не выделяются на фоне смежных домов: не имеют ни куполов, ни крестов, заметных для проходящих и проезжающих, хотя, разумеется, и соседи, и работники попыхивающей рядом химчистки знают, что здания эти имеют культовое назначение.

Знают об этом и представители властных структур, ибо в день Пасхи рядом с церковью дежурил полицейский автомобиль с выцветшим на обжигающем солнце бортовым номером — бдительность не помешает, ибо в спокойном и стабильном Кувейте никто не хочет повторения страшных событий, захлестнувших, к сожалению, многие страны региона. В воротах чоповцы — мужчина и женщина — с любезными улыбками производили пассы вокруг каждого входящего (не забыв, конечно, предварительно включить свои штатные металлоискатели). А за оградой, перед входом, двое уже вооруженных парней в униформе оливкового цвета расположились на принесенных церковным служкой пластиковых креслицах. Умилительная и символическая картина: автоматические винтовки М-16 приставлены к ноге, но схватить их не получится — у каждого стража порядка полные горсти расписных пасхальных яичек. Да и могло ли быть по-другому? Православные идут со службы, русские...

Во дворе кувейтской церкви

Наверняка, знают заветный адрес на Сальве и все православные в Кувейте, собирающиеся на свои требы в соответствии с тем календарем, которому следуют.

Наших соотечественников приглашают сюда в те дни, когда из соседнего Дубая приезжает русский батюшка, проводящий службы на родном нам языке. Тогда же приходят и остальные братья-славяне, ибо большую часть года службы идут по-арабски. Радушные хозяева храма открывают тогда ту часть церкви, которую называют «большим» или «новым» храмом, в отличие от менее вместительного «старого». Хотя... Какая уж тут «старина»! Сам Кувейт очень молодое государство, а уж история исповедания христианства в этом пустынном краю и того моложе. Впрочем, прогресс в деле веротерпимости здесь очевиден.

Никто из православных арабов не скрывает своей веры (хотя, понятное дело, и не демонстрирует нарочито), но, думается, большая часть христиан здесь все же не арабы, а временно проживающие в Кувейте и работающие по срочным контрактам иностранцы — европейцы, американцы, филиппинцы... Иногда в потоке иномарок можно заметить автомобиль, за лобовым стеклом которого подвешены четки с крестом, в общественных местах на груди у кого-нибудь из гуляющей публики нет-нет да и сверкнет крестик нательный. На культурных мероприятиях и светских раутах среди строгих костюмов, парадных мундиров, плащей арабских шейхов можно увидеть одеяния христианских священнослужителей: рясу православного батюшки (настоятеля уже упомянутого храма Антиохийского патриархата), или черный кафтан пастыря армянского прихода, окормляющего здесь солидную диаспору выходцев с Кавказа, или красную шапочку кардинала римско-католической церкви.

Дело в том, что между Кувейтом и Ватиканом установлены дипломатические отношения, так что над аравийской землей, землей пророка Мухаммеда, наряду с государственными флагами других стран развевается и желто-белый квадрат папского знамени.

И вот, глядя на священнослужителей различных конфессий, глядя на собравшихся во дворе православной церкви братьев во Христе, глядя на случайно встреченного в уличной суете прохожего, отмеченного христианским символом, невольно отождествляешь себя с ними и думаешь: «А ведь все мы здесь иноверцы».

Для представителя страны, где давно и глубоко укоренилась вера Христова, где православные составляют подавляющее большинство населения, это необычное ощущение, к которому привыкаешь не в один день. А привыкнув, перекладываешь новую для себя ситуацию на богоспасаемое Отечество и дивишься мудрости предков, у которых не было заведено ущемлять права иноверцев, даже когда они становились нашими компатриотами в результате войн, а прежде промышляли набегами да взиманием дани с русских. Очень это правильно и дальновидно — уважать иноверцев, уважая и всем сердцем любя свою веру.

НЕ ЗАБЫВАТЬ ПРОШЛОЕ
Обсуждение новых книг, «Приокских зорь» и «Апологии христианства»

В марте 2018г. московское ЛИТО «Вдохновение» провело очередную встречу с читателями в актовом зале библиотеки ЦСО Басманный ЦАО Москвы. В программе — информация о новых изданиях, обсуждение материалов журнала «Приокские зори», литературно-музыкальный концерт. Ведущая, руководитель студии, член СПР Людмила Евгеньевна Авдеева представила собравшимся коллективный **сборник «Заживо сожженные взывают к нам».** По материалам сборника в марте 2018 года в Доме национальностей состоялась многочасовая научная конференция, посвященная увековечиванию памяти 19 миллионов мирных жителей, заживо сожженных, расстрелянных, повешенных, загнанных в гетто, вывезенных на чужбину, погибших от голода на оккупированных территориях. Организаторами конференции выступили Фонд содействия созданию народного Монумента в память о геноциде мирного населения в годы 2-ой Мировой войны, Региональная организация «Бородино», Общероссийское движение «Россия православная», Ассамблея народов Евразии, Ассоциация международного сотрудничества, Комитет по празднованию знаменательных дат, возглавляемый Героем Советского Союза генерал-майором авиации С. М. Крамаренко. Основоположником движения выступил публицист, поэт, член СПР В.Т. Фомичев, создавший общество «Поле заживо сожженных». В 2014 году прошел первый Международный Форум, настоящее народное Вече о необходимости создания Монумента, равного памятникам в Бабьем Яру на Украине, и Хатыни в Белоруссии. Данная тема в течение ряда лет обсуждается на страницах газеты «Правда», где выступают с воспоминаниями очевидцы зверств нацистов, юристы, политологи, социологи и все неравнодушные люди, которым дорога правда и справедливость. В работе конференции приняли участие представители ветеранских, женских, молодежных, религиозных организаций, органов законодательной и исполнительной власти, представители СМИ, деятели науки, культуры, образования. В представленную на обсуждение коллективную Книгу Памяти вошли и материалы членов ЛИТО. Это две статьи Л. Авдеевой «Не поддаться беспамятству» и «Разрушить стену бездушия», и воспоминания В. Леонова, ребенком пережившего весь ужас оккупации на Смоленской земле. Оба автора выступили на конференции с докладами. Выслушав информацию, все собравшиеся на встрече поддержали общественную инициативу о необходимости установления народного Монумента памяти, чтобы новое поколение не стало Иванами, не помнящими родства.

Затем Л. Авдеева познакомила собравшихся с новым фундаментальным трудом главного редактора журнала «Приокские зори», заслуженного деятеля науки **А. А. Яшина «Апология христианства».** Объем тома вызвал у собравшихся возгласы уважения к энциклопедичности знаний ученого и писателя с мировым именем. Эти чувства еще более усилились, когда ведущая перечислила поднятые в книге темы. «Это нелегкая для чтения книга рассчитана на думающего, начитанного, серьезного читателя,— отметила Л. Авдеева,— так как автор поднимает глубинные пласты «первой любви России — православия», уделяет много внимания религии высшей социальной морали — Христианству, преемственности и противостоянию русскому православию канонических религий, детально рассматривая иудаизм, ислам, мировое масонство в свете нынешней глобализации. Интересны главы, где Яшин рассуждает о художественном творчестве как выражении идеалов христианской морали, обращаясь к творчеству почитаемого во всем мире Ф. Достоевского и к его роману «Идиот», сравнивая его с творчеством Л. Толстого, искавшего идеал истинной христианской любви. Рассматривает автор общность христианской и коммунистической морали,

считая морально нравственные идеалы христианства своеобразным «запором на дверях, у которых стоит Антихрист». Л. Авдеева подчеркнула, что необычная, талантливая книга Алексея Яшина ставит глубинные вопросы, заставляющие перечитать Библию, Ветхий и Новый Заветы, задуматься над событиями современной истории, вновь обратиться к великим произведениям русской классики. Она посоветовала обратиться на сайт, указанный в книге, чтобы приобрести «Апологию Христианства» и самим погрузиться в глубины мудрости.

Затем состоялось обсуждение материалов № 3 «Приокских зорь», приуроченных к 100-летию Великой Октябрьской революции. Под этой рубрикой напечатано продолжение романа-размышления А. Яшина «Катехизис идеалиста». Этот роман уже обсуждался на ЛИТО, но острые актуальные размышления о народовластии, многопартийной системе, западной демократии, геополитические проблемы, будущее России, мучающий всех вопрос о возможности третьей Мировой войны, снова нашли отклик в выступлениях студийцев А. Марковича, Е. Кузнецова, Б. Назарова. Отметив фантастическую творческую плодовитость ученого и писателя А. Яшина, политолог, д-р ист. наук Г. П. Авдеев сказал, что необходимо полностью согласиться с выводами автора. «Смены социально-экономических систем сопровождаются войнами, уже использованы все виды оружия от отравляющих газов до ядерного, химического, биологического, и сегодня самым действенным остается пропагандистское, идеологическое оружие, воздействующее на сознание, на психику, на неокрепшие умы, внедряя в них подсознательно потребительские инстинкты,— отметил Г. Авдеев.— А истинные мастера слова своим творчеством способствуют в этой масштабной информационной войне найти пути к переходу от общества вызовов и угроз к обществу знаний».

Выход ПЗ совпал и с 200-летием русского писателя А. К. Толстого, автора исторических романов «Князь Серебряный», «Петр Первый» и других. Последний романтик империи известен и как создатель Козьмы Пруткова с его неувядающими изречениями. А. К. Толстому принадлежат и стихи, ставшие известными романсами «Колокольчики мои», «Средь шумного бала». Интересная неординарная статья о писателе в колонке редактора, написанная В. Трусовым, привлекла внимание как студийцев, так и читателей в зале.

С обзором прозы номера выступила филолог Л. Генералова, отметившая широкую географию авторов и жанровое разнообразие. Действительно, в номере представлены писатели из разных городов России, из Белоруссии, Казахстана, Израиля, Кувейта, США. «В журнале много постоянных, хорошо известных авторов. Я же хочу выделить малоизвестных, но интересных прозаиков,— сказала выступающая и представила короткий рассказ «Поселок Переделкино» автора из Саратова М. Кириллова.— От описания современного состояния поселка и современной литературы, когда все меньше ярких имен, сжимается сердце»,— с грустью сказала она. В своем рассказе автор очень точно, лаконично описал историю поселка, уходящую вглубь веков, его процветание при поддержке советского государства, когда на дачах творили известнейшие поэты и прозаики, многие из которых сегодня забыты. Автор откровенно описал атмосферу забвения на мемориальном кладбище, где покоятся К. Чуковский, Пастернак, Фадеев и многие другие. Собравшимся также был рекомендован для чтения рассказ Л. Семенищенковой «Живая вода», в котором немало интересных фактов, своеобразных народных притч о А. К. Толстом, дополняющих колонку редактора и воспоминания об отце С. Крестьянкина «Библиотека отца». Кадровый военный, находясь в постоянных переездах, смог собрать для своих потомков прекрасную многотысячную библиотеку, десяткам старых книг вернул жизнь, починив их своими руками, оставив о себе добрую память. Знакомство с рассказом вызвало у присутствующих воспоминания о годах, когда книга была лучшим подарком, когда все от мала до велика знали творчество лучших представителей русской литературы.

Член ЛИТО Саид Каиров высказался о повести своего соотечественника из Казахстана Н. Тимохина, отметив, что повесть «Любовь до гроба» основана на реальных криминальных фактах современного мира. В основе сюжета убийство девушкой легкого поведения влюбленного юноши, что привело к трагической смерти и матери героя. «Поднимая острые проблемы морали, показывая, как бездуховность губит людей, приводит к преступлениям, изменам, предательствам, и даже к убийствам, автор заставляет о многом задуматься,— заключил свое выступление Саид.

В разделе поэзии «ПЗ» на этот раз внимание привлекла подборка стихов военной и социальной тематики В. Демидова, заинтересовала лирика Л. Шишко, молодой поэтессы из Белоруссии, стихи «зимней» тематики С. Редкова. Интересная дискуссия развернулась вокруг публикации стихов Ольги Фокиной из Иркутской области. Член СПР, старейшина ЛИТО, 90-летняя поэт и прозаик Н. Е. Кругликова отметила, что «полная идентичность имени и фамилии молодого автора с широко известной, любимой читателями, талантливой поэтессой с Вологодчины ко многому обязывает. И хотя перед подборкой перечислены разные конкурсы, в которых принимала участие иркутская Фокина, и десятки журнальных публикаций, в основном, в малоизвестных широкому читателю журналах, но, не в обиду сказано начинающему автору, не имеющему еще даже авторских книг, при таких совпадениях надо брать либо псевдоним, либо двойную фамилию». С этим согласились практически все, так как, прочитав в содержании имя Ольги Фокиной, многие были уверены, что прочтут стихи вологодской поэтессы, Лауреата государственных премий РСФСР и России, чей поэтический язык неординарен, творчество тематически и философски разнообразно, а мелодичные стихи превращаются в песни, которые продолжают звучать. Не отрицая одаренности иркутской Фокиной, желая ей творческих успехов, принявшие участие в неожиданной дискуссии сошлись на том, что есть еще некие морально-этические неписанные нормы, чтобы избежать недоумений и неожиданностей.

Заканчивая обзор «Приокских зорь», Людмила Авдеева познакомила с публикациями раздела литературной критики и хроникой литературной жизни, в которой собравшиеся отметили ее информационные материалы международной тематики. Читатели попросили на следующей встрече познакомить с новыми книгами автора, изданными в серии «Восточный калейдоскоп», посвященными 140-летию классика Востока М. Икбала «Всевидящее око поэта», и книгой стихов и рассказов «Страна, согретая любовью», посвященной Тайваню.

В концертной литературно-музыкальной программе ЛИТО «Вдохновение» с лирическими стихами выступили И. Антонова, Т. Минаева, Н. Орлова, О. Астафьева. Бард В. Медведев спел цикл новых песен, а артист театра и кино Е. Кузнецов прочитал стихи поэтов военного поколения. Л. Авдеева прочитала отрывки из своих поэм «Без срока давности» и «Реквием по сожженным деревням», а В. Леонов — Балладу, посвященную П. Бычкову, единственному живому свидетелю сожжения нацистами деревни Борьба вместе с жителями в Смоленской области. Эти произведения авторы готовятся прочитать на очередном Форуме Памяти жертв геноцида нацизма на оккупированных территориях в годы ВОВ, который состоится в ГД в мае.

Людмила Авдеева,
руководитель ЛИТО «Вдохновение»,
член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
Российского Союза ветеранов Афганистана

КРИК ДУШИ

Заметки, вроде бы, без повода,
Но, вроде бы, и по поводу…

Честно говоря, не очень-то и хотелось браться за перо. Склочная это тема — критику наводить. Да и не моя это ипостась — что-либо или кого-либо разбирать, перемывать косточки.

Но как тут не удержаться: новая власть в Союзе писателей, новые веяния, новые, так сказать, персонажи.

С чего начать?

Старое разрушить, а потом…

Потом появилось «Тульское слово», где не нашлось места ни Ходулину, ни Крестьянкину.

Нам, оказалось, не хватало газетенок уровня колхозной стенгазеты от «Тулы литературной» до «Тульского литератора»? Давай сборник выдумаем-придумаем такой-сякой. И придумали-учудили.

А «Иван-Озеро» и вовсе — не название, устарело. Мало того, что с этого Озера (Озеро — с большой буквы) начинается наша великая русская река, мало того, что название сборника взяли наши старшие товарищи и не нам, их последователям, глумиться над священным для каждого туляка названием.

И главное в этом крике души: не забывайте, так называемые «знатоки человеческих душ», что не только в начале было Слово, но слово было и на пресловутом заборе...

Николай Макаров

♦ ***Уважаемый Алексей Афанасьевич!***

Благодарим Вас за предоставленный музею-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» электронный вариант журнала «Приокские зори» за 2017 г. Информация будет храниться в научной библиотеке и использоваться по мере требования.

С наилучшими пожеланиями и уважением
научный сотрудник отдела книжных фондов
Лапина Л. Н.

О «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ» И «КОВЧЕГЕ»
https://vk.com/wall-155249790_25

Сегодня с книжной полки в руки попали периодические издания «Приокские зори» и альманах «Ковчег». Изначально издания позиционировались как региональные, но сейчас, конечно, уже преодолели любые территориальные границы и приступило к цифровой колонизации. Появление кибермозга и невероятные маршруты, по которым разбрелись по миру все те, для кого словосочетание «Приокские зори» не просто очередной симулякр, а нечто приближающееся к понятию национальной идеи (несмотря на региональную колыбель), просто не оставляют шанса явлению оставаться местечковым. И это хорошо: во-первых, литература не должна ютиться в ограниченном периметре, а во-вторых, это важная отдушина для многих людей — где бы ни находились и чем бы ни занимались, но причаститься зарей над Русской равниной смогут всегда. Это плод творческой и издательской работы многих замечательных людей, с некоторыми из которых я знаком, они любимы и уважаемы.

Кирилл Карлов, г. Москва,
разместил информацию на стене
«В Контакте»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 —— полужирный.

4) ниже под фотографией шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3…4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора — выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

Ирина Николаевна Кедрова

С прискорбием сообщаем, что ушла из жизни известный российский писатель — прозаик и драматург, член Союза писателей России, Академии российской литературы, доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета Ирина Николаевна КЕДРОВА.

Ирина Николаевна автор книг: «Как живёшь, женщина?», «Пьесы», «Жизненный круг», «Посланник, душа и ведьма», «Облака моей любви», «Девять жизней», «Войной украденная юность», «Берегиня — душа избранная». Дипломант международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции», литературного конкурса «Золотой диплом».

Осуществляя вдохновенную творческую деятельность, Ирина Николаевна являлась активным автором литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и альманаха «Московский Парнас», состояла в редколлегиях обоих изданий, печаталась во многих выпусках альманаха «Ковчег», была зав. отделом журнала «Приокские зори».

Многогранный талант Ирины Николаевны, глубокий гуманизм и человечность навсегда останутся в сердцах читателей и коллег.

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори», Правление, коллектив Академии российской литературы, редакционный совет альманаха «Ковчег» и друзья литератора глубоко скорбят и выражают соболезнование родным и близким Ирины Николаевны.

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

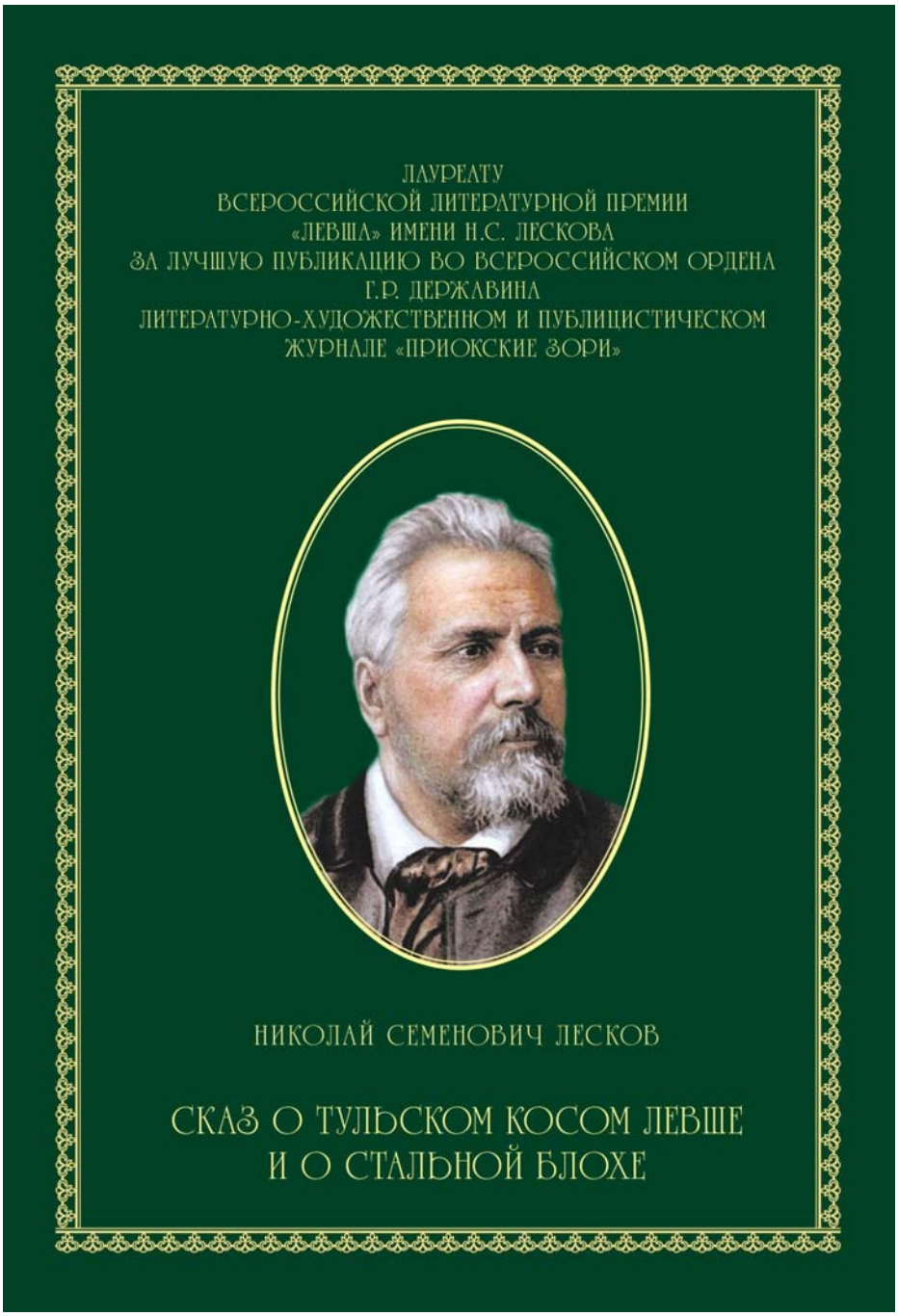
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2018
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

ПОПОЛНЕНИЕ НАГРАДНОЙ СИМВОЛИКИ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА: ПОДАРОЧНОЕ НУМЕРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ СКАЗА НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА



ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ИВАНОВ В ГОСТЯХ У ТУЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Николай Иванов с членами редколлегии и редакции журнала «Приокские зори», его авторами и читателями

Николай Иванов выступает на собрании Тульской региональной организации Союза писателей России; справа — министр культуры Тульской области Татьяна Вячеславовна Рыбкина